

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

2009
ISSN 1683-6537

Научный рецензируемый журнал

Учредитель — Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован в Министерстве информации и печати
Республики Татарстан 5 января 1995 года. Регистрационный № 380

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 09.00.00 (философские науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки), 17.00.00 (искусствоведение), 23.00.00 (политические науки)

Главный редактор — президент АН РТ академик **А.М.Мазгаров**

Зам. главного редактора — академик **М.А.Усманов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь —
гл. редактор издательства «Фэн» АН РТ, к.и.н. **Б.Л.Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н. (Казань),
Бальдауф Ингеборг (Германия),
Васильев Д.Д. (Москва),
Вашари Иштван (Венгрия),
Ганиев Ф.А. (Казань),
Девлет Надир (Турция),
Загидуллин И.К. (Казань),
Кляшторный С.Г. (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М. (Казань),
Мухаметшин Р.М. (Казань),
Мухаметшина Р.Ф. (Казань),
Трепавлов В.В. (Москва),
Хакимов Р.С. (Казань),
Шамильоглу Юлай (США),
Ягудин Ш.Ш. (Казань).

Корректор

Г.Д. Исмаилова

Переводчик

И.Ж. Салахов

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор — 292-40-34.

Зам. гл. редактора — 292-79-39.

Ответ. секретарь — 292-15-64.

e-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 25.06.2009.

Формат 70x108 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 16,50. Усл. печ. л. 23,10.

Тираж 500 экз.

Заказ 03-09/01-3.

Издательство

«Центр инновационных технологий».

420108, г.Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-05-61

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2009

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2009

АРХЕОЛОГИЯ

- 6 **Белавин А.М., Крыласова Н.Б.**
Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афула) в Пермском крае
- 21 **Большов С.В.**
Хронологическое соотношение абашевской, атликасинской и балановской культур
- 27 **Кряжевских А.Л.**
Исследования Л.П. Гуссаковского в древнерусских городских центрах Вятской земли
- 33 **Лычагина Е.Л., Выборнов А.А.**
К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры
- 37 **Набиуллин Н.Г.**
Город Джукетау: итоги и перспективы археологических исследований, проблема сохранения
- 49 **Нигаматов А.З.**
Население Восточного Предкамья в домонгольскую эпоху (к вопросу о времени проникновения постломоватовского населения)
- 65 **Пигарев Е.М.**
Раскопки 2004 г. на Больничном бугре Селитренного городища (к проблеме существования Сарая на постордынском пространстве)
- 79 **Ситдиков А.Г.**
К вопросу об этническом составе населения средневековой Казани
- 91 **Соловьев Б.С.**
Сейминско-турбинская проблема
- 103 **Шакиров З.Г., Валиев Р.Р.**
Новые археологические данные об освоении Свяжского острова в эпоху средневековья
- 112 **Шакирова А.И.**
Туристический потенциал историко-археологических объектов Республики Татарстан

ИСТОРИЯ

- 118 **Багаутдинов Ф.Н.**
Человек великого времени – Шакир Мухамедьяров
- 122 **Галлямова А.Г.**
Советский период в истории татар и Татарстана

СОДЕРЖАНИЕ

- 132 *Давлетшин Г.М.*
Этапы письменности тюрко-татар (на основе археологических материалов)
- 146 *Загидуллин И.К.*
Деятельность Р.Фахреддина в Оренбургском магометанском духовном собрании (1891–1906 гг.)
- 159 *Кабирова А.Ш.*
Влияние властных структур на массовое сознание населения в Татарстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)
- 168 *Муллагалиев Р.М.*
Татарские крестьянские общины и местная администрация Казанской губернии в пореформенный период: проблема сбора государственных налогов
- 180 *Нугманова Г.Г.*
Ориентализм в социо-культурном пространстве Российской империи: читая Эдварда В.Саида
- 186 *Почекаев Р.Ю.*
Торговцы и государство в тюрко-монгольских ханствах XIII–XVII вв.
- 198 *Саматова Ч.Х.*
Руководство Казанского учебного округа и открытие русско-татарских училищ и русских классов при мектебах и медресе (1870–1905 гг.)
- 211 *Свердлова Л.М.*
Основные формы накопления капитала в среде Казанского купечества
- 222 *Файзрахманов И.З.*
Татарский след на берегах Невы: из истории строительства Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII в.
- 234 *Хузин Ф.Ш.*
Волжская Булгария и Древняя Русь: к оценке характера военно-политических связей в X – начале XIII вв.

ПЕРСОНАЛИИ

242 Свиток мудреца

247 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ARCHEOLOGY

- 6 **Belavin A.M., Krylasova N.B.**
Main Results of Investigation of Rozhdestvenskiy Archeological Complex (Afkula Town) in Permskiy Krai
- 21 **Bolshov S.V.**
Chronological Correlation of Abashev, Atlikasin and Balanov Cultures
- 27 **Kryazhevskikh A.L.**
Research Works of L.P.Gussakovskiy in Ancient Russian City Centers of Vyatka Land
- 33 **Lychagina Y.L. Vybornov A.A.**
To the Issue on Origin and Chronology of Novoilynskiy Eneolithic Culture
- 37 **Nabiullin N.G.**
Dzhuketau City: Results and Prospect of Archeological Research, Protection Problem
- 49 **Nigamayev A.Z.**
Population of Eastern Pre-Kama Region in Pre-Mongolian Period (Issue on the Period of Entrance of Post-Lomatovo Population)
- 65 **Pigarev Y.M.**
Archeological Dig of 2004 at «Bolnichnyi Bugor» in «Selitrennyi» Site (Issue on Existance of Saray on Post-Horde Field)
- 79 **Sitdikov A.G.**
Issue on Ethnic complement of Medieval Kazan Population
- 91 **Solovyev B.S.**
Seimino and Turbino Problem
- 103 **Shakirov Z.G., Valiev R.R.**
New Archeological Data of Developing Sviyazhsk Island in the Middle Ages
- 112 **Shakirova A.I.**
Tourist Potential of Historic and Archeological Objects of the Republic of Tatarstan

HISTORY

- 118 **Bagautdinov F.N.**
Man of Great Time – Shakir Mukhamedyarov
- 122 **Gallyamova A.G.**
Soviet Period in the History of Tatars and Tatarstan
- 132 **Davletshin G.M.**
Stages of Turk-Tatar Written Language (Basing on Archeological Remains)

- 146 **Zagidullin I.K.**
Activity of R.Fakhretdin in Orenburg Muhammadan Religious Assembly (1891–1906)
- 159 **Kabirova A.Sh.**
Influence of Government Bodies on the Collective Consciousness of the Population in Tatarstan during the Great Patriotic War (1941–1945)
- 168 **Mullagaliev R.M.**
Tatar Peasant Communities and Local Authorities of Kazan Province in Post-Reform Period: Problem of State Tax Collection
- 180 **Nugmanova G.G.**
Orientalism in Socio-Cultural Field of Russian Empire: Reading Edvard V. Said
- 186 **Pochekayev R.Y.**
Merchants and Authorities in Turk-Mongol States of 13th – 14th centuries
- 198 **Samatova Ch.Kh.**
Authorities of Kazan Educational District and Organization of Russian-Tatar Schools and Russian Courses at the «Mektebs» and «Medresas» (1870–1905)
- 211 **Sverdlova L.M.**
Main Forms of Accumulation of Capital among Kazan Merchants
- 222 **Faizrakhmanov I.Z.**
Tatars Traces on the Banks of Neva River: from the History of Building Saint Petersburg in the First Quarter of 18th Century
- 234 **Khuzin F.Sh.**
Volga Bulgaria and Ancient Russia: Military-Political Relations in the 10th – Early 13th Centuries

PERSONALITIES

- 242 Scroll of a Wise Man

- 247 LIFE CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

УДК 902; 904

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (ГОРОД АФКУЛА) В ПЕРМСКОМ КРАЕ

*А.М. Белавин, доктор исторических наук, профессор;
Н.Б. Крыласова, доктор исторических наук, профессор*

Рождественский археологический комплекс занимает несколько выступов коренного левого берега р. Обва (высотой от 30 до 4 м над рекой), правого притока р. Кама, в 1300–1900 м к юго-западу от центра с. Рождественск (Рождественское) Карагайского района Пермского края. Комплекс включает Филипповское (малое) и Рождественское (большое) средневековые городища, неукрепленный посад, мусульманский домонгольский могильник и обособленный от него средневековый языческий некрополь. В состав комплекса включается и Волгинское святилище (клад), находившееся в 3,5 км к северо-западу от Рождественского городища в верховьях ручья Лаштовка, левого притока р. Обва.

Рождественское городище получило название по упомянутому с. Рождественск; второе наименование городища – Постанововское – происходит от починка (позже деревни) Постановово, расположенного с последней трети XVIII в. до середины XX в. в 300–500 м от восточной оконечности вала городища. Деревенскими постройками причинен значительный ущерб языческому некрополю, находящемуся на этом месте. Филипповское городище получило свое наименование по д. Филипповой, существовавшей до 1990-х гг. в 1 км к западу от указанного городища. Волгинское святилище (клад) именуется и по ныне жилой д. Волгиной, около которой найден клад 1851 г.

Центр комплекса составляет Рождественское городище – одно из крупнейших средневековых городищ Пермского края. Размеры его площадки: 256 м по краю обрыва, 141 м от края обрыва до вала. Площадь территории, ограниченной валом с севера, «Шиловским» логом с запада и «Постановским» логом с востока, составляет более 36 тыс. кв. м, а с учетом площади вала – 38 тыс. кв. м (3,8 га). Площадка имеет перегиб, который делит ее на восточный и западный склоны, и горизонт обзора с любого края площадки ограничен этим перегибом, полностью площадку можно обозревать лишь с центральной, наивысшей точки вала. Ширина вала от 6 до 12 м в основании, высота в центральной, наиболее хорошо сохранившейся части, 3,7 м с напольной стороны и 1,8 м со стороны площадки. Рва вдоль большей части вала не наблюдается, заметен он только у западной оконечности вала.

Филипповское городище расположено непосредственно за «Шиловским» логом. Высота площадки над уровнем р. Обвы 32–35 м, с севера и юга площадка ограничена логами, с запада укреплен рвом и валом, южный конец которого срезан для прохода на городище сельскохозяйственной техники и животных. Длина сохранившейся части вала около 35 м, в центре имеется древний проход шириной до 2,5 – «ворота», которые описывали все, кто осматривал это городище. Южный и особенно вос-

точный края площадки постоянно подмываются р. Обвой и имеют сильные обрушения. Площадь городища вместе с валом и рвом составляла в 1990 г. около 6 тыс. кв. м.

За восточным «Постаноговским» логом Рождественского городища уступ коренного берега плавно изгибается к северу, образуя три мыса, разделенных небольшими логами. На примыкающем к городищу мысу находится мусульманский могильник, на третьем — языческий некрополь комплекса.

Важным отличием комплекса от основной массы средневековых городищ и даже комплексов (например, Редикарский), является его трехчленность: детинец (цитадель) — укрепленный город — неукрепленный посад (рис. 1). Подобная планировка средневековых городов хорошо известна в Волго-Камье. По две укрепленные площадки и неукрепленную часть имеют Николо-Райское, Зеленовское, Якимово-Стрелкинское, Чуру-Барышевское и ряд других городищ Волжской Булгарии. С точки зрения специалиста в области фортификации Волжской Булгарии А.М. Губайдуллина, укрепленная часть Рождественского комплекса, состоящая из двух укрепленных площадок, принадлежит к весьма распространенному типу сложномысовых и сложных городищ Волжской Булгарии. Подобная схема известна и на Руси. Так, с двух укрепленных площадок (позже известных как Кром и Средний город) начиналась история Старой Рязани, так же изначально выглядели Туров, Новогрудок и другие города и городки Руси.

Достаточно велики размеры жилой части комплекса — более 70 тыс. кв. м (не считая площади незаселенного Шиловского лога, разделяющего Филипповское и Рождественское городища). По площади Рождественский комплекс — наиболее значительный поселенческий объект средневекового Предуралья. Безусловно, величина обитаемой части поселения явно выделяла его из массы синхронных поселений в

глазах современников. Сопоставимым по размеру комплексом является только Чердынский, включающий Вятское и Троицкое городища.

Археологический комплекс у с. Рождественское играет важную роль в современной жизни Карагайского района. Это один из наиболее заметных археологических объектов в районе, давно ставший местом экскурсий, объектом краеведческой деятельности, местом отдыха жителей не только села, но и всего района.

Первое развернутое описание Рождественского археологического комплекса дал российский путешественник капитан Н.П. Рычков, который в 1770 г. осмотрел и описал Рождественское и Филипповское городища и Рождественский (языческий) могильник, а также находки с них¹. Фактически именно он является первооткрывателем памятника.

В 1848 г. памятники у с. Рождественского осматривал учитель Соликамского уездного училища И. Любимов, выполняя поручение директора Пермских училищ И.Ф. Грацинского и профессора Казанского университета Н.А. Иванова по поиску «чудских» поселений.

Во второй половине XIX — начале XX вв. городища и могильники комплекса неоднократно осматривались отцом и сыном Теплоуховыми — известными прикамскими историками, археологами, собирателями крупнейшей в России частной коллекции «чудских древностей», и их помощниками — местными служителями.

В 1897 г. председатель Пермской ученой архивной комиссии и Пермской комиссии УОЛЕ Н.Н. Новокрешенных произвел раскопки могильника, выявленного Г.А. Вологодиным за гумном д. Постаногово у восточной окраины вала Рождественского городища. Было исследовано 14 погребений. Ф.А. Теплоуховым, посетившим раскопки, самим Н.Н. Новокрешенных, а позже А.А. Спицыным эти погребения были расценены как совершенные по мусульманскому обряду².

В 1949 г. студенты исторического факультета Пермского госуниверситета В.А. Оборин и В.П. Денисов в ходе глобальной разведки по территории Пермской (Молотовской) области осмотрели памятники, входящие в состав комплекса, составили его глазомерный план, произвели зачистку обнажений, собрали подъемный материал. Результаты разведки и большая часть материалов из коллекции Теплоуховых, относящихся к Рождественскому комплексу, в 1953 г. были опубликованы В.А. Обориным³. Датировка Рождественского комплекса, по мнению В.А. Оборина, была такова: Рождественское городище существовало в конце XII—XIV вв., могильник в VI—IX и X—XIV вв., причем, по мнению Оборина, основная масса вещей с могильника относится к XII—XIV вв.⁴ Сохранность городища была определена как крайне плохая, а могильник — как практически уничтоженный.

К середине XX в. Рождественский археологический комплекс был признан эталонным для Прикамской археологии эпохи средневековья. В.А. Оборин при характеристике родановской культуры один из ее этапов наименовал «рождественским». Однако регулярные археологические исследования на нем начались только в 1980—1990-х гг.

В 1981 г. раскопки Рождественского городища были предприняты доцентом Пермского государственного университета Ю.А. Поляковым. На городище было заложено три раскопа, траншеей метровой ширины прорезан вал. Раскопками изучено 14 ям различного назначения, в одной из которых располагался болгарский гончарный горн. В ходе раскопок собрана довольно представительная коллекция древностей, основную массу которых составила болгарская гончарная керамика.

Позже к работам на памятнике приступила Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГПУ. В 1985 и 1990—1993 гг. работы на городище производились А.М. Белавиным, в 1997 г. — Н.Б. Крыласовой. В целом на Рождественском городище вскрыто 2450 кв. м.

Раскопы располагались, главным образом, по краю обрыва, что преследовало спасательные цели, т.к. берег активно разрушается. Здесь изучено два гончарных горна, остатки косторезной мастерской, расположенной в землянке, вход в подземный лаз (ход), несколько крупных ям-кладовок, несколько наземных жилищ и т.п. Среди материалов, полученных с данной части городища, имеются обломки тиглей, керамические ложки-льяхи, литейные формы и бракованные бронзовые изделия, что свидетельствует о существовании здесь и бронзолитейных мастерских. Обнаружены также бракованные бусины и крупный кусок стеклянной пасты, что подтверждает наличие стеклодельного ремесла.

В 1991 г. был еще раз исследован вал Рождественского городища и небольшая часть площадки перед валом. На этом раскопе выявлены остатки третьего гончарного горна в небольшом наземном сооружении — гончарной мастерской, расположенной у вала со стороны площадки городища. За валом ров не фиксируется — здесь находился неукрепленный посад с довольно мощным культурным слоем. Таким образом, вероятно, внутри городища располагались наиболее ценные для его обитателей мастерские, кладовые и т.п., а жилые сооружения были в основном вынесены за пределы укреплений.

Весной 1990 г. в обрыве мыса, примыкавшего к восточному (Постаноговскому) логу было обнаружено обнажившееся погребение с хорошо сохранившимся костяком, и под руководством Н.Б. Крыласовой было продолжено изучение мусульманского могильника, начатое еще Н.Н. Новокрещенных. В 1990—1991 гг. вскрыто 11 погребений, совершенных с соблюдением кыблы. В 1990 г. на территории б.д. Постанового в 500 м восточнее городища было обнаружено скопление бронзовых украшений и фрагменты человеческого черепа, и, таким образом, выявлена неразрушенная часть могильника, погребения в котором совершены

по языческому обряду. Здесь в 1990–1993, 1997 г. вскрыто 550 кв. м, изучено 100 погребений X–XI вв. В 1997 г. в 200 м к СЗ от раскопа I на пашне и полевой дороге были обнаружены фрагменты костей, железные предметы, бусы и бронзовые украшения, свидетельствовавшие о том, что границы могильника значительно шире, чем предполагалось ранее. На месте наибольшего скопления подъемного материала был заложен раскоп площадью 20 кв. м, материалы которого позволили датировать данную часть могильника более поздним временем – XII–XIII вв.

Площадь Рождественского языческого некрополя X–XIII вв. составляет, таким образом, около 3,5 га. С учетом плотности размещения захоронений (около 4 кв. м на погребение) можно думать, что здесь было погребено около 8,5 тыс. человек.

В 1990 г. под руководством Н.Б. Крыласовой и в 1993 г. под руководством А.М. Белавина были впервые предприняты раскопки Филипповского городища. Всего на этом памятнике вскрыто 84 кв. м площади, изучены вал и ров. В результате доказана одновременность Рождественского и Филипповского городищ, что изменило сложившиеся с 1949 г. мнение о более позднем периоде существования Филипповского городища.

Результаты раскопок комплекса в разное время частично публиковались авторами, однако полная публикация была предпринята лишь в 2008 г.⁵ В книге «Древняя Афула» приведена полная исчерпывающая публикация всех материалов Рождественского комплекса, накопленных с конца XVII в.

В 2008 г. в связи с участвовавшими набегами на комплекс археологических браконьеров раскопки решено было возобновить.

Раскопом VII на Рождественском городище в 2008 г. изучено 103 кв. м, таким образом, общая вскрытая площадь памятника на сегодняшний день составила 2553 кв. м. На мусульманском могильнике был разбит раскоп площа-

дью 82 кв. м, общая изученная часть памятника (без учета раскопа Н.Н. Новокрещенных) составила 254 кв. м. На языческом могильнике исследовано 96 кв. м, общая изученная площадь могильника за все годы исследования составила 656 кв. м.

Важным критерием, выделяющим Рождественский комплекс из иных средневековых прикамских поселений, является наличие на нем признаков средоточия различных ремесленных производств. И, если в отношении косторезного дела (на Рождественском городище изучена землянка костореза), еще можно высказывать некие сомнения о выделении его в ремесло, то в отношении гончарства, сереброделия и ювелирного производства (серебряная и бронзовая проволока, литейные формы, бракованные и не завершенные изделия, инструментарий ювелира), бондарного (наличие специализированного инструмента), ткачества (находки деталей ткацких станков) (рис. 2, Б) и стеклоделия (бракованные бусы, куски стеклянной массы в виде спекшихся палочек-заготовок) нет никаких сомнений. Заметим, что ряд этих ремесел являлись городскими как на Руси, так и в Волжской Булгарии (ювелирное и стеклоделие). Массовое производство гончарной посуды отмечается и в сельской местности Волжской Булгарии, но в Пермском Предуралье гончарные горны известны только на двух крупных городищах (Рождественское и Анюшкар) и, безусловно, могут маркировать городское ремесло.

В процессе многолетних исследований на Рождественском городище изучено несколько сооружений производственного характера. В частности, в 2008 г. на раскопе VII исследовано сложное металлургическое сооружение, включающее несколько ям, три больших и три малых очага. Это сооружение, судя по следам многочисленных ремонтов и мощности напластований (от 1,8 до 2 м) функционировало на протяжении длительного времени. Но наибольший интерес представляют гончарные

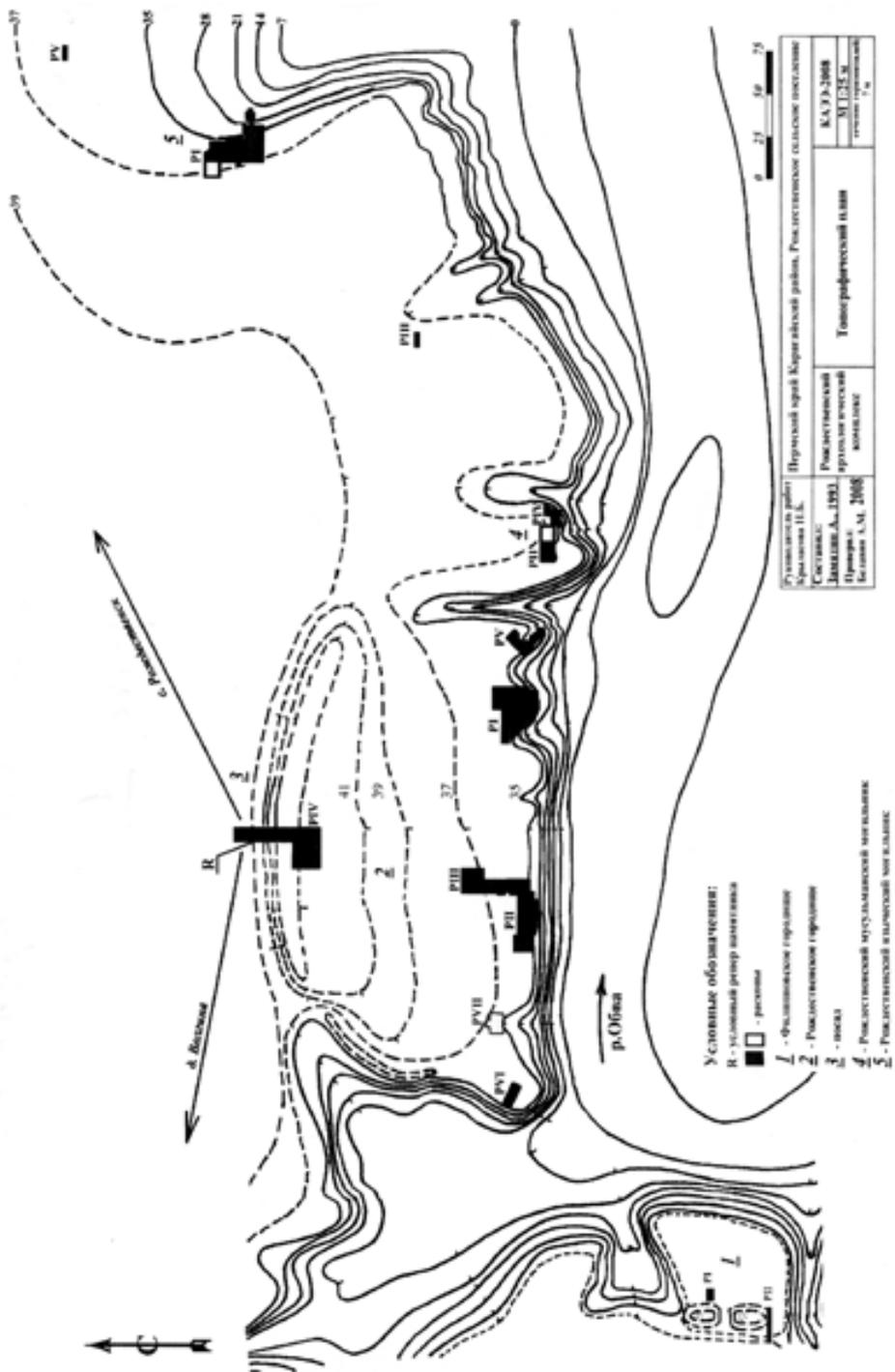

Рис. 1. План Рощевского археологического комплекса

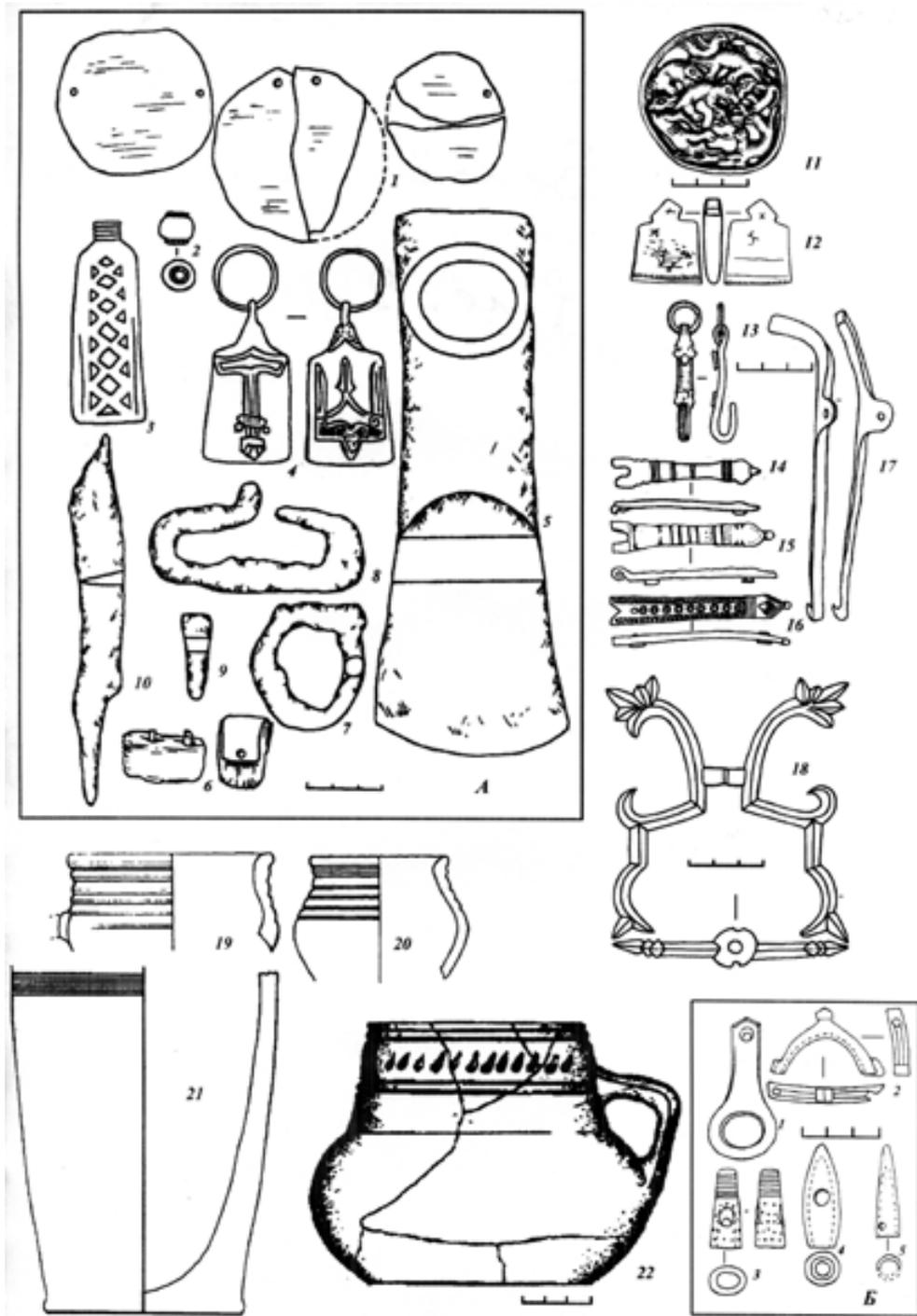

Рис. 2. Материальная культура Рождественского археологического комплекса: А – инвентарь погребения № 37; Б – детали ткацких станков; 11 – бронзовая многофигурная бляха; 12 – костяной амулет с гравированным изображением сокольника; 13–16 – железная поясная гарнитура аскизского типа; 17 – крюк для продергивания седельных ремней; 18 – бронзовая деталь хороса; 19–20 – чернильницы керамические; 21 – тувак; 22 – кружка болгарская

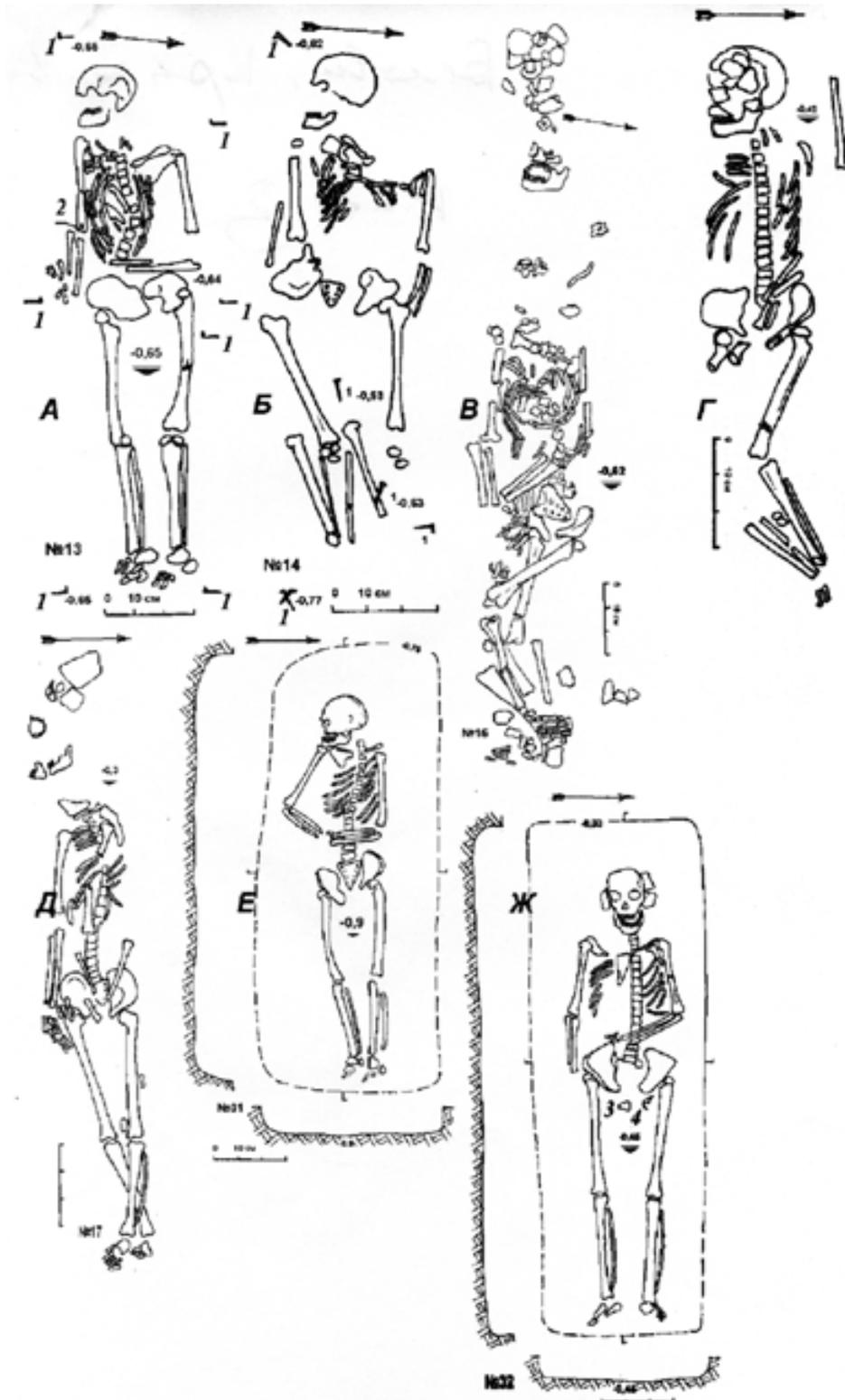

Рис. 3. Планы погребений мусульманского могильника

горны и мастерские, обнаруженные на раскопах I и IV.

Горны № 1 и № 2 находились на краю площадки городища и исследованы на раскопе I. Оба горна представляют собой углубленную в землю конструкцию с двумя ярусами без опорного столба с удлиненным устьем топочной камеры. Эти горны наиболее близки простейшим двухъярусным горновым печам с горизонтальной перегородкой без опор, известным как горны 1 типа из Волжской Болгарии. По наблюдениям Н.А. Кокориной, такие горны имели широкое распространение у городских и сельских ремесленников Болгарии⁶.

В непосредственной близости от горнов располагалось несколько ям для подготовки глины, очаги, остатки столбов от навесов. Горны, таким образом, объединялись в мастерскую открытого типа и эксплуатировались исключительно в теплое время года.

Гончарный горн № 3 располагался в яме 2/91 на раскопе IV. Яма имела уступ-ступеньку шириной от 80 см в северо-восточном углу до 23 см у западной стенки. Ступенька эта фиксировалась на глубине 125–135 см от поверхности. От этих глубин яма приобрела Т-образные очертания, широкой частью к северу. Эти очертания имеют аналогию с ямами, в которых располагались горны № 1 и № 2 раскопа I. Глубина широкой части до 140–150 см. Внешний диаметр округлого горна 128 см, диаметр внутреннего пространства 104 см. Глубина внутренней части горна 192 см. Толщина стенок из обожженной глины 8–12 см. Толщина дна горна до 18 см. На уровне 24 см от дна по всем стенкам горна обнаружен валик – остатки внутреннего перекрытия горна (яруса). На уровне 12 см от дна горна в его стенке исследовано отверстие топочной камеры, ориентированное устьем на северо-восток. Размеры топочного отверстия: 22 см в ширину 25 см в высоту. Прослежены разрушенные остатки топочной камеры на длину до 30 см в виде скопления кусков обожженной глиняной обмазки арочной формы.

Во внутреннем пространстве горна собрано большое количество почти целых и обломков кирпичей размерами 120 x 60 x 40 мм из обожженной красной глины. Из таких кирпичей был сложен, вероятно, свод верхней части горна. Горн, возможно, разрушился во время очередного обжига посуды. В его внутреннем пространстве собраны остатки почти десятка сосудов отличной выделки, изготовленных на гончарном круге, но не до конца обожженных. Кроме сосудов в заполнении находилось 5 пряслиц овально-подпрямоугольного сечения, изготовленных из серо-коричневого теста с примесью раковины, которые обжигались вместе с керамикой.

Данный горн относится к тому же типу, что и предыдущие. В период эксплуатации он располагался внутри крупного наземного сооружения, перекрытого навесом из деревянных плах. Внутри сооружения имелось несколько ям как производственного (для работы с глиной), так и хозяйственного назначения. Возможно, данный горн являлся частью гончарной мастерской, работающей круглогодично.

На наш взгляд, наличие гончарных горнов болгарского типа однозначно указывает и на присутствие в составе населения города болгарских ремесленников. О проживании здесь болгар-торговцев свидетельствует наличие разнообразного торгового инструментария: весов, весовых гирек, а также деталей и замочков сундучков, используемых для перевозки ценных грузов, свинцовой пломбы для опечатывания связок мехов, пробок и горловин от бурдюков, использовавшихся для перевозки жидкостей в караванах, и купеческого верительного знака, выдаваемого иноземным купцам на право торговли на Руси, обнаруженного в 1991 г. в погребении № 37 рубежа X–XI вв. (рис. 2, А-4). Знак уникален, это единственный образец подобного рода «печатей для ношения» найденный в Волго-Камье. По общепринятой классификации княжеских знаков, трезубец на нем принадлежит Владимиру Святославовичу (период

правления 978–1015 гг.), и такие знаки-подвески использовались лишь при его правлении. На оборотной стороне подвески нанесено изображение меча, соединенного с молотом бога Тора. С.В. Белецким этот символ был убедительно связан с Олавом Трюгвасоном, приемным сыном Владимира Святого и его соправителем (Ладожская волость)⁷.

Среди разного по происхождению населения комплекса присутствовали и древние хакасы. На это указывают как многочисленные находки пряжек, обоймочек и поясной гарнитуры (рис. 2, 13–16) аскизского типа (последняя могла быть и предметом торговли), так и находка крюка для продергивания седельных ремней и для шнуровки (рис. 2, 18). По мнению исследователей аскизской культуры такие крюки являются свидетельством пребывания хакасских всадников на тех памятниках, где крюки найдены. Всадники-аскизы могли быть охранниками торговых караванов и сами вести дальнюю торговлю.

Все указывает на то, что археологический комплекс в древности, безусловно, был опорным пунктом международной транзитной торговли. В отсутствии дат, полученных с применением методов естественных наук, основанием для определения абсолютной хронологии Рождественского комплекса служат находки трех десятков монет. Наиболее ранние монеты относятся к середине 90-х гг. IX в., наиболее поздние – к первой трети XIV столетия. Среди монет преобладают арабские дирхемы, имеются монеты ордынских ханов. В 1997 г. в погребении № 103 языческого могильника обнаружен обломок (1/3) серебряного денария – Этельреда, короля Англии, время чеканки – между 1009–1017 гг. Таким образом, период активной жизни на памятнике и выполнение им роли опорного торгового пункта можно отнести к первой четверти X – середине XIV вв., расцвет комплекса приходится на период X–XII вв.

На городище собрана представительная коллекция средневековых древностей. Основную массу находок

составляет керамика. Всего за восемь лет раскопок (включая 2008 г.) на городище было собрано 11202 фрагментов болгарской гончарной и 7503 фрагментов лепной керамики. Среднее количество лепной посуды в культурном слое городища, таким образом, не превышает 38% от числа всей собранной на нем древней керамики, поэтому, с полным основанием, керамическую коллекцию Рождественского городища можно охарактеризовать как гончарную. Анализ планиграфического и стратиграфического распределения болгарской гончарной керамики дают ясную картину локализации основной массы фрагментов гончарных болгарских сосудов на раскопе IV, расположенном в предвальной части площадки городища. На нем было найдено 75% от всей собранной с городища гончарной керамики, вероятно, это связано с функционировавшей здесь гончарной мастерской.

Из всей массы керамических фрагментов Рождественского городища полностью или частично по верхним частям было реконструировано 516 гончарных сосудов и 348 лепных сосудов.

Большинство гончарной керамики представлено сосудами общеболгарского типа (группа 1 по Т.А. Хлебниковой), выделяются также сосуды джукетауского типа, имеется керамика среднеазиатского происхождения. В гончарной посуде преобладает кухонная и столовая посуда и сосуды для хранения припасов (горшки, кринки, миски, кружки, хумы и пр.); тарная керамика (корчаги, кувшины) составляет менее четверти. Интересны образцы светильников, сковород и крышек к ним, сфероконов, чернильниц (рис. 2, 19–20). Найден стаканообразный сосуд-тувак (рис. 2, 21).

Среди лепных сосудов около четверти составляет также посуда болгарского происхождения (группа VII, XIII и др.). Прочая лепная посуда представлена типичными сосудами ломоватовско-полемского типа (около 40% от всех лепных сосудов) – относительно высокие с незначительной разницей диаметров

по шейке и наиболее раздутой части тулова, с подцилиндрической или блоковидной шейкой, плавно переходящей в тулово; украшенные вертикальными оттисками гребенчатого штампа, тремя рядами шнура в виде одинарных линий в одну сторону, гребенчатым штампом в виде ромбов, орнаментом в виде горизонтальных резных линий, покрывающих шейку и верхнюю часть плечика, завершающимся внизу гребенчатым орнаментом в виде горизонтальной елочки, тремя рядами резных ломаных линий, прочими орнаментами и без таковых. Около 30% лепной посуды составляют сосуды баночной формы с округло-уплощенным дном, с короткой резко отогнутой блоковидной шейкой, прямым, округлым или приостренным венчиком. Судя по характерной резной орнаментации, это посуда возникла под влиянием неволинских традиций, аналогии ей имеются на памятниках Почусовья, в бассейне р. Усьвы. Встречена также посуда кинтусовского типа с сильно профилированными венчиками, украшенная фигурными штампами; лепная керамика с характерным для чепецкой культуры треугольным и рамчатым штампом в орнаменте; запесоченная с уплощенным дном и украшенная отпечатками кружково-фигурного штампа керамика вымской культуры; круглодонная с подцилиндровидной горловиной кушнаренковская керамика. Разнообразие лепной посуды свидетельствует о проживании на городище представителей разных финно-угорских этносов Урала и Поволжья. В целом археологический комплекс у с. Рождественск представлял собой пункт колонизации, освоенный выходцами из разных частей Урало-Поволжья, что не позволяет однозначно говорить о его местных, исключительно ломоватовских корнях.

В какой-то степени Рождественский комплекс, включающий в себя Волгинское языческое святилище, расположенное в 1,5–2 км от городища (в науке известно как Рождественский (Волгинский) клад (1851 г.) в соста-

ве которого были серебряный сосуд, китайский серебряный ямб «полтопора», различные серебряные украшения болгарского типа) являлся и важным полирелигиозным центром. Наряду с языческим святилищем на территории комплекса, возможно, существовала мечеть или молитвенный дом мусульман, с которым связан найденный на Рождественском городище деталь мечетного светильника-хороса. Деталь хороса с Рождественского городища представляет собой уплощенный симметричный предмет, верхние концы которого оформлены в виде расцветающего бутона, в центре — сквозное отверстие. Аналогичный предмет, обнаруженный в Увеке⁸, возможно, отлит с рождественским в одной форме. Фрагменты хоросов известны также на Камаевском городище на территории Волжской Булгарии⁹. Такие светильники использовались в интерьере мечетей домонгольского и ордынского времени. Рождественский хорос относится, видимо, к ордынскому времени и указывает на наличие на городище молитвенного дома. Недаром ал-Омари в связи с Афикулой упоминает рассказ Хасана Эрруми (ар-Руми) о поездке в Афикулу исламского астронома для расчета времени молитв. В коллекции с городища имеются и мусульманские амулеты — части четок.

Но наиболее наглядно о присутствии на комплексе болгар-мусульман свидетельствуют 25 погребений мусульманского могильника, датированные домонгольским временем по находкам типичных для этого времени «Г»-образных гвоздей от гробовищ в погребениях и фрагменту цепочки и пронизки со вздутиями в засыпи погребения и в междумогильном пространстве. О домонгольском времени говорит и железный ромбовидный наконечник стрелы с упором XI–XIII вв., ставший причиной смерти мужчины из погребения № 32 (найден в области таза). Все изученные мусульманские погребения можно классифицировать по двум группам: полные захоронения (69%) и

неполные захоронения (31%). В полных погребениях костяки лежали на слое красной материковой глины, на глубине 0,45–0,75 м от поверхности. Ориентировались они головой на запад, черепа были развернуты лицевой частью к югу – к кыбле. Костяки расположены в соответствии с позой погребенного «лежа на спине с легким поворотом на правый бок», ноги чуть согнуты в коленях, остатки костей ступни (что зафиксировано в трех случаях) развернуты вправо, правая рука вытянута вдоль бедренной кости или чуть подогнута, левая согнута в локте и уложена в области таза (рис. 3). Судя по расположению костей, трупы перед погребением были плотно завернуты в саван. Такая поза погребенного соответствует мусульманской традиции, распространенной в Волжской Булгарии в домонгольское время.

Неполные погребения представлены захоронением черепов и костей черепа и нижних конечностей. Первое такое захоронение описал Н.Н. Новокрещенных: «Точно констатировано, что была положена одна голова, нижняя челюсть лежала боком в правую сторону, теменем на запад»¹⁰. Таким образом, череп был повернут лицевой частью к югу. Еще четыре подобных захоронения исследованы нами. Такие неполные захоронения могли быть связаны с существовавшей у болгар традицией, о которой упоминал Ибн-Фадлан: «И если увидят они человека обладающего подвижностью и знанием вещей, они говорят: «Этот более всего достоин служить нашему господину». И так они берут его, кладут ему на шею веревку и вешают на дерево, пока он не распадется на куски». Вероятно, после этого труп предавался земле, и неполные погребения, обнаруженные на Рождественском могильнике – результат подобного погребального обряда.

Приведенное выше описание погребального обряда не оставляет сомнения в том, что перед нами мусульманское кладбище домонгольского времени. В настоящее время заказаны радиокарбонные даты мусульманских погребений,

что позволит уточнить период его функционирования. В целом погребения имеют аналогии с мусульманскими кладбищами Волжской Булгарии, наиболее полные аналогии, в том числе по деталям обряда, топографии, характеру погребений просматриваются с IV и II Билярскими некрополями. Отметим достаточно точное соблюдение кыблы, что, вероятно связано с инструментальными измерениями, последнее подтверждается письменными источниками, указывающими на периодические приезды в «касабу Афкуль» астрономов – измерителей времени из Болгарии. Таким образом, Рождественский комплекс еще и точка первичного проникновения ислама в Прикамье.

Наличие мусульманского могильника, непосредственно примыкающего к оборонительным сооружениям Рождественского городища, является бесспорным свидетельством проживания болгар на городище. Краниологическая серия Рождественского мусульманского могильника может быть охарактеризована как брахикранная, что отличает ее от местных финно-угорских долихо-мезокранных типов и сближает с краниологией собственно болгарских серий (измерской, билярской и др.). По затекам зубной эмали у черепов из мусульманских погребений определяется склонность к монголоидности. Эти наблюдения также сближают рождественскую серию с билярскими¹¹.

Языческая часть Рождественского могильника находилась в 300–500 м восточнее Рождественского городища. Всего здесь за период раскопок памятника, включая 2008 г., изучено 126 погребений, совершенных по обряду трупоположения. Погребения расположены рядами, которые в южной части раскопа вытянуты по линии З-В, ЗЮЗ-ВСВ, а в центральной и северной части раскопа – по линии ЮЗ-СВ. В целом ряды ориентированы вдоль течения р. Обвы. Судя по расположению инвентаря и остатков костяков в захоронениях (сохранность костей крайне плохая, что значительно суживает возможность

поло-возрастных определений), можно говорить о том, что погребенные лежали ногами к реке. Обряд захоронения умерших ногами к реке отмечается в Предуралье с эпохи раннего железа. Захоронения совершались, в основном, в простых ямах с почти отвесными стенками, плавно переходящими в обычно ровное дно, иногда слегка углубленное в центре. Такого рода погребения составляют 60% от общего количества. Кроме того, встречаются погребения со ступеньками и заплечиками. Наличие ступеньки, вероятно, связано с существованием деревянного настила, на который укладывался умерший. В могильных ямах с заплечиками и ступеньками заполнение обычно многослойно, и включает линзы речного песка, слои, насыщенные органикой, слои рыхлой красной глины, угольки. По расположению этих слоев можно судить о том, что какая-то конструкция обрушилась в яму. Подобный обряд погребения реконструирован Г.Т. Ленц по материалам Антыбарского могильника на р. Чусовой, которая связывает его с угорскими традициями Зауралья.

Остатки погребальных сооружений обнаружены в фрагментарной сохранности. В 22,5% встречены остатки бересты, коры, куски дерева. Иногда береста переплетена. Не исключено наличие деревянных гробов из досок. Исходя из того, что случаи взаимонарушения погребений на Рождественском могильнике единичны, можно предполагать наличие наземных сооружений. Достаточно часто (11% погребений) по периметру могильных ям отмечаются столбовые ямки, оставшиеся, скорее всего, от наземных сооружений типа шалашей.

Все погребения изученной части языческого Рождественского могильника инвентарные, но в составе и количестве погребального инвентаря наблюдаются существенные различия. В частности, по составу, количеству и качеству инвентаря можно говорить о существенной социально-имущественной дифференциации населения горо-

дища, оставившего могильник, делать выводы о половозрастных особенностях погребных, реконструировать костюмные комплексы и профессиональную принадлежность (это наиболее наглядно выражено в мужских захоронениях). В погребальный инвентарь мужских погребений входили орудия труда, оружие, детали конского снаряжения. В большинстве случаев эти предметы были сосредоточены в южной части погребений – «в ногах». Наконечники копий обнаружены только в трех мужских погребениях. Довольно редки удила (3,7% погребений), стремена не встречены. Богатые мужские погребения в качестве обязательного атрибута включают топор (9% погребений). Топор был, таким образом, «статусной» вещью, наконечники копий маркируют воинские захоронения, в которых также представлены наконечники стрел.

Фрагменты керамических сосудов представлены в 76% погребений. Иногда в одном погребении находилось до 3 сосудов. Преобладает погребальная посуда, традиционная для Пермского Предуралья – миниатюрные круглодонные чаши, орнаментированные по шейке и плечикам отпечатками шнура и гребенки. Но есть и сосуды вымского, чепецкого типа, характерные для населения Волжской Булгарии (сосуды группы VII (по Т.А. Хлебниковой), единичными экземплярами представлена и болгарская гончарная керамика. Это еще раз указывает на полиэтничность населения Рождественского городища. В 14% погребений, преимущественно богатых мужских, встречены фрагменты деревянных сосудов. Чаще всего они представлены серебряными обкладками, но в ряде случаев внутри обкладок сохранились фрагменты венчиков сосудов. В 25% погребений встречены кости лошади.

На могильнике найдены 4 погребальные серебряные маски, 15 сумочек и кошельков с бронзовыми и серебряными обкладками, с подвесками и застежками. Ряд погребений содержат материалы, имеющие характер этно-

маркеров волжских и западных финнов. Так, погребение № 36 со следами берестяных матов и конструкции из досок, дало находки бронзовой фибулы латгальского типа и остатки поясного набора, состоящего из серебряных пластинчатых накладок. Погребение № 109 содержало шумящую бронзовую фибулу муромского типа.

Особый интерес представляет собой погребение № 37 (рис. 2, А). В нем наряду с флаконовидной пронизкой, кресалом, ножом, втульчатым топором, остатками фигурного деревянного сосуда с серебряными обкладками найдены три круглые пластинчатые серебряные подвески и серебряная трапециевидная подвеска со знаком Рюриковичей (рис. 2, А-4). Судя по подвеске со знаком Рюриковичей это захоронения местного торговца — «купца чулыманского». Ал-Омари сообщает: «Купцы наших стран, говорил Номан, не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера».

Весьма вероятно, что Рождественский археологический комплекс можно ассоциировать с «касабой Афикул» (Афилун, Афтакун, Аваколь, Афула, Акикул) в 20 днях пути от Булгара на север перед странами Чулыман (Джұлман, Джулыман, Чулман), Сибир (Себер) и Ибир (Ибер, Ибыр) или в их южных пределах. Об этом нам уже неоднократно доводилось писать¹² и убедительно данное положение никем из специалистов не оспорено. Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что среди населения Рождественского комплекса в X—XIV вв. присутствует большая группа болгарских ремесленников и торговцев, оставивших после себя не только типичную материальную культуру, но и могильник, в котором погребения совершены с достаточно точным соблюдением исламской традиции. Для исполнения последнего условия необходимо посещение (проживание) этого населенного пункта исламскими священниками — специалистами в расчете

времени молитв, направлений по сторонам света и пр. Материалы комплекса указывают на широкие международные связи его населения, осуществляемые в том числе и местными жителями. Все это указывает на совершенно особую роль данного населенного пункта как в истории и экономики средневекового Предуралья, так и в истории мировых торговых путей средневековья. Эти обстоятельства делают возможным появление сведений о данном населенном пункте в письменных источниках.

Арабским географом-энциклопедистом ал-Омари (Умари) (1331 г.) упоминается касаба — маленький городок, по-персидски *Афикула* в 20 днях пути от Булгара на север, т.е. в пределах страны Чулман (Джұлман), земля и город Чулман, расположенный севернее Афикула, города Сибир (Себер), Ибир (Ибер).

Ал-Омари приводит рассказ странствующего купца Хасана Эрруми (ар-Руми): «...потом я расспросил об этом Мусад, определителя времени [молитв] в Булгаре. Мы исчислили ее, сказал он (т.е. Мусуд), посредством астрономических инструментов и нашли, что она (длится) 4 и 1/2 часа с небольшим. Это крайняя убыль ночного времени там. Что касается касабы Афикула, то мы [и там] делали наблюдения над ними и нашли, что «самая короткая ночь там [длится] 3 и 1/2 часа, [следовательно] короче болгарской ночи на один час. Между Булгаром и Акикулом, говорит он, расстояние 20 дней обыкновенной ходьбы. Слово «касаба», по терминологии персов, значит маленький город. За Акикулом, говорил он, (следуют) Сибир и Ибир, потом за ними земля Чулыман...»¹³. Краткость летней ночи, особенно в период 20-х чисел июня — начала июля, весьма характерна для Верхнего Прикамья. Как свидетельствуют данные метеорологии в районе Перми, в это время ночь составляет не более 3—4 часов, а темное время в период летнего солнцестояния не превышает 1,5 часов. Авторы могут с уверенностью подтвердить это и лич-

ными многолетними наблюдениями на Рождественском городище. На Рождественский комплекс как на наиболее вероятную точку локализации «касабы Афкула», указывают и расчеты времени пути к нему от пределов Булгарии, приводимые в различных письменных источниках.

«Когда путешественник едет от Чулымана на Восток, то приезжает к городу Каракоруму... когда путешественник, — писал ал-Омари, — едет на Запад, то приезжает в землю русских...» Страна Чулыманская, по данным ал-Омари, примыкает одной стороной к землям башкир, другой стороной к странам сибирским, т.е. территориально это совпадает с Верхним Прикамьем. Касаба Афикула — столица этой страны. На наш взгляд, топоним Афикула можно понимать из тюркских (в персидском переложении) Афу, Ашу — «поворот» и Кула, Кала — «башня, крепость», как «Поворотная крепость». Такое название соответствует характеру торговли болгар, которые ездили с товарами до этого места, а дальше торговали местные купцы.

Название Чулыман, заменившее название Вису, знакомо и магрибинскому путешественнику Ибн Баттуте (вторая половина XIV в.). Он свидетельствует, что на Чулыман ездят болгары, а далее товары возят уже сами чулыманские купцы, они торгуют с Йурой. Таким образом, «купцы чулыманские» из торговых партнеров болгар превращаются в их посредников при взаимодействии последних с народами Севера (Страной Мрака, Йурой), куда теперь с болгарскими товарами ездят «купцы чулыманские».

Последнее упоминание «касабы Афикула» относится к 1412 г. и имеется в трудах египетского энциклопедис-

та ал-Калкашанди «Страна Афтакун, северная соседка страны Булгара. Их главный город — небольшой Афтакун». В то же время (рубеж XIV–XV вв.) о стране Джолман (Чулман) сообщает египтянин Ибн Халдун.

Таким образом, Рождественский комплекс — единственный в средневековом Пермском Предуралье пункт, который мы можем достаточно достоверно связать с упомянутым в письменных источниках объектом, названном современниками городом.

Что стало причиной гибели комплекса? Предуралье, очевидно, было задето походами Тохтамыша в 1391 г. на Вятку и Тимура в 1395 г. Смутные упоминания данных походов в эти Северные для жителей Востока края имеются в письменных источниках. Так Шерифад-ди Йезди, описывая поход Тимура 1395 г., сообщает: «Победоносное войско (Тимура) с этой стороны реки дошло до того места... и ограбило все. Место это недалеко от Страны Мрака».

Повторное заселение этих мест приходится на конец XV — первую половину XVI в. Появившиеся здесь предки коми-пермяков, осваивающие бассейн Обвы в XV в., застали уже разрушенное и давно покинутое людьми городище. Его состояние и дало основание для возникновения пермяцкого названия Сисыкор (Сисикор) — «гнилое, старое городище». Вероятно, не позже первой половины XVI в. возникает починок Постаногово (Пыстаногова), расположенный на территории языческого могильника неподалеку от вала Рождественского городища. Территория городища использовалась в качестве пашни. Лишь в середине XX столетия люди вновь покидают территорию комплекса, который с тех пор безраздельно принадлежит археологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рычков Н.П. Продолжение журнала или дневных записей путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. — СПб., 1772. — С. 74–78.

² Отчеты Императорской Археологической комиссии за 1897 г. — СПб., 1900. — С. 51.

³ *Оборин В.А.* Рождественское городище и могильник // Уч. зап. Пермского госуниверситета. — Т. IX, вып. 3. — Харьков, 1953. — С. 161–177.

⁴ Там же. — С. 177.

⁵ *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. 1. — Пермь, 2008. — 603 с.

⁶ *Кокорина Н.А.* Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. — Казань, 1983. — С. 63–67.

⁷ *Белецкий С.В.* Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. — СПб., 1996 — С. 35–40.

⁸ *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. — М., 1978. — С. 100–101.

⁹ *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. — М., 1984.

¹⁰ *Новокрещенных Н.Н.* К исследованиям Пермской губернии (отчет). 1897. Рукопись // Архив ИИМК, ф. 1 1898 г., д. № 29, л. 11.

¹¹ *Брюхова Н.Г.* Антропологический материал Рождественского могильника // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 1. — Пермь, 2006. — С. 145–148.

¹² *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Волжская Болгария и финно-угорские племена Прикамья: этнокультурные контакты (по материалам Рождественского археологического комплекса) // Уржумка. Научный журнал ЧГПИ. — № 1. — Челябинск, 1995. — С. 5–15; *Белавин А.М.* Некоторые вопросы формирования протогородской цивилизации у финно-угорских народов Приуралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып 1. — Екатеринбург, 1997. — С. 152–158; *он же.* Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. — Пермь, 2000.

¹³ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — СПб., 1884. — Т. 1. — 237–238.

Аннотация

Статья описывает основные результаты исследования крупнейшего археологического комплекса Пермского Предуралья — Рождественского археологического комплекса. Комплекс включает в себя два городища и два могильника — один языческий, второй — мусульманский. Памятник датируется периодом X–XIV вв. и может соотноситься с известным по восточным письменным источникам городком Афкул. На комплексе выявлены жилища, производственные сооружения (в том числе, болгарские гончарные горны). Материалы раскопок свидетельствуют о значительной роли этого пункта в системе международной средневековой торговли.

Ключевые слова: некрополь, раскоп, городище, комплекс, горн, керамика, хорос.

Summary

The article describes the outcomes of research of the Rozhdestvensk Archaeological Complex, the biggest archaeological complex of the Permian Cis-Urals. The complex comprises two ancient settlement sites and two burial grounds (one — of pagan, the other — of muslim origin). The site dates back to the period of X-XIV centuries and could be related to the settlement of Afkul, known from the oriental written sources. Dwellings and manufacturing buildings (including Bulgarian pottery furnaces) were discovered on the territory of the site. The results of the excavations indicate that this settlement played a significant role in the medieval trade system.

УДК 930. 26

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ АБАШЕВСКОЙ, АТЛИКАСИНСКОЙ И БАЛАНОВСКОЙ КУЛЬТУР

С.В. Большов, кандидат исторических наук

Существует несколько гипотез по проблеме хронологического соотношения абашевской, атликасинской и балановской культур. Начиная от гипотезы о генетической преемственности абашевской культурой фатьяновских (балановских) традиций (О.Н. Бадер, О.А. Кривцова-Гракова, О.В. Кузьмина и др.), несостоятельность которой убедительно доказана А.Х. Халиковым¹. Гипотеза А.Х. Халикова о появлении абашевцев в Среднем Поволжье позднее балановских племен. Этой гипотезы придерживался и О.Н. Бадер². Гипотеза автора об определенной синхронности абашевских, атликасинских и балановских памятников в Среднем Поволжье³.

В Балановском могильнике кроме традиционного положения скорченного на боку погребенного отмечается и положение погребенных на спине с подогнутыми ногами. Такие случаи отмечены и в восьми фатьяновских могильниках московско-клязьминской и верхневолжской группы⁴. Абашевские проявления отмечаются в Чурачикском кургане: положение погребенного на спине, расчлененное захоронение. Наличие в Чурачикском кургане литейных форм для отливки топоров и определенная близость погребального обряда Чурачикского кургана абашевскому погребальному обряду подтверждают гипотезу В.И. Молодина и А.Д. Пряхина о стадийном характере распространения захоронений литейщиков в катакомбном мире, фатьяновской, доно-волжской абашевской,

полтавкинской и кротовской культурах⁵.

Вероятно, свидетельством контактов абашевских и фатьяновско-балановских племен является обнаружение примеси мышьяка в двух изделиях из Балановского и Трусовского могильников. Примесь мышьяка в шиле из Балановского могильника совпадает с концентрацией мышьяка в браслете (0,03%) и очковидной подвеске (0,035%) из погребения 1 кургана 11 Виловатовского II могильника⁶. Е.Н. Черных затрудняется объяснить сравнительно высокую концентрацию мышьяка в кольце из Трусовского могильника. Мышьяковистая медь широко встречается в памятниках абашевской культурно-исторической общности. Как считает С.А. Григорьев, в абашевской культуре мышьяковистая медь не естественного происхождения, а является мышьяковистой бронзой и легирование производилось на стадии плавки руды. Он также как и Е.Н. Черных отмечает, что в фатьяновской и балановской металлургии отсутствует использование мышьяковистой меди или бронзы⁷. Появление изделий с примесью мышьяка в Трусовском и Балановском могильниках нужно связывать с абашевскими металлургическими стереотипами.

В фатьяновском могильнике Новинки 2 (калининская фатьяновская локальная группа) выявлен уникальный для фатьяновских могильников погребальный комплекс из двух перпендикулярно расположенных погребений со столбовой оградой из 7 столбов и сле-

дами кострищ. Могильные ямы ориентированы по линии ЗЮЗ—ВСВ и ССЗ—ЮЮВ. Все эти черты не характерны для фатьяновцев⁸. Перечисленные характеристики погребального обряда типичны для абашевских могильников средневожского региона. В Калининском Поволжье в Ошурковском могильнике найден сосуд, форма которого является исключением для фатьяновской культуры. Два сосуда колоколовидной формы из Ошурковского и Кривцовского могильников напоминают колоколовидные сосуды из Абашевского могильника⁹.

В парном погребении Досаевского кургана, совершенном по абашевскому погребальному обряду, найдены фрагменты двух сосудов. Один сосуд абашевской колоколовидной формы с резным орнаментом. Орнаментальная композиция также абашевская: ряды штрихованных ромбов и треугольников и линии горизонтальных желобков на переходе шейки в тулово. Второй сосуд представлен цилиндрической шейкой от типичного фатьяновского или атликасинского сосуда. Аналогии орнаменту этого сосуда известны среди балановских сосудов¹⁰.

Интересен сосуд из могильника у д. Марийская Лиса в Волго-Вятском междуречье. Вместе с сосудом шаровидной формы с высокой цилиндрической шейкой атликасинского типа найден каменный сверленный топор. Орнаментальная композиция сосуда отличается от атликасинской и состоит из трех зон: цепочка горизонтально штрихованных треугольников вершинами вниз; ромбическая сетка и ряд вертикально расположенных лесенок¹¹. А.Х. Халиков считает эти мотивы наиболее характерными для средневожской абашевской керамики¹². В таком сочетании эти мотивы не встречаются на абашевских сосудах в одной орнаментальной композиции. Каждый из этих мотивов орнамента встречается на сосудах в отдельности.

В абашевском могильнике Тебикасы в погребении, совершенном по

абашевскому погребальному обряду найден фрагмент абашевского колоколовидного сосуда и сосуд шаровидной формы с короткой шейкой. Форма сосуда близка форме шаровидных сосудов без выраженной шейки из Балановского могильника¹³. В Уреньском фатьяновском могильнике найден сосуд не только аналогичной формы, но и имеющий орнаментальную композицию близкую композиции на сосуде из Тебикасы¹⁴.

На Васильсурском поселении вместе с балановскими и атликасинскими сосудами обнаружен маленький сосудик баночной формы, орнаментированный тремя резными горизонтальными параллельными линиями и лесенкой. Сосуды баночной формы не известны в фатьяновско-балановских памятниках, но широко встречаются в абашевской культуре. У подножия Васильсурского поселения найден бронзовый вислобушной топор, отличающийся от балановских проушных топоров. Топор имеет овальное сечение втулки, по форме и пропорциям близок топору абашевского типа.

Анализируя орнаментальные композиции рассматриваемых культур, можно выделить общие для абашевской, балановской и атликасинской посуды сложные геометрические композиции. Можно предположить либо наличие связей между этими культурами, либо какое-то общее происхождение этих орнаментальных композиций.

Для сосудов памятников фатьяновско-балановской общности украшение днищ сосудов солярной символикой явление очень распространенное. Существуют десятки разнообразных солярных символов, украшающих дно сосудов этой общности. В средневожской абашевской культуре также существует небольшая группа сосудов с солярной символикой на днищах. Всего известно 8 сосудов из 5 могильников: Алгашинского (2), Виловатовского II (2), Тюрлемского (1) могильников, Пепкинского кургана (1) и Пеленгерского I могильника (2). Необходимо отметить, что украшение сосудов солярны-

ми символами в абашевской культурно-исторической общности не является характерной чертой и встречается достаточно редко. На Южном Урале нам известно всего 4 случая: в IV Тавлыкаевском и Чураклинском могильниках¹⁵. В Подонье известно также несколько случаев орнаментации сосудов солярными символами¹⁶.

В погребении 1 кургана 10 Виловатовского II могильника сосуд с солярным символом найден вместе с наконечником стрелы сейминского типа. Сосуд баночной формы: по всем характеристикам это обычный абашевский сосуд, за исключением орнаментальной композиции. Орнаментальная композиция соединяет в себе и обычные абашевские мотивы и орнамент атликасинского типа. Наряду с лесенками и горизонтально штрихованными треугольниками вершинами вниз на сосуде расположен и «атликасинский» штрихованный зигзаг.

Появление солярной символики на абашевских сосудах, вероятно, заимствование у племен фатьяновско-балановской общности. В культурах этой общности представлено удивительное разнообразие практически неповторяющихся солярных символов: от простых композиций в виде круга из ямок до сложных композиций, состоящих из розеток с отходящими от них лучами. Значительная часть сосудов с солярной символикой орнаментирована также сложным геометрическим орнаментом в виде простых и многорядных зигзагов, ромбов, треугольников¹⁷.

Необходимо отметить, что выделенный в средневожской абашевской культуре типологический горизонт погребений с сосудами с геометрическим орнаментом соответствует развитию — началу позднего этапа развития средневожской абашевской культуры¹⁸. Геометрические орнаментальные композиции на абашевских сосудах этого времени находят близкие аналогии в геометрических орнаментах балановских и атликасинских сосудов. Геометрический орнамент и солярная

символика на сосудах средневожской абашевской культуры и их аналоги на балановских и атликасинских сосудах — еще один аргумент в пользу определенной синхронности вышеназванных культур.

Заслуживает внимания и факт расположения балановских и атликасинских памятников в Волго-Вятском междуречье (Синцовский курган, Соза-Курбатовский, Павлушатский могильники, Новоселовское и Кубашевское поселения) к северу от территории расселения абашевских племен. Вышеназванные памятники отнесены к атликасинскому этапу балановской культуры¹⁹. В Волго-Вятском междуречье балановские памятники не встречаются на территории занятой абашевскими могильниками. В то же время в Волго-Сурском междуречье видим чересполосное существование балановских, атликасинских и абашевских памятников.

Анализируя проблемы древнейшей истории Волго-Окского междуречья Д.А. Крайнов отмечал наличие связей между фатьяновской и катакомбной культурами. В качестве доказательств он приводил как аналогии в инвентаре, так и некоторые общие черты погребального обряда²⁰. Большой интерес в плане синхронизации средневожской балановской культуры и среднедонской катакомбной представляет парное погребение 2 кургана 1 Богучаровского II могильника. В целом погребение относится ко второму этапу среднедонской катакомбной культуры и содержит кроме интересующего нас сосуда катакомбный сосуд 2 типа (по А.Т. Синюку) и жаровню из придонной части сосуда²¹. Т.Ю. Березуцкая считает, что наличие сосуда фатьяновско-балановского облика в погребении среднедонской катакомбной культуры свидетельствует о существовании определенных взаимоотношений между племенами леса и степи во второй — третьей четверти II тыс. до н. э.²² Сосуд балановского типа из погребения Богучаровского II могильника — тонкостенный, со следами лощения, близкого к черному цвета, с

цилиндрической шейкой, шаровидным туловом и круглым дном. Как отмечал О.Н. Бадер, лощению подвергались не все балановские сосуды, а преимущественно тонкостенные с цилиндрической шейкой, богатым орнаментом и отличающиеся почти черным цветом²³.

О синхронизации катакомбных материалов с древностями фатьяновско-балановской общности пишет А.В. Кияшко. В качестве доказательств он приводит чашу из Первомайского могильника, не имеющую аналогий в степных древностях, сосуд из II Богучаровского могильника и еще два сосуда балановского типа из катакомбных могильников. Чаша орнаментирована отпечатками шнура и солярной символикой на днище, характерной для фатьяновских сосудов. Время контактов катакомбной общности и фатьяновско-балановской А.В. Кияшко определяет развитым донецким периодом среднедонской катакомбной культуры. В абсолютных датах — это первая четверть II тыс. до н. э.²⁴.

П.Н. Третьяков, вероятно, справедливо связывал происхождение (в широком смысле) фатьяновской и балановской культур с районами Поднепровья. Эту территорию он определял лесными и лесостепными областями Причерноморья и Поднепровья, указывая, что в степи в это время существует иной тип культуры. И действительно в степных районах Причерноморья в этот период развивается совершенно иная традиция, отличная от традиций культур шнуровой керамики. При этом он отмечал, что исходные территории балановцев находились южнее исходных территорий фатьяновских племен — Среднего Поднепровья²⁵. Движение групп племен шнуровой керамики в Волго-Окское междуречье и в Среднее Поволжье могло проходить как параллельно: с продвижением балановской группы несколько южнее фатьяновской: ниже Оки, но выше верховьев Дона и далее на Суру и Свягу. Такое движение могло являться и общим для предков фатьяновцев и балановцев, которое в устье

Оки разделилось: и часть племен пошла вверх по Волге, а часть опустилась вниз — в Среднее Поволжье и Волго-Вятское междуречье. Балановский сосуд из II Богучарского могильника как раз может показывать район соприкосновения племен культур шнуровой керамики со степными катакомбными племенами.

На севере Средней Волги балановская культура соприкасается с сейминско-турбинскими племенами, о чем свидетельствуют материалы Юринской стоянки. На Юринской стоянке в жилище найдена как ранняя балановская и атликасинская керамика, так и керамика с валиком и «змеей», связываемая с сейминско-турбинским населением. Материалы жилища являются хронологически единым комплексом²⁶. Косвенным подтверждением этому являются и коллективные погребения Балановского могильника без черепов²⁷. Следы насильственной смерти и факты разграбления могил, которые Д.А. Крайнов связывает не с волосовцами, а с какими-то новыми пришельцами, отмечены и в погребениях поздних фатьяновских могильников Верхней Волги (Волосово-Даниловский, Фатьяновский и др. могильники). На волосовском поселении Николо-Перевоз II В.М. Раушенбах обнаружено коллективное фатьяновское погребение с 9 погребенными, которое прорезало волосовский слой. В костях некоторых скелетов обнаружены наконечники стрел. Из четырех наконечников, найденных в костях погребенных, три наконечника имеют форму близкую к стрелам, обнаруженным в абашевских костяках Пепкинского кургана. От наконечников стрел из Пепкино они отличаются менее выраженными шипами²⁸. Возможно, здесь фиксируется тот же процесс, что и в средневожских абашевских курганах с коллективными захоронениями и сейминскими наконечникам стрел в костяках.

Определяя в относительной хронологии соотношение средневожских балановских и атликасинских памятников

с культурами лесостепи, можно предположить их определенную синхронность с развитым этапом среднедонской катакомбной культуры. А группу атликасинских курганов с горизонтом погребений с сосудами с геометрическим орнаментом средневолжской абашевской культуры. Некоторое противоречие возникает при определении соотношения балановских и атликасинских комплексов с сейминско-турбинскими памятниками. Если связь керамики с валиком и «змейкой» с сейминско-турбинскими памятниками и, в частности, с кротовской культурой (А.Х. Халиков, Б.С. Соловьев и др.) является верной, то жилищный комплекс Юринской стоянки синхронизирует балановские, атликасинские, абашевские и западные сейминско-турбинские памятники в определенной части их развития. Здесь можно привести последние радиоуглеродные даты для Усть-Ветлужского (Юринского) сейминско-турбинского

могильника Средней Волги, которые заключаются в интервале XIX–XVIII вв. до н. э.²⁹ Абсолютные даты для балановских памятников Средней Оки (XXIII–XXI вв. до н. э.³⁰), в какой-то степени, подтверждают раннюю дату Пепкинского кургана, предложенную П.Ф. Кузнецовым³¹. Таким образом, ранние даты средневолжской абашевской культуры и балановской приводят к явному противоречию традиционной датировке сейминско-турбинского феномена³². Существует также мнение, что горизонт Сейма – Петровка на основе радиоуглеродных дат для памятников типа Потаповка – Синташта и памятников срубного типа в Поволжье необходимо датировать периодом между XXI–XVIII вв. до н. э.³³

Контакты абашевских, атликасинских и балановских племен наиболее вероятны в первой четверти II тыс. до н. э., а сами эти контакты вряд ли имели продолжительный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье // МИА. – 1961. – № 97. – С. 220–223.

² Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры // САИ. Вып. В I – 25. – М., 1976. – С. 41–42.

³ Большов С.В. Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников). – Йошкар-Ола, 2003. – С. 87–88.

⁴ Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. – М., 1972. – С. 188.

⁵ Молодин В.И., Пряхин А.Д. Евразийская лесостепь в эпоху средней–поздней бронзы (некоторые проблемы) // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. АВЛ. Вып. 11. – Воронеж, 1998. – С. 5.

⁶ Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М., 1970. – С. 153–154, 156.

⁷ Григорьев С.А. Мышьяковистые бронзы в металлургии I фазы Евразийской металлургической провинции и этнические процессы I половины II тыс. до н. э. в Восточной Европе // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж, 1996. – С. 34.

⁸ Волкова Е.В. Могильники фатьяновской культуры Новинки 1 и 2 (по результатам археологических исследований в 1999 и 2000 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 5. – Тверь, 2002. – С. 404.

⁹ Крайнов Д.А. Древнейшая история... С. 105.

¹⁰ Бадер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. – М., 1963. – С. 218.

¹¹ Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники... С. 116, табл. 9, 28, 29.

¹² Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры... С. 215, табл. XII.

¹³ Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники... С. 137, табл. 29: 6.

¹⁴ Там же. – С. 125, табл. 8: 33.

¹⁵ Горбунов В.С. Классификация абашевских могильников Башкирии // Древности Южного Урала. — Уфа, 1976. С. 29; Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пищеничнюк А.Х. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. — Уфа, 1985. — С. 74, 81.

¹⁶ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. — Воронеж, 1977. — Рис. 5: 5, 11.

¹⁷ Бадер О.Н. Балановский могильник... С. 196, 200, 203.

¹⁸ Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху Средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н. э.). — Йошкар-Ола, 2006. — С. 56.

¹⁹ Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Тр. МАЭ. Т. I. — Йошкар-Ола, 1960. — С. 77–81, 102.

²⁰ Крайнов Д.А. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. — 1964. — Вып. 97. — С. 16–17.

²¹ Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. — Воронеж, 1996. — С. 142.

²² Березуцкая Т.Ю. Погребение среднедонской катакомбной культуры с сосудом фатьяновско-балановского облика // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. — Липецк, 1999. — С. 66.

²³ Бадер О.Н. Балановский могильник... С. 195.

²⁴ Кияшко А.В. К вопросу о катакомбно-абашевском взаимодействии // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. — Чебоксары, 2003. — С. 104.

²⁵ Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — М.; Л., 1966. — С. 91.

²⁶ Никитин В.В., Соловьев Б.С. Юринская стоянка (по раскопкам 1999, 2000 гг.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. — Рязань, 2003. — С. 99.

²⁷ Бадер О.Н. Балановский могильник... С. 189, рис. 122: 1–3; с. 223, рис. 153: 4.

²⁸ Раушенбах В.М. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Тр. ГИМ. — 1960. — Вып. 37. — С. 34, рис. 4: 7–10.

²⁹ Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. — 2005. — № 4. — С. 112.

³⁰ Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна Средней Оки // Древние памятники Окского бассейна. — Рязань, 1993. — С. 46.

³¹ Кузнецов П.Ф. К вопросу о хронологии абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. — Чебоксары, 2003. — С. 86–87.

³² Черных Н.Я., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М., 1989. — С. 261.

³³ Трифонов В.А. К абсолютной хронологии евро-азиатских культурных контактов в эпоху бронзы // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. — СПб., 1997. — С. 96.

Аннотация

В статье рассматривается проблема хронологического соотношения абашевской, атликасинской и балановской культур. Приводится ряд свидетельств в пользу определенной синхронности вышеназванных культур. Эти свидетельства касаются погребального обряда, орнаментации керамики и других артефактов. Определенные контакты рассматриваемых культур отмечаются для культур лесостепи: катакомбной, доно-волжской абашевской. В целом вероятность контактов абашевской, атликасинской и балановской культур может приходиться на первую четверть II тыс. до н. э.

Ключевые слова: погребальный обряд, сосуд, орнамент, солярная символика, культура.

Summary

This article by S.V. Bolshov is devoted to the problem of chronological correlation of Abashevsky, Atlikasinsky and Balanovsky cultures. The author provides certain evidence in favor of certain synchrony between the cultures. This evidence related so the burial rites, pottery decoration, and other artifacts. The author attempts to view the contacts of cultures of the forest zone and the cultures of the forest and steppe zone: the catacomb, Don and Volga, Abashevsky cultures. S.V. Bolshov notes that there's a possibility of contacts of Abashevsky, Atlikasinsky and Balanovsky cultures in the 1st quarter of the 2000 b.c.

УДК 902

ИССЛЕДОВАНИЯ Л.П. ГУССАКОВСКОГО В ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРАХ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ

А.Л. Кряжевских, кандидат исторических наук

На протяжении XIX и первой половины XX вв. проблемы древнерусской колонизации бассейна р. Вятки рассматривались лишь с опорой на письменные и лингвистические источники, однако их неоднозначность и зачастую неопределенность не позволяли в полной мере разрешить все спорные моменты. Выход из этого положения виделся, прежде всего, в расширении круга источников, в первую очередь, археологических. Однако вплоть до 1950-х г. имелись лишь очень фрагментарные находки, относящиеся к началу русского освоения Вятского края и датированные довольно широко, что не позволяло приступить к обобщению данных материалов.

Ситуация коренным образом изменилась после того, как в 1956–1960 гг. состоялись археологические исследования в с. Никульчино, г. Кирове, г. Халтурине (совр. Орлов), а также на Подрельском II, Тороповском, Ковровском, Шабалинском и Котельничском городищах. Работы проводились совместно Кировским отрядом Среднерусской археологической экспедиции Института истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР и Кировским краеведческим музеем под руководством научного сотрудника ИИМК, кандидата исторических наук Л.П. Гуссаковского¹.

Лев Павлович Гуссаковский (1923–1977) в 1951 г. закончил историко-филологический факультет Кировского пединститута, после чего поступил в аспирантуру ИИМК, где обучался под

руководством академика Б.А. Рыбакова. В 1956 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древнерусское народное жилище VIII–XIII вв.» и был принят в ИИМК младшим научным сотрудником. Именно длительное проживание в Кировской области позволило ему избрать темой своих дальнейших исследований вятские древнерусские археологические памятники².

Наиболее важное значение для развития археологии Кировской области имели изыскания, проведенные Гуссаковским в исторической части г. Кирова (дорев. назв. — Вятка, Хлынов), в с. Никульчино и г. Халтурине (совр. Орлов), поэтому именно эти исследования и будут рассматриваться в данной статье.

Раскопки в г. Кирове проводились в двух районах: в кремлевской части Хлынова-Вятки и на территории сада им. Степана Халтурина (совр. Александровский сад).

С 1956 по 1958 г. Л.П. Гуссаковским на территории Хлыновского кремля было заложено два раскопа и шесть шурфов общей площадью около 180 кв. м³. Граница кремлевской части Хлынова-Вятки на западе и северо-западе проходила приблизительно по линии современной улицы Динамовский проезд, на севере проходила примерно по линии современного дома № 4 по ул. Динамовский проезд, с востока кремль прикрывал высокий берег р. Вятки, а с юга — берег оврага Засора. Зафиксированная мощность культурного слоя в этом районе колебалась от 1,7 до

3,35 м, при этом наибольшая толщина прослежена в юго-восточной части кремля, наименьшая — в северной. В стратиграфии напластований четко выделяются два основных слоя: верхний, содержащий разнообразные прослойки строительного мусора, и нижний, имеющий интенсивную черную окраску. Вследствие нарушения естественного дренажа почвы из-за сооружения вала и рва нижний слой содержит большое количество воды, что обеспечивает хорошую сохранность изделий из дерева, кожи, бересты и кости. Глубина залегания этого слоя колеблется от 0,5 до 1,1 м от современной дневной поверхности.

В шурфах и раскопах Л.П. Гуссаковский выделил от трех до восьми строительных ярусов, самый ранний из которых датировался XII — серединой XIII вв. В ходе обработки полученных материалов исследователь пришел к выводу, что г. Хлынов был построен во второй половине XIII в. и получил свое название по речке Хлыновице. При этом городской слой перекрывал русское поселение сельского типа, постройки которого не вписывались в более позднюю городскую планировку. В раскопах и шурфах была прослежена часть древней улицы с бревенчатыми мостовыми и остатками жилых и хозяйственных сооружений XIII—XIV вв.⁴

В 1959 г. Л.П. Гуссаковский проводил разведочные работы на территории сада им. Степана Халтурина (совр. Александровский сад), в результате которых удалось обнаружить в данном районе древнеудмуртское поселение (Вятское городище). Оно располагалось на мысу высотой 33–36 м, образованном коренным берегом р. Вятки и Раздерихинским оврагом, и было укреплено с напольной стороны земляным валом и рвом. Всего на Вятском городище было заложено 15 шурфов общей площадью 66,5 м. В верхнем горизонте шурфов обнаружены следы сооружений XVII—XVIII вв. и культурного слоя XV—XVII вв.⁵ В результате различных земляных работ древнейший культурный слой на городище был почти полностью

уничтожен и лишь около восточного края площадки небольшими участками сохранились его остатки мощностью от 5 до 15 см. Плохая сохранность слоя не позволила выявить жилые и хозяйственные сооружения этого древнего поселения. Однако находки позволили исследователю определить время существования городища как XI—XIII вв., причем были обнаружены как древнеудмуртские, так и древнерусские изделия. Данное поселение Л.П. Гуссаковский отождествил с «Вяткой» удмуртских легенд — центром удмуртского племени ватка, впоследствии занятым русскими поселенцами. Эту смену населения городища ученый датировал рубежом XII—XIII вв.⁶

В 1959 г. на территории между Вятским городищем и кремлем было вскрыто 4 шурфа общей площадью 76 кв. м, в которых выявлены керамика и изделия XV—XVIII вв.⁷

В результате проведенных исследований в исторической части г. Кирова Л.П. Гуссаковский пришел к выводу, что в XIII в. в районе берега р. Вятки между Раздерихинским и Засорным оврагами существовало два русских населенных пункта: более древнее Вятское городище («Вятка») и г. Хлынов, построенный пришлым русским населением во второй половине XIII в. на месте поселка XII — первой половины XIII в. Последующее вхождение территории Вятского городища в посад г. Хлынова, по мнению исследователя, породило бытование двух названий (Вятка и Хлынов) у одного города⁸.

Правда, интерпретации результатов исследований Л.П. Гуссаковского и использованию их при рассмотрении различных проблем ранней истории Вятского края препятствовало то, что сам исследователь опубликовал лишь предварительные итоги своих работ⁹, а обнаруженный материал по сути не был введен в научный оборот. Ученые при обращении к итогам проведенных изысканий имели возможность использовать фактически только рукописи исследователя и текст отчетов. Лишь

в 1999 г. на основании сохранившихся рукописных материалов Л.П. Гуссаковского заведующая сектором археологии Кировского краеведческого музея Л.А. Сенникова подготовила публикацию, отражающую основные результаты его археологических исследований в г. Кирове, а также в г. Халтурине (совр. Орлов)¹⁰.

Уже в 1970-е г. выводы Л.П. Гуссаковского относительно возраста Хлынова-Вятки и датировки ряда находок были подвергнуты сомнению со стороны известного кировского ученого А.В. Эммаусского. Он ссылаясь на неточность и широкий диапазон археологических датировок, малочисленность предметов XII–XIII вв. и неверную, с его точки зрения, хронологию строительных ярусов Хлыновского кремля. Рассматривая такой признак, как смена бревенчатых мостовых, А.В. Эммаусский датировал нижний (седьмой) настил концом XV в., что, по его мнению, подтверждает точку зрения об основании города не ранее XIV в., которая им высказывалась на основании изучения письменных источников¹¹. При этом ученый опирался на периодичность смены мостовых в Новгороде Великом, не учитывая ни особенности формирования культурного слоя Хлынова-Вятки, ни датировки обнаруженных в ярусах вещей.

В следующий раз проблема интерпретации результатов исследований Л.П. Гуссаковского в кремлевской части Хлынова-Вятки была поднята в 1989 г. При этом озвучивались оба подхода, сформировавшиеся к этому времени. С.Д. Захаров, сторонник скептического отношения к результатам изысканий 1950-х гг., обосновывал свою позицию слабой методической базой проведенных работ. В частности, он указывал на очень небольшую площадь вскрытого культурного слоя (около 180 кв. м), что не позволяет, по его мнению, дать обоснованную характеристику стратиграфии и хронологии Хлыновского кремля, а также на спорные моменты в выделении строительных

ярусов. В частности, ряд сооружений существовал в течение достаточно длительного промежутка времени, что не было учтено при датировке ярусов. Кроме того, определение хронологических рамок бытования отдельных предметов выполнено не совсем верно, имеются неточности и в типологии керамики. Датировка обнаруженных изделий производилась по материалам археологических исследований Великого Новгорода, однако в результате создания в 1958 г. дендрохронологической шкалы в Новгороде датировка различных вещей была изменена. При этом даты находок, обнаруженных в раскопах и шурфах на территории Хлыновского кремля, скорректированы не были¹². Все это позволило С.Д. Захарову поставить под сомнение выводы Л.П. Гуссаковского, относящиеся к исследованиям в кремлевской части города.

В то же время Л.Д. Макаров полностью поддержал высказанный Гуссаковским тезис об основании Хлынова-Вятки в середине – второй половине XIII в. и с некоторыми уточнениями присоединился к его датировке строительных горизонтов¹³. Позже он объяснял методические недочеты ученого тем, что археологические исследования проводились в период становления современной методики раскопок древнерусского города, и, несмотря на все неточности, считал результаты его изысканий заслуживающими доверия за вычетом некоторых деталей¹⁴.

Окончательно решить спор относительно возникновения г. Хлынова-Вятки и стратиграфии его древнейших напластований могут лишь широко-масштабные археологические раскопки на территории его кремлевской части.

Остальные исследования, проведенные Л.П. Гуссаковским в древнерусских городских центрах Вятского края, получили менее широкий резонанс в научных кругах, но они имели для вятской археологии не меньшее значение, чем работы в г. Кирове.

В 1958–1960 гг. проводились археологические раскопки на территории

городища, расположенного в с. Никульчино Слободского района Кировской области. Еще начиная с экспедиции Н.П. Рычкова 1769–1770 гг. оно отождествлялось с «Чудь-Болванским городком»¹⁵, покоренным русскими, согласно «Повести о стране Вятской», в 1181 г.¹⁶ И хотя точные даты «Повести...» уже с конца XIX в. А.С. Верещагиным и А.А. Спицыным признаны недостоверными, скорее всего, эти известия отражают определенные реалии русского освоения бассейна р. Вятки.

На территории Никульчинского городища Л.П. Гуссаковский выделил так называемое «малое городище», занимающее мысовую часть площадки, и большое городище, занятое огородами местных жителей, поздним кладбищем и развалом церкви постройки конца XVIII в. На большом городище был заложен лишь небольшой раскоп площадью 80 кв. м, в котором обнаружены остатки жилых и хозяйственных построек XIII–XV вв. Основные работы проводились на территории «малого городища», где в течение трех сезонов было вскрыто более 1000 кв. м.

Полученные результаты позволили Л.П. Гуссаковскому охарактеризовать древний Никулицын как административно-военный и ремесленный центр, возникший на рубеже XII–XIII вв. Ведущее место среди обнаруженных находок занимали оружие и предметы военного снаряжения, в том числе пластинки от панцирных доспехов, шпоры, стрелы, наконечники стрел и т.д. Время расцвета русского Никулицына ученый датировал XIII–XV вв., а прекращение жизни на городище второй половины XV в. он связывал с походом войск Ивана III на Вятскую землю в 1489 г.

При этом на «малом городище» был выявлен и дорусский слой, в отношении которого Л.П. Гуссаковский высказал предположение о его принадлежности к ананьинской культуре¹⁷. Впоследствии существование ананьинского горизонта на Никульчинском городище было подтверждено в ходе раскопок Л.Д. Макарова на этом памятнике в 1979 и 1981 гг.¹⁸.

В 1960 г. Л.П. Гуссаковский провел разведочные работы на территории г. Халтурин. Исследования проводились в древнейшей части города на длинном узком мысу, образованном берегом р. Вятки и неглубоким оврагом. С напольной стороны мыс окружал ров и высокий земляной вал, по верху которого в древности проходила деревянная стена. Всего было вскрыто более 70 кв. м культурного слоя.

Во время исследований был обнаружен ряд находок, который позволил Л.П. Гуссаковскому датировать слой древнего города XIV–XV вв. Однако при этом появление первых русских поселенцев в районе Орловского кремля он относил к XIII в. В XIV в., по его данным, возводятся мощные укрепления, после чего вокруг кремля начинают группироваться неукрепленные посады с ремесленным и земледельческим населением. Среди ремесел особенно выделяются гончарное, кузнечное и косторезное дело, продукция которых широко представлена среди обнаруженного археологического материала. Хозяйственная деятельность жителей Орлова документируется находками обугленных зерен ржи, ячменя, овса и гороха, костей домашних животных (коровы, лошади, овцы и свиньи), лося, рыб, а также рыбьей чешуи.

Гибель городища Гуссаковский относил к XV в. и связывал это событие с взятием Орлова войсками воевод великого князя Василия II в 1459 г. После этого жизнь на территории кремля не возобновлялась, а сосредоточилась на посаде. В XVI–XVII вв. кремлевская часть была занята городским кладбищем, а в XIX в. здесь был разбит сад¹⁹.

В ходе более поздних исследований наличие на Орловском городище культурного слоя XIV в. было подтверждено, однако более ранние находки так и не были обнаружены²⁰.

Таким образом, исследования Л.П. Гуссаковского, проведенные в древнерусских городских центрах Вятского бассейна, позволили получить археологические даты основания ряда

поселений и дали очень важную информацию о начале освоения Вятского края русскими поселенцами. И хотя некоторые результаты этих исследований впоследствии были скорректированы или поставлены под сомнение, они

позволили более предметно охарактеризовать историческую обстановку на территории современной Кировской области в XII–XV вв. и создали ту базу, на которую опирались все последующие изыскания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Захаров С.Д.* Характеристика раскопов Л.П. Гуссаковского на территории Хлыновского кремля // Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 500-летию вхождения в состав Российского государства). Тез. док. – Киров, 1989. – С. 18.

² *Макаров Л.Д., Хохлов А.А.* Лев Павлович Гуссаковский (1923–1977): страницы биографии археолога // Вестник школьного туризма и краеведения. – Киров, 1999. – № 5/6. – С. 11–13.

³ *Захаров С.Д.* Раскопы Л.П. Гуссаковского в Хлыновском кремле // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова). Материалы международ. науч. конф. – Киров, 1999. – С. 41.

⁴ *Гуссаковский Л.П.* Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова). Материалы международ. науч. конф. – Киров, 1999. – С. 34–36.

⁵ *Макаров Л.Д.* История археологического изучения г. Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова). Материалы международ. науч. конф. – Киров, 1999. – С. 52.

⁶ *Гуссаковский Л.П.* Из истории русской Вятки... С. 33–36.

⁷ *Макаров Л.Д.* История археологического изучения... С. 53.

⁸ *Гуссаковский Л.П.* Из истории русской Вятки... С. 36.

⁹ *Гуссаковский Л.П.* Сколько лет г. Кирову? К некоторым итогам археологических работ 1956 года на территории г. Кирова // Комсомольское племя. 1957. 26 апр.; он же. Что показали археологические раскопки в г. Кирове? // Комсомольское племя. 1957. 27 окт.; он же. Вятка или Хлынов? // Кировская правда. 1960. № 13 (16 янв.). – С. 4; *Воронин Н.Н., Гуссаковский Л.П., Никитин А.В., Раннопорт П.А., Седов В.В.* Среднерусская экспедиция // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1960. Вып. 81. – С. 92–94.

¹⁰ *Гуссаковский Л.П.* Из истории русской Вятки... С. 33–40.

¹¹ *Эммаусский А.В.* К вопросу о времени основания города Вятки (Кирова): учебное пособие. – Киров, 1971. – С. 14–15.

¹² *Захаров С.Д.* Характеристика раскопов Л.П. Гуссаковского... С. 17–19. Полный вариант статьи опубликован позже: *Захаров С.Д.* Раскопы Л.П. Гуссаковского в Хлыновском кремле... С. 41–48.

¹³ *Макаров Л.Д.* Город Вятка в свете археологических данных // Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 500-летию вхождения в состав Российского государства). Тез. докл. – Киров, 1989. – С. 16–17.

¹⁴ *Макаров Л.Д.* Некоторые проблемы славянской колонизации бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. – Ижевск, 1992. – С. 47–48. См. также: Макаров Л.Д. История археологического изучения г. Вятки... С. 50–52.

¹⁵ Из «Дневных Записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства» (1770–1772) // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 г. – Вятка, 1896. Отд. IV. – С. 18.

¹⁶ Повесть о стране Вятской. Свод летописных известий о Вятском крае (сост. А.А. Спицын). – Киров, 1993. – С. 7.

¹⁷ *Гуссаковский Л.П.* Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1962. Вып. II. – С. 118–121.

¹⁸ *Ванчиков В.В.* Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. – Ижевск, 1992. – С. 80–85.

¹⁹ *Гуссаковский Л.П.* Из истории русской Вятки... – С. 36–39.

²⁰ Соколова Н.Е. Хозяйственные комплексы Орлова XIV–XVIII вв. // III Оборинские чтения: Материалы археол. конф. – Пермь, 2002. – С. 68–73.

Аннотация

В статье рассматриваются археологические исследования Л.П. Гуссаковского, проведенные им в 1956–1960 гг. в древнерусских городских центрах Вятского края: в исторической части г. Кирова (Хлынова-Вятки), на Никульчинском городище и в г. Халтурине (совр. Орлов). Данные изыскания позволили уточнить время проникновения русского населения в бассейн р. Вятки и сделать важные выводы о ситуации в Вятском крае XII–XV вв.

Ключевые слова: экспедиция, раскопки, ров, вал, сооружения, городище.

Summary

The article is about archeological investigations of L.P.Gussovskiy, which were carried out by him in 1956–1960 in the historical part of Kirov city (Khlynova-Vyatki), at Nikulchinskiy Site and in Khalturin city (modern Orlov). The results allowed specifying the time when Russian inhabitants started penetrating to the Vyatka river basin and making important conclusions of the situation in Vyatka Territory in 12th-15th centuries.

УДК 902.01

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ХРОНОЛОГИИ НОВОИЛЬИНСКОЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.Л. Лычагина, кандидат исторических наук, доцент;

А.А. Выборнов, кандидат исторических наук, профессор

Первые памятники новоильинской культуры были обнаружены в 1950 г. Камской археологической экспедицией (КАЭ) Пермского государственного университета под руководством О.Н. Бадера в устье р. Чусовой. Как отмечал исследователь, тогда «был выявлен своеобразный архаичный комплекс керамики с «флажковым» орнаментом»¹. «Флажковая» керамика была найдена на поселениях Бор IV, Боровое Озеро II и Боровое Озеро III.

Позднее (1956–1959 гг.), памятники с подобной керамикой были зафиксированы в зоне строительства Воткинской ГЭС, в южной части Среднего Прикамья – Усть-Паль, Бойцовское I, Тюремка I, Гагарское II, Гагарское III, Новоильинское III². Таким образом, уже в 1950-х гг. было обнаружено и исследовано раскопками около 10 памятников с «флажковой» керамикой, дана характеристика материальной культуры, изучены остатки жилищ. В то же время сам термин «флажковая» керамика был признан О.Н. Бадером неудачным, т.к. узор подобного вида встречался не так часто и далеко не на всех памятниках данной группы. Поэтому было предложено называть культуру гагарской или новоильинской по опорным памятникам, изученным в районе строительства Воткинского водохранилища³. В конечном итоге за культурой закрепилось название новоильинская.

Изучение новоильинской культуры было продолжено в 1970–1980-х гг. В это время новоильинские памятники

были обнаружены и исследованы на территории Верхнего Прикамья, Икско-Бельского междуречья⁴, Нижней Камы⁵, в бассейне р. Вятки⁶. Близкие по материальной культуре памятники красномостовского типа были изучены В.В. Никитиным на Средней Волге⁷. Последний по времени обнаружения памятник данной культуры – стоянка Чашкинское Озеро I, был изучен Е.Л. Лычагиной в Верхнем Прикамье в 2007 г.⁸

Наличие памятников новоильинской культуры на достаточно обширной территории Волго-Камья свидетельствует о ней как о значительном и долговременном культурном явлении. На сегодняшний день известно более 60 памятников, относящихся к этой культуре. К наиболее крупным и хорошо изученным памятникам следует отнести поселения Новоильинское III, Гагарское III, Усть-Очер I, Сауз I, Сауз II, Татаро-Азибейское II, Русско-Азибейское III, Кочуровское IV, Среднее Шадбегово I.

Дадим краткую характеристику новоильинской культуры. Поселки обычно состояли из 1–3 жилищ, которые располагались на невысоких (1–5 м) первых боровых террасах. Жилища имели удлиненную подпрямоугольную форму, размером: 7–13 х 5–8 м. Глубина построек – 0,25–1 м. Выходы из жилищ устраивались в форме коридоров, постепенно поднимающихся от пола к поверхности. Следы от столбовых ямок указывают на бревенчатую конструкцию с двухскатной крышей⁹.

Для посуды характерны полувидные сосуды с прямым или широкооткрытым горлом. Основная форма днщ — округлая и коническая, в редких случаях — плоская. Примесями в формовочной массе служили шамот и песок, на некоторых памятниках, относимых исследователями к поздней группе, встречаются органические примеси. Венчики округлые, приотстренные, слегка отогнутые наружу. У части сосудов по венчикам нанесены пальцевые защипы, отчего они выглядят гофрированными.

В отличие от неолитической, орнамент новоильинской керамики более разреженный, каждый отпечаток четко отделен от другого. В технике нанесения узоров преобладал средний и короткий гребенчатый штамп, прямоугольной, овальной и изогнутой формы. Реже встречался ямочный орнамент в виде круглых, овальных, неправильных, а также кружковых отпечатков, выполненных полым штампом.

Сами узоры во многом напоминали неолитические — наклонные, горизонтальные, вертикальные линии, зигзаг. Реже встречались более сложные узоры в виде ромбов, треугольников, «флажков», «решеток». «Шагающая гребенка», характерная для неолита, на новоильинских памятниках практически не встречается.

Для изготовления орудий использовались местные материалы. Характерной чертой является использование плитчатого кремня. В технике раскалывания камня преобладала отщеповая индустрия, но для ножей, острий, наконечников использовались также пластины.

Набор орудий во многом напоминает номенклатуру изделий эпохи неолита. Крупными сериями представлены скребки, ножи, наконечники стрел. Особую группу орудий составляют так называемые фигурные ножи — саблевидной, листовидной, трапецевидной формы. Характерными являются также скребки-ножи на крупных пластинах и пластинчатых отщепах. Наконечники стрел имели листовидную, ромбическую, треугольную, миндалевидную

форму. Устойчивыми формами орудий представлены сверла, проколки, отбойники, скобели, встречаются резцы на пластинах с короткими сколами на углу. Шлифованные орудия представлены сериями небольших тесел, долот, топоров, сделанных из сланца и кремня¹⁰.

Следы меднолитейного производства обнаружены на поселениях Усть-Очер I (капли меди), Новоильинское III (медный слиток и два уплощенных стержня), Гагарское III (овальная бляшка с ромбическим отверстием).

Несмотря на достаточно хорошую изученность новоильинской культуры, ряд проблем, связанных с ее выделением, либо дискутируется, либо остается нерешенным. В данной статье нам бы хотелось остановиться на двух вопросах — о происхождении и хронологии данной культуры.

Первым вопрос о датировке новоильинской культуры попытался решить О.Н. Бадер. Несмотря на отмеченную им же архаичность и неолитоидность «флажковой» керамики, автор счел возможным датировать новоильинскую культуру поздним энеолитом (XVI–XIV вв. до н. э.)¹¹. Исследователь считал данную культуру пришедшей на территории Среднего Прикамья из более южных областей Прикамья и Волго-Камья¹². По предположению О.Н. Бадера, носители данной культурной традиции были ассимилированы местным позднегаринским (турбинским) населением, но, возможно, сыграли какую-то роль в формировании памятников борского (частинского) типа¹³.

Однако в 1980-х гг. эта точка зрения стала пересматриваться¹⁴. В пользу более раннего возраста новоильинской культуры говорило ее сходство с поздне-неолитическими памятниками региона. Это сходство проявилось и в традициях домостроительства, и в формах сосудов, их формовочной массе, орнаментации и т.д. Можно говорить о том, что в начале 1990-х гг. основная масса исследователей разделяла точку зрения Л.А. Наговицына о раннеэнеолитическом возрасте новоильинской культуры. Однако

для окончательного решения данного вопроса не хватало материалов по абсолютному датированию новоильинской культуры. Единственная дата, которая не вызывала споров и возражений, была получена при исследовании поселения Усть-Очер I – 4640 ± 40 ЛЕ 2743¹⁵.

И только в последнее время появилась возможность получить радиоуглеродные даты по керамике нескольких ключевых памятников новоильинской культуры (см. табл.). Полученные нами данные в целом подтверждают раннеэнеолитический возраст новоильинской культуры. На сегодняшний день она может быть датирована в пре-

делах 5300–3800 л.н. При калибровке время существования новоильинской культуры может быть отнесено к концу V – середине III тыс. до н.э. Таким образом, ранний этап культуры будет синхронизирован с поздним неолитом региона, а поздний – с памятниками гаринской энеолитической культуры. Для окончательного решения вопроса о хронологических рамках новоильинской культуры необходимо провести радиоуглеродное датирование керамики таких ключевых памятников, как Новоильинское III, Гагарское III, Татаро-Азибейское II, Русско-Азибейское III поселения.

Таблица

Итоги радиоуглеродного датирования по керамике памятников новоильинской культуры

Памятник	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванное значение, л.н.
Кочуровское I	Ki-14787	3940 ± 70	1 σ 2500-2300 BC 2 σ 2620-2200 BC
Кочуровское I	Ki-14788	3860 ± 70	1 σ 2460-2270 BC 2 σ 2500-2130 BC
Сауз II	Ki-15071	3980 ± 90	1 σ 2630-2330 BC 2 σ 2900-2200 BC
Чашкинское Озеро I	Ki-15618	5230 ± 90	1 σ 4230-4190, 4170-3960 BC 2 σ 4350-3800 BC
Чашкинское Озеро I	Ki-15619	5140 ± 90	1 σ 4040-3790 BC 2 σ 4250-3700 BC

Что касается происхождения культуры, то, по всей видимости, следует согласиться с точкой зрения О.Н. Бадера, что процесс формирования новоильинской культуры происходил на основе синтеза позднеэнеолитических памятников камской культуры (памятники левшинского типа) и волго-окских памятников с ямочно-гребенчатой керамикой (балахнинского типа)¹⁶ на территории Нижнего Прикамья. Возможно, что как раз этим и объясняется отсутствие в орнаментации керамики «шагающей гребенки», и, наоборот, широкое использование вертикального и горизонтального зигзага. Эти различия в орнаментации посуды Среднего и

Нижнего Прикамья фиксировались уже в неолите¹⁷. С западной, волго-окской традицией можно связать использование различного рода ямочных отпечатков на посуде.

Возможно, что определенную роль в формировании новоильинской культуры сыграли и носители накольчатой традиции орнаментации керамики. В пользу этого говорит наличие плоских днищ уже на ранних новоильинских памятниках (Чашкинское Озеро I), использование насечек для оформления торца венчика, широкое использование пластин для изготовления орудий.

В тоже время обнаружение ранних памятников новоильинской культу-

ры на территории Верхнего Прикамья может говорить либо об ее быстром распространении на территории всего Прикамья, либо о том, что территория, на которой происходил генезис новои-

льинской культуры, выходила за рамки Нижнего Прикамья. Для ответа на этот вопрос необходимо дальнейшее изучение памятников новоильинской культуры на территории Верхнего Прикамья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. — № 99. — С. 11.

² Там же. — С. 189–191.

³ *Бадер О.Н.* Третье Ново-Ильинское поселение // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. — М., 1961. Вып. 2. — С. 60–74.

⁴ *Выборнов А.А.* «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой // Новые памятники археологии Волго-Камья. — Йошкар-Ола, 1984. — С. 50–62.

⁵ *Габяшев Р.С.* Второе Татарско-Азбейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья. — Казань, 1978.

⁶ *Гусенцова Т.М.* Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. — Ижевск, 1980. — С. 70–95; *Наговицын Л.А.* Из истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. — Ижевск, 1980. — С. 3–18; он же. Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. — Ижевск, 1984. — С. 89–123.

⁷ *Никитин В.В.* Красноостовские поселения финального неолита (предварительный анализ) // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. — Ижевск, 1984. — С. 31–43; он же. Некоторые проблемы изучения неолита — энеолита Среднего Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. — Ижевск, 1990. — С. 41–51.

⁸ *Лычагина Е.Л.* Стоянка Чашкинское Озеро I — новый памятник новоильинской культуры в окрестностях г. Березники Пермского края // Региональные, социокультурные, политические и экономические процессы: опыт и перспективы. — Березники, 2008. — С. 177–184.

⁹ *Наговицын Л.А.* Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской культуры // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург, 1993. — С. 59–76.

¹⁰ *Лычагина Е.Л.* Каменный век Пермского Предуралья. — Пермь, 2008. — 118 с.

¹¹ *Бадер О.Н.* Поселения у Бойцова и вопрос периодизации среднекамской бронзы // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. — М., 1961. — Вып. 2. — С. 110–272.

¹² *Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа... С. 191.

¹³ *Бадер О.Н.* Поселения у Бойцова... С. 264 и сл.

¹⁴ *Наговицын Л.А.* Периодизация энеолитических памятников... С. 89 и сл.; он же. Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. — М., 1987. — С. 28–34.

¹⁵ *Наговицын Л.А.* Дискуссионные проблемы... С. 70.

¹⁶ *Бадер О.Н.* Поселения у Бойцова... С. 269.

¹⁷ *Выборнов А.А.* Неолит Прикамья. — Самара, 1992. — 148 с.

Аннотация

Статья посвящена вопросам исследования постнеолитических культур на территории Волго-Камского региона. В работе дается общая характеристика новоильинской культуры, история ее изучения. На основе радиоуглеродных дат, полученных в последнее время, делается вывод о раннеэнеолитическом возрасте данной культуры.

Ключевые слова: культура, орнамент, памятник, орудия, керамика.

Summary

The article is devoted to the research of the Post-Neolithic cultures on the territory of Volgo-Kamskiy region. General characteristic of the Novoilyinsk culture together with the history of Novoilyinsk culture studies is presented. Recent radiocarbon analysis indicates that the given culture belongs to the Early Aeneolithic period.

УДК 902.3

ГОРОД ДЖУКЕТАУ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ

Н.Г. Набуллин, кандидат исторических наук

Средневековый город, являясь сложным явлением исторического процесса, важнейшей частью цивилизации, отражает многие стороны и особенности развития общества. Поэтому изучение средневековых городов относится к числу приоритетных направлений зарубежной и отечественной медиевистики, а также традиционным направлением болгаро-татарской археологии¹. В последнем случае археологические материалы служат основным источником по воссозданию исторической действительности — ведь болгаро-татарские письменные документы практически не сохранились, а другие иностранные источники очень скудны.

Общие проблемы изучения болгаро-татарских памятников достаточно подробно освещены в обобщающих трудах по истории и археологии Волжской Булгарии², среди которых, безусловно, выделяется второй том «Истории татар с древнейших времен»³. Хотелось бы лишь еще раз обратить внимание на то, что по письменным источникам нам известны названия лишь около десятка болгарских городов. Еще меньше среди них городов, местонахождение которых надежно установлено. Это Биляр, Сувар, Болгар, Джукетау, Казан, Алабуга, Чаллы и др. Продолжается обобщение и публикация материалов, связанных с археологическим изучением не только столичных центров — Болгара, комплекса памятников Биляра и его округи (где вырисовывается гораздо более сложная и интересная, чем ожидалось, историческая картина), но и памятни-

ков болгарской периферии — Алабуги, Кирмени, Чаллы и, конечно, древней Казани.

В то же время отсутствие целевых государственных программ планомерных и широкомасштабных фундаментальных историко-археологических исследований исторически известных и надежно локализованных памятников затрудняет решение важнейших научных проблем и задач. Среди них — возможность соотнесения данных исторических источников разных категорий, разработки и совершенствования методики получения и исследования заложенной в них информации с перспективой проведения полноценных исследований, которые принято называть комплексными. Трудно переоценить значение для болгароведения развитие специальных и смежных, в том числе естественнонаучных направлений по проблемам изучения ремесленного производства, денежного обращения, антропологических и археозоологических материалов и т. д.

Следует отметить и то, что большинство объектов археологического наследия на сегодняшний день остается исследованным разведачно, и соотношение числа исследованных раскопками памятников к их общему количеству может создать усредненные и искаженные представления об этой «генеральной совокупности». Подобное можно сказать и в отношении круга вопросов, которые касаются исследований отдельно взятых памятников: вскрытые раскопками площади ни на одном из

них не идут в сравнение с их общими площадями. Необходимость индивидуального подхода к каждому отдельно взятому памятнику особенно хорошо иллюстрируется материалами, полученными при исследовании объектов археологического наследия, расположенных за пределами основной территории их распространения. Этот опыт показывает, что они дают значительные возможности для дополнения и конкретизации представлений о прошлой действительности.

Проблемы научного изучения средневекового булгаро-татарского археологического наследия в полной мере отражаются и выявляются при исследованиях города Джукетау⁴. Джукетау, археологические остатки которого расположены на западной окраине современного города Чистополь Республики Татарстан, обычно перечисляется в составе основных булгаро-татарских городов. Это один из немногих исторически известных и надежно локализованных городов Волжской Булгарии: он упомянут в одном ряду с Болгаром на страницах древнерусских летописей XIV в., а также показан на западноевропейских картах того времени.

Являясь предстательным памятником археологической культуры волжских булгар, Джукетау обладает рядом особенностей материальной культуры проживавшего здесь населения, в частности, наличием среди керамического материала весьма интересной и достаточно большой группы глиняной посуды типа «джукетау». Исследования этих особенностей в перспективе может помочь ответить на некоторые неясные вопросы этногенеза булгаро-татар, а также на фактических материалах изучать этнокультурные, торгово-экономические связи между тюркоязычными и финно-угорскими народами Поволжско-Уральского региона в эпоху средневековья.

Археологические остатки Джукетау включают компактно расположенную и исторически связанную между собой группу памятников – городище, поса-

ды, некрополи. Городище площадью 5,8 га расположено на высоком с крутыми склонами мысу, образованном коренным левым берегом р. Камы и рч. Килевки (прежде Жукоть, Жукотка, Жукотинка). С напольной стороны городища наблюдаются остатки укреплений в виде трех валов и двух рвов между ними. За пределами городища расположены Крутогорское (Донауровское I) селище и могильник, на противоположной стороне рч. Килевки – Донауровское II селище и могильник.

Возникновение укрепленного поселения на мысу рч. Килевки при впадении ее в Каму логично вписывается в общую систему расположенных на камском берегу относительно синхронных друг к другу домонгольских городищ – булгарских форпостов, призванных охранять и контролировать эту крупную речную магистраль средневековья. Процесс превращения некоторых из них в полноценные городские центры с присущими им административными, ремесленно-торговыми и прочими функциями пока изучен неравномерно и в целом недостаточно. Первоначальное заселение булгарами территории будущего города Джукетау относится примерно ко второй половине X в., но время и динамика превращения этого поселения в город остаются пока не уточненными. Безусловно, важную роль в истории развития города сыграло его выгоднейшее ситуационное положение, в том числе возможность контролировать переправы на участке Камского торгового пути. Примечательна одна из особенностей местности, которая заключается в том, что коренной берег Камы, имевшей до затопления на значительном своем протяжении обширную пойму, здесь находится у самого ее русла⁵.

Современные исследователи Джукетау достаточно осторожно подходят к интерпретации данных письменных источников, к соотнесению этих сведений с данными археологических исследований. Т.А. Хлебникова считала, что выход Джукетау и его «князей» на

политическую арену истории Волжской Булгарии мог начаться еще в домонгольский период, и он был связан с созреванием условий для возникновения удельного «княжества» и столкновениями с русскими, стремившимися к более прочному положению в низовьях Камы. Но в походе русского войска на болгар в 1220 г. Джукетау еще не выделяется среди других городов в этих взаимоотношениях. Вместе с тем уже не позднее второй половины домонгольского периода он превращается в экономический и культурный центр Нижнего Прикамья⁶.

Змеевское городище I, расположенное за восточными пределами города Чистополя, на мысу с крутыми склонами между реками Ерыкла и Кама (Прость)⁷, по всей вероятности, также имеет домонгольскую датировку. По материалам разведочных исследований площадь распространения культурного слоя и находок на одном из селищ комплекса оказалась намного больше. Наличие обширных посадок Змеевского I городища косвенно свидетельствует о том, что его статус также не ограничивался только оборонительной функцией.

В последние годы появились материалы, свидетельствующие о существовании между Джукетау и Змеево — на почти одинаковом расстоянии от обоих — еще одного болгарского населенного пункта в исторической части территории современного Чистополя. Не исключено, что здесь, на мысу при впадении в Каму рч. Берняжки, в домонгольское время существовало укрепленное поселение, а вдоль побережья речки — посадки, археологические остатки одного из них зафиксированы как Чистопольское селище⁸. На юго-восточной окраине современного города известны и другие памятники, имевшие, скорее всего, характер сельских поселений, но их пока удается датировать в целом болгарской эпохой, т.е. без уточнения исторических периодов.

Находясь в структуре соседствующих или близлежащих административ-

но-территориальных единиц и их объединений, эти населенные пункты и их локальные группы были связаны между собой определенными экономическими, культурными и прочими взаимоотношениями. Вместе с тем, оставаясь на данном этапе исторического развития в значительной степени автономными, самостоятельными и не составляя связанного территориального комплекса, они стали той основой, на которой в последующее время происходит их объединение — в первую очередь, экономическое — вокруг Джукетау.

Джукетау является одним из многочисленных болгарских городов Закамья, не прекративших своего существования после монголо-татарских завоеваний. Хронологические рамки существования Джукетау — длительный непрерывный промежуток времени с X до начала XV в. — дают возможность постановки и перспективу решения вопросов преемственности культуры болгаро-татар, перехода домонгольского города в золотоордынский и т. д.

Предположительные следы взятия Джукетау в 1236 г. — важного стратегического объекта для монгольских завоевателей, — может быть, также косвенно указывают на его определенное место в системе городских центров Булгарского государства, по крайней мере, во второй половине домонгольского периода⁹. Вслед за непосредственно военными актами не удалось избежать их экономических последствий: начался уход населения в более безопасные районы, был нарушен организм взаимодействия города с округой — его потенциальным «подпитчиком». С другой стороны, значительный потенциал города в предшествующий период и его своеобразный «запас прочности», меньшие масштабы разгрома города, отсутствие в ближайшей округе других городских центров-«конкурентов» и другие, пока не известные причины привели к некоторому приливу и концентрации населения у Джукетау, оживлению его экономики, а впоследствии даже к расцвету города.

Отсутствие золотоордынского слоя на городище интересно в связи с распространённой точкой зрения о запрете монголов восстанавливать оборонительные сооружения городов после их разрушения и занимать удобную в стратегическом отношении местность. Для восстановившихся в золотоордынский период городов это следовало бы трактовать в основном как утрату значения и смысла прежней формы оборонительных сооружений (в предшествующий период учитывались, прежде всего, соображения безопасности, зачастую в ущерб другим факторам), в том числе с точки зрения роста территории и увеличения населения. В рассматриваемом случае городище и прилегающие к нему территории перестают использоваться как не очень благоприятные для хозяйственной деятельности — высокая, далёкая от воды площадка, насыщенность грунта каменистой крошкой и др. Гораздо более удобными для жизнедеятельности человека были земли на противоположном низком берегу речки Килевка — западном посаде домонгольского города (Донауровское селище).

Золотоордынский Джукетау территориально рос путем расширения к югу и юго-западу бывшего западного посада, которая теперь стала основной и непосредственной частью города «открытого типа», где изучен ряд объектов жилого, общехозяйственного и производственного назначения. Город практически теряет уловимые границы своей территории (150 га), «растекаясь» вглубь террасы и особенно по берегу р. Камы на несколько километров. Кладбище с ростом города отступает к югу, вплоть до современной д. Донауровка, у которой фиксировались в прошлом надмогильные камни. «Жукотинское надгробие» с территории с. Галлактиново — это также остатки кладбища золотоордынского Джукетау.

Таким образом, на золотоордынском этапе развития происходит трансформация системы организации пространства городских центров (вплоть до «переноса территорий»), которая

выразилась, в частности, в окончании функционирования городищ и некоторых поселений, формировании «городов открытого типа». Остатки города Джукетау золотоордынского времени в археологическом понимании являются «селищем», что, на наш взгляд, логично вписывается в систематизацию булгаро-татарских средневековых памятников, созданную на основе многолетних работ по их выявлению и изучению¹⁰.

Как уже говорилось, основная часть памятников до сегодняшнего дня продолжает оставаться исследованной только разведками, что ограничивает возможности их формальных классификаций. Теоретически в число золотоордынских городищ могут быть включены только памятники с восстановленными или нововозведенными укреплениями этого времени. Наличие золотоордынских находок или слоя (селища) на территории городищ предыдущих эпох недостаточно. Достоверные сведения могут быть получены только на индивидуальном уровне — непосредственными исследованиями отдельно взятых объектов археологического наследия.

Среди небольшого числа закамских городищ, датированных домонгольским и золотоордынским периодами, значится Болгар. Его многолетние исследования показывают, что после монгольских завоеваний оборонительные сооружения города были уничтожены и восстановлены только в XIV в.¹¹ Восстановленные оборонительные сооружения Болгарского городища на фоне других памятников Закамья в какой-то мере выглядят даже одним из немногих исключений, что, впрочем, еще раз подчеркивает «особый статус» этого города. Фактические материалы раскопок показывают, что городище, датированных домонгольским и золотоордынским периодами, на самом деле может оказаться еще меньше. Материалами стационарных раскопок только домонгольским временем было датировано Билярское городище¹². На основе раскопок, правда, еще небольших и не затронувших оборонительные соору-

жения, исследователи пересматривают верхнюю дату городища Сувар¹³. Из предкамских памятников предлагается новая датировка городища Кашан I¹⁴. Слаборазвитая фортификация ордынских городов¹⁵ была обусловлена как общими закономерностями и тенденциями их развития (в том числе предполагаемый запрет монголов на оборонительные сооружения и др.), так и частными причинами. Как и на ряде болгарских городищ, укрепленная часть Джукетау не являлось основным местом проживания населения и в домонгольское время, что подтверждается относительно бедным его культурным слоем сравнительно с посадами: прекращение функционирования городища здесь в большой мере связано с причинами естественными. Билярское городище, являвшееся полноценным местом основного проживания и деятельности горожан, не восстанавливается на прежнем месте по политико-идеологическим причинам.

Прекращение жизни домонгольских городищ не всегда означало прекращение полноценного функционирования городов. Селища золотоордынского времени могут являться остатками не только сельских поселений, но и городов «открытого типа». Этот пока слабоизученный процесс своеобразного «перехода» и «переноса» территорий для разных памятников не тождественен. Например, золотоордынский Джукетау перекрывает территорию западного посада домонгольского города и усиленно расширяется, а золотоордынский Биляр занимает также огромную территорию, но на слабозаселенной домонгольской территории окрестного села¹⁶.

Определить критерии для выделения городов из числа ордынских селищ, пожалуй, не проще, чем для выделения городов из числа домонгольских городищ. Так, одни селища билярской округи, исходя из их размеров и богатых материалов, рассматриваются как предполагаемые остатки золотоордынского Биляра, а другие нет. Формальные классификации селищ (часть которых,

кстати, может являться городищами с недошедшими до наших дней укреплениями) вряд ли что скажут о социально-экономической сущности реальных поселений — сделать это не просто даже после широких их раскопок. Да и не совсем ясно, где лежит весьма размытая граница между «городом» и «селом», «городской» и «сельской» культурами. Материалы селищ дают более или менее богатый материал: следы крупных ремесленных производств, торговый инструментарий, монеты, богатые клады, «городские» украшения, предметы весьма далекого импорта и инокультурные предметы¹⁷.

В хозяйственно-производственной деятельности, быта, культуры города Джукетау в домонгольский и золотоордынский периоды его существования прослеживаются черты преемственности (не всегда даже удается разделить слои, объекты и находки этих периодов). В то же время вхождение территории бывшей Волжской Булгарии в единое экономическое и культурное пространство Улуса Джучи не могло не отразиться на болгарских городах, в том числе и на Джукетау.

Как и основная масса болгаро-татарского населения, жители Джукетау занимались земледелием и скотоводством; охота играла незначительную роль в хозяйстве, рыболовство — существенную. В золотоордынскую эпоху своей истории Джукетау стал одним из значительных городских во всех отношениях, в том числе ремесленных и торговых центров. Прослеживается заметная концентрация выявленных производственных сооружений черной и цветной металлургии, металлообработки, яркие следы производства — сырье и заготовки, шлак и крицы, брак и отходы производства. Культурный слой неукрепленной части Джукетау в целом чрезвычайно насыщен следами производственной деятельности, особенно шлаком и мелкими обломками кирпича. В общем комплексе культурных остатков довольно весомо представлены инструменты и предметы труда

ремесленников (бородки-пробойники, зубила, наковаленка; тигли, литейные формы и др.). Остатки гончарных горнов зафиксированы на значительном расстоянии от прежней домонгольской территории города (ближе к современному селу Галактионово)¹⁸. Широкий ассортимент неполивной керамики; в то же время производство поливной посуды, а также стеклоделие, напротив, не получают развития, что, видимо, можно объяснять отсутствием этих традиций в предшествующий период истории города, монополией Биляра.

Развитое ремесло предполагает значительную роль непосредственно связанных с ним торговых отношений. Отражая общие характеристики болгарской торговли, Джукетау, очевидно, обладал особенностями, обусловленными, прежде всего, его географическим положением. С включением территории Волжской Булгарии в состав Улуса Джучи многие прежние международные связи стали фактически или формально внутригосударственными. Джукетау становится известен и в международном масштабе: указания на него имеются на географических картах Старого Света XIV в.

Практически все золотоордынские памятники чистопольского микрорегиона относятся либо непосредственно к комплексу Джукетау, либо территориально тяготеют к нему. Так же, как и городище Джукетау, прекращает свое существование Змеевское I городище, но на прилегающей к нему территории известны надмогильные памятники золотоордынского времени.

Расположенные на юго-восточной окраине современного Чистополя домонгольские памятники продолжают существовать и в золотоордынское время. Их можно рассматривать как остатки сельских поселений обширной округи Джукетау.

Рост территории посада вдоль рч. Берняжки на территории Чистополя в южном направлении фиксируется эпиграфическими памятниками XIV в. на современном Татарском кладбище

города (Чистопольский средневековый некрополь).

Он (Аллах) живой, Который не умирает, а все живущие, кроме Него, умрут!
Давшего воспитание ученым, любившего набожных, мечети воздвигавшего, множество благих дел совершившего
Маджар-кази сына, Исмагила, место погребения это. Да будет милость Аллаха над ним милостью обширною!
Скончался по летосчислению семьсот одиннадцатый год (1311/1312 г. — *Н.Н.*), раджаба месяца двадцать второй день был. Смерть — дверь, и все люди войдут в нее!¹⁹

Интерпретировать их как остатки рядового сельского кладбища уже трудно: судя по содержанию эпитафий некоторых опубликованных и невыявленных²⁰ памятников здесь были захоронены представители достаточной высокой городской прослойки общества. Не где-то ли здесь проживали некоторые из «жукотинских» «князей», непосредственно управлявшие не только сельскими поселениями, но и малыми городами-«спутниками» всеобщей «агломерации», причем полицентрического характера?

Как значительный во всех отношениях городской центр, Джукетау оказывал экономическое и политическое влияние на определенные, в первую очередь, близлежащие к нему территории — «округу»²¹. Исследователи подчеркивают, что социально-экономическая природа города не может быть правильно понята без детального изучения хозяйственной структуры округи, ее экономического и демографического потенциала. Более того, детальная разработка темы «булгарский город и его округа» позволит решать не только задачи социально-экономического характера, связанные со взаимоотношениями города и села, но и послужит основой для более широких исторических реконструкций — возможности определения территории отдельных административно-политических образований (земель-«княжеств»), иерархии городов в масштабах государства и отдельных его регионов.

Решение этих вопросов при надлежащей источниковедческой проработке материалов должно вплотную подвести к сложной проблеме общественно-политической структуры Булгарского государства. При этом подмечается возможность выделить эти территории археологически: каждый отдельно взятый крупный городской центр обладает определенной спецификой своей материальной культуры, которая находит отражение в материальной культуре тех поселений, которые территориально тяготеют к этому городскому центру²².

Одним из самых ярких и чутких признаков археологических культур является керамика. При большом сходстве в керамических комплексах булгаро-татарских памятников практически в каждом из них выявляется большее или меньшее своеобразие. Одной из особенностей керамического комплекса Джукетау и некоторых других памятников Нижнего Прикамья является значительное количество керамики «типа джукетау». Она продолжает на удивление стойко сохранять характерные ей традиционные черты, но в условиях крупного городского ремесленного центра развивается под сильным влиянием общеполгарского гончарства. Однако корни некоторых производственных особенностей Джукетау уходили в более ранние периоды истории, где носили характер этнокультурных и даже могли соотноситься с конкретными этносами. Закономерность распространения керамики «типа джукетау» в домонгольское время, выявленная по предварительному картографированию, довольно строгая: получен один центр локализации керамики, с удалением от которого ее количество уменьшается²³. Есть мнение, что «широкие раскопки и картографирование булгарских памятников Нижнего Прикамья с керамикой типа «джукетау» могут привести в конечном итоге к выявлению хотя бы примерных границ Джукетауской округи (княжества?)»²⁴.

Возможности подобных исследований относительно других категорий

исторических источников пока ограничены, однако и здесь имеются интересные материалы. По характерным особенностям изготовления булгаро-татарских эпиграфических памятников XIII–XIV вв. исследователи выделяют четыре региональных варианта, среди которых и «кирменско-джукетауский». Выделение локальных вариантов эпиграфических памятников, по мнению специалистов, указывает на существование региональных школ резьбы по камню. Как указывают исследователи, локальные варианты эпиграфических памятников показывают возвышение отдельных «княжеств», причем территория распространения эпиграфических памятников «булгарского и жуко-тинского округов совпадают с границей этих княжеств»²⁵. Представляются интересными некоторые результаты изучения диалектов языка эпиграфических памятников, в частности, локализация одного из них («дж-диалект») «в бывшем Жукотинском округе»²⁶.

Этническая привязка населения Джукетау затруднена из-за уже значительной его перемешанности, отсутствия вещей в мусульманских погребениях и т.д. Представляется перспективным поиск и исследование ранних участков территории Джукетау, а также его могильников. В связи с этим, по нашему мнению, интерес могут представлять материалы и предварительные результаты небольших раскопок участков примыкающих к городищу Крутогорского селища и могильника, вскрытая часть которого предварительно датируется первой половиной XI в. Керамический комплекс раскопа, в целом отражая общую картину других районов Джукетау, в известной степени отличается от них. Именно здесь, в одной из ранних частей Джукетау, занижено количество керамики «типа джукетау», причем при одновременно повышенном содержании керамики с толченой раковинной в тесте, особенно в нижнем горизонте домонгольского слоя. Данным, полученным при изучении традиционной посуды, в какой-то мере ока-

зались созвучны и результаты раскопок Крутогорского, а также некоторых погребений Донауровского могильника, где выявлены останки, в целом погребенные с чертами как довольно устойчивого мусульманского обряда, так и явными языческими пережитками. Указанные особенности, полученные на фоне заметного содержания в слое керамики с толченой раковинной в тесте, по крайней мере, не противоречат направлению поисков этих истоков в области «прикамско-приуральского финно-угорского мира», правда, достаточно обширного²⁷.

Таким образом, в материалах Джукетау, а также некоторых близлежащих к нему памятников на фоне признаков широкого распространения выявляются присущие им характерные особенности. Есть основания предположить, что эти археологические объекты были связаны между собой относительно более заметно по сравнению с другими и в исторической действительности.

В отношении развитого средневекового государства в первую очередь речь должна идти об экономических связях территорий (населенных пунктов, как правило, с доминирующим центром) в структуре политико-административных единиц. Однако нельзя недооценивать и то, что процесс образования Волжской Булгарии и складывания ее своеобразной культуры происходил в рамках постоянных межэтнических контактов и даже явился их итогом. Здесь существовали элементы большего или меньшего своеобразия, обусловленные в том числе этническим фактором.

Во второй половине XIV в. здесь выделяется ряд земель-княжеств, одним из которых, возможно, даже вторым по значимости после Булгара, оказалось известное по древнерусским летописям «Жукотинское княжество». По контексту летописей упоминание «жукотинских князей» идет в одном ряду с болгарскими. Получается, что первые были относительно независимы от последних. Факт выделения «княжества» свидетельствует не только о простом

собираии земель и политическом контроле над определенной территорией, но и о возникновении образования «с постоянно крепнущими внутренними экономическими связями»²⁸, а также особенностями культуры, часть которых теоретически может фиксироваться археологически.

Верхняя дата культурного слоя (памятника) на сегодняшний день решается в рамках общеисторических процессов и событий второй половины XIV – начала XV вв., отсутствию каких-либо сведений о городе позже 1410 (1411) г. в письменных источниках и с учетом нумизматических находок. Вместе с тем следует учитывать, что сильная нарушенность верхних напластований культурного слоя, слабая разработанность узкой хронологии поздней и постзолотоордынских древностей затрудняют определение верхней даты памятника и оставляют этот вопрос открытым.

Следует учитывать, что после 1236 г. значительная часть населенных пунктов Закамья в полной мере так и не восстановились. Начавшийся с этого времени отток населения на север продолжался, возможно, даже в более-менее стабильные периоды и тем более усиливался в критические. Ослаблением Золотой Орды поспешили воспользоваться разбойники-ушкуйники и русские князья, походы которых как замечательные события отразились в древнерусских летописях.

На всем этом беспокойном и нестабильном фоне закономерными выглядят клады – своеобразные «индикаторы спокойствия» населения. Среди них наиболее известен Джукетауский клад ювелирных изделий с монетами (золотые динары патанских султанов Индии, чеканенные в 1340/41 г.), найденный в 1924 г.²⁹ Среди прочих известных – клад монет из Джукетау, найденный в 1908–1909 гг., и др.³⁰

Естественно, походы русских князей и ушкуйников сыграли свою отрицательную роль на заключительном этапе существования Джукетау. Одна-

ко постепенное угасание и запустение большого города происходило по более глубинным причинам, прежде всего, экономического характера. Очевидно, известные общеисторические события и явления этого времени — изменения в маршрутах торговых путей и перераспределение рынков, усиление влияния поздних кочевников, переселение в Предкамье и др. — непосредственно отразились и на судьбе Джукетау.

В то же время нужно согласиться с теми исследователями, которые считают, что, несмотря на массовый отток населения, джукетауское побережье, где пересекались сухопутные и водные пути сообщения, оставалось весьма оживленным участком и в период Казанского ханства, особенно учитывая его тесные связи с Ногайской Ордой³¹. Городища и прилегающие к ним территории вдоль Камского левобережья, особенно у переправ, в ногайский период истории традиционно продолжали оставаться важными стратегическими пунктами, что, в частности, отразилось в топонимике. Кроме таких известных объектов на территории и окрестностях Джукетау, в качестве примера можно привести «Ногайский вал» («Ногайское городище»)³² на Мысовой (Элеваторной) горе на территории современного города Яр Чаллы (Набережные Челны). Впоследствии, как принято считать, река Кама как естественная преграда в известной мере защищала правобережье от «набегов диких кочевников», или, точнее, согласно общей логике и ретроспекции к предшествующим историческим явлениям и событиям, — основные булгаро-татарские исторические территории левобережья от русской колонизации.

В целом постзолотоордынская и последующая история закамских территорий пока остается в значительной степени дискуссионной и требующей исследований, в том числе в области вопросов, связанных с изучением преемственности памятников средневековья — исторических поселений нового времени³³. Например, отсутствие «клас-

сических» признаков явной преемственности в археологическом культурном слое того или иного памятника — еще не факт ее отсутствия в исторической действительности. Естественный и искусственный «перенос» и «переход» территорий (запрет на использование оборонительных сооружений; изменение гидрографической обстановки и пр.), неравномерность освоения участков, смена видов хозяйственной деятельности, сохранность культурного слоя, неразработанность стратиграфической шкалы и узкой хронологии древностей — вот далеко не полный перечень объективных и субъективных, природных и антропогенных причин и факторов, не позволяющих традиционными методами сделать заключение о хронологической непрерывности или разрыве в пределах отдельно взятого памятника или комплекса памятников.

Доминирование естественно-географического фактора в древности и средневековье обусловило, прежде всего, фактическую преемственность в выборе мест укрепленных территорий в разные историко-культурные периоды и эпохи (использование некоторых городищ в раннем железном веке — раннем средневековье — в булгарское время). Например, указанный «Ногайский вал» на Мысовой горе являлся потенциальной, вероятной и, возможно, непосредственной основой «Чалнинского городка» середины XVII в., построенного «для оберегания от приходу калмыцких и нагайских воинских людей».

Естественно, обеспечение полноценного функционирования этих форпостов колонизации, особенно в самом начале их существования, было невозможно только силами поставленных в жестокие условия существования «универсальных солдат» — бесправных стрельцов и пахарей в одном лице, без использования труда местного населения. Наиболее рентабельные с точки зрения хозяйственного освоения территории в раннерусский период — это развитые в экономическом отношении городские центры предшествующей

исторической эпохи с прилегающими обширными сельскими округами. Не исключено, что, попутно решая политико-идеологические задачи, власть определила место одного из таких военных поселений рядом с историческим ядром предшествующей цивилизации — Биляр — Великим городом, который продолжал оставаться мощным экономическим центром в золотоордынскую, а также, судя по некоторым материалам, и в постзолотоордынскую эпоху³⁴. В таком контексте интересны некоторые ссылки на упоминание «Жукотинского острога», отсутствующего в числе известных русских острогов на территории Закамья. Известно о набегах ногайцев в середине XVII в. на село Жукотино (Саввин городок, Никольское, ныне

село Галактионово)³⁵. Примечательно, что село Жукотино — одно из первых документально зафиксированных здесь поселений нового времени — расположено именно на бывшей территории города Джукетау (на его западной окраине, недалеко от переправы через Каму, в районе локализации торгового места золотоордынского города).

Таким образом, Джукетау с его обширной округой — не только один из крупных во всех отношениях городских центров, известный в международном масштабе, но и хронологически первый объект городской цивилизации средневековья, в определенной степени задавший вектор развития чистопольского микрорегиона в последующие периоды его развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X начале XIII вв. — Казань, 2001. — С. 3, 4.

² Казаков Е.П. Итоги, проблемы и перспективы изучения древностей волжских болгар на рубеже XX—XXI вв. // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы науч. конф. — Ижевск, 2000. — С. 152—156; *он же*. Актуальные проблемы археологии Волжской Булгарии // XXV Уральское археол. совещание. Тез. док. Междунар. науч. конф. — Оренбург, 2001. — С. 161; *он же*. Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв.: проблемы взаимодействия. — Казань, 2007. — 208 с.; Хузин Ф.Ш. Булгарский город...; *он же*. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII — начало XIII вв.). — Казань, 2006. — 583 с.; *он же*. А.Х. Халиков и проблемы булгаро-татарской археологии // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений. — Казань, 2006. — С. 8—17; *он же*. Биляр и его округа. Программа комплексного археологического изучения // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений. — Казань, 2006. — С. 418—443; *он же*. Узловые проблемы изучения средневековой тюрко-татарской цивилизации // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредит. съезда Международ. конгресса. — Казань, 2007. — Т. I. — С. 26—37.

³ История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая степь. — Казань, 2006. — 959 с.

⁴ Памятник известен с XIX в. Раскопки проводились в 1970-е гг. Т.А. Хлебниковой, возобновлены в начале 1990-х гг. Ф.Ш. Хузиным и продолжают автором. Об истории изучения и библиографию см.: Хлебникова Т.А. К истории Жукотина (Джукетау) домонгольской поры (по работам 1970-1972 гг.) // Советская археология. — 1975. — № 1. — С. 249—250; Хузин Ф.Ш. Ранние булгары... — С. 165 и сл.

⁵ Лыков Г.И. Краткие очерки по истории города Чистополя. — Чистополь, 2007. — 24 с.

⁶ Хлебникова Т.А. К истории Жукотина...

⁷ Археологические памятники Центрального Закамья. — Казань, 1988. — № 413.

⁸ Набиуллин Н.Г., Гариф Н.Г., Лыков Г.И., Наккаш Н., Орлова А.Ф. О некоторых результатах историко-археологических исследований в Чистопольском районе в 2007—2008 гг. // Изучение и сохранение историко-культурного наследия Чистопольского района. — Казань, 2008. — С. 5—13.

⁹ См. также: Руденко К.А. Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. — 2006. — № 3/4 (18/19). — С. 28—137.

¹⁰ *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжской Булгарии и ее территория. — Казань, 1975. — 219 с.; *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город...

¹¹ *Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П.* Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. — 1947. — Вып. 21. — С. 109, 110; *Хованская О.С.* Оборонительная система города Болгара // МИА. — 1958. — № 61. — С. 316–329; *Смирнов А.П.* Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. — М., 1974; *Краснов Ю.А.* Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар: очерки истории и культуры. — Казань, 1987. — С. 108–118; *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. — М., 1987. — С. 32–88; *Халиков А.Х.* Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. — Казань, 1994. — 163 с.

¹² *Халиков А.Х.* Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Прикамья. — Казань, 1984. — С. 82–98; *Хузин Ф.Ш.* Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара. — Казань, 1995. — 223 с.; *он же.* Булгарский город... — С. 80–116.

¹³ *Халиков А.Х.* Монголы... — С. 86; *Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф.* Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. — Казань, 1999. — С. 85–100.

¹⁴ *Руденко К.А.* Итоги исследования городища Кашан I в Татарстане: к вопросу о формировании булгарских городов и протогородов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск — Глазов, 1999. — С. 111–134.

¹⁵ См., например: *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 42–44.

¹⁶ *Халиков А.Х.* Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Прикамья. — Казань, 1984. — С. 82–98; *Хузин Ф.Ш.* Великий город на Черемшане...; *Валиуллина С.И., Кочкина А.Ф., Беговатов Е.А., Сташенков Д.А.* Охранные раскопки в Биляре и его окрестностях // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности, издаваемые Российским археологическим обществом. — Выпуск 36. — М. — Казань, 2003. — С. 199–204; *Валиуллина С.И.* Билярское III селище (к вопросу о Биляре золотоордынского времени) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тез. науч. конф. Билярск. — Казань, 1997. — С. 21–24; *она же.* Исследования золотоордынского Биляра // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. — М., 2000. — С. 273–285; *она же.* Бальнгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // Татарская археология. — 2004. — № 1/2 (12/13). — С. 157–191.

¹⁷ *Набиуллин Н.Г.* Город Джукетау в XIII–XIV вв. (к проблеме перехода домонгольского города в золотоордынский) // Татарская археология. — 2001, № 1/2 (8/9). — С. 53–74.

¹⁸ *Хузин Ф.Ш.* Новые исследования на Джукетау // Археологические открытия Урала и Поволжья. — Йошкар-Ола, 1994. — С. 139–142; *Хузин Ф.Ш., Набиуллин Н.Г.* Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. — Казань, 1999. — С. 90–113; *Набиуллин Н.Г.* Раскопки в ремесленном районе Джукетау (по материалам раскопа V 1994 г.) // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. — С. 101–126.

¹⁹ *Хакимзянов Ф.С.* Булгаро-татарская эпиграфика. — М., 1987. — С. 94, 95.

²⁰ *Набиуллин Н.Г. и др.* О некоторых результатах... — С. 5–13.

²¹ *Набиуллин Н.Г.* Некоторые вопросы изучения округа города Джукетау // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредит. съезда Международ. конгресса. — Казань, 2007. — Т. II. — С. 103–114.

²² *Хузин Ф.Ш.* Итоги и перспективы изучения булгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. — Казань, 1993. — С. 21–24.

²³ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. — М., 1984. — С. 230–231.

²⁴ *Хузин Ф.Ш.* Итоги и перспективы... — С. 24.

²⁵ *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники: региональные особенности и этнокультурные варианты // Археология Евразийских степей. — Казань, 2008. — Вып. 6. —

С. 33–36; *он же*. О региональных вариантах болгарских эпитафических памятников // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 32–37.

²⁶ *Хакимянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских болгар. – М., 1978. – С. 20, 21.

²⁷ *Газимзянов И.Р.* Об одном элементе погребального обряда некрополей Волжской Булгарии (по материалам Кожаевского могильника) // Проблемы археологии Среднего Поволжья. – Казань, 1991. – С. 108–109; *Петренко А.Г.* Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. – Казань, 2000. – С. 86.

²⁸ *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – С. 134.

²⁹ *Смолин В.Ф.* Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джукетау // ВНОТ. – 1925. – № 3. – С. 16–28.

³⁰ *Федоров-Давыдов Г.А.* Находки джучидских монет // НЭ. – 1960. – Т. I. – №№ 57, 58; *он же*. Клады джучидских монет // НЭ. – 1963. – Т. IV. – № 58а.

³¹ *Насыров Р.Г.* Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). – Казань, 2007. – С. 34–38.

³² *Игнатъев Р.Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Памятная книга Уфимской губернии за 1883 г. – Уфа, 1884.

³³ *Зорин А.Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья. – Казань, 2001. – С. 87; *Хузин Ф.Ш.* О некоторых проблемах определения времени возникновения болгаро-татарских городов // Казань в средние века и раннее новое время. – Казань, 2006. – С. 5–12; *Насыров Р.Г.* Сельское расселение... – С. 37–38.

³⁴ *Валиулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии по материалам Билярского городища. Казань, 2005.

³⁵ *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877. – С. 405. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). – Одесса, 1882. – С. 167, 168; *Насыров Р.Г.* Сельское расселение... – С. 37, 66.

Аннотация

Новые археологические материалы из раскопок болгарского города Джукетау, существовавшего во второй половине X – начале XV вв., обладают огромным информационным потенциалом, который может быть использован для решения многих конкретных и общих проблем истории не только Джукетауской округи («княжества») на Нижней Каме, но и всей Волжской Булгарии и Золотой Орды в целом. В статье поднимаются также вопросы охраны археологического наследия.

Ключевые слова: медиевистика, селище, керамика, эпитафические памятники.

Summary

The new archeological materials received from the excavations of Bulgarian city Dzhuketau, which existed in the second half of the 10th to early 15th centuries have huge informational potential. It can be used in solution of many particular and general problems of the history of Dzhuketau principality on Lower Kama as well as of Volga Bulgaria and Golden Horde in general. The article also brings up the problem of protecting the archeological heritage.

УДК 314(091)(47+57)

НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ПРЕДКАМЬЯ В ДОМОНГОЛЬСКУЮ ЭПОХУ (к вопросу о времени проникновения постломоватовского населения)

А.З. Нигаматов, кандидат исторических наук

Конец I – начало II тысячелетия н.э. характеризуется глобальными изменениями этнического и социального характера на востоке Европы, начавшимися образованием Волжской Болгарии и Руси и крушением Хазарского каганата. Эти изменения коснулись и всего Прикамья, где прослеживаются миграции новых групп населения. В это время в лесном Прикамье и прилегающей к нему с юго-востока Кунгурско-Мясогутовской лесостепи исчезают ломоватовская, полумская, неволинская общности¹, вместо которых в лесной зоне сложатся родановская и чепецкая культуры, а лесостепная полоса будет занята новой волной зауральских угров. Археологические материалы памятников X – начала XIII вв. Восточного Предкамья представляют значительный интерес с точки зрения изучения этнического состава населения Волжской Болгарии. Большая часть информации об этно-культурном составе населения основана на материалах известных западно-закамских памятников домонгольской эпохи. Сейчас к ним можно добавить памятники Посурья², Приказанья³ и Икско-Бельского междуречья⁴. Материалы же из домонгольских памятников Восточного Предкамья и прилегающих к нему территорий (Кирменский⁵, Краснокадкий, Челнинско-Гулюковский кусты) не освещены в должной степени.

Из обнаруженных памятников Восточного Предкамья в пределах Респуб-

лики Татарстан к домонгольским следует отнести Елабужское, Котловское I и Нижне-Котельничское городища, посад средневековой Алабуги, Нижне-Котельничское и Ахтиальское селища, Елабужские II и IV, Тураевский II могильники, Елабужский клад, Елабужские и Танайские находки, а также разрушенные погребения на Котловском могильнике и Кумысской стоянке. На территории Южной Удмуртии этим же периодом датируются Быргындинское II (Каменный Лог), Чегандинское, Зуево-Ключевские I и II, Благодатское I, Нырғындынское, Ильнешское и, вполне возможно, Кузубаевское и Бобьяучинские городища, Чегандинский и Нырғындынский клад. Сюда же можно отнести расположенный чуть в стороне от Камы уникальный памятник XII вв. – жертвенное место Чумойтло на р. Вала⁶. Безусловно, три десятка памятников не так много на такой стратегически важный регион, к тому же домонгольские находки в большинстве из них немногочисленны и маловыразительны. Тем не менее, они являются маркерами, определяющими северо-восточные границы Волжской Болгарии. Наиболее интересные материалы по проблеме межэтнических контактов можно получить из средневековой Алабуги, которая выделяется от остальных памятников своими размерами и значением.

Известно, что в возникновении и развитии Волжской Болгарии, складывании материальной и духовной культу-

ры ее населения прикамско-приуральские племена сыграли не меньшую роль, чем переселенцы с Восточного Предкавказья и приазовско-подонских степей. Процесс вливания выходцев с Верхней Камы и Приуралья в состав населения этого государства был постоянным в течение всего домонгольского периода. Поэтому занимающее выгодное географическое положение и контролирующее весьма значительную часть Камы Восточное Предкамье всегда было объектом освоения как для мигрантов с востока и севера, так и для групп населения южного степного происхождения.

С предболгарской эпохи Икско-Зайское междуречье постепенно превращается в зону расселения угорских племен, которые проникали туда с бассейна нижней и средней Агидели. В своем движении на запад отдельные группы караякуповского населения доходят до устья Камы (Больше-Тиганский могильник, IV группа керамики Волжской Болгарии по класс. Т.А. Хлебниковой⁷). В это же время возрастает угорское присутствие и на правобережье Камы, которое входило в ареал расселения достаточно смешанного, но в основе своей финно-пермского населения, составившего в дальнейшем основу так называемой «чумойтлинской» культуры.

Во второй половине X в. из районов горно-лесного Приуралья в Волжскую Болгарию проникает новая волна угров, которые изготавливали специфичную круглодонную посуду с цилиндрической шейкой, украшенной гребенчато-шнуровой орнаментацией. Памятники с такой посудой, отнесенные Е.П. Казаковым к постпетрогромской культуре, изучены на широкой территории Приуралья и Прикамья⁸. Среди уфимских и пермских археологов они известны как раннечияликский круг памятников⁹. Пришельцы достаточно быстро ассимилировали остатки караякуповцев и других живших здесь ранее угорских племен.

Исследования последних лет, в частности анализ вещественного, в первую

очередь керамического, комплекса из раскопов позволяют предполагать, что к началу болгарской колонизации края на территории Елабужского городища в пределах первой линии обороны проживала группа угорского населения. Время его прихода на устье р. Тоймы представляется возможным отнести к последней четверти X столетия. Наличие рядом с городищем языческого II некрополя доказывает, что носители гребенчато-шнуровой керамики освоили Елабужское городище до прихода сюда болгар-мусульман. Выбор места для постоянного проживания был обусловлен природно-географическими условиями местности, в частности, близостью переправы через Каму (Луговое – Бетки), за которой начинались основные территории обитания угорского населения и возможностью контролировать р.Тойму, по которому можно было добраться до святилища Чумойтло.

Скоро земли Восточного Предкамья становятся объектом активной колонизации со стороны волжских болгар. Безусловно, прибрежная зона Восточного Предкамья была знакома болгарам задолго до конца X в. Из исторической части Елабуги происходит красноглиняный кувшин с бомбовидным туловом и уплощенным дном. Сосуд имеет сплошное лощение и орнамент в виде многорядных волн¹⁰. Аналогичные кувшины из Танкеевского могильника датируются IX в.¹¹

На высоких мысах правобережья Камы, а также ее притоков один за другим стали строиться небольшие и недолговременные военные крепости – сторожевые пункты по Камской торговой магистрали и рубежам государства, служившие убежищами для немногочисленного болгарского населения в случае опасности. Следы этого процесса можно увидеть напротив устья Зая (Котловское I городище, более известное в народе как «Шишка»), в устье рр. Танайка (Танайские II и III находки) и Азевка (Салауши) и т.д.¹² Некоторые из них в скором времени прекра-

щают свое существование (например, Котловское I городище), а другие, наоборот, становятся важными центрами колонизации края и дают начало поселениям городского типа.

Появление болгарского опорного пункта Алабуга на месте уже существующего поселения можно рассматривать как завершение процесса вхождения края в Болгарское государство. Военно-политические и торговые интересы болгар, взявших в свои руки т.н. «хазарскую торговлю», требовали прежде всего контроля над переправой, Камским торговым путем и р.Тоймой, по которой осуществлялись контакты с финно-пермским (чепецким) миром. Поэтому возникшее на рубеже X–XI вв. на высоком мысу правого берега Камы новое болгарское поселение можно рассматривать, прежде всего, как военно-административный и торговый центр округа. В дальнейшем, с XII столетия, в связи со строительством белокаменной мечети-цитадели, усиливается его значение как культового центра. Не исключено, что она была построена на месте прежде существовавших на этом месте финского или угорского языческого святилища и заменившей его деревянной мечети¹³.

Уход с исторической арены Хазарского каганата выдвинули Волжскую Болгарию, по крайней мере до конца XI в., в качестве гегемона на огромном пространстве от Урала до Верхнего Поволжья. В стране функционировало множество конкурирующих между собой ремесленных центров, выпускавших разнообразную и высококачественную продукцию, значительная часть которой предназначалась на вывоз. Эта продукция реализовалась, в первую очередь, в землях поволжских финнов, камско-чепецких и вычегодских пермяков, угро-тюркоязычного населения Приуралья¹⁴.

Сам процесс колонизации края, его особенности еще очень слабо изучены. Не ясна степень миграции собственно болгарского населения в домонгольскую эпоху. Сложность здесь

заключается в том, что в отличие от «нетоварной» продукции других этнокультурных групп, болгарские изделия (кроме производственного брака) всегда были экспортируемым товаром. Поэтому, скажем, определенное количество болгарской керамики в том или ином памятнике не может пропорционально соответствовать доле болгарского населения в нем. То же самое с украшениями, предметами быта, торговли, оружием и т.д. На Елабужском городище общebolгарская I группы керамика составляет максимум 15–20% от всей керамики домонгольской эпохи. Это на порядок меньше чем в Рождественском городище на Верхней Каме, где доля гончарной общebolгарской керамики достигает от 40 до 60%¹⁵. Подавляющая часть этой высокого качества керамики являлись фрагментами красноглиняных кувшинов хорошего обжига со сплошным или широким лощением поверхности. Доминирование кувшинообразных сосудов объясняется функционированием на городище мечети-цитадели. Скорее всего, общebolгарская керамика здесь была явно привозной. Аналогичная болгарская посуда встречается в материалах языческого IV Елабужского некрополя. Около 40% занимает общebolгарская керамика в посадке Алабуги. Правда там ее значительную долю составляет некондиционная, т.н. бурая посуда, что говорит об ее местном происхождении.

Болгарское население, осваивавшее Восточное Предкамье, не было однородным. Так, материалы с прикамских памятников говорят о достаточно пестром составе пришельцев с юго-запада. Вместе с общebolгарской посудой всегда присутствует керамика типа «джукетау» (XIII группа по Т.А. Хлебниковой). На Елабужском городище она представлена 3–5% от средневековой посуды (на западной половине внутренней территории до 10–12%). Несколько фрагментов обнаружено в посадке Алабуги, и что самое примечательное, наряду с высококачественной общebolгарской керамикой, присутствие которой мож-

но объяснить как привозную утварь, джукетауская посуда обнаружена нами и в языческом IV некрополе X — начала XII вв. Керамику типа «джукетау» (XIII гр.), которая сформировалась на базе посуды IX группы конца IX — первой половины X вв.¹⁶, можно связывать с известными по восточным источникам эсегелами-чигилами. Это юго-восточно-казахстанских истоков население пришло на Среднюю Волгу в конце IX в. через Башкирию на волне печенежских наступлений в Приуралье. Видна типологическая близость горшвидных сосудов IX группы с посудой турбаслинской культуры.

В район слияния Камы и Волги эсегелы, вероятнее всего, спустились с Бельско-Тулвинского междуречья, пройдя вдоль южных границ Восточного Предкамья. Немногочисленные группы этого населения уже тогда могли остаться в крае. Поэтому расширение зоны распространения лепной джукетауской керамики вверх по Каме на волне болгарской экспансии в пермские земли в XI в. не вызывает удивления¹⁷. Коренное этногенетическое отличие от болгар дало носителям данной традиции изготовления керамики возможность самоидентифицироваться в течение всего домонгольского и золотоордынского периодов. Анализ материалов Елабужского, Чалынского и, в особенности, Кирменского комплексов показывает, что джукетауское население было более восприимчиво к контактам с другими прикамскими этнокультурными группами, скажем с носителями XVIII и, отчасти, VII групп керамики.

Как было отмечено выше, постпетрогромская (VII группа по классификации Т.А. Хлебниковой) керамика составляет значительную группу находок Елабужского городища (рис. 2). Очевидно, часть угорского населения приняла участие в строительстве болгарской крепости и проживала в нем в течение всего домонгольского времени. В противном случае сложно объяснить тот факт, что керамика «постпетрогром» в керамическом комплексе большинства

раскопов данного памятника занимает более 80% от всей средневековой посуды. Меньше его лишь в раскопе II, где располагался мечеть-цитадель.

С уграми могут быть связаны захоронения из Елабужского II некрополя. Среди прочего, там были обнаружены украшения, состоящие из двух медных шумящих подвесок и серебряного височного кольца с шаровидной пронизкой. Подвески, по мнению Е.П. Казакова, имеют аналогии в угорском мире¹⁸. Шумящие подвески такого типа часто встречаются в памятниках бассейна р. Чепца¹⁹. Если учитывать, что близкие по технике изготовления находки присутствуют и в бассейне р.Сылва²⁰, привнесение их в бассейны рек Чепцы, Валы и Тоймы уграми может быть обоснованным.

О присутствии в сложном процессе этногенеза населения края еще одного участника нагляднее говорят материалы из посада Алабуги. Речь идет о населении верхнекамских истоков, которое проникало в Волжскую Болгарию волнами с IX в. до монгольских завоеваний. Вопрос о переселении носителей культур ломоватовского круга поднимался в специальной литературе не раз. Большинство исследователей придерживаются точки зрения о насильственном выводе поломо-ломоватово-неволинского населения на Среднюю Волгу во второй половине VIII и второй половине IX вв.²¹ В последствии, какая-то часть этого угро-финского населения, знакомая с болгарской культурой, но не порывавшего со своей исторической родиной, могла вернуться обратно на Чепцу, Среднюю и Верхнюю Каму, привнеся туда новые традиции.

Как памятника, связанного таким ремиграционным финно-угорским населением можно рассматривать пока слабо изученный Елабужский IV некрополь, который на основе анализа погребального инвентаря датируется X — началом XII вв. Костяки лежат на спине головой на ЗСЗ, лицом повернуты на юг. Руки вытянуты вдоль туловища или слегка откинута в сторону. Остатков

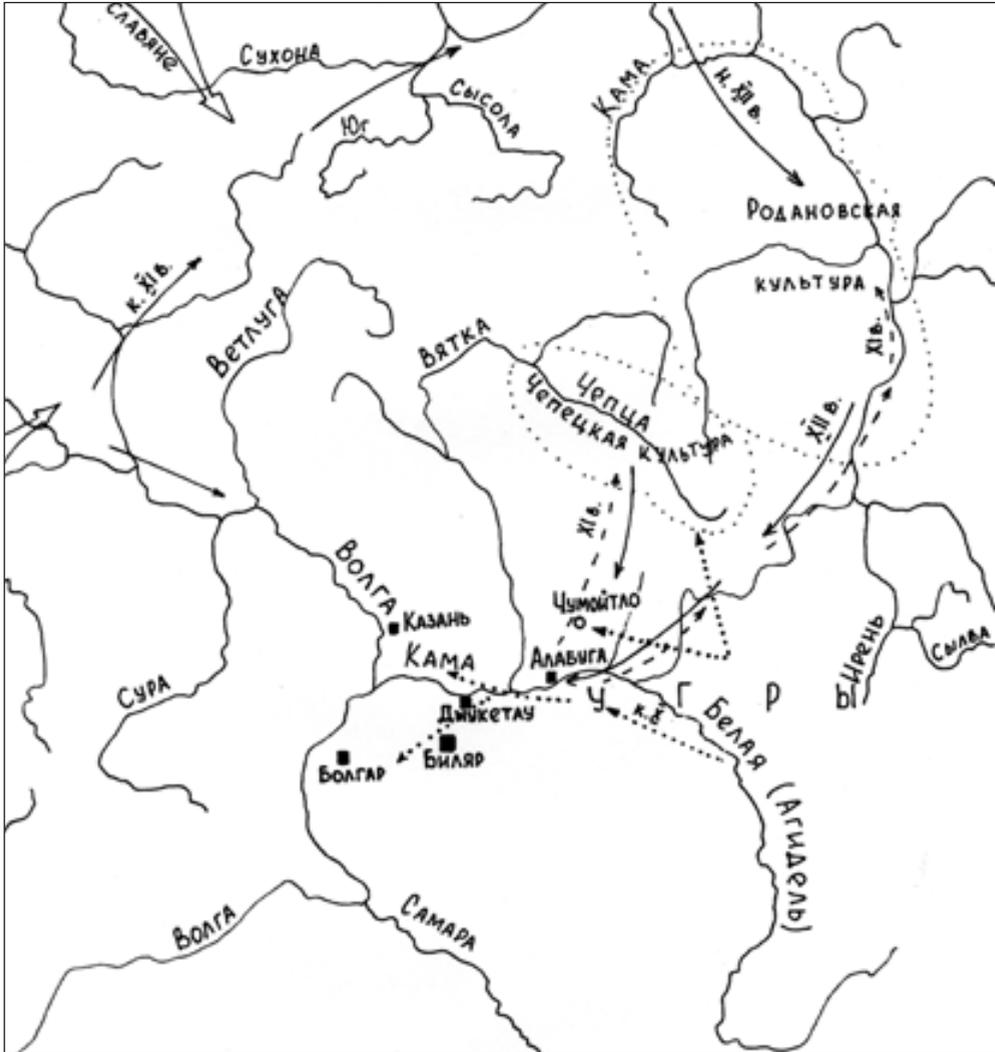

Рис. 1. Основные направления движения финно-угорского населения лесной и лесостепной зоны в X–XII вв.

- - Столица Волжской Болгарии
- - Города Волжской Болгарии
- - Святые места
- XI в. ---> Отток постлюдоватовского населения на Верхнюю Каму и Чепцу
- XII в. —> Движения финского и пермского населения
- ... X в. ...> Направление движения прикамских укров

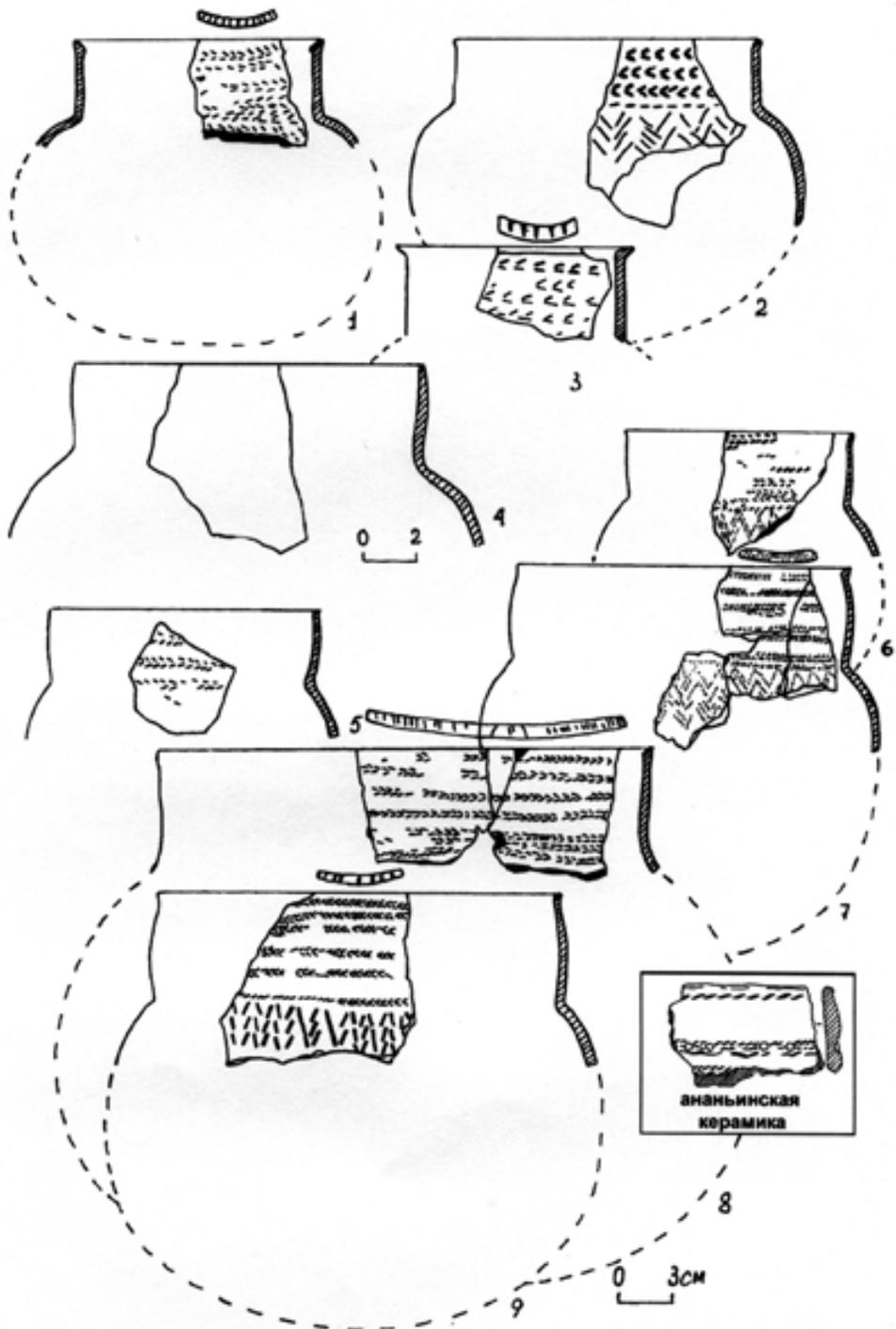

Рис. 2. Прикамско-приуральская керамика («постпетрогром») из Елабужского городища

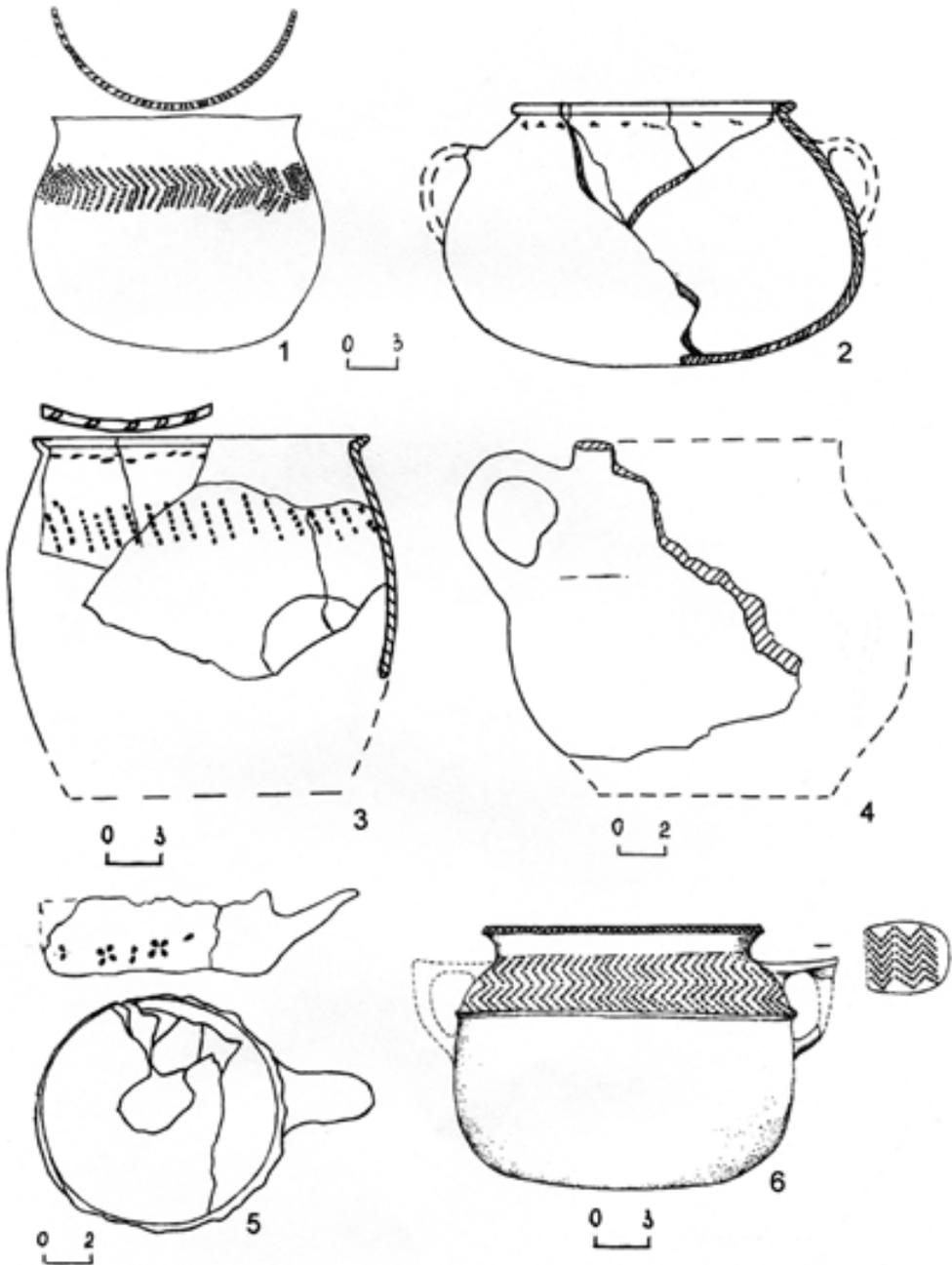

Рис. 3. Посуда финно-пермских истоков (XVIII гр. по Т.А. Хлебниковой):
 1–5 – посад Алабуги; 6 – Рождественское городище

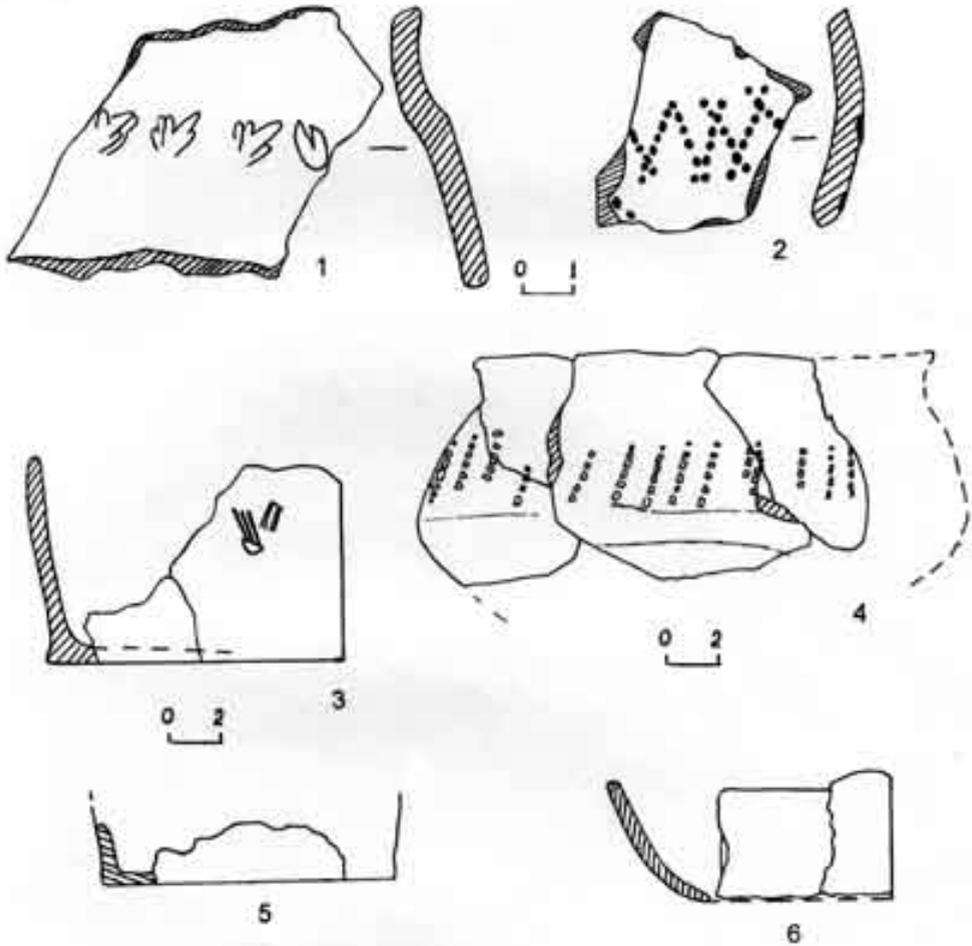

Рис. 4. Финно-пермская керамика из посада Алабуги

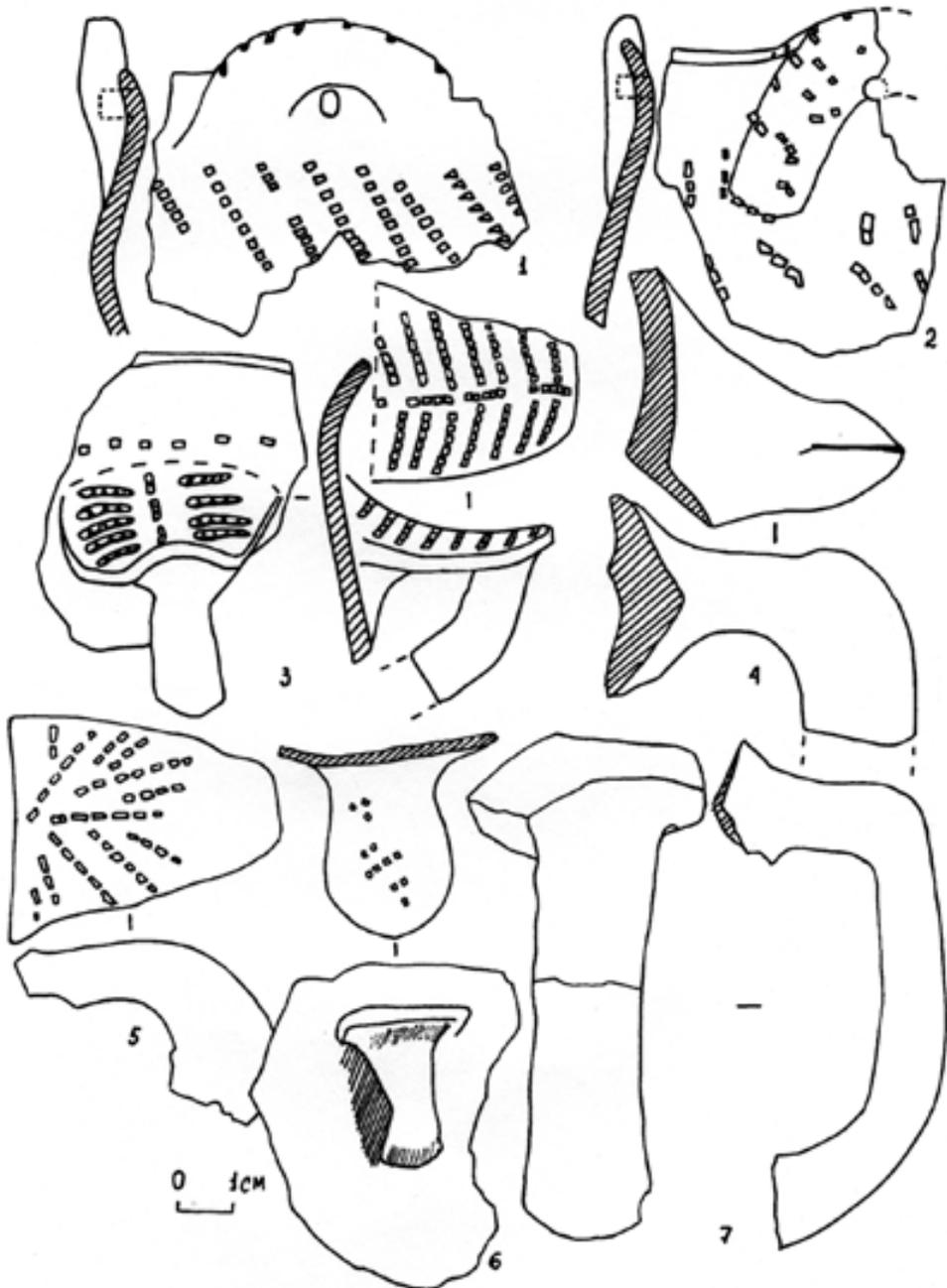

Рис. 5. Ушки котлов и ручки сосудов финно-пермских истоков из посада Алабуги

Рис. 6. Финно-пермские украшения из Алабуги и ее окрестностей:
 1, 11, 13, 20 – посад Алабуги; 7, 9, 12, 16–18 – Елабужские находки Е.К. Тевтяшева;
 2–4, 6, 8, 10, 14, 15 – Котловский могильник; 5 – Ананьинский могильник;
 19 – Саралинская находка

одежды и древесного тлена в погребениях не обнаружено. У изголовья костяка в погр. 1 стояла красноглиняная болгарская кринка домонгольского облика. У правого плеча, перед лицом покойника, были рассыпаны стеклянные бусинки: 10 из них «глазчатые», 3 — «глазчатые с ресничками» темно-коричневого, бордового и синего цвета. Остальные бусинки имеют матовый желто-зеленый оттенок. Там же обнаружено болгарское серебряное височное кольцо с желудеобразной пронизкой. На левой стороне груди найдена медная копоушка с прикрепленными к ней с двух сторон привесками-бубенчиками на цепочках. На предплечье правой руки, в районе локтя, лежал железный нож длиной 10,5 см. Прослеживается обряд обезвреживания покойника, когда перемешивали или совсем убирали крупные кости (погр. 2). В комплексе находок встречается подпружная пряжка, рамчатая, сегментовидной формы размерами 3,5 x 3,5 см, шумящие подвески, ножи, гвозди и т.п. Погребальная керамика представлена лепной раковинной, красноглиняной гончарной и чашевидным одноручным сосудом «джукетауского» типа²².

Комплекс стеклянных бус из погребений характерен в целом для X — начала XI вв. Серебряное височное кольцо с желудеобразной бусиной, украшенной треугольными поясками из зерни, датируются обычно XI—XII вв.²³ Все они встречаются на весьма широком ареале от Северного Урала до Суры. Другие находки имеют более ограниченную территориальную привязку. Так бронзовая копоушка с прикрепленными к ней с двух сторон привесками-бубенчиками на цепочках характерна, судя по материалам чепецких могильников, для XII в.²⁴ Железные рамчатые пряжки сегментовидной формы в болгарских памятниках бытовали, по данным К.А. Руденко, в XI — XII вв.²⁵ Встречаются они и в памятниках Верхнего Прикамья. Аналогии медной конусовидной основе шумящей подвески имеются в памятниках полемской и чепецкой

культур X—XIII вв.²⁶ Ф-видные шумящие пронизки из оловянистой бронзы, происхождение которых, по мнению исследователей, связано с вычегодским населением, начинают распространяться в Прикамье с XI в., когда носители вымской культуры сначала проникли на территорию родановцев, а в дальнейшем вместе с последними спустились на Нижнее Прикамье²⁷.

Анализ топографии, обряда захоронения и вещественного комплекса указывают на типологическую близость данного некрополя к могильникам бассейна р. Чепцы (Кузьминский, Чиргинский, Кыпкинский, Солдырский Чемшай и т.д.), датируемым XI—XIII вв.²⁸ В то же время наблюдается различие в ориентации костяков. Так, в чепецких памятниках X—XII вв. доминирующей ориентацией погребений является северо-восточная. Поэтому в ориентации костяков Елабужского IV некрополя отмечается большая близость к болгарским захоронениям, как языческим, так и мусульманским. На наш взгляд, данный могильник к конца X — первой половины XII вв. принадлежит к смешанному обогаризированному финно-угорскому населению, связанному с населением бассейна Чепцы и Верхней Камы.

Наиболее сложным вопросом в осещении этнических процессов, происходящих в Восточном Предкамье в домонгольский период, является вопрос о времени появления на Нижней Каме носителей постломоватовской традиции непосредственно связанных с родановской культурой. В посаде Алабуги наряду с болгарской керамикой домонгольского облика из нижних отложений культурного слоя в коллекции находок хорошо представлена изготовленная вручную, редко с подправкой на круге, посуда из глиняного теста с большим содержанием толченой раковины черного, бурого, серого оттенков. Некоторые сосуды, имеющие чашевидную форму с оригинальными ручками подтреугольного сечения с горизонтальной площадкой в верхней части

(«языком»), украшены гребенчатом штампом. Такую посуду, представленную горшковидными, чашевидными и котловидными круглодонными с приплюснутостью сосудами, основываясь на материалах Западного Закамья, прежде всего Болгарского городища, Т.А. Хлебникова выделила в XVIII группу своей классификации²⁹. По мнению Т.А. Хлебниковой все из обнаруженных в Болгаре 19 сосудов и 20 фрагментов происходят из слоев второй половины XIII — начала XV вв. При этом будучи весьма заметными в общем составе посуды золотоордынского периода данная керамика встречается как в центре, так и на периферии города. Автор связывает происхождения этой группы посуды с памятниками ломоватовской культуры (Деменковский могильник, селище Телячий Брод) и такими памятниками IX — начала X вв. как Игимский и Чишминский могильники. Проблемы о существенной хронологической лакуне между памятниками ломоватовского круга и нижней хронологической границей существования данной посуды в Болгаре автор не затрагивает. В Джукетау такая керамика также встречается преимущественно в золотоордынском слое³⁰.

Если посмотреть на керамический комплекс другого знакового памятника домонгольской Болгарии — Билярского городища, то в ряду традиционной посуды финно-пермская керамика абсолютно не представлена. Согласно правилу «если чего-то нет в Билярском городище, то его не было в домонгольский период», время распространения керамики XVIII группы было определено золотоордынским периодом. Безусловно, Билярское городище совершенно уникальный памятник домонгольской эпохи, являющийся своеобразным шаблоном для датировки материала. Но исключить проникновение в Волжскую Болгарию носителей гребенчатой керамики еще в домонгольский период лишь опираясь на материалы западно-закамских памятников нельзя.

Посад Алабуги является единственным болгарским памятником, где подобная керамика является количественно доминирующей не только в болгаро-татарском (60%), но и в более раннем домонгольском слое (58%). По принципу, что в любом болгарском поселении население, связанное с традиционной посудой количественно занимает большее место, чем представлена его посуда, мы предполагаем, что финно-пермское население посада Алабуги занимало не менее 2/3 от общего количества жителей. И это население поддерживало постоянные связи со своим исходным регионом. Следует отметить, что явное доминирование в керамическом комплексе посуды населения Верхнего Прикамья или Западного Приуралья в целом является спецификой материальной культуры ранней Алабуги и, может быть, всего Восточного Предкамья. Примерно такое соотношение традиционной и общеполгарской посуды, судя по нашим предварительным данным, полученным в результате исследований 1994 г. Котловского I городища («Шишка»), а также по данным предшествующих исследователей (А.А. Спицына, Ф.Д. Нефедова, А.В. Збруевой), отмечается вплоть до Вятки.

Посад Алабуги уникален тем, что здесь удалось четко проследить присутствие данной посуды в позднедомонгольских конструкциях, а многочисленный материал дает внести корректировку в своеобразие данной посуды. Керамика XVIII группы, по сути, выходит за рамки той характеристики, которая была дана Т.А. Хлебниковой. Материалы предкамских памятников показывают, что она состоит, по крайней мере, из трех подгрупп.

Первая подгруппа представлена горшковидной и мискообразной посудой приземистых форм бурой и черной оттенков. В тесте присутствует мелкотолченая раковина. Высота горшков 15–20 см, диаметр горловины 12–15 см. Миски имеют размер 10–15 см и 11–13,5 см соответственно. Эти толсто-

стенные сосуды имеют круглое или уплощенное дно. Миски с двух сторон снабжены большими ручками круглого или овального сечения, прикрепленными к стенке сосуда путем налепа. Имеют хорошо выраженный валикообразный венчик. Орнамент в виде ногтевых вдавлений под венчиком. Черепки довольно прочные. Керамика имеет явное верхнекамско-пермское происхождение.

Вторая подгруппа — круглодонные горшки, миски и чаши достаточно высоких форм от светлосерого до черного оттенков. Из посуда Алабуги происходит хорошо сохранившаяся миска высотой 13,5 см и диаметром горловины 15 см. Формовочная масса изготовлена с обильным включением раковины. Горловина посуды раструбообразная. Орнамент в виде широкого гребенчатого штампа — горизонтальной елочки — нанесен по плечу посуды. Венчик украшен 3-х зубчатой гребенкой. По сравнению с первой подгруппой посуда более тонкостенная. Черепки такой керамики плотные и прочные. Именно с этой керамикой связано распространение оригинальной ручки подтреугольного сечения с горизонтальной площадкой в верхней части, украшенной гребенчатым штампом. Прототипом таких ручек были ручки-выступы чашевидной посуды местного населения края. Истоки данной посуды следует искать в угорским мире.

Третья подгруппа XVIII группы керамики представлена различными формами плоскодонной посуды: горшками, мисками, чашками, кружками и светильниками. Большинство обнаруженной в поселе Алабуги данной керамики имеет серый или черный цвет. В тесте традиционно присутствует толченая раковина. В появлении этой подгруппы керамики участвовала посуда, по крайней мере, трех истоков. Так горшки этой подгруппы имеют достаточно высокие пропорции с хорошо выраженными венчиками. Орнамент обычно состоит из наклонного многозубчатого гребенчатого штампа по туловищу, 3-х зубча-

того штампа или насечки по венчику и ногтевых вдавлений под венчиком. Иногда на стенке сосудов чуть выше дна можно встретить вдавленные знаки. Плоскодонные светильники высотой 2-3 см и диаметром 8-10 см орнаментированы фигурными вдавлениями, характерными для пермско-чепецкой посуды. Но их происхождение, как и появление кружек, является результатом влияния общеболгарской керамики. Как нам кажется, лепная посуда третьей подгруппы сформировалась в результате проникновения или возвращения на Верхнюю Каму из территории Волжской Болгарии финно-угорского населения, знакомая с традицией изготовления гончарной (плоскодонной) керамики. Этот процесс шел параллельно увеличению болгарского присутствия на родановских памятниках. Как результат влияния болгар и особенно, вернувшейся части пермского населения, можно признать увеличения в позднеродановских могильниках погребений с западной ориентировкой и уменьшение количества (и ухудшение качества) погребального инвентаря по сравнению с более ранним временем. Такие же изменения можно увидеть и на Чепце на примере Адамовского могильника³¹.

Сама проблема смешения мигрантов с Верхней Камы с уграми Закамья, степень которого исследователями часто преподносится как достаточно высокая, требует дальнейшего уточнения. Так на Елабужском городище, где угро-тюркское население было доминирующим в течение всего домонгольского периода и где керамика VII группы («постпетрогром») является преобладающей, не был обнаружен ни один фрагмент посуды верхнекамских истоков. И, наоборот, в поселе города, где пермская керамика (XVIII группа) наиболее многочисленна, за все годы раскопок обнаружено всего 5 фрагментов прикамско-приуральской керамики. А ведь памятники существовали одновременно, более того, они по сути являются кремлем и посадом одного города.

Есть еще один довод в пользу позднедомонгольской датировки начала распространения керамики XVIII группы в Восточном Предкамье. В последующий период, во второй половине XIII–XIV вв., на территории посада Алабуги, в пределах рва, откуда массово происходит финно-пермская посуда, располагался мусульманский могильник с хорошо прослеживаемыми языческими пережитками. По своим погребальным традициям Елабужский III некрополь схож с позднечеляликскими памятниками Восточного Татарстана и Северного Башкортостана.

Наряду с керамикой значительную роль в освещении сложного этно-культурного процесса в регионе играют бронзовые украшения. При этом женские украшения, как этноопределяющий индикатор, часто используются археологами при привязке их носителей к конкретному этносу. Большинство из них связано с определенным регионом изготовления, и будучи даже весьма распространенными на значительной территории находками дают относительно конкретную этно-территориальную и хронологическую идентификацию.

В 2003 г. в посаде Алабуги (раскоп VIII) было обнаружено зооморфное украшение типа VI подтипа а (по Т.К. Ютиной³²), которое представляло из себя литую уточку, украшенную с обеих сторон рельефными жгутами или полосками и имеющую привесок-лапок. Аналогичные уточки происходят из Котловского могильника и Ананьино. Другого подтипа уточки были обнаружены в свое время и в с. Танайка. Оттуда происходят два бронзовых украшения в виде полых уток с колечками по бокам для подвесок, у одной такие же колечки приделаны к голове. Поверхность украшена геометрическим узором или спиралью. Находки хранятся в фондах НМ РТ. Т.К. Ютина в своей работе указывает на коллекцию елабужанина Е.К. Тевтяшева, где среди прочих бронзовых изделий присутствуют и две подвески-уточка. У одной из них на голове приделано колечко для подвешивания.

Находки бронзовых украшений в Елабужском крае были не редкостью. Такие шумящие подвески, в том числе зооморфные в виде уточки, связывают в Восточном Предкамье, прежде всего, с бассейном Чепцы и, в меньшей степени, Верхним Прикамьем. Шумящая птицевидная подвеска с ажурными прорезями большинством исследователей датируется в пределах XI – первой половиной XIII вв., т.е. домонгольским периодом³³.

Е.П. Казаков связывает появление подвесок-уточек с проникновением на Среднее Поволжье мерянского населения³⁴. Хотя автор прямо об этом не говорит, но предполагается появление этих «поволжско-финских» изделий напрямую: Марийское Поволжье – устье Камы – Восточное Предкамье. Связывать их со славяноидной керамикой с рифлением, как в памятниках Марийского Поволжья XI–XII вв., таких как Починковский, Выжумские I и II могильники, не всегда оправдывает. Так, в хорошо изученном Кирменском комплексе славяноидная керамика хоть и редко, но встречается. Тогда как за все годы изучения не обнаружено ни одной «уточка». Нам кажется, что традиция изготовления таких зооморфных подвесок пришла на юг Камско-Вятского междуречья из Верхней Камы и Чепцы вместе с керамикой XVIII группы. По крайней мере, в зоне распространения здесь подвесок-уточек везде встречается керамика финно-пермских истоков, тогда как ни в Котловке, ни Ананьино, тем более Алабуге поволжско-финской керамики нет.

Таким образом, можно предположить, что насильственным путем или добровольно попав на Нижнюю Каму и Среднюю Волгу часть населения культур ломоватовского круга, освоившая к этому времени какие-то элементы материальной, отчасти духовной культуры болгар, на волне продвижения последних на Верхнюю Каму вернулась на свою историческую родину, принося туда новые традиции. Эти финно-угры будут активно участвовать в развитии

родановской культуры в XI – XII вв. Во второй половине XII в. в общем движении финских и пермских групп населения на восток и юг, часть родановского населения появляется на Нижней

Каме. Достаточно узкий путь их движения вниз по Каме до г. Болгар просматривается присутствием в болгарских памятниках керамики XVIII группы финно-пермских истоков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985. – С.131-133. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск, 1990. – С. 94.

² *Белорыбкин Г.Н.* Домонгольские памятники болгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Киев, 1991. *Расторопов А.В.* Об этнокультурной ситуации в лесостепи Волго-Донского междуречья в конце I – начале II тыс.н.э. // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995.

³ *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X – начале XIII вв. / Отв. ред А.М. Белавин. – Казань, 2001. – С.196 и сл. *Ситдииков А.Г.* Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. – Казань, 2006. – С.106-108.

⁴ *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX – XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань, 2007. – 208 с.: ил.

⁵ *Нигамаев А.З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения / Отв.ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. – С.36-56.

⁶ *Голдина Р.Д.* Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск, 1987. – С. 84-106.

⁷ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М.: Наука, 1984. – С.69.

⁸ *Казаков Е.П.* О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа, 1987. – С.67–75.

⁹ *Гарустович Г.Н.* Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры.

¹⁰ *Нигамаев А.З.* Средневековая Алабуга: итоги археологических исследований за 1996–2006 гг. // Камский торговый путь. Материалы Всероссийской научной конференции. – Елабуга, 2008. – С.8.

¹¹ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. – С.60.

¹² *Нигамаев А.З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. – С.34.

¹³ *Нигамаев А.З.* Ранняя история Елабуги. – Елабуга, 2007. – С.15.

¹⁴ *Казаков Е.П.* Волжская Болгария и финно – угорский мир // *Finno – Ugrica*. 1997. – № 1. – С.33–53. *Он же.* Об освоении болгарскими Казанско – Марийского Поволжья в X – XI вв. // Археологическое изучение болгарских городов. – Казань, 1999. – С.63–71.

¹⁵ *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь, 2008. – С.174 и сл.

¹⁶ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. – С.169.

¹⁷ *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула. – С.203.

¹⁸ *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии / Отв. ред. А.Х.Халиков. – М.: Наука, 1978. – С.26-27.

¹⁹ *Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов X – XIII вв. – Ижевск, 1992. –184 с. *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII вв.) / Отв. ред. М. Г. Иванова. –Ижевск, 1998. –рис.16: 13.

²⁰ *Пастушенко И.* Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // *Finno-Ugrica*. № 9. – 2005-2006. – С.64

²¹ *Генинг В.Ф.* Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989. – С.222. *Голдина Р.Д.* Древняя и сред-

невековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – С.295. *Иванов В.А.* О характере этно-культурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С.115.

²² *Нигамаев А.З.* Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. – С.32-33.

²³ *Казakov Е.П.* Булгарское село X – XIII веков низовий Камы. – Казань: Таткнигоиздат, 1991. – С.116.

²⁴ *Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов X – XIII вв. Ижевск, 1992. – рис.47:42

²⁵ *Руденко К.А.* Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. – Казань: Школа, 2001. – С.124, табл. II: 4.

²⁶ *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Рис. 16: 13.

²⁷ *Савельева Э.А.* Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми / Отв. ред. А.П.Смирнов. – М.: Наука, 1971. – С.52, табл. 13: 19. Белавин А. М. Камский торговый путь: Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. – С.148, рис. 31: 11.

²⁸ *Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов X – XIII вв. – Ижевск, 1992. – 184 с.

²⁹ *Хлебникова Т. А.* Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 35 и сл.

³⁰ *Хузин Ф. Ш., Набиуллин Н. Г.* Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.) // Археологическое изучение болгарских городов. – Казань, 1999. – С. 102.

³¹ *Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов X – XIII вв. – С.14.

³² *Ютина Т.К.* Археологические памятники VI – XIVвв. Южной Удмуртии (дисс. на соискание канд. ист. наук). –М., 1994. –С. 38.

³³ *Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно – угров //Отв. ред. В.В. Седов. М: Наука, 1979. (САИ. вып. Е1-59). – С. 23, табл.7: 4–6. *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X – XIV вв. / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. Л.: Наука, 1981. (САИ. Е1-60). – С.18, табл. VI. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – Рис.133: 2.

³⁴ *Беговатов Е.А., Казаков Е.П.* Птицевидные подвески мери и веси из Татарии // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. – Иваново, 1990. – С.12-14.

Аннотация

В статье разбираются проблемы этно-культурных контактов в Восточном Предкамье в домонгольскую эпоху, которое тогда становится зоной столкновения тюрко-болгарского, угорского и финно-пермского миров. На основе комплекса находок с предкамских памятников рассматривается степень участия каждого компонента в сложении уникальной материальной культуры населения края. Особенно заметна роль финно-пермского населения, представленного т.н. XVIII группой посуды. Новые археологические данные позволяют датировать время появления носителей данной керамики в Волжской Болгарии XII в.

Ключевые слова: памятник, раскоп, керамика, обряд, погребение, сосуд.

Summary

The article considers the problems of ethnic and cultural contacts in the Eastern Pre-Kama region in pre-mongolian period. At that period the region becomes the zone where the cultures of Turkic Bulgars, Ugors and Finno-Permian people come into collision. Basing on the archeological finds the author analyzes the participation of each component in the formation of the unique material culture of the local inhabitants. There is a special role of Finno-Permian population, which is presented with so called 18th group of dishes. The new archeological data allows defining the time when the bearers of this type of ceramics in Volga Bulgaria in the 12th century.

УДК 902.3

РАСКОПКИ 2004 г. НА БОЛЬНИЧНОМ БУГРЕ
СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА
(к проблеме существования Сарая
на постордынском пространстве)

Е.М. Пугарев, кандидат исторических наук

В 2004 г. археологической экспедицией Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника продолжались археологические исследования на территории Селитренного городища Харабалинского района Астраханской области. Раскоп XXXVI был заложен на береговом обрыве Больничного бугра в целях исследования уничтожаемого ежегодными паводками культурного слоя городища. Он связал между собой в единую полосу участки, исследованные ранее¹.

Все обнаруженные на раскопе сооружения подразделяются на пять строительных периодов, описание которых приводится ниже.

I строительный период (рис. 1). К нему относятся ямы № 5 и 9, выявившиеся при зачистке материка.

Яма № 5 (бадрап) выкопана в материке, перекрыта культурными слоями последующих периодов. Яма квадратной в плане формы со слегка скругленными углами. Размеры у дна — 114 x 114 см; в верхней части — 196 x 224 см. Заполнением служила комковатая серо-зеленая супесь с большим количеством обломков керамики и костей животных.

Яма № 9, судя по конструкции и заполнению, является остатками искусственного водоема — хауса. В пределах раскопа обнаружено три его стены. Западная стена, выкопана в материке, частично уходит в северный борт рас-

копа. С юга хаус ограничен искусственной набивкой из перемешанного материкового суглинка. Набивка пересекает площадь раскопа с востока на запад и уходит в восточный и западный борты раскопа. Ее максимальная мощность достигает 52 см, ширина — 180–200 см. В квадрате 9 набивка соединяется с западной материковой стеной и образует угол хауса, в квадрате 12 лежит на культурном слое толщиной до 30 см, который состоит из зеленоватого суглинка с включением обломков кирпича, фрагментов керамики и костей животных. С востока хаус ограничивается набивкой, фрагментарно прослеженной в восточном борту. Этот участок стены хауса сильно разрушен поздними ямами и перекопами. Материковое дно имеет зеленоватую окраску на глубину до 10 см от поверхности. Окраска материка объяснима фильтрацией в него воды из хауса.

Заполнение хауса по всей площади делится на несколько хорошо различных слоев. Нижний, придонный слой состоит из илистых, с песком, осадков, обильно насыщенных обломками кирпича, костями животных и множеством обломков керамических сосудов. Мощность этого слоя 30–40 см. Степень насыщения остатками этого слоя — более 60%. Отдельные участки представляли из себя сплошной слой битой керамики, толщиной до 15 см. С площади 36 кв. м было получено более 1600 фрагментов различных керамических сосудов. На

90% это неполившая красноглиняная керамика. По характерным признакам отмечены: кувшины широкогорлые (водоносные) – 12 шт., двуручные амфоровидные сосуды – 8, среди них 3 «трапезундского» облика; кувшины с носиком – 23, хумчи – 6, миски глубокие – 4. Кроме того, в придонном слое хауса были обнаружены обломки 16 поливных чаш, красноглиняных и кашинных. Отмечены находки обломков дигирных сосудов.

Следующий слой связан с исчезновением хауса, он характерен ярко выраженной слоистостью – слои супеси, насыщенные обломками кирпича и фрагментами керамических сосудов, перемежаются прослойками золы и песчаными линзами, т.е. после прекращения существования водоема, котлован от него превратился в мусорную яму, которая постепенно заполнялась различным материалом. На границе слоя существования хауса и слоя, возникшего после его исчезновения, в квадратах 7 и 8 обнаружено скопление человеческих останков: 8 черепов, а также длинные кости рук и ног. Отдельные человеческие кости найдены в этом же слое в квадратах 6, 10, 14. Все кости располагались в слоях грунта по отдельности, без соблюдения какого-либо анатомического порядка.

Хаус входил в систему водоснабжения одной из частей города и, по всей видимости, обслуживался чигирной установкой; его исчезновение мы можем связать с одним из этапов существования города, предположительно серединой – второй половиной XIV в.

II строительный период. К нему относятся ряд ям и два сооружения (рис. 2).

Сооружение № 2 (печь) расположено в квадратах 6, 9, 10. Печь установлена на остатках культурного слоя первого строительного периода. Для нивелировки перед строительством площадка была засыпана слоем, состоящим из обломков керамики, жженого кирпича, костей животных.

Печь в плане прямоугольной формы ориентирована длинной осью по

линии СЗ – ЮВ. Размеры сооружения: 184 x 114 см. Сохранившиеся стены сооружения (западная, северная и южная) сложены из сырцового кирпича размерами 6 x 24 x 32 см. Кирпич уложен плашмя, вперевяз на глинистом растворе. Кладка сохранилась на высоту 5 рядов. Кроме сырцового кирпича в кладке использованы обломки жженого кирпича. Внутренняя поверхность стен покрыта глиняной обмазкой толщиной до 1,5 см. Внутренняя полость печи имеет размеры 160 x 60 см. Поверхность стен и пола имеют следы сильного прокала (до 3–4 см). Топка полукруглой формы, по всей видимости, находилась с ЮВ. Перед топкой сохранились остатки зольника размером 180 x 200 см.

С внешней стороны южной стены сооружения обнаружены два вертикальных отверстия: одно – квадратной формы (10 x 10 см) глубиной 40 см, на дне зафиксированы остатки древесного тлена; другое – круглое диаметром 10 и глубиной 44 см, на дне остатки древесного тлена и слой золы.

Внутренний объем печи был заполнен серо-зеленой супесью с обильным включением угольков, рыбьих костей, чешуи, обломков костей животных, кирпичной и алебастровой крошкой. На дне находился слой золы и угля, толщиной до 5 см. В заполнении найдена медная золотоордынская монета, к сожалению, полностью окислившаяся.

Сооружение № 3 (печь) расположено в квадратах 13, 17 (рис. 8). Печь установлена на остатках культурного слоя первого строительного периода. Юго-западный угол сооружения уходит в западный борт раскопа. Печь в плане прямоугольной формы, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Размеры сооружения: 196 x 140 x 114 см. Сооружение имеет комбинированную конструкцию.

Северная стена – пахсовая, изготовлена путем набивки глиняной массы в опалубку. Ширина стены достигает 15 см. В глиняной массе, из которой изготовлена стена, встречены мелкие обломки жженого кирпича, керамики

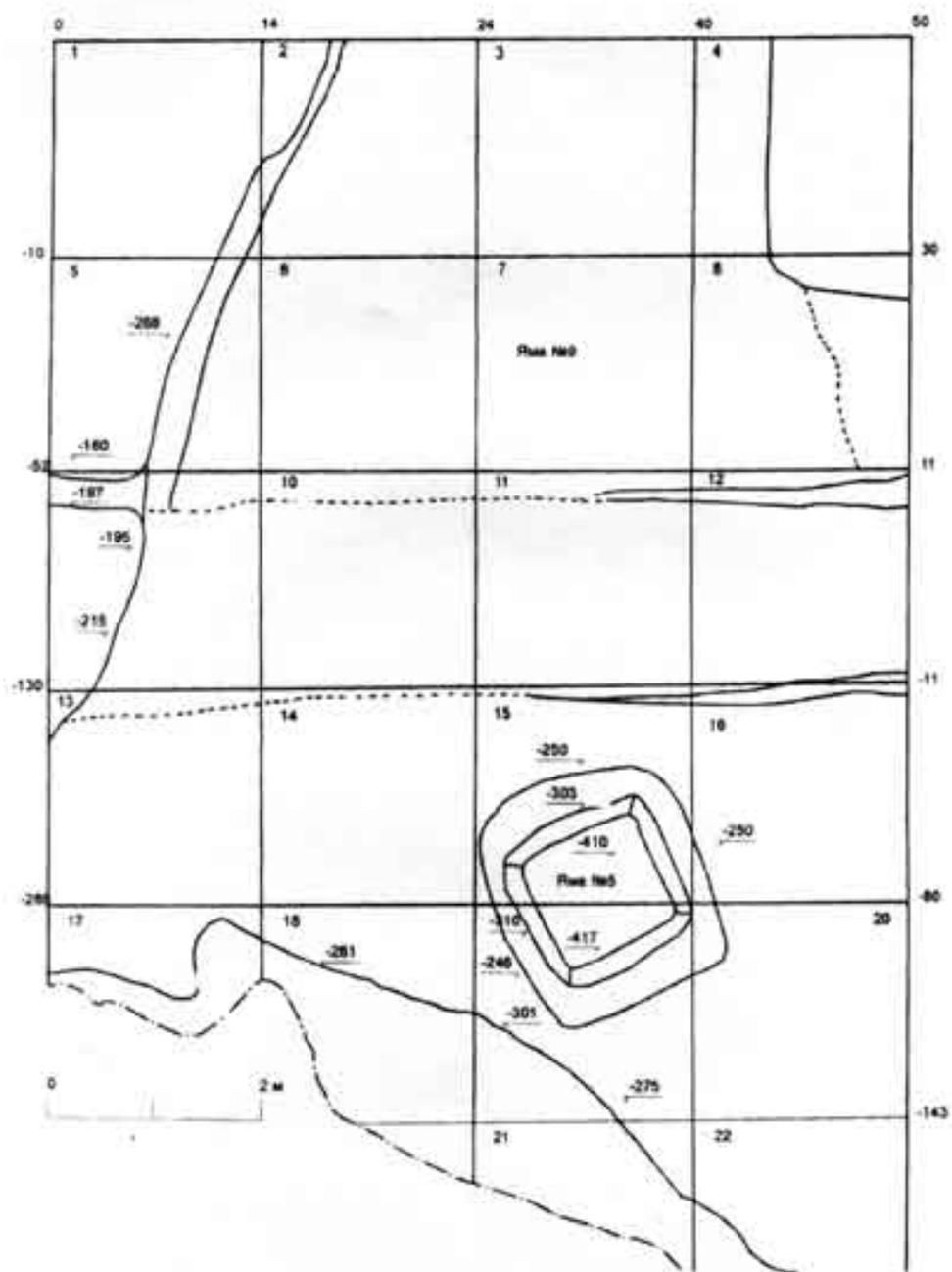

Рис. 1. План I строительного периода

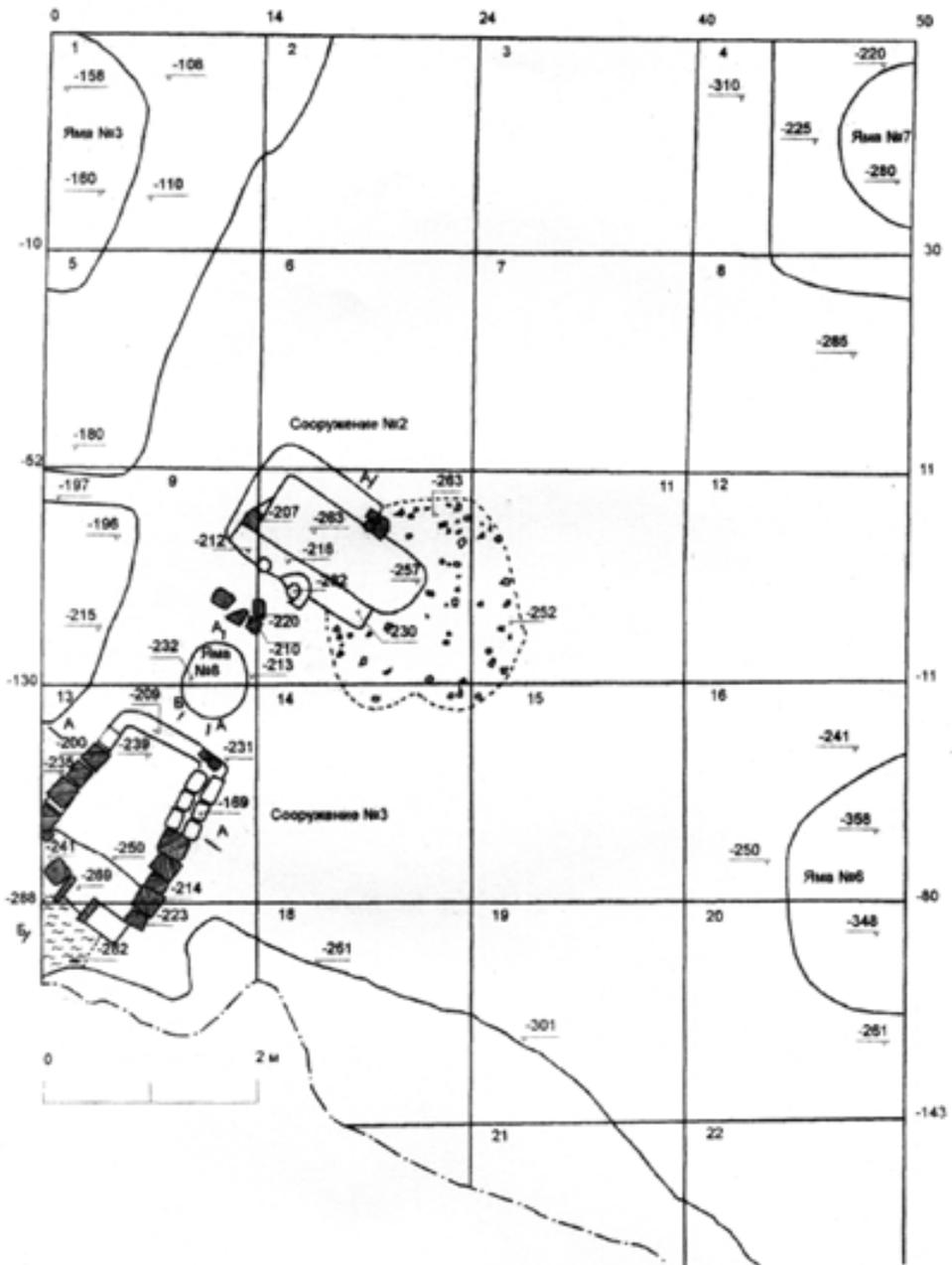

Рис. 2. План II строительного периода

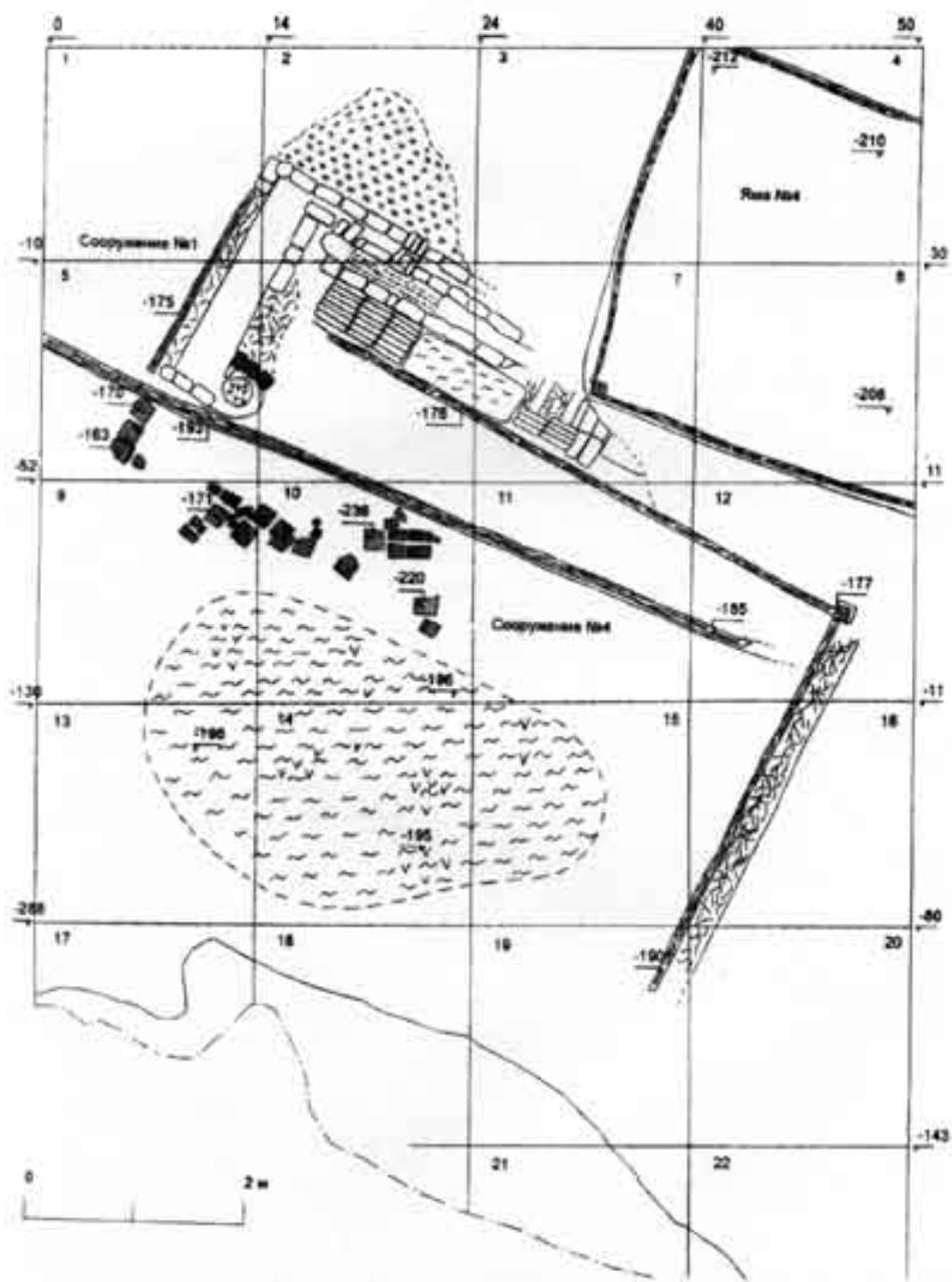

Рис. 3. План III–V строительного периода

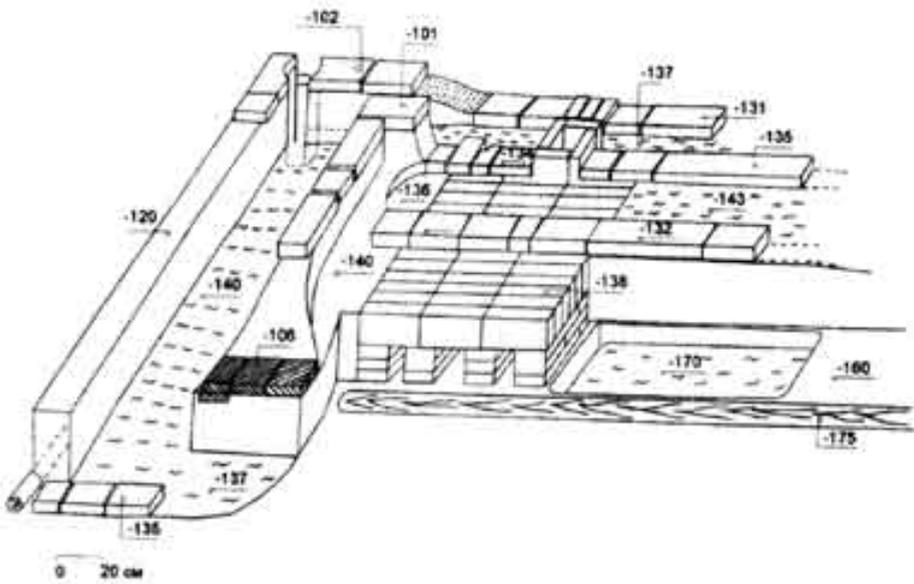
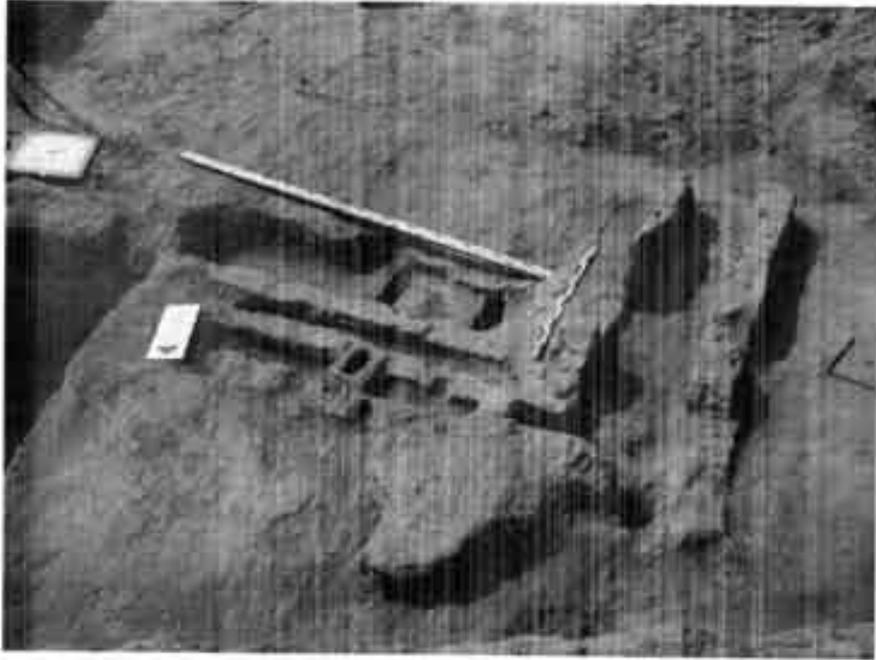

Рис. 4. Селитроварня

и костей животных. Стена плавно переходит в западную и восточную стены. Западная стена сложена из жженого кирпича на глиняном растворе. Кирпичи уложены плашмя, вперевяз. Стена сохранилась на четыре ряда кирпича в высоту. Северная часть западной стены — паховая, сделана одновременно с северной стеной сооружения. Длина пахового участка 40 см, ширина до 15 см. Восточная стена, так же как и западная, имеет паховый участок, длиной 30 см, шириной 25 см. Основная часть стены сложена из жженого кирпича на глиняном растворе. Кирпичи уложены плашмя, вперевяз. В северной части жженный кирпич перекрыт слоем сырцового кирпича, уложенного плашмя на глиняном растворе в два ряда. Стена сохранилась на семь слоев жженого и один слой сырцового кирпича в высоту. Размеры сырцовых кирпичей: 24 x 12 x 6 см; 14 x 16 x 7 см. Южная стена сооружения сохранилась в виде топочного отверстия, оформленного поставленными на ребро жжеными кирпичами. Углы, соединяющие эту стену с западной и восточной не сохранились, но, судя по развалу, были также паховыми. Перед топочным отверстием сохранились остатки зольника, частично разрушенного береговым обрывом, частично уходящим в западный борт раскопа.

Дно сооружения понижается с севера на юг. В южной части по всей ширине дна образована ступенька шириной до 55 см. Внутренняя поверхность стен и пола имеет следы сильного прокала (до 3–4 см). Внутренний объем печи был заполнен серо-зеленой супесью, с обильным включением угольков, рыбьих костей, чешуи, обломков костей животных, кирпичной и алебастровой крошкой. На дне находился слой золы и угля толщиной до 5 см. Кирпичи, применяемые для строительства сооружения, вторичного использования. Размеры кирпичей: 24 x 24 x 5, 26 x 26 x 5 см.

Яма № 8 овальной в плане формы размером 70 x 60 см. Стенки ямы отвес-

ные, дно ровное. Заполнением служил перемешанный суглинок с обломками красноглиняной керамики и костей животных.

Яма № 7 выкопана в глиняной набивке, относящейся к более раннему периоду. Частью уходит в восточный борт раскопа. Яма, видимо, круглой в плане формы (размеры в раскопе — 150 x 70 см). Стенки вертикальные, дно плоское. Заполнением служила серо-зеленая супесь с включениями обломков красноглиняной керамики и костей животных. Здесь же было найдено золотое украшение — булавка, на вершину которой припаян кабошон бирюзы в простом касте (рис. 4) и костяные ювелирные веса (рис. 5).

Яма № 6 выкопана в материке, частично уходит в восточный борт раскопа. Яма, видимо, овальной в плане формы (размеры ямы в раскопе — 240 x 108 см). Стенки слегка сужаются ко дну, дно не ровное. Заполнением служила серо-зеленая супесь с включениями обломков керамики и костей животных.

Яма № 3 выкопана в материке, частично уходит в западный борт раскопа. Яма, видимо, овальной в плане формы (размеры в раскопе — 238 x 90 см). Стенки слегка сужаются ко дну, дно плавно понижается с севера на юг. Заполнением служила рыхлая серо-зеленая супесь с включениями обломков керамики и костей животных.

III строительный период включает сооружение № 1, представляющее собой сложную конструкцию, связанную с остатками селитроваренного производства (рис. 3).

Сооружение расположено в квадратах 1, 2, 5–7, 11, 12, 16, 19 (рис. 6). Оно состоит из двух частей: основного помещения и прилегающей к нему с северной стороны многоярусной сырцово-глинобитной конструкции. Все сооружение построено на сnivelированном культурном слое золотоордынского времени.

Помещение прослежено по остаткам двух горизонтально лежащих бревен диаметром 10–15 см. Бревна относятся

к хвойным породам — в сохранившихся фрагментах отмечены характерные, хорошо просмоленные сучки. «Северное» бревно длиной 530 см ориентировано по линии СЗ — ЮВ. «Восточное» бревно с сохранившейся длиной 380 см ориентировано по линии СВ — ЮЗ. Восточное бревно понижается с севера на юг. Соединяясь, северное и восточное бревна образуют угол помещения, в месте их пересечения зафиксирована столбовая ямка (22 x 22 см) от вертикально стоящего бревна. Бревна уложены в заранее выкопанные канавки шириной до 20 см.

К восточному бревну по всей протяженности, с внешней стороны, примыкают остатки глинобитной стены шириной до 30 см. Остатки стены, так же как и восточное бревно, понижаются с севера на юг. Вся центральная часть помещения уничтожена более поздним сооружением № 4.

Северо-западную часть сооружения № 1 занимают остатки сырцово-глинобитной конструкции — промышленной печи, примыкающей к северному бревну с внешней стороны. Конструкция построена в котловане, выкопанном в золотоордынском культурном слое. Его западная стена частично разрушила материковую стенку древнего хауса.

Конструкция печи имеет в плане Г-образную форму (рис. 7–8). Размеры конструкции: к северу от бревна ширина до 110 см, длина 320 см; западная часть — длина 220 см, ширина до 100 см; восточная часть конструкции, разрушенная более поздней ямой № 4, сохранилась в размерах 80 x 50 см. К северу от нее отмечена плотная глинобитная подпорная платформа мощностью до 50 см из перемешанного и утрамбованного материкового грунта; ниже находился средневековый культурный слой. Платформа сохранилась в размерах 190 x 110 см.

Западная часть Г-образной конструкции представляла собой очаг и идущий от него дымоходный канал. Очаг находился в юго-восточном углу, имел округлую форму (40 x 40 см). С север-

ной стороны обложен золотоордынским жженым кирпичом. Дно очага прокаленное, на дне отмечен слой золы и угля мощностью до 5–7 см. Заполнение очаговой части конструкции состояло из прокопченных обломков сырцового и жженого кирпича вперемешку с золой и грунтом.

Дымоходный канал имел размеры 210 x 40 см. Стенки канала выполнены из утрамбованного грунта, материалом послужил средневековый культурный слой; глинобит включает в себя мелкие фрагменты золотоордынской керамики, кирпичную и известковую крошку, обломки костей. Толщина западной и северной стенок канала доходит до 15 см, восточной стены — до 30 см. Западная глинобитная стенка примыкает к материковой стене хауса. В основании стенки канала, с внешней стороны, по всей длине прослежены остатки горизонтальной жерди диаметром 6–8 см. Жердь прерывается бревном более позднего сооружения № 4. Южная стенка канала зафиксирована в виде трех сырцовых кирпичей, лежащих плашмя. Поверх глинобитных стен канала сохранились остатки сырцовой кладки из обломков и целого кирпича. Размеры кирпичей 30 x 16 x 7 см.

Дно и стенки канала прокалены. Заполнение канала: на дне слой спрессовавшегося бледно-серого пепла мощностью до 15 см, поверх него — завал рухнувшего перекрытия, состоящий из обломков сырцового и обожженного кирпича вперемешку с грунтом и фрагментами деревянных брусьев диаметром 4–6 см. По расположению деревянных фрагментов в завале можно предполагать, что брусья в толще сырцовой кладки, обвалившейся внутрь канала, использовались как арматура поперечного перекрытия.

В северо-западном углу канала, в стене конструкции обнаружена столбовая яма от вертикального бревна диаметром 14 см. Яма проходит сквозь сырцовую кладку и уходит в грунт. При разборе конструкции, в ее толще помимо обломков керамики, кирпичей и

кости было обнаружено две медные золотоордынские монеты. Монеты полностью окислились.

Канал, идущий от топки, в северо-восточном углу соединяется с двухъярусной системой каналов, которая занимает всю северо-восточную часть Г-образной конструкции и расположенной между бревном, ограничивающим помещение и глиняной платформой. Нижний ярус сохранился полностью, он состоит из трех параллельных каналов, идущих от бревна с ЮЗ на СВ. Размеры каналов: длина 90 см, ширина 11 см, высота 16 см. Стенки выложены из сырцовых кирпичей, лежащих плашмя, вперевязку, на глинистом растворе, высотой в три ряда. Размеры кирпича 32 x 16 x 5 см. Каналы перекрыты сырцовыми кирпичами, уложенными перпендикулярно длинной оси на ребро, в один слой. Перекрытие состоит из трех рядов, стоящих на ребре сырцовых кирпичей. В северной части два крайних канала изгибаются и соединяются с центральным каналом. В месте соединения центральный канал имеет вертикальный дымоход, который выходит на верхний ярус. Вертикальный дымоход оформлен четырьмя поставленными на торец сырцовыми кирпичами. Размеры канала — 20 x 20 см. Заполнение — пылеобразная супесь с сильной примесью мелкодисперсной сажи, причем, количество примеси сажи заметно уменьшается по направлению от дымохода к бревну.

Верхний ярус состоит из двух каналов расположенных перпендикулярно каналам нижнего яруса. От этих каналов сохранились фрагменты сырцовой кладки в один слой кирпича. Кирпичи уложены плашмя на глинистом растворе, на перекрывающие кирпичи нижнего яруса. Южная стенка состоит из обломков сырцовых кирпичей. Центральная стенка, прерываемая вертикальным дымоходом, также состоит из обломков сырца. Северная стенка (она же северная стена сооружения), состоит из сырцовых кирпичей, лежащих плашмя, и трех кирпичей, поставленных в

центре стенки на ребро. Северный канал второго яруса (шириной до 10 см) соединен с большим каналом, идущим от топки. Южный канал второго яруса имеет ширину до 20 см.

Северо-восточная часть конструкции разрушена ямой № 4. Сохранился лишь юго-восточный угол, представляющий собой два канала параллельных друг другу и вышеописанным каналам нижнего яруса. Западная и центральная стенки каналов выполнены, как и в первом случае, из утрамбованного грунта, материалом послужил средневековый культурный слой; глинобит включает в себя мелкие фрагменты золотоордынской керамики, кирпичную и известковую крошку, обломки костей. Сохранившиеся размеры западной стены — 30 x 15 см, центральной — 40 x 20 см. Восточная стена каналов, видимо, из-за того, что одновременно являлась торцевой восточной стеной сооружения, сделана укрепленной. Сохранился участок стены, представляющий собой сырцовые кирпичи, уложенные плашмя вперевязку, тычок к тычку, на глинистом растворе, в два ряда в ширину, в два слоя в высоту. С внутренней стороны эта стена была укреплена жеными кирпичами, поставленными на ребро. Размеры сырцовых кирпичей — 28 x 15 x 5 см. Оба канала, как и в первом случае, были перекрыты сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро перпендикулярно оси каналов. Ширина каналов 10–12 см. Заполнение каналов — пылеобразная супесь с сильной примесью мелкодисперсной сажи. Место соединения западной части конструкции с восточной оказалось разрушенным ямой № 4.

Западную и восточную группы каналов разделяет яма прямоугольной в плане формы (110 x 40 см). Дно и стены имеют слабый проквал. Заполнение — супесь с большой примесью золы, угля и мелких фрагментов обгорелого дерева.

Сооружение № 1 представляет собой остатки промышленной печи, которая обслуживалась изнутри помещения.

Стены последнего были глинобитные; деревянные бревна и жерди в фундаменте стен, а также угловые столбы играли роль каркаса. Пол был земляным. Огонь поддерживался в топке, откуда пламя поступало в большой западный канал, который служил пламегасителем, толщина кирпичной кладки над ним (рухнувшее внутрь перекрытие) служила накопителем избытков тепла. Из западного канала теплоноситель (горячий воздух и дым) поступал в систему восточных каналов и из нижнего яруса — в верхний. Нижний ярус этой системы, состоящий из параллельных каналов, чьи устья открыты внутрь помещения, служил для регулирования тяги и удаления мелкодисперсных продуктов сгорания (сажи). Яма служила для временного складирования остатков перегоревшего топлива из топки и каналов.

Печь предназначалась для длительного технологического процесса с большой теплоемкостью и относительно невысокими температурами, что соответствует процессу изготовления селитры. Варка селитры происходила в котлах, которые после загрузки в них необходимых компонентов несколько суток выдерживалась при температурах, близких к кипению воды. Важным составляющим сырьем для варки селитры была вода и содержимое ордынских хозяйственных ям — и то и другое в изобилии находилось вблизи местоположения раскопа.

Таким образом, сооружение № 1, соответственно и III строительный период относятся к времени строительства и существования на месте развалин Сарая селитренных заводов, т.е. к 1710–1720-м г.

IV строительный период. Сюда относятся остатки сооружения № 4, предназначавшегося для переработки рыбы и погибшее в огне пожара. От него сохранилось горизонтальное фундаментное бревно диаметром 12–15 см, прослеженное в длину 720 см; далее оно уходит в западный борт раскопа. Бревно располагалось в канаве шириной 14 см. К

югу от бревна обнаружены разрозненные фрагменты вымостки пола из ордынского жженого кирпича вторичного использования. Поверх вымостки и по всей площади сооружения открыт слой рыбьей чешуи и костей мощностью 5–8 см. Поверх слоя с чешуей отмечен слой пожарища.

Судя по стратиграфии и найденным на площади раскопа монетам русского чекана, сооружение № 4 относится к 1740-м г., и было построено после разрушения селитроварни.

V строительный период включает яму № 4, которая была выкопана в культурных слоях ранних периодов. Она частично уходит в восточный борт раскопа. Дно ямы было покрыто деревянными досками, ориентированными длинной осью по линии СЗ — ЮВ. Она представляла собой деревянный короб с дощатыми стенами и полом. Заполнением служила рыхлая серая супесь с многочисленными включениями кирпичного боя, обломков керамики и костей животных.

Время появления ямы № 4 — не ранее второй половины XIX в. Вероятнее всего, она использовалась как «холодильник для рыбы» — ледник.

В процессе работы на Большичном бугре собрана коллекция разнообразных предметов, раскрывающих многогранность золотоордынской культуры (рис. 4, 5, 9, 10, 11).

Из выявленных сооружений, на наш взгляд, особый интерес вызывают остатки селитроваренного производства.

В начале XVIII в. Россия проводила достаточно бурную внешнюю политику, для снабжения российской армии в больших количествах требовался порох. В период подготовки к персидскому походу по указанию Петра I на территории Астраханской губернии было устроено несколько селитренных заводов. Один из них находился на месте, называемом Шаренным бугром (месторасположение Хаджи-Гархана), второй — в Красном Яру (где также располагался крупный золотоордынский город) и третий — на Ахтубе, там,

где находились развалины «татарской» столицы². Для приготовления пороха необходима была калийная селитра, которая редко встречается в природе в промышленных количествах³. Земля, на которой в течение двух с лишним столетий существовал крупный город, была насыщена органическими удобрениями (остатками жизнедеятельности человека), что дало возможность накопиться в почве значительному количеству селитры.

Известно, что селитренный завод на Ахтубе был построен в 1714 г. на казенные деньги, около него вырос поселок, в котором имелась каменная церковь и, сначала деревянные, затем каменные укрепления. Для охраны производства сюда были направлены стрельцы. Судя по ревизским сказкам, на «ахтубинских селитренных заводах» в 1723 г. жили около 60 семей. Среди них были: капрал, 3 пушкаря, священник, пономарь, 6 селитрянных мастеров, один кузнец⁴. Обслуживали завод наемные работные люди.

Возникает ряд вопросов, откуда могли появиться наемные работные люди, и кто был строителем производственных сооружений. Ревизские списки указывают только на военных, необходимых для охраны от набегов кочевников; мастеров, необходимых для соблюдения технологии выпарки селитры, и священнослужителей, направленных сюда для обеспечения духовных потребностей вышеперечисленных категорий. Не являются ли строители и чернорабочие селитренного завода представителями населения бывшей столицы Улуса Джучи, превратившейся из некогда огромного города Сарая в небольшой населенный пункт? Упоминания о Сарая этого периода неоднократно встречаются в различных письменных источниках: 1554 г. — поход московских войск на Астрахань⁵, 1640 и 1641 гг. — путешествие Эвлия Челеби⁶ и пр.

Русские письменные источники сообщают, что многочисленные монументальные постройки Сарая сохрани-

лись до второй половины XVI в., когда царь Федор Иванович в 1578 г. велел ломать «мизгити и полаты в Золотой Орде и тем делати город» Астрахань⁷. Таким образом, русское правительство решало сразу две задачи: экономическую и политическую. Во-первых, изобилие строительного материала давало возможность обойтись без строительства новых кирпичных заводов вблизи Астрахани. И, во-вторых, с лица земли стиралась столица государства, от которого в течение длительного времени Русь была политически и экономически зависима. Маловероятно, что разрушение Сарая производилось только силами пришедшего на Нижнюю Волгу русского населения, в силу его немногочисленности. Видимо, в этом процессе основную роль играло именно местное население, проживавшее здесь после распада Улуса Джучи.

Оставшиеся на месте жители золотоордынской столицы, после того как Сарай перестал быть экономическим центром Нижнего Поволжья, должны были сохранить не только элементы золотоордынской материальной культуры, но и принципы и методы строительства и иных видов ремесленной деятельности.

Раскопанные нами остатки конструкции селитроварни выполнены по золотоордынской строительной технологии с применением сырцового кирпича — характерного строительного материала для золотоордынских нижеволжских городов. Это позволяет нам предположить участие в строительстве и работе селитроварни местного татарского населения. Представляется необходимым продолжение исследований в этом направлении, что даст возможность изучить историю Сарая — Селитренного XVI—XVII вв. и более поздних периодов.

В процессе работы на раскопе были найдены медные золотоордынские и русские монеты, позволяющие провести датировку как участка городища в целом, так и отдельные объекты раскопа.

Монеты Золотой Орды из раскопа 2004 г.

№ п/п	Дата	Имя хана	Монетный двор	Кол., шт	Вес, г	Размер, мм	Публикация	Место находки	Прим.
1	1330-е гг.	Аноним.	Сарай	7	0,94; 0,75; 1,18(2), 1,22(2), 1,25	14,5; 15(3); 15,5; 16(2)	Ф-Д №21	Кв4 шт6; 1/5; 8/5; 6/9; 3/9; 6/9; 4/6	
2	1340-е гг.	Аноним.	Сарай ал-Джедид	2	1,56; 1,63	15	Ф-Д №76	Кв11 шт9	
3	1350-е гг.	Аноним.	Сарай ал-Джедид	20	1,87(2); 1,22(3); 1,34(3); 1,37(2); 1,63; 1,74(2); 1,82(3); 1,87; 2,03; 2,25(2)	15(2); 16(3); 16,5; 17(6); 18(5); 18,5; 19; 20	Ф-Д №87	Кв16 шт2, 11/6, 15/3, 11/4, 12/2, 4/3, 15/3, 15/1, 7/6, 4/3, 3/3, 11/1, 4/2, 10/1, 3/2, 12/1, 16/1, 12/4, 10/2, 11/9	
4	761 г.х.	Анонимная	Сарай ал-Джедид	1	2,64	19	Ф-Д №330	Кв12 шт2	
5	762 г.х.	Хызр	Сарай ал-Джедид	1	3,12	18	Ф-Д №196	Кв13 шт7	
6	762 г.х.	Хызр	Гюлистан	1	2,86	18	Ф-Д №199	Кв16 шт4	
7	763 г.х.	Кильдибек	Сарай ал-Джедид	1	1,82	18,5	Ф-Д №204	Кв4 шт10	
8	764 г.х.	Хайр-Пулад	Сарай ал-Джедид	2	1,88; 2,34	17,5; 20	Ф-Д №208	Кв2 шт7; 13/7	
9	767 г.х.	Азиз Шейх	Сарай ал-Джедид	3	2,26; 2,34(2)	18,5; 21; 22	Ф-Д №212	Кв12 шт6; 4/5; 22/1	
10	768 г.х.	Анонимная	Сарай ал-Джедид	5	1,76; 2,24(2); 2,27(2)	18,5; 20; 21; 22; 21,5	Ф-Д №335	Кв7 шт7; 7/5, 10/9, 3/2, 3/3	
11	773 г.х.	Тулунбек ханум	Сарай ал-Джедид	6	1,75; 2,28(2); 2,33; 2,54; 3,02	16,5; 18,5; 19,5 (4)	Ф-Д №216	Кв12 шт6; 9/7, 13/4, 9/7, 11/9, 2/7	
12	776 г.х.	Черкесбек	Хаджи-Тархан	1	2,76	18	Ф-Д №217	Кв4 шт1	
13	785 г.х.	Анонимная	Сарай	1	1,56	17	Ф-Д №269	Кв3 шт10	
14	1390-е гг.	Анонимная	Сарай	2	1,47; 1,68	15; 19	Ф-Д №298	Кв7 шт3; 7/2	
15	791 г.х.	Анонимная	Сарай ал-Джедид	1	1,55	18	Ф-Д №341	Кв7 шт6	
16	796 г.х.	Анонимная	Сарай ал-Джедид	1	1,76	19	Ф-Д №354	Кв4 шт7	
17	1390-е гг.	Анонимная	Сарай ал-Джедид	5	1,52; 1,65; 1,72(2); 1,85	17,5; 18(3); 20	Ф-Д №376	Кв20 шт1; 8/2, 18/1, 19/1, 20/1	

№ п/п	Дата	Имя хана	Монетный двор	Кол., шт	Вес, г	Размер, мм	Публикация	Место находки	Прим.
18	1390-е гг.	Анонимная	Без города	4	1,15; 1,22; 1,26; 1,47	18; 18,5(2); 19	Ф-Д №495	Кв3 шт7; 2/4, 2/7, 3/7	
19	???	Анонимная	Без города	1	1,53	18	Ф-Д №506	Кв11 шт5	
20	???	Анонимная	Сарай (?)	1	0,98	15,5	Ф-Д №517	Кв2 шт7	
21	???	Анонимная	???	1	1,23	17	Ф-Д №548	Кв7 шт5	
22	???	Анэпиграфная	---	1	1,06	16	Ф-Д №550	Кв8 шт9	
23	1390-е гг.	Анонимная	Хаджи-Тархан	1	1,92	20	Г. №46-51	Кв11 шт5	
24	—	—	—	40	—	—	—	—	Окисл.

Принятые сокращения: Ф-Д – (Федоров-Давыдов, 2003)⁸; Г – (Гончаров, 1997)⁹.

Итого: 109 монет.

Таблица 2

Монеты Российской империи

№ п/п	Номинал, год выпуска, металл	Диаметр (мм)	Кол-во	Место находки
1	Денга, 1731, медь	26	1	Кв4 шт6
2	Копейка, 1708, медь	24	1	Кв8 шт8
3	Денга, 17??, медь	26	1	Кв7 шт6
4	Полушка, 1734, медь	21	1	Кв11 шт5
5	Полушка, 17??, медь	19	1	Кв4 шт10
6	Полушка, 1735, медь	20	1	Кв3 шт6
7	Полушка, 1735, медь	20	1	Кв12 шт7

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бурханов А.А. Отчет об основных итогах археологических исследований Татарско-Астраханского отряда на Больничном бугре Селитренного городища в 2000 г. // Архив ИА РАН; Зеленева Ю.А. Отчет об археологических исследованиях на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 2002 г. Йошкар-Ола, 2003 // Архив ИА РАН.

² Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII вв. – М., 1982. – С. 21–22; Любимиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. – М., 1947. – С. 537–538.

³ Руденко Е.И. О селе Селитренном, селитре и столице Золотой Орды // Материалы четвертой краеведческой конференции. – Астрахань, 1991. – Ч. 1. – С. 39–41.

⁴ Любимиров П.Г. Очерки по истории... С. 537–538.

⁵ ПСРЛ. – Т. XIII. – С. 241.

⁶ Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып.2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М., 1979. – С. 140–142.

⁷ ПСРЛ. – Т. XXXIV. – С. 196.

⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003.

⁹ Гончаров Е.Ю. Медные монеты XIV в. города Хаджи-Тархан // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – М., 1997. – Вып. 5.

Аннотация

Представлена информация о раскопках на Селитренном городище, проведенных археологической экспедицией Астраханского музея-заповедника в 2004 г. Хозяйственные, производственные и прочие сооружения, относящиеся к различным периодам существования памятника. Особый интерес представляет не встречавшийся ранее объект – остатки селитроварни XVIII в., выполненной по золотоордынской строительной технологии с применением сырцового кирпича. Это дает возможность предположить участие в строительстве и работе селитроварни местного населения, оставшегося в Сарая после перенесения из него административного и экономического центра в Астрахань. Сделана попытка обозначить проблему изучения Сарая на постордынском пространстве XVI–XVII вв.

Ключевые слова: экспедиция, раскоп, строительный период, сооружение, материк, селитроварня.

Summary

The article presents the information of the archeological dig carried out by the expedition of Astrakhan Open-Air Museum in 2004. The author speaks about the amenities and other buildings regarding to different periods of the site history. The object of remains of the saltpeter-house of the 18th century is of special interest as they have never been noticed before, and which were built by the Golden Horde construction technology using adobe brick. This allows assuming that the local inhabitants took part in building the saltpeter-house, who stayed in Saray after the administration moved to Astrakhan. The author also has tried to emphasize the problem of investigating Saray on post-horde field of the period of 16th – 17th centuries.

УДК 314.952/954

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАЗАНИ

А.Г. Ситдиков, кандидат исторических наук, доцент

Современная Казань является крупным многонациональным городом, история которого с момента возникновения на рубеже X–XI вв. переживала ряд крупных этапов. Сейчас трудно представить, как именно происходило освоение и заселение устья р. Казанки в глубокой древности. Наиболее ранние известные археологические памятники на территории г. Казани и ее окрестностей относятся к палеолиту¹. Имеются также стоянки эпохи мезолита и неолита, многочисленные поселения позднебронзового века. С ранним железным веком связаны селища и городища ананьинской культуры. Предметы ананьинского времени встречались и на территории Казанского кремля. В прилегающих к Казани районах позднее обитало население, связанное с азелинской и пьяноборской культурами, ставших в дальнейшем основой формирования поволжских финнов. Остатки их материальной культуры хорошо представлены могильниками и отдельными находками на территории Казани. С их потомками населения и вошли в контакт болгарские племена, начавшие проникать сюда на рубеже I–II тыс. н.э.

Новые материалы археологических исследований средневековой Казани домонгольского времени указывают на существование на Кремлевском холме болгарского города с рубежа X–XI вв.² Он был построен на северо-западном рубеже Булгарского государства. В золотоордынское время пограничный характер его утрачивается с включением Волжской Булгарии и русских кня-

жеств в единое военно-политическое пространство Золотой Орды. Усиление Казани происходит на рубеже XIII–XIV вв. с возрождением экономических центров Волжской Болгарии и восстановлением прежних торговых связей. С этого времени она появляется и на страницах русских летописей³. Качественные изменения происходят с образованием Казанского ханства. Город превращается в столицу нового государства и входит в орбиту интересов усилившейся к этому времени Москвы. Объединение Северо-Восточной Руси вокруг нее и последующее завоевание Казанского ханства приводит к активной колонизации Поволжья русскими. Эти события, несомненно, накладывали отпечаток и на этнокультурный состав города и края.

В наиболее ранних описаниях восточных путешественников при характеристике северных и северо-восточных районов Волжской Булгарии, где расположена Казань, упоминаются племена ару, вису, йура. В современных работах их увязывают с удмуртами, мордвой, хантами и манси⁴. Известны были и черемисы, соотносимые исследователями с марийцами⁵. В русских источниках при описании событий и территорий, связанных с Волжской Булгарией, также перечисляются проживающие здесь народы. В районах близ Казани и западнее ее говорится о муроме⁶, мордве⁷, мещере⁸, черемисах и чувашах⁹. Известны также ары, соотносимые с удмуртами¹⁰. В летописях известны и болгарские группы: серебряные болгары, болгары-казанцы, собекуляне, челматы, мес-

то проживания которых, по мнению А.Х. Халикова, определяется бассейном р. Казанки¹¹.

У западных авторов XV–XVI вв. описание народов, живущих в Казанском ханстве и восточнее русских княжеств, близко к сведениям русских и восточных источников¹². К сожалению, в них нет четкого разграничения этнонима «чуваши» и «черемисы», имеются разночтения в их религиозной и языковой принадлежности. По источникам, созданным после присоединения Казани к Московскому государству, «чуваши» и «черемисы» рассматриваются как отдельные языческие народы¹³. О существовании большого количества марийского населения на территории западного Предкамья в период освоения его булгаро-тюрками и русскими указывают названия многих современных деревень этого района и результаты археологических исследований некрополей позднего средневековья¹⁴. К сожалению, использование только письменных источников не позволяет создать целостной картины этнических процессов в регионе в эпоху средневековья. В значительной степени эти пробелы пополняют материалы археологических исследований, проводимых в самой Казани и ее округе.

Определяющим в изучении этнических процессов в археологии являются остатки материальной культуры. При анализе археологических находок как показателя этнокультурной принадлежности населения выступает керамика, специфичные предметы украшения, вооружения, а также особенности погребального обряда, строительной техники. При этом статистика вещевого материала, в частности, керамики, не всегда является прямым показателем соотношения этнических групп. Количественные параметры в большей мере указывают на социально-экономическое и военно-политическое преобладание носителей культурных традиций, доминирующих в отдельные периоды. Сложение крупных производственных центров в России во второй половине

XVI в. приводит к значительной нивелировке и утрате археологических признаков этнического своеобразия включенных в ее состав народов.

Казань представляет собой уникальный город, имеющий непрерывное развитие с момента основания. Она почти единственное болгарское городское поселение, которое продолжает свое существование на первоначальном месте и сейчас. Ранние периоды освоения этого региона булгарами представлены материалами X в. с Аэродромного селища на р. Казанке. К этому же времени относятся остатки древнемарийского могильника, выявленного в районе поселка Борисково¹⁵.

В Казанском кремле ранние культурные отложения формируются с рубежа X–XI вв.¹⁶. А.Х. Халиковым в предшествующие годы была создана стратиграфическая шкала его культурных напластований: I слой – XX–XIX вв.; II слой – вторая половина XVI–XVIII вв.; III слой – вторая половина XV – первая половина XVI в.; IV слой – вторая треть XIII – первая половина XV в.; V слой – конец XII – первая треть XIII в.¹⁷ На основе исследований последних лет уточнена дата начала их накопления – конец X – начало XI вв.¹⁸

V слой Кремля выделяется на северной оконечности Кремлевского холма площадью около 6 га. Слой по характеру и содержанию грунта образовался в результате переработки погребенной почвы и верхних горизонтов материка в виде подзола. Мощность слоя не превышает 20–25 см. Вещевой материал из-за сильной переработанности слоев (сохранность не более 10–15% от общей площади раскопов) встречается и в переотложенном состоянии. Значительное количество находок из 50 раскопов площадью 6 тыс. кв. м дает возможность реконструировать этнокультурные процессы домонгольского времени.

В слое преобладает общеболгарская гончарная керамика, составляющая до 80% от общего числа. Она представлена комплексом гончарной и лепной посуды (кувшины, горшки, миски и

др.). Ей характерен желто-красный и коричневатый цвет при хорошем обжиге с широким полосчатым лощением и с линейно-волнистым орнаментом (рис. 1). Схожая керамика фиксировалась и в раскопах кремля, начиная с 1920-х гг.¹⁹. Т.А. Хлебникова считает, что она аналогична гончарной посуде, бытовавшей в Волжской Болгарии X – начале XIII вв.²⁰

Необходимо отметить, что в общеполгарской керамике выделяется небольшая группа посуды типа «джукетау» (XIII группа по Т.А.Хлебниковой), увязываемая с болгарским центром Джукетау на Каме. Она представлена горшковидными сосудами с подцилиндрической и блоковидной горловиной, украшенными многозонным орнаментом в виде мелкой волны по верхней части тулова (рис. 2). Традиции ее изготовления увязывают с угорскими и тюркскими группами²¹.

Среди домонгольской керамики имеется также три архаичные группы. Наиболее выразительную из них составляет лепная правленая на круге керамика салтово-маяцких истоков (рис. 3). Она представлена фрагментами горшков из шамотного теста с нанесением орнамента в виде волны по плечу, линейным многозонным рифлением по тулову и насечками по венчику. Рамки ее бытования (группа XI по Т.А.Хлебниковой) определяются X – началом XI вв., что и подтверждается результатами термолюминисцентного анализа²².

Другая близкая группа лепной керамики состоит из фрагментов горшковидных сосудов с примесью растительности и мелкого шамота в тесте, украшенная полулунными и каплевидными вдавлениями по плечу и пальцевыми защипами по краю венчика (II группа) (рис. 4). Она имеет те же корни и периодом бытования, что и вышеописанная, и демонстрирует общность изготовления болгарской посуды в целом.

Небольшим количеством представлена гончарная керамика XVII группы, находящаяся в большом количестве в Су-

варе (рис. 1). В основном это горшки с подцилиндрической невысокой горловиной и линейно-волнистой орнаментацией. Истоки ее обычно видят в VIII, IX и XIII группах посуды, имеющих тюрко-угорские корни. Среди находок имеется и предшествующая ей лепная керамика VIII группы, увязываемая с кушнаренковской посудой угорского населения (рис. 3). Отдельную группу лепной керамики составляют округлодонные чашевидные сосуды с толченой раковиной в тесте, с гребенчато-шнуровым орнаментом по цилиндрической шейке и гребенчатым оттиском по краю (рис. 3). Этот тип имеет прикамско-приуральские корни и встречается на болгарских поселениях второй половины X–XII вв.²³ По классификации Т.А. Хлебниковой и Р.Д. Голдиной она соотносится с уграми Верхней Камы в бассейне р. Сылва²⁴. В числе лепной посуды выделяется и керамика с толченой раковиной в тесте в форме округлодонных горшков с блоковидной горловиной, веревочным орнаментом по ней и с защипами по краю венчика (рис. 3). Она известна на верхнекамских памятниках в районе р. Чусовой (V группа общеполгарской посуды)²⁵.

Значительное количество (до 10%) в V слое составляет лепная или подправленная на круге горшковидная и чашевидная посуда из грубого теста с добавкой довольно крупного шамота и известняка (рис. 4). Ей характерен печной обжиг невысокого качества. Близкие аналогии можно найти у местного поволжско-финского (древнемарийского) населения.

Керамический материал из V домонгольского слоя отражает процесс формирования состава населения. Он указывает на участие разнообразных этнокультурных группы с преобладанием болгарского компонента. Из V слоя происходят также многочисленные предметы болгарского производства: бронзовые грушевидная подвеска, пряжка от поясного ремня с овальной рамкой и др.²⁶ С финским населением связано дровые браслеты с расши-

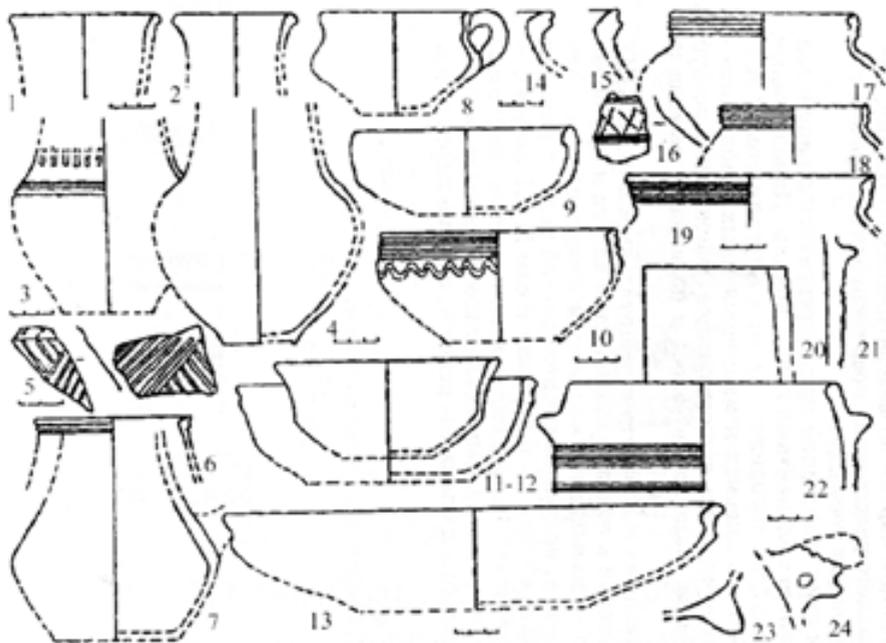

Рис. 1. Общеболгарская гончарная керамика

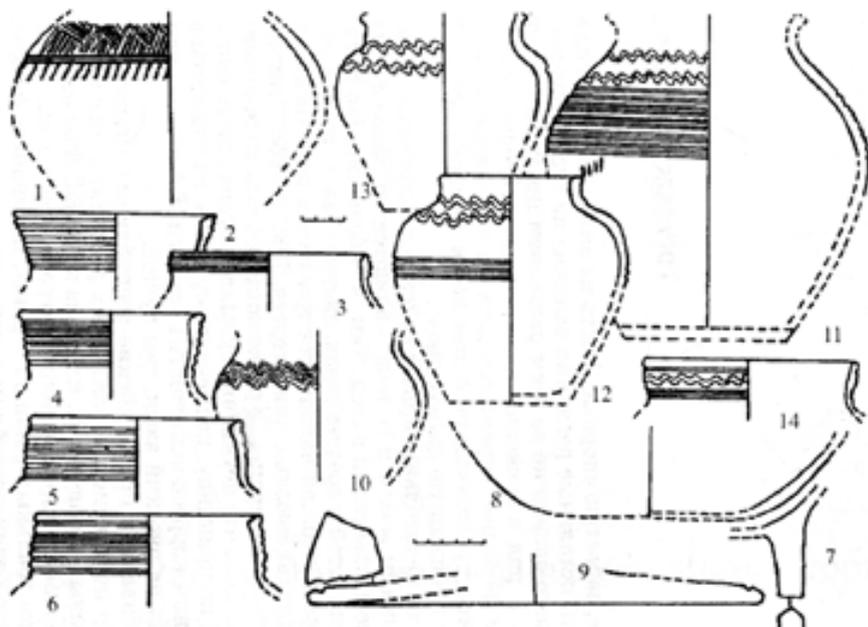

Рис. 2. Общеболгарская гончарная горшковидная посуда (1–6), гончарная керамика XIII группы (10), ножка чашевидной гончарной посуды (7), лепная керамика салтово-маяцких истоков (8, 9, 11–14 – XI группа)

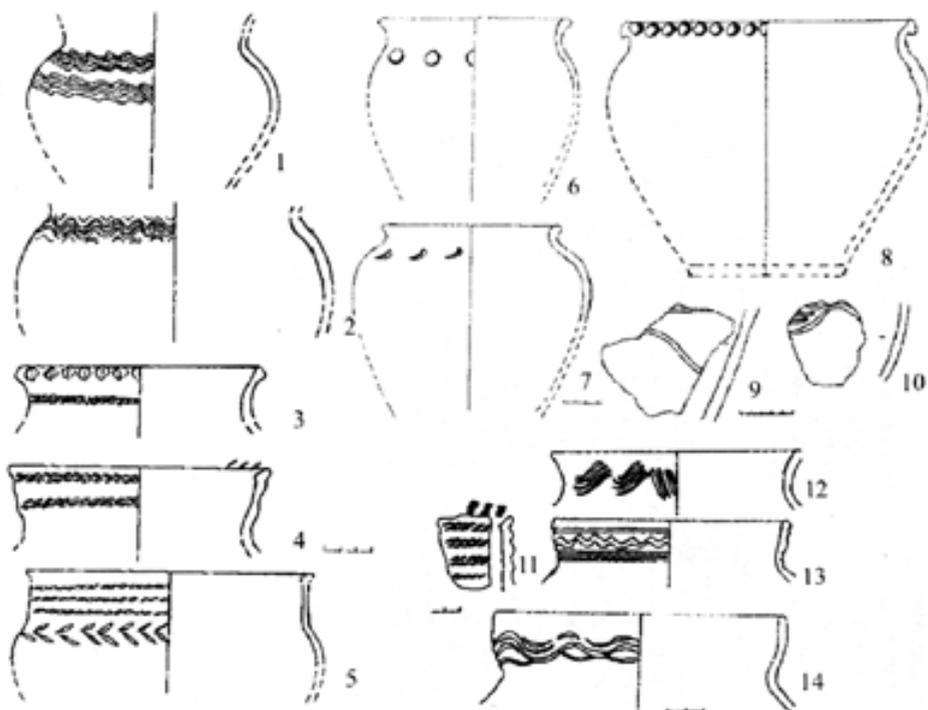

Рис. 3. Общеболгарская гончарная горшковидная посуда XIII группы (1, 2), лепная керамика прикамско-приуральских стоков (1 – V группа, 2, 3, 11 – VII группа, 12, 14 – VII группа, 13 – XVII группа), лепная керамика салтово-маяцких истоков (6, 7 – III группа, 8–10 – II группа)

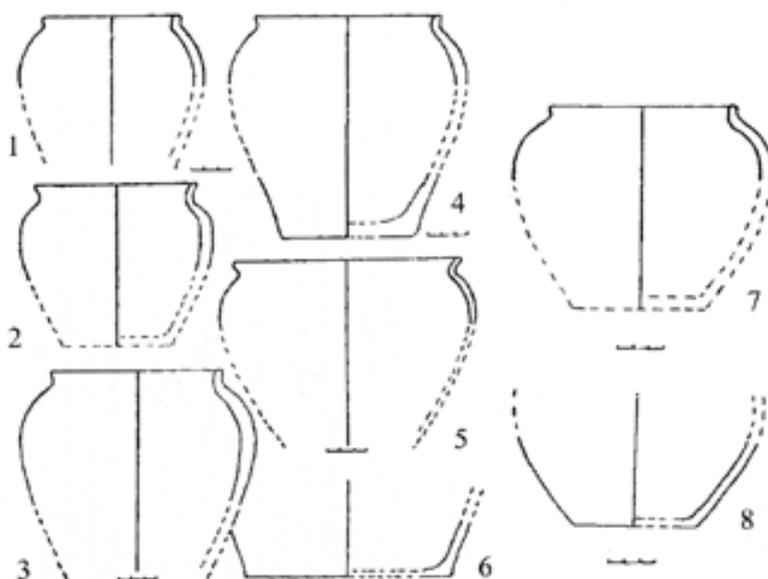

Рис. 4. Поволжско-финская лепная горшковидная керамика

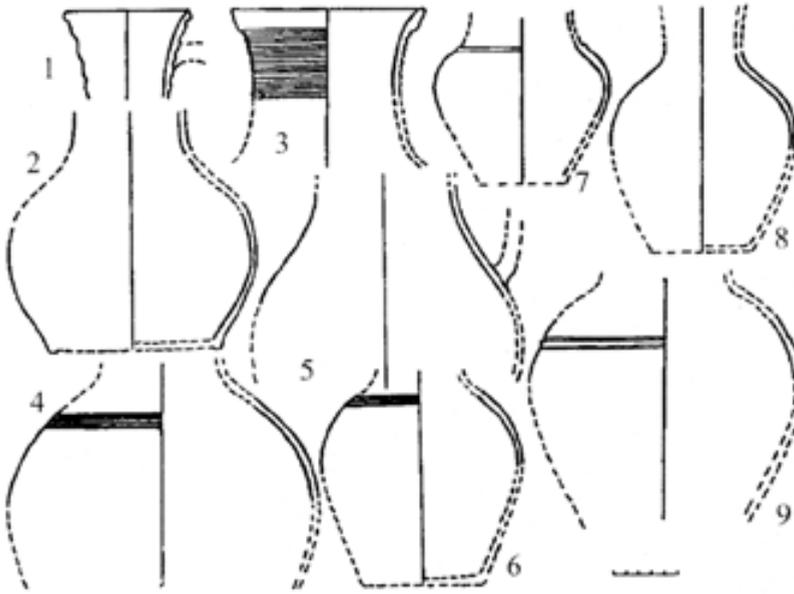

Рис. 5. Гончарная кувшинообразная керамика в болгарских традициях

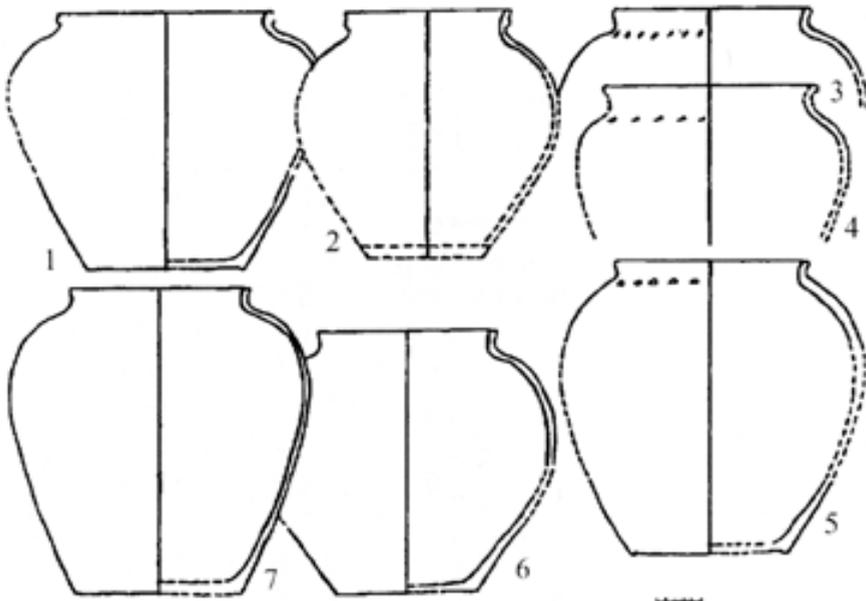

Рис. 6. Гончарная керамика в болгарских традициях. Корчаги

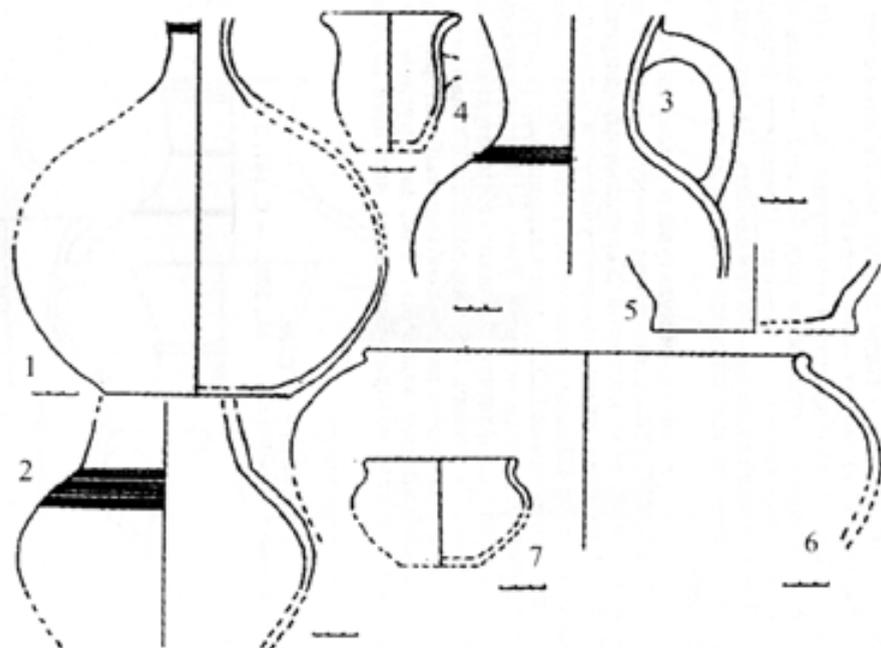

Рис. 7. Гончарная «татарско-русская» керамика

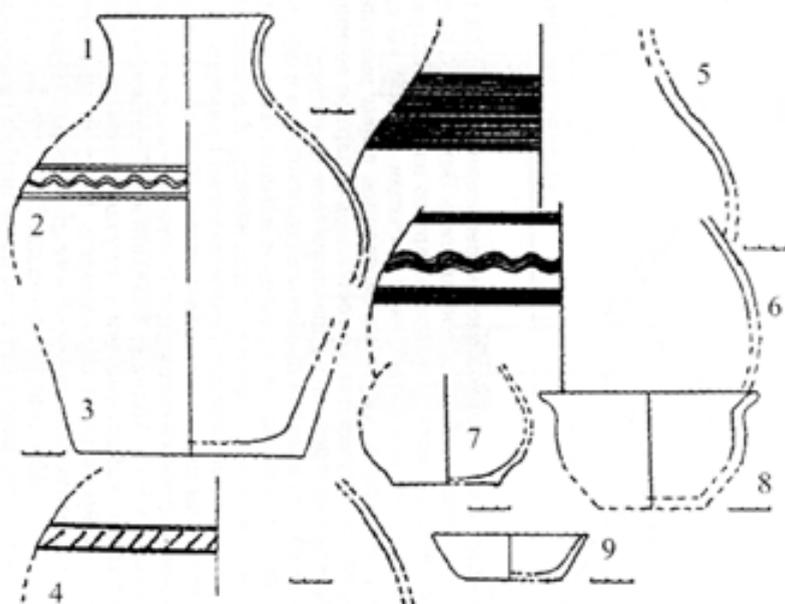

Рис. 8. Гончарная «казанская» красноглиняная керамика

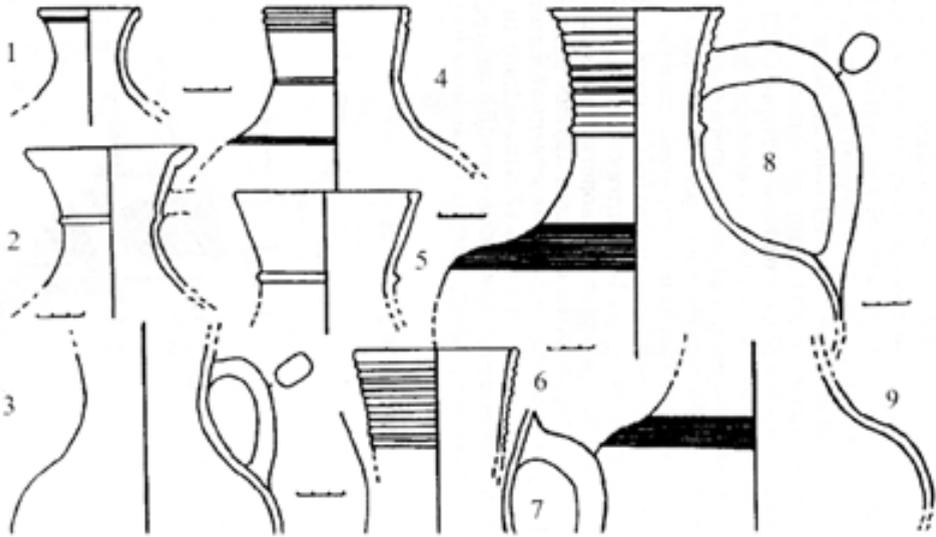

Рис. 9. Гончарная «русская» серая керамика

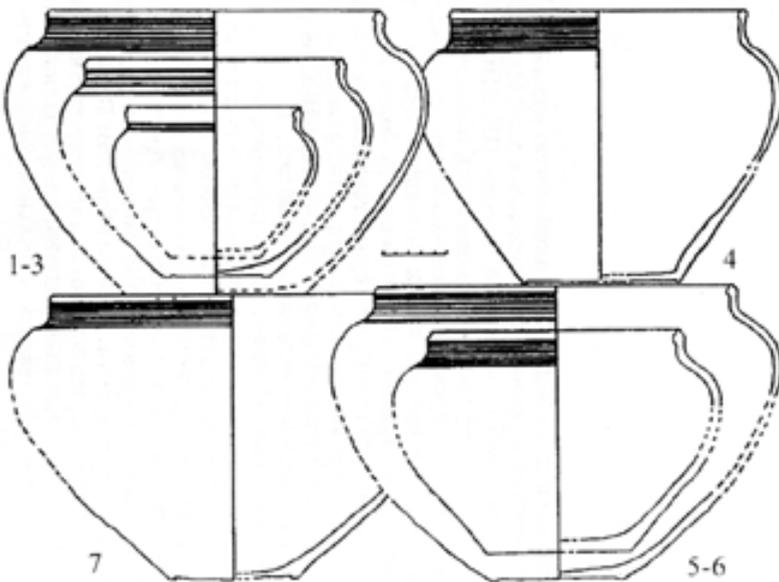

Рис. 10. Гончарная белоглиняная керамика

ряющимися концами, широко распространенные в марийских древностях. Имеется материал, отражающий и торговые контакты: южнорусские стеклянные браслеты, шиферные пряслица, нумизматический материал, представленный как западноевропейской, так и восточной монетами.

При сопоставлении с другими подобными памятниками можно говорить, что формирование состава населения Казани при определенной специфике было закономерным явлением для Булгарского государства с включением традиций многочисленных местных и пришлых народов.

С золотоордынским временем соотносятся IV слой булгаро-татарского времени. Состав вещевого материала отражает влияние золотоордынских традиций Среднего и Нижнего Поволжья и активное проникновение в этот регион славянских групп, что прослеживается и на керамическом материале. В целом, преобладающее место занимает общебулгарская посуда, что позволяет говорить о преобладании булгарского культурного компонента в период отложения IV слоя.

Керамическая посуда в большей части представлена гончарными сосудами, находящие ближайшие аналогии в материалах городов Золотой Орды. В ней выделяется две большие группы²⁷. Одна из них керамика в булгарских традициях в развитие общебулгарской, хорошо известная по археологическим памятникам X–XIV вв. Это мелкopesочная в тесте хорошо обожженная красноглиняная керамика с более редким и узким лощением, чем общебулгарская, а также с многозонным орнаментом в виде волны из пояска резных линий (рис. 5, б). Наиболее многочисленной формой сосудов являются кувшины. Кроме них также встречаются кумганы, горшки, корчаги, блюда и др. Часть подобной посуды, по мнению Т.А. Хлебниковой, продолжает свое развитие в более поздней «казанской» и «татарско-русской» керамике и сохраняет свои черты в керамике русского периода.

Вторая, преобладающая группа керамики из этого слоя — «казанская» (по Т.А. Хлебниковой), близка к позднебулгарской керамике или, скорее, к посуде ордынских памятников Поволжья. Она гончарная с включением большого количества песка в тесте окислительного обжига с хорошим прокалом (рис. 5, б). Посуда представлена кувшинами, горшками, чашечками, водопроводными трубами и др. Преобладающие формы кувшинообразные сосуды, изготовленные из глины с большим количеством песка, окислительным обжигом, преимущественно без лощения, а иногда с узким и редким вертикальным лощением, с характерным тонким многозонным резным орнаментом. Эти группы в целом имеют корни в традиционном булгарском керамическом производстве, сформировавшемся еще в домонгольский период. Материал иллюстрирует культурную преемственность проживавшего здесь населения, а также проникновение изделий других ордынских центров.

В слое присутствует незначительный процент русской белоглиняной и песочно-дресвяной керамики (рис. 9, 10). Хронологические рамки ее бытования определяются XIII–XVI вв. Подобная посуда в Кремле встречается в верхних горизонтах IV слоя. Имеется небольшой процент лепной посуды (от 5 до 20% от общего количества керамики), состоящей в основном из широкогорлых горшков грубого теста с включением шамота и известняка. Наличие этих двух типов керамики указывает на присутствии в Казани в этот период поволжско-финского (черемисского (?)) населения и усилении контактов с русскими княжествами.

Массовый керамический материал из слоя эпохи Золотой Орды позволяет говорить об определенной тенденции в формировании «казанской» керамики, основывающейся на предшествующих традициях, с влиянием проникающих сюда новых форм. При этом самостоятельным элементом сохраняется лепная керамика, соотносимая с поволжско-финским населением.

Таким образом, в золотоордынский период в городе сохранялась преобладание населения с болгарскими традициями, среди горожан присутствовали черемисы и жители русских княжеств. Одним из показателей проживания в поселении инородного населения указывают также предметы христианского культа (мошевики, энколпионы и др.), находимые в этих слоях. Кстати, их наличие увязывается не только с русским, но местным языческим населением, у которых отдельные украшения заменялись предметами христианского культа²⁸.

В последние годы накоплен выразительный комплекс неполивной керамики ханской Казани²⁹. Большую долю в ней, более 40% от общего количества, занимает «казанская» керамика (рис. 8). Ее технологические истоки связаны с продолжением золотоордынских традиций керамического производства, хотя одновременно она близка к позднебулгарской керамике. Другую большую группу – более 20% от общего количества – составляет керамика в болгарских традициях, не представленная в нижележащих слоях. Типологически (по формам) она близка к общебулгарской керамике.

Особенностью слоя является увеличение в ней содержания посуды татарско-русской и русской групп (по Т.А. Хлебниковой). Черная и серая лощеная керамика татарско-русской группы, сформировавшаяся на основе традиций болгарского гончарства и русского керамического производства, составляет до 30% от общего числа (рис. 7). Формы ее отличаются большим разнообразием (горшки, кувшины, сковородки, ручкомойники и др.). Важно отметить, что эта группа отсутствует в нижележащих слоях. Количество русской белоглиняной и серой песочно-дресвеной керамики, представленной в основном горшковидными формами, увеличивается до 10%. Столько же составляет лепная поволжско-финская посуда.

Керамическое производство этого периода, как справедливо отмечают

исследователи, ухудшается, но продолжает развиваться. Об этом говорят и результаты исследований на Русско-Урматском селище³⁰. Появление определенной специфики в типологии местной керамики и присутствие инородных компонентов, возможно, вело к сложению «казанского» типа керамики, но процесс ее формирования был прерван и не завершен.

Полностью меняется соотношение элементов материальной культуры после присоединения Казани к Русскому государству. Нижний горизонт II слоя отделяется от III слоя мощным пожарищем 1552 г. и различием комплекса находок. 70% от общего количества керамики составляет «татарско-русская керамика» (рис. 7). В ней преобладает серая мелкопесочная лощеная и нелощенная посуда, которая составляет до 50% от ее общего количества. Многочисленной в ней является бурая (серая) с черной поверхностью керамика, достигающая 40% от общего количества. В меньшем объеме она имела и в слоях Казанского ханства.

В керамическом материале большую долю – до 20% от общего количества всей керамики занимает «русская» посуда. В ней выделяется белоглиняная и серая песочно-дресвяная керамика, отличающаяся разнообразием форм (горшки, кувшины, сковородки, ручкомойники и др.). Белоглиняная керамика в основном горшковидной формы составляет около 20% от состава группы (рис. 10).

Небольшой процент (не более 5%) керамического материала из слоя занимает лепная горшковидная широкогорлая посуда с примесью в тесте известняка и крупного шамота. Эта керамика, как и в предшествующих слоях, связана с поволжскими-финнами (черемисы?).

Керамический комплекс II слоя отражает традиции производства русской глиняной посуды XVI–XVIII вв. Абсолютное преобладание ее в составе находок свидетельствует о включении края с 1552 г. в состав Русского государства. На этнокультурные изменения в жизни

города указывает и соотношение костей животных из слоя. В отличие от болгаро-татарских слоев, в напластованиях русского времени увеличивается доля свиных костей с 3–4% до 10–15%, что связано с утратой преобладания мусульманского населения, не употреблявшего свинины³¹. При этом нельзя говорить, что татарское население полностью исчезло из города. После 1552 г. оно было выселено из Кремля и проживало в Татарской слободе³². Исходя из археологических материалов, мы видим в целом закономерный процесс формирования нового культурного пространства русского города с полным отсутствием археологических индикаторов присутствия других этнокультур-

ных традиций (с учетом того, что, судя по письменным источникам, «инородное» население в нем проживало).

Таким образом, материалы современных археологических исследований Казанского кремля дали возможность значительно пополнить наши представления об этнических процессах в Казани с раннеболгарского времени до присоединения края к Русскому государству. Мы видим, что большое место в развитии города, помимо болгар и русских, на всех его этапах занимали поволжско-финские и угорские народы. Удалось уточнить время проникновения русского населения, с которыми соотносится большой объем материала уже с золотоордынского времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Халиков А.Х. Основные этапы археологии и ранней истории Казани до возникновения города // Новое в археологии и этнографии Татарии. — Казань, 1982; Хузин Ф.Ш., Ситди-ков А.Г. Древняя Казань. — Казань, 2005. — С. 7–9.

² Хузин Ф.Ш., Хакимов Р.С. О времени основания города Казани // РА. — 2000. — №3.

³ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М., 1985; он же. О времени возникновения Казани // СА. — 1975. — № 4; Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. — Казань, 1975. — С. 71–73; он же. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М., 1984. — С. 125.

⁴ Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X — начало XIII вв.). — Казань, 1997. — С. 131–165.

⁵ Там же. — С.131-165.

⁶ ПСРЛ, т. IX, с. 2, 4, 5; т. XII, с. 126.

⁷ ПСРЛ, т. IX, с. 2, 4, 5; т. X, с. 10, 94, 103 и др.; т. XI, с. 27, 29, 186; т. XII, с. 60, 61; т. XIII, с. 167, 199, 290, 364 и др.; т. XIV, с. 72, 86.

⁸ ПСРЛ, т. IX, с. 4, 8; т. XIII, с. 462.

⁹ ПСРЛ, т. X, с. 4, 5; т. XIII, с. 118, 119; т. XIV, с. 44, 47, 56, 107, 149 и др.; Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. — Казань, 2001. — С. 36, 87.

¹⁰ ПСРЛ, т. XI, с. 243; т. XIII, с. 207, 210, 211, 269, 506, 528.

¹¹ Древняя Казань глазами современников и историков / Сост. и авт. коммент. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситди-ков. — Казань, 1996.

¹² Алишев С.Х. О некоторых проблемах превращения Русского государства в многонациональное // Тез. док. итоговой науч. сессии ИЯЛИ КФАН СССР за 1970 г. — Казань, 1971; Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1988; Олгарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. — СПб, 1906.

¹³ Хамидуллин Б. Л. Народы Поволжья в период Казанского ханства // Идель. — 1995. — № 3; он же. Этнический состав Казанского ханства // Аргатак. — 1995. — № 10/11.

¹⁴ Галлямов Р.Ф. После падения Казани. — Казань, 2001; он же. Расселение татар Предкамья во второй половине XVI в. // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. — М., 1997. — Т. 3.

¹⁵ Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. — Казань, 1983.

¹⁶ Ситди-ков А.Г. Стратиграфия, хронология и топография Казанского кремля (XI–XVII вв.) // Автореф. дисс... канд. ист. наук. — Ижевск, 2000.

- ¹⁷ Древняя Казань глазами современников и историков... С. 298–350.
- ¹⁸ Хузин Ф.Ш., Хакимов Р.С. О времени основания города Казани...; Ситдиков А.Г. Стратиграфия, хронология и топография...
- ¹⁹ Классификация керамики (посуды) из раскопок в Казанском кремле (двор Наркомпроса, ТатЦИКа) // Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 288; Древняя Казань глазами современников и историков... С. 298–350.
- ²⁰ Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М., 1984. – С. 86 и сл.; она же. Керамика V слоя Казанского Кремля // Средневековая Казань: возникновение и развитие. – Казань, 2000. – С. 41 и сл.
- ²¹ Хлебникова Т.А. Керамика памятников... С. 89 и сл.
- ²² Хузин Ф.Ш., Хакимов Р.С. О времени основания города Казани...
- ²³ Казаков Е.П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа, 1987. – С. 67–75.
- ²⁴ Хлебникова Т.А. Керамика памятников... С. 95; Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. – С. 294–295.
- ²⁵ Хлебникова Т.А. Керамика V слоя... С. 41–53.
- ²⁶ Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в X – начале XIII вв. (по материалам археологических исследований 1994–1998 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. – Казань, 1999. – С. 15–21.
- ²⁷ Хлебникова Т.А. Неполивная керамика раскопок II, VI, VII 1996 г. и раскопа IV 1995–1996 гг. // Архив Казанского кремля. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 433.
- ²⁸ Руденко К.А. Материальная культура... С. 101–103.
- ²⁹ Хлебникова Т.А. Неполивная керамика...
- ³⁰ Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская археология. – 1999. – № 1/2; Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // Татарская археология. – 1999. – № 1/2.
- ³¹ Асылгараева Г.Ш. Морфологические особенности костей домашних сельскохозяйственных животных (по материалам археологических раскопок Казанского кремля) // Автореф. дисс... канд. ветеринар. наук. – Казань, 2003.
- ³² Ермолаев И.П. Город Казань по писцовой книге 1565–1568 годов // Страницы истории города Казани. – Казань, 1981. – С. 3–15.

Аннотация

Средневековая Казань, судя по материалам археологических исследований последних лет, появляется как военная и торговая крепость Волжской Болгарии на рубеже X–XI вв. для защиты ее северо-западных границ. В домонгольское время преобладающее место среди населения города занимали булгары. Аналогичное положение сохранялось и в период Золотой Орды. Качественные изменения в ее истории происходят в период Казанского ханства. В это время возрастает влияние Московского государства, усилившееся в середине XV в., что находит отражение в появлении в материалах раскопок Казани другой культурной традиции.

Ключевые слова: эпоха, городище, культура, керамика, традиция, находки.

Summary

Medieval Kazan seemed to be Bulgarian fortress and trading post during pre-Mongolian period in the light of new archaeological investigations. It emerged on the northern boundaries of the state during the border-line of the Xth and XIth centuries. Emergence of town during pre-Mongolian period was characterized with dominative role of the Bulgarian population according to archaeological data. Analogous picture is observed for the period of Golden Horde also. Qualitative changes appeared to take place alongside with formation of Kazan Khaganat. During the next period of Kazan Khaganat the influence of Moscow State became more intensive especially in the second part of the XV century.

УДК 930. 26

СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Б.С. Соловьев, кандидат исторических наук

Сейминско-турбинские древности являются одним из наиболее ярких проявлений начала позднего бронзового века Северной Евразии. Это беспокойное время, относящееся некоторыми исследователями¹ к первой фазе неоднократно повторявшихся эпох «великого переселения народов», характеризуется резкой сменой культурных стереотипов, формированием новых этнокультурных общностей, миграциями древних популяций. Главными дискуссионными вопросами рассматриваемой проблемы, итоги изучения которой последний раз подводились в конце прошлого столетия², являются: генезис и определение территории формирования, абсолютная и относительная хронология, культурная принадлежность сейминско-турбинских древностей.

История изучения археологических памятников

Сейминский могильник. Нижегородская область, левый берег р. Оки. В июне 1912 г. командир роты Екатеринбургского пехотного полка штабс-капитан А.М. Конев недалеко от станции Сейма Нижегородской губернии при строительстве учебного укрепления на пойменном холме обнаружил бронзовые и кремневые изделия. Вопреки мнению В.А. Городцова о необходимости научного изучения, исследование было доверено А.М. Коневу и сотрудникам Нижегородской ученой архивной комиссии. О.Н. Бадер, анализируя результаты некомпетентных раскопок 1912, 1914–1916 гг., рассматривал их как один из наиболее горестных эпизодов в истории русской дореволюционной

археологии³. Комплексы Сейминской дюны вызвали длительную дискуссию, наибольшие споры вызвала культурная принадлежность могильника и его связь с поселениями⁴.

Турбинские I, II могильники. Пермский край, правый берег р. Камы, современная территория г. Пермь. Сведения о древних предметах, найденных на «Шустовой горе» у д. Турбино, опубликованы в конце XIX в. Турбинский I могильник, являющийся крупнейшим сейминско-турбинским кладбищем (выделено 111 достоверных и условных могил), исследовался А.В. Шмидтом (1924–1927 гг.), Н.А. Прокошевым (1934, 1935 гг.), О.Н. Бадером (1958–1960 гг.). Предпринятые А.В. Шмидтом и О.Н. Бадером поиски расположенного поблизости второго некрополя, существование которого подтверждают случайные находки 1890, 1895 гг., не увенчались успехом. Памятникам посвящена обширная литература, отмечу лишь основные работы⁵.

Ростовкинский могильник. Омская область, р. Омь. В.И. Матюшенко (1966–1969 гг.), вскрыв 1376 кв. м, выявил 38 погребений. Прослежены захоронения литейщиков; жертвенные приношения, включавшие керамику кротовского, окуневского, самуського облика. Результаты раскопок детально опубликованы⁶.

Решенский могильник. Нижегородская область, правый берег р. Оки. В 1975–1976 гг. О.Н. Бадер вскрыл 18 могил⁷. Вещевой материал могильника, должным образом не введенного в научный оборот, проанализирован Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых⁸.

Могильник Сатыга XVI. Тюменская область, среднее течение р. Конды. Известен с 1987 г., изучался Е.М. Беспрозованным, В.Н. Широковым, В.И. Стефановым, О.Н. Корочковой. Подробная публикация отсутствует, имеется отрывочная информация⁹.

Юринский (Усть-Ветлужский) могильник. Республика Марий Эл, устье р. Ветлуги, левого притока р. Волги. Раскопан Б.С. Соловьевым в 2001–2006 гг. Материалы оперативно опубликовались¹⁰.

Заосиновский IV могильник (святилище?). Пермский район Пермского края, левый берег р. Камы. В 1982 г. В.П. Денисов обнаружил в пахотном слое компактное скопление (площадь 12 кв. м, глубина 5–34 см) бронзовых и каменных предметов – 26 экз.¹¹ Показательная аналогия со святилищем Шайтанское озеро II (см. ниже).

Канинское святилище. Республика Коми, правый берег р. Малая Печора. В.И. Канивец (1959, 1960 гг.) в пещере, находящейся недалеко от мыса «Канин Нос», исследовал культурный слой, включавший сейминско-турбинские медно-бронзовые, кремневые, костяные изделия, лебяжскую посуду конца бронзового – начала раннего железного веков¹². Одни исследователи¹³ поддерживали мнение исследователя о культурном единстве комплекса, другие¹⁴ отрицали связь керамики с сейминско-турбинскими древностями.

Святилище Шайтанское озеро II. Свердловская область. На западном берегу одноименного озера Ю.Б. Сериковым найдены имеющие сейминско-турбинские, самусько-кижировские, петровско-алакульские параллели многочисленные целые и сломанные медно-бронзовые и кремневые предметы, сопровождающиеся обломками сосудов коптяковской культуры. Находки образовывали скопления площадью до 7 кв. м¹⁵.

Сейминско-турбинские проявления содержат памятники у горы Березовой, Сопка 2, Елунино 1, Цыганкова Сопка, Устьянка, Товклуртлор 3¹⁶. Среднекам-

ский сейминско-турбинский¹⁷, чирковский¹⁸, абашевский¹⁹ Зуево-Ключевский могильник, на мой взгляд, вместе с расположенным поблизости поселением следует отнести к вольско-лбишенской культуре.

Известно большое количество случайных находок: Бородино, Галич, Коршуново, Омск, Усть-Гайва, Коршуново, Березовка–Омары, Верхняя Мульта, Клепиково, Омск, Устье Тары, Соколовка, Бор-Ленва и многие другие; некоторые из них считаются кладами или остатками разрушенных могильников²⁰.

Отсутствие поселений объясняется мобильностью и исключительными помещением сосудов в могилы особенностями погребального обряда сейминско-турбинского населения²¹.

Истоки, генезис,

культурная принадлежность

«Сибирская» гипотеза В.А. Городцова²² происхождения сейминско-турбинских древностей не подвергалась сомнению²³. Разногласия вызывала лишь первичная локализация: Урал, лесное Зауралье, бассейн Средней Оби, Верхнее и Среднее Прииртышье, Южная и Западная Сибирь, Восточное Семиречье, горный и предгорный Алтай, Тянь-Шань, Синцзян, Минусинская котловина²⁴.

Долгое время господствовали автотонные гипотезы, базировавшиеся на привязках к кремневому инвентарю и керамике местных племен. А.Х. Халиков, вслед за А.М. Тальгреном²⁵ отнес Сейминский могильник к фатьяновской, затем – к созданной им чирковско-сейминской культуре, ранний галанкиногорский этап которой включал Турбино I, Соколовку; кубашевско-сейминский – Сейму; юринский – Решное, Зуевы Ключи, Галичские клады²⁶. Концепция подтверждалась выделением западносибирского кротовского компонента с «валиковой» керамикой. Вероятно, А.Х. Халиков²⁷, вначале сблизивший подобные чирковские сосуды с катакомбными и поз-

днегаринскими²⁸, учел предположение свердловских археологов о связи «валиковой» посуды и сейминско-турбинского металла²⁹.

Б.С. Соловьев, поддержав мнение своего учителя о присутствии в сейминско-турбинских коллективах западно-сибирского кротовско-ташковского субстрата, выступил против отождествления сейминско-турбинских и чирковских древностей³⁰.

Предположению о культурном единстве западносибирских «валиковых» и чирковских гибридных сосудов с гребенчато-рельефной орнаментацией³¹ противоречит их морфология: плоскодонные горшечно-баночные — круглодонные резко профилированные формы; орнаментация: плотные мелкошагающие, прямые гребенчатые — геометрические мелкозубчатые, ямочные композиции; конструирование выпуклых элементов: прикрепление к прочерченному желобку лепных жгутов — формовка плоским и зубчатым штампом³². Восточные синхронные аналогии гибридной керамике отсутствуют.

О.Н. Бадер сконструировал обширную волго-камскую общность, включавшую турбинскую (Турбино, Усть-Гайва, гаринско-борские поселения) и сейминскую (Сейма, Галичские клады, большекозинские стоянки) культуры. Чирковско-сейминскую культуру он предлагал назвать «чирковской» или «чирковским этапом сейминской культуры», а широкое распространение сейминско-турбинских бронз объяснял родственностью самусьского, турбинского, галовского, большекозинского сообществ³³.

Автохтонные теории не выдержали проверку временем³⁴. Дефиниция «турбинская» постепенно сменилась «гаринско-борской»³⁵ и «гаринской»³⁶. Давно вышли из употребления термины «сейминская» и «чирковско-сейминская».

Существовали версии андроновского³⁷ и карасукского³⁸ происхождения некоторых категорий сейминско-тур-

бинских изделий. Ростовка рассматривалась в рамках самусьской (среднеиртышский вариант)³⁹ или обширной западносибирской культурно-исторической общности⁴⁰.

Оригинальная модель сейминско-турбинского транскультурного феномена базируется на идее стремительной западной миграции синкретических популяций, субстратную основу которых составляли металлурги-коневоды горного — предгорного Алтая и охотники-рыболовы таежной зоны Прибайкалья, Приангарья, Восточных Саян, Среднего Енисея⁴¹. Вблизи Уральских гор единый массив распался. Маршрут сравнительно немногочисленных северных кланов проходил по западносибирской тайге, Среднему или Северному Уралу, бассейну р. Печоры. Реальность этого пути подвергается сомнению⁴². Центральная группировка, пройдя лесостепное Приуралье, осела в Среднем Прикамье; южная, остановившись вблизи камского устья, двинулась вдоль Волги и Оки. Некоторые коллективы достигли северо-запада европейской России, Восточной Прибалтики, Южной Финляндии.

По мнению С.В. Большова, считающего посуду вольско-лбищенской культуры с валиком и змейкой следствием сейминско-турбинского импульса, среднекамская группа, спустившись по Каме, разделилась, направившись в Верхнее и Самарское Поволжье⁴³. Аналогии⁴⁴ подтверждают точку зрения исследователей⁴⁵, объясняющих присутствие на вольско-лбищенской керамике валиков, «шагающей гребенки», «елочек», штрихованных треугольников катакомбно-полтавкинским воздействием⁴⁶. Отметим сравнительно раннюю хронологическую позицию вольско-лбищенских материалов — XXV—XX вв. до н.э.⁴⁷, отсутствие ниже устья Камы находок собственно сейминско-турбинских изделий⁴⁸, справедливое замечание о том, что сейминско-турбинские группировки избегали степных и глубинных лесостепных пространств⁴⁹.

Абсолютная и относительная хронология

Широкий диапазон датировок сейминско-турбинских древностей: XVII–VIII вв. до н. э. объясняется предпочтением использования кавказских, балкано-микенских, древнекитайских реперов⁵⁰. Большое значение имело выделение сейминского хронологического горизонта начальной фазы Евразийской металлургической провинции позднего бронзового века (преимущественно третья четверть II тыс. до н. э.) и обособление самусько-кижировских материалов⁵¹.

Сейма датировалась XIV–XIII в. до н. э.⁵², XV–XIV вв. до н. э.⁵³; Турбино I – второй половиной XVI – началом XV вв. до н. э.⁵⁴, XIV–XII вв. до н. э.⁵⁵; Решное – серединой II тыс. до н. э.⁵⁶, XV–XIV вв. до н. э.⁵⁷; Ростовка – XI–VIII вв. до н. э.⁵⁸, XIV–XIII вв. до н. э.⁵⁹, XV–XIII вв. до н. э. или не позднее XII–XI в. до н. э.⁶⁰; Бородино – XIV–XI вв. до н. э.⁶¹, XV–XIV вв. до н. э.⁶², XVI–XV вв. до н. э. – XIII–XII вв. до н. э.⁶³; Усть-Гайва – концом II тыс. до н. э.⁶⁴, XV – началом XIV вв. до н. э.⁶⁵; нижекамские памятники – третьей четвертью II тыс. до н. э.⁶⁶

Трудно признать объективными попытки создания относительной хронологии памятников, среди которой преобладала схема: Турбино – Сейма – Ростовка⁶⁷. А.М. Талгрен полагал, что Галичский клад старше Сейминского и моложе Турбинского могильников⁶⁸. Турбинский могильник синхронизировался с Бородинским кладом⁶⁹ и Бор-Ленвой⁷⁰, Сейминский – с Соколовским⁷¹ и Ростовкинским⁷², Сатыга XVI – с Товкуртлором⁷³. Предполагался небольшой временной приоритет Сеймы по отношению к Турбино I⁷⁴ и Ростовке⁷⁵.

Не менее гипотетичными являлись версии эволюции сейминско-турбинских металлических изделий. Наконечники копий: с вильчатой втулкой – ромбическим стержнем – манжетой на втулке – с несомкнутой втулкой⁷⁶; «вильчатые» (XV–XIII вв. до н. э.) – с

ромбическим стержнем – несомкнутой втулкой (конец II тыс. до н. э.)⁷⁷. Кельты: короткие клиновидные без орнамента – простые с линейными поясками – вытянутые с горизонтальной лесенкой, треугольниками и решетчатыми ромбами⁷⁸; с ромбами и треугольниками (XV–XII вв. до н. э.) – бедным орнаментом (XIV–XIII – рубеж II–I тыс. до н. э.) – двушковые (XV–XII вв. до н. э.) – одношковые (XIII–XII вв. до н. э.) – предананьинские (конец II – начало I тыс. до н. э.)⁷⁹; без орнамента, с «лесенкой», горизонтальными валиками – «лесенкой», треугольниками, цепочками ромбов, одношковые, перегруженные орнаментом (конец II – рубеж II–I тыс. до н. э.) – двушковые (IX–VIII вв. до н. э.)⁸⁰; с ромбами и треугольниками – неорнаментированные⁸¹. Ножи – кинжалы: листовидные – с литой рукоятью – намечающимся и хорошо выраженным черенком⁸².

Периодизация алтайско-сибирской сейминско-турбинской металлообработки включает три этапа: елунинский (конец III – первая четверть II тыс. до н. э.) характеризуют кельты-лопатки, вильчатые эллипсоидные наконечники копий, ножи, отлитые вместе с навершием; ростовкинский (вторая четверть II тыс. до н. э.) – кельты с двушковыми и орнаментированные ромбами и треугольниками, черешковые ножи, «вильчатые» широкие наконечники копий; самусько-кижировский (вторая половина II тыс. до н. э.) – кельты с ложными ушками и «усиками», узкие вильчатые наконечники копий, кинжалы «каракольского» типа⁸³.

Использовавшиеся для уточнения времени существования сейминско-турбинских древностей конвенционные определения C¹⁴ BC могильника Елунино 1 и поселения Коровья пристань: 1610±30, 1680±75 л. до н. э.⁸⁴ дополнились датами Елунино 1: cal BC 1960–1870 (68,5%), 1840–1830 (0,7%)⁸⁵, Сатыги XVI: 3655±29 BP / cal BC 2130–1960 (68,2%), 2140–1940 (95,4%)⁸⁶; Усть-Ветлуги: 3545±50, 3400±50, 3395±35 BP / cal BC 1760–1620 (68,2%), 1950–1860

(40,6%), 1850–1770 (27,6%), 1740–1630⁸⁷. В целом они не противоречат диапазону калиброванных определенных потаповских: 2020–1600, 2300–1500 гг. до н. э.; синташтинских: 2040–1690, 2000–1500, 1970–1770, 2030–1750, 2400–1950, 2650–1750 гг. до н. э.; раннесрубных: 1950–1660, 2050–1400, 1900–1750, 1980–1690 гг. до н. э.; петровских: 1880–1740, 1930–1690 гг. до н. э. комплексов первой фазы (XX–XVIII вв. до н. э.) позднего бронзового века Евразии⁸⁸.

Вопреки мнению о синхронности ташковских, кротовских, елунинских древностей⁸⁹, ташковская культура по доверительному интервалу калиброванных радиоуглеродных дат – 2050±200 л. н. относится к досейминскому горизонту⁹⁰.

Проникновение сейминско-турбинской общности в Восточную Европу датируется временем около XX в. до н. э.⁹¹, а ее появление на Средней Волге – датой абашевского Пепкинского кургана: 2500–2029 гг. до н. э. (cal BC 92, 7%)⁹².

Предполагается частичное сосуществование в начале сейминского хронологического горизонта поздневолосянских, балановских, атликасинских, абашевских, чирковских, ташковских, кротовских, займищенских, сейминско-турбинских древностей⁹³. Близкая точка зрения высказана С.В. Большовым⁹⁴. Немногочисленные конвенционные датировки относят фатьяновские, балановские, атликасинские памятники к XXI–XVII вв. до н. э.⁹⁵, калиброванные – к XXIV–XVIII вв. до н. э.⁹⁶. Западный фатьяноидный пласт датируется XIX–XVII вв. до н. э.⁹⁷

Сейминско-турбинский феномен и евразийские культуры

Известно предположение о сейминско-турбинском «политическом» господстве над многими евразийскими народами⁹⁸. Реально взаимодействие с зауральскими абашевско-петровскими, синташтинскими, приуральскими

позднеабашевскими, поволжскими потаповскими, покровскими группировками: Турбино I, Сатыга XVI, у горы Березовой, Кривое Озеро, Покровка, Селезни 2, Кондрашкинский, Степное VII, Верхняя Алабуга, Токанай I, Малиновский II, Ново-Мордовский II, Базяковский III⁹⁹.

В Волго-Камье наиболее четко прослеживаются абашевские и срубные связи¹⁰⁰. Евразийские изделия составляют треть среднекамских и почти четверть окских сейминско-турбинских коллекций, при этом в центре Турбинского кладбища инкорпоранты составляли незначительную часть, а на южной периферии – почти половину хоронившей здесь общины¹⁰¹.

Соприкосновение со средневожскими абашевцами могут отражать литейная форма и многочисленные случайные волго-камские находки известных в Турбино I узковислобушных топоров, ножи с ромбической пяткой и узким черенком, подтреугольные и желобчатые браслеты Усть-Ветлуги, Пепкино, Малого Кугунура, Абашево, Алгашей, сосуды Сеймы, Решного, Соколовки¹⁰². Основным доказательством гипотезы сейминско-турбинско-абашевской конфронтации на Средней Волге служат т. н. «сейминские» кремневые треугольно-черешковые наконечники стрел из средневожских абашевских захоронений со следами насильственной смерти¹⁰³. Очевидна неправомочность точки зрения¹⁰⁴ об их связи с сейминско-турбинскими племенами и носителями «валиковой» керамики¹⁰⁵. Предполагается, что конфликт привел к миграции правобережных абашевских коллективов в Ветлужско-Вятское междуречье, Верхнее Поволжье, Волго-Очье, Южное Приуралье¹⁰⁶.

Возможно взаимодействие с приуральским и нижекамским срубно-андроновским, андроноидным, донно-вожским срубно-абашевским, средневожским срубным населением¹⁰⁷. Ареал известных в сейминско-турбинских¹⁰⁸, ранних срубных, покровских¹⁰⁹ комплексах массивнообушных топоров

охватывает территорию срубных памятников юго-востока Чувашии¹¹⁰.

Поздняковские контакты косвенно подтверждаются обломком кельта — Ибердус III¹¹¹; ножами с перехватом, закругленной и прямой пяткой; кинжалами с налитой рукоятью — Сейма, Турбино I, Решное, Борисоглебовский, Березовый Рог, Саушкино¹¹²; наконечниками копий с округло-ромбическим стержнем, манжетой, ушками — Решное, Засечье, Акозино, Подборное (литейная форма), Дубровичи, Яндашево¹¹³. Подборновская и яндашевская находки отнесены к рубежу сейминского — постсейминского хронологических горизонтов¹¹⁴. Скорее всего, этому периоду соответствует большинство поздняковских поселений Марийско-Чувашского Поволжья с «текстильной» керамикой. Близкие верхневолжские памятники калиброванными определениями С¹⁴ датируются XVI—XII вв. до н. э.¹¹⁵.

Не вызывает сомнения взаимодействие сейминско-турбинских группировок с представителями культур Сибири и Алтая: елуинской — однолезвийные кинжалы с зооморфными и кольцевыми навершиями Елуино 1, Цыганковой Сопки; кротовской — форма для отливки «вильчатых» наконечников копий Черноозерья VI, захоронения литейщиков Сопки 2, керамика Ростовки; приказымской — бронзовый скобель, кремневые изделия, «валиковый» сосуд Товклуртлора 3; коптыковской — кельт Аятского поселения, металлические и кремневые предметы Шайтанского озера II; медно-бронзовый инвентарь, посуда Сатыги XVI¹¹⁶.

О связях с балановско-фатьяновским и чирковско-фатьяноидным населением свидетельствуют кельт из жилища верхневолжского поселения Воймежное I¹¹⁷; бронзовый пластинчатый нож из содержавшего фатьяновские и чирковские материалы слоя стоянок Березовая Слободка II, III на р. Сухоне¹¹⁸; западносибирская «валиковая» посуда ранних средневолжских чирковских памятников¹¹⁹. Высокий социальный статус носителей «валиковой» керамики отражают ритуальные ладьевидные чаши, обнаруженные вблизи центрального очага служившей общественным домом или резиденцией лидера общины постройки Галанкиной Горы¹²⁰. Предполагается сейминско-турбинский след в появлении коллективных и «разграбленных» балановско-фатьяновских могил, содержавших близкие «сейминским» наконечники стрел¹²¹.

Сейминско-турбинские проявления Северного Приуралья, Прибалтики, Финляндии¹²² не дают явных свидетельств контактов с местным населением.

Подведем краткие итоги. Несмотря на достигнутые успехи, столетнее осмысление сейминско-турбинской проблемы далеко от окончательного решения. Для ее дальнейшего изучения, прежде всего, нужны подробные публикации базовых памятников (Сатыга XVI, Решное, Усть-Ветлуга, Шайтанское озеро II), расширение источниковой базы и банка радиоуглеродных датировок, необходимых при синхронизации с культурами Северной Евразии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. «Переселение народов» в археологии Среднего Приуралья // Вестник Пермского университета. — Пермь, 2007. — Вып. 3 (8).

² Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987; *они же*. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М., 1989.

³ Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. — М., 1970.

⁴ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...

⁵ Бадер О.Н. Новые раскопки Турбинского I могильника // ОК(В)АЭ. Вып. 1, 1959; *он же*. Второй Турбинский могильник // КСИА. — 1961. — Вып. 86; *он же*. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. — 1961. — № 99; *он же*. Древнейшие металлургии

Приуралья. — М., 1964; *Крижевская Л.Я., Прокошев Н.А.* Турбинский могильник на р. Каме (по материалам раскопок 1934–1935 гг.) // Исследования по археологии СССР. — Л., 1961; *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. — М., 1970; *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Памятники сейминско-турбинского типа...; *они же.* Древняя металлургия Северной Евразии...

⁶ *Матющенко В.И., Синицына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. — Томск, 1988.

⁷ *Бадер О.Н.* Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1976; *Бадер О.Н., Черников В.Ф.* Новые находки сейминского типа у с. Решное на Оке // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М., 1978; *они же.* Новый могильник сейминско-турбинского типа на Оке // СА. — 1978. — № 1.

⁸ *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987; *они же.* Древняя металлургия Северной Евразии. — М., 1989.

⁹ Там же. См. также: *Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. — 2005. — № 4.

¹⁰ *Соловьев Б.С.* Об абашевском компоненте Юринского могильника // Абашевская историко-культурная общность: истоки, развитие, наследие. — Чебоксары, 2003; *он же.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (по раскопкам 2001 г.) // Новые археологические исследования в Поволжье. — Чебоксары, 2003; *он же.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. — 2005. — № 4; *Соловьев Б.С., Шалахов Е.Г.* Воинское погребение Юринского могильника // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. — Чебоксары, 2006.

¹¹ *Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н.* Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. — Казань, 1988.

¹² *Канивец В.И.* Канинская пещера. — М., 1964.

¹³ *Стоколос В.С.* Бронзовый век Северного Приуралья в свете новых данных. — Сыктывкар, 2005; *Кореник С.Н., Мельничук А.Ф.* «Переселение народов» в археологии Среднего Приуралья...

¹⁴ *Лузгин В.Е.* Древние культуры Ижмы. — М., 1972; *Буров Г.М.* О нижнем хронологическом пределе лебяжьей культуры // СА. — 1983. — № 2.

¹⁵ *Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Бронзовый век Урала: новые перспективы // Тр. II (XVIII) Всеросс. археол. съезда в Суздале. — М., 2008. — Т. I.

¹⁶ *Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985; *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии...; *Моргунова Н.Л., Халяпин М.В.* Новые исследования памятников эпохи бронзы в Центральном Оренбуржье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы Международ. науч. конф. — Чебоксары, 2003; *Стефанов В.И.* Могильник Товкултор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. — 2006. — № 1.

¹⁷ *Генинг В.Ф.* Новый могильник сейминско-турбинского типа в Удмуртском Прикамье // Памятники древнейшей истории Евразии. — М., 1975.

¹⁸ *Халиков А.Х.* Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987.

¹⁹ *Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н.* Могильники сейминско-турбинского типа...

²⁰ *Спицын А.А.* Галичский клад // ЗОРАО. — Т. 5, вып. 1. — СПб., 1903; *Чернецов В.Н.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. — 1953. № 35; *Тихонов Б.Г.* Металлические изделия на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. — 1960. — № 90; *Косарев М.Ф.* Среднеобский центр турбинско-сейминской металлургии // СА. — 1963. — № 4; *Бадер О.Н.* Древнейшая металлургия Приуралья. — М., 1964; *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. — М., 1970; *Гришин Ю.С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. САИ. Вып. В3–12. — М., 1971; *Халиков А.Х.* Приказанская культура. САИ. В1–24. — М., 1980; *Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье.* — Казань, 1981; *Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье.* — Казань, 1985; *Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. 1.* — Казань, 1986; *Ошибкина С.В.* О находках сейминского времени в Восточном Прионежье // КСИА. — 1984. — Вып. 177; *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии...; *Леонтьев С.Н.* Клад бронз сейминско-турбинского типа

из деревни Верхняя Мульта (юг Красноярского края) // РА. — 2007. — № 3; *Мельничук А.Ф., Тавризян М.В.* Малоизвестные бронзовые предметы турбинского хронологического горизонта из Верхнего Прикамья // Пермское Прикамье в истории Урала и России. — Березники, 2000.

²¹ *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии...

²² *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского Исторического музея за 1914 г. — М., 1916.

²³ *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. — М., 1951; *Тихонов Б.Г.* Металлические изделия на Среднем Урале и в Приуралье...; *Бадер О.Н.* Древнейшие металлургии Приуралья...; *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. — 1972. — № 182; *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья...; *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. — М, 1981; *Матющенко В.И., Симицына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка...; *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии...

²⁴ *Иссен А.А.* Уральский очаг древней металлургии // Первое Уральское археол. совещание. Док. науч. конф. Пермского ун-та. Пермь, 1948. Вып. 1–4; *Тихонов Б.Г.* Металлические изделия на Среднем Урале и в Приуралье...; *Косарев М.Ф.* Среднеобский центр турбинско-сейминской металлургии...; *Бадер О.Н.* Древнейшие металлургии Приуралья...; он же. Бронзовый нож из Сеймы с лошадами на навершии // КСИА. — 1971. — Вып. 127; *Зотова С.В.* О сибирских кельтах сейминско-турбинского типа // КСИА. — 1964. — Вып. 101; *Гришин Ю.С.* Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы...; *Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи...; *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии...; *Матющенко В.И., Симицына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка...; *Халиков А.Х.* К вопросу об этносе носителей сейминско-турбинских бронз // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. (АЭМК. Вып. 19). — Йошкар-Ола, 1991.

²⁵ *Tallgren A.M.* La époque dite Ananino dans la Russie orientale // SMIA. — 1919. — Т. 31.

²⁶ *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Тр. МарАЭ. — Йошкар-Ола, 1960. — Т. 1.; он же. Древняя история Среднего Поволжья. — М., 1969; он же. Чирковская культура...

²⁷ *Халиков А.Х.* Контакты племен Западной Сибири и Южного Урала с племенами Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху камня и бронзы и их этнокультурная интерпретация // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981.

²⁸ *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья...; он же. Древняя история Среднего Поволжья...

²⁹ *Генинг В.Ф., Гусеницова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С.* Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск, 1970.

³⁰ *Соловьев Б.С.* О «валиковой» керамике поселения Галанкина Гора // Древние этнические процессы Волго-Камья. (АЭМК. Вып. 9). — Йошкар-Ола, 1985; он же. Валиковая керамика в Среднем Поволжье и Приуралье (к вопросу о сейминско-турбинском транскультурном феномене) // Этногенез и этническая история марийцев. (АЭМК. Вып. 14). — Йошкар-Ола, 1988; он же. Финал волосовских древностей в Среднем Поволжье и формирование чирковской культуры // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. (АЭМК. Вып. 19). — Йошкар-Ола, 1991; он же. Бронзовый век Марийского Поволжья. (Тр. МарАЭ. Т. VI). — Йошкар-Ола, 2000.

³¹ *Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н. э.). — Йошкар-Ола, 2006.

³² *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья...; *Молодин В.И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. — Новосибирск, 1977; он же. Бараба в эпоху бронзы...; *Стефанова Н.К.* О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986; она же. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск, 1988; *Соловьев Б.С.* Валиковая керамика в Среднем Поволжье и Приуралье...; он же. Бронзовый век Марийского Поволжья...; *Ковалева В.Т., Рыжкова О.В.* Проблема перехода от энеолита к бронзовому веку в лес-

ном Зауралье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. (АЭМК. Вып. 19). — Йошкар-Ола, 1991.

³³ *Бадер О.Н.* Второй Турбинский могильник...; *он же.* Древнейшие металлурги Приуралья...; *он же.* Бассейн Оки в эпоху бронзы...; *он же.* Новый могильник сейминского типа на Оке...

³⁴ *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья...; *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Памятники сейминско-турбинского типа...; *они же.* Древняя металлургия Северной Евразии...; *Кузьминых С.В.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Волго-Камье в 1968–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии. — Казань, 1982; *Соловьев Б.С.* Изучение памятников эпохи бронзы в Марийской АССР // Древности Волго-Вятского междуречья. (АЭМК. Вып. 12). — Йошкар-Ола, 1987; *он же.* Бронзовый век Марийского Поволжья...

³⁵ *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья...; *Наговицин Л.А.* Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. — Ижевск, 1984; *он же.* Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987; *Третьяков В.П.* Энеолитические памятники в бассейне р. Вятки и гаринско-борская культура // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. — Ижевск, 1984.

³⁶ *Наговицин Л.А.* Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. — Ижевск, 1990; *Мельничук А.Ф.* О памятниках борского этапа в Прикамье // Там же; *Халиков А.Х.* Волосовско-гаринская общность // Там же; *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск, 1999.

³⁷ *Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. — 1960. — № 88.

³⁸ *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири...

³⁹ *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири...

⁴⁰ *Матющенко В.И., Сеницына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка...

⁴¹ *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии...; *они же.* Древняя металлургия Северной Евразии...

⁴² *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* «Переселение народов» в археологии Среднего Приуралья...

⁴³ *Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы...

⁴⁴ *Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. — Воронеж, 1996; *Матвеев Ю.П.* Среднедонская катакомбная культура в свите культур среднебронзового века // Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). (АВС. Вып. 19). — Воронеж, 2005; *Вискалин А.В.* Результаты исследования шестого жилища Ховринского энеолитического поселения // ВАП. — Самара, 2006. — Вып. 4.; *Мочалов О.Д.* Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. — Самара, 2008; *Литвиненко Р.А.* Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе юга бронзового века Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. — Самара, 2001; *Ткачев В.В.* Памятники абашевской культуры в степном Приуралье // Абашевская историко-культурная общность: истоки, развитие, наследие. — Чебоксары, 2003.

⁴⁵ *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф.* Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара, 2000; *Васильев И.Б.* Вольско-Лбище — новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы Международ. науч. конф. — Чебоксары, 2003; *Ставицкий В.В.* Бронзовый век Посурья и Примокшанья. — Пенза, 2005.

⁴⁶ *Васильев И.Б.* Вольско-Лбище — новая культурная группа...; *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий А.М.* Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара, 2000; *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф.* Памятники вольско-лбищенского типа...; *Кузнецов П.Ф.* Вольско-лбищенская культура // XVII Уральское археол. совещание. — Екатеринбург; Сургут, 2007.

⁴⁷ *Кузнецов П.Ф.* Вольско-лбищенская культура...

⁴⁸ *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии...

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Tallgren A.M. Die Cronologie der osteuropäischen Bronzezeit. Mitt. d. Anthr. in Vien. — LXI, 1931; Studies of the Pontic Bronze Age // ESA. XI. — Helsinki, 1937; Gimbutas M. Borodino, Seima and their contemporaries // PPS. — Vol. XXII. — Cambridge, 1956; Тихонов Б.Г. Металлические изделия на Среднем Урале и в Приуралье...; Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи...; Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири...; Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...

⁵¹ Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья...; Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...

⁵² Городецков В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России...; Gimbutas M. Borodino, Seima and their contemporaries...

⁵³ Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы...

⁵⁴ Бадер О.Н. Новые раскопки Турбинского I могильника...; он же. Второй Турбинский могильник...; он же. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье...; он же. Древнейшие металлурги Приуралья...

⁵⁵ Тихонов Б.Г. Металлические изделия на Среднем Урале и в Приуралье...

⁵⁶ Бадер О.Н. Новый могильник сейминского типа на Оке...

⁵⁷ Халиков А.Х. Чирковская культура...

⁵⁸ Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи...

⁵⁹ Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири...

⁶⁰ Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка...

⁶¹ Кривцова-Гракова О.А. Поселения бронзового века...

⁶² Gimbutas M. Borodino, Seima and their contemporaries...

⁶³ Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья...;

⁶⁴ Тихонов Б.Г. Металлические изделия на Среднем Урале и в Приуралье...

⁶⁵ Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья...

⁶⁶ Косменко М.Г., Казаков Е.П. О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы // СА. 1976. № 2.

⁶⁷ Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья...; Халиков А.Х. Чирковская культура...

⁶⁸ Бадер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. — М., 1963.

⁶⁹ Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья...

⁷⁰ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...

⁷¹ Косменко М.Г., Казаков Е.П. О некоторых памятниках эпохи бронзы...

⁷² Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка...

⁷³ Стефанов В.И. Могильник Товкутлор 3...

⁷⁴ Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья...

⁷⁵ Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка...

⁷⁶ Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья...

⁷⁷ Тихонов Б.Г. Металлические изделия на Среднем Урале и в Приуралье...

⁷⁸ Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья...

⁷⁹ Тихонов Б.Г. Металлические изделия на Среднем Урале и в Приуралье...

⁸⁰ Косарев М.Ф. Среднеобский центр турбинско-сейминской металлургии...

⁸¹ Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья...

⁸² Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья...

⁸³ Грушин С.П. Бронзовый век Алтая: генезис сейминско-турбинского комплекса // Тр. II (XVIII) Всеросс. археол. съезда в Суздале. — М., 2008. — Т. I.

⁸⁴ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...

⁸⁵ Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах Усть-Ветлужского могильника // РА. — 2005. — № 4.

⁸⁶ Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология...

⁸⁷ Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах...

⁸⁸ Кузнецов П.Ф. Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. — Самара, 2004; Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология...

⁸⁹ Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург, 1991. — Вып. 20.

⁹⁰ Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приоболья // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986; она же. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005.

⁹¹ Юнгнер Х., Карпелан К. О радиоуглеродных датах...

⁹² Кузнецов, 2001; 2003.

⁹³ Соловьев Б.С. Валиковская керамика в Среднем Поволжье и Приуралье...; он же. Сейминско-турбинское время на юге лесного Поволжья // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международ. исторического конгресса финно-угроведов. — Йошкар-Ола, 2004.

⁹⁴ Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху Средней бронзы...; он же. Сейминско-турбинские памятники лесного Поволжья и курганы абашевской общности // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (материалы научной конференции). — Йошкар-Ола, 2007.

⁹⁵ Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. САИ. Вып. В1–22. — М., 1987; Сулержицкий Л.Д., Фоломеев В.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. — Йошкар-Ола, 1993; Соловьев Б.С. К вопросу об атликасинской культуре // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (материалы научной конференции). — Йошкар-Ола, 2007; Кренке Н.А. Древнее поселение возле ротонды «Храм Цереры» в парке «Царицыно» в Москве // Arkeologian lumoa synkkyuteen. — Helsinki, 2006.

⁹⁶ Сулержицкий Л.Д., Фоломеев В.А. Радиоуглеродная хронология...; Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. — М., 2000.

⁹⁷ Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России (по палинологическим данным) // ТАС. — Т. I, Вып. 4. — Тверь, 2000; Жульникова А.М. О фатьяноидной керамике на древних поселениях южного побережья Белого моря // Человек, адаптация, культура. — М., 2008.

⁹⁸ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...

⁹⁹ Халиков А.Х. Приказанская культура...; Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...; Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. Из опыта исследования погребальных комплексов эпохи бронзы в Южном Зауралье: могильник Степное VII // XVII Уральское археол. совещание. — Екатеринбург; Сургут, 2007; Моргунова Н.Л., Халяпин М.В. Новые исследования памятников эпохи бронзы...; Халяпин М.В. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. — Самара, 2001; Дегтярева А.Д. Металлические орудия труда синташтинской культуры // Вестник археологии и этнографии. — Тюмень, 2006. — № 7; она же. Основные черты синташтинского металлопроизводства // Тр. II (XVIII) Всеросс. археол. съезда в Суздале. — М., 2008. — Т. 1.

¹⁰⁰ Спицын А.А. Галичский клад...; Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья...; он же. Бассейн Оки в эпоху бронзы...; Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа...; Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник...

¹⁰¹ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...

¹⁰² Большов С.В. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников) / Тр. МарАЭ. Т. VII. — Йошкар-Ола, 2003; Ефименко П.Н., Третьяков В.П. Абашевская культура в Поволжье // МИА. — 1961. — № 97; Корневский С.Н. Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области // СА. — 1973. — № 1; Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении топоров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. — Чебоксары, 2003; Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник...; Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...

¹⁰³ Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы...; Кузнецов П.Ф. Пепкинский курган как отражение конфронтации...

¹⁰⁴ Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы...;

¹⁰⁵ Соловьев Б.С. К вопросу об атликасинской культуре...

¹⁰⁶ Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы...

¹⁰⁷ Прахин А.Д. Доно-Волжский компонент в Сейменском могильнике // Некоторые проблемы сибирской археологии. — М., 1988; Казаков Е.П. О хронологии культур эпохи

бронзы в Закамье // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зоны восточноевропейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тез. док. — Тула, 1993; *он же*. Об относительной датировке культур эпохи бронзы XVI—XIV вв. до н.э. в Нижнем Прикамье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. — Самара, 2001.

¹⁰⁸ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...

¹⁰⁹ Пряхин, Беседин, Левых, Матвеев, 1989.

¹¹⁰ Корневский С.Н. Металлические втульчатые топоры...; Археологическая карта Татарской АССР. — Казань, 1985.

¹¹¹ Попова Т.Б. Металлообработка у племен поздняяковской культуры // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. (Тр. ГИМ. Вып. 60). — М., 1985.

¹¹² Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения...; Краснов Ю.А., Трубникова Н.В., Зубарева В.М. Поселение эпохи бронзы в низовьях р. Суры // КСИА. — 1973. — Вып. 134; Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняяковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. — М., 1987; Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...

¹¹³ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...; Челябинов В.П. Засеченский курганный могильник. — Рязань, 1992; *он же*. Бронзовый наконечник копья сейминского типа из окрестностей с. Дубровичи // АПСР. — Рязань, 1993. — Вып. 3.

¹¹⁴ Кузьминых С.В. Литейная форма с Подборновского поселения // Археологические памятники Среднего Поочья. — Рязань, 1992.

¹¹⁵ Сулержицкий Л.Д., Фоломеев В.А. Радиоуглеродная хронология...; *они же*. Радиоуглеродные даты...

¹¹⁶ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...; Стефанова Н.К. Кротовская культура...; Матющенко В.И., Синецкина Г.В. Могильник у деревни Ростовка...; Стефанов В.И. Могильник Товкутлор...; Сериков Ю.Б. Изделия из цветных металлов на территории Тагильского Зауралья // Вопросы археологии Поволжья. — Самара, 2006. — Вып. 4.; Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Бронзовый век Урала...

¹¹⁷ Древние охотники и рыболовы Подмосковья. — М., 1999.

¹¹⁸ Иванищева М.В. Комплексы эпохи бронзы и раннего железного века поселения Березовая Слободка II—III // Археология Севера. — Череповец, 2005. — Вып. 1.

¹¹⁹ Соловьев Б.С. О «валиковой» керамике...; *он же*. Валиковая керамика...; *он же*. Бронзовый век Марийского Поволжья...

¹²⁰ Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья...

¹²¹ Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы...

¹²² Тихонов Б.Г. Металлические изделия на Среднем Урале...; Бузов Г.М. Вычегодский край. — М., 1965; Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии...; Janne Ikaheimo. Arkeologisista tutkimuksista alisessa Oulujokilaaksossa 1995–2000. Arkeologia Suomessa — arkeologi i Findland. — Helsinki, 2002; Mika Lavento, Textile ceramics in Finland and on the Karelian isthmus. Nine Variations and Fugue on a Theme of C.F. Meinander. — Helsinki, 2001.

Аннотация

В статье подводятся краткие итоги археологического изучения памятников сейминско-турбинского типа эпохи бронзы и анализируются дискуссионные проблемы (генезис и определение территории формирования культуры, абсолютная и относительная хронология, культурная принадлежность), требующие первоочередного внимания исследователей.

Ключевые слова: Могильник, памятник, святилище, хронология.

Summary

The article presents in short the results of archeological investigations of historical monuments of Seimino and Turbino type of the Bronze Era. The author has analyzed debating points (genesis and determination of the territory of culture formation, absolute and relative chronology, cultural affiliation), which demand the primary attention of researchers.

УДК 908 (470)

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ОСВОЕНИИ СВЯЖСКОГО ОСТРОВА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

З.Г. Шакиров, Р.Р. Валиев

Остров Свяжск находится в северо-западной части Республики Татарстан — в Зеленодольском районе, занимающем наряду с соседним Верхнеуслонским районом северную часть Свяжско-Волжского междуречья. Оба района входят в Волго-Свяжский эрозионно-расчлененный грядовой регион, который характеризуется значительной изрезанностью поверхности долинами рек. Предволжье Татарстана почти полностью дренируется притоками р. Свияги. Длина реки около 375 км, площадь бассейна — 16,7 тыс. кв. км. На территорию республики Татарстан приходится 206 км нижнего ее течения. Бассейн Свияги асимметричен, большинство ее притоков расположено слева (Кубня, Була, Карла, Аря, Тоша и др.). Небольшая территория региона дренируется короткими правыми притоками Волги, т.к. водораздел между Волгой и Свиягой приближен к Волге и часто совпадает с бровкой правого склона ее долин¹. Устье Свияги при ее впадении в Волгу являлось важной узловой, а позже, при появлении государственных образований, и стратегической точкой региона.

Берега р. Свияги были издревле населены людьми. Исключительно богатая природа привлекала сюда человека. Только на территории Татарстана в бассейне Свияги в разные годы выявлено более 300 археологических памятников, датированных от эпохи камня до позднего средневековья. Носители различных культур, населявших описываемую территорию, всегда использовали р. Свиягу как важную транспортно-торговую артерию для двусторонних связей

с ближайшими соседями, а также как выход на более широкие пространства Волго-Камского региона.

Кажется маловероятным, чтобы остров-град Свяжск, расположенный на холме-останце площадью 62 га в 30 км от Казани, оставался незаселенным до середины XVI в.

Традиционная точка зрения, существующая в исторической литературе практически со второй половины XVI в., связывает заложение крепости Свяжск русскими войсками в 1551 г. на пустом острове². Первоначально эта крепость получила название Ивангород в честь основателя — Ивана IV Грозного; чуть позже город-крепость назывался «Новоград Свяжский», но со временем закрепилось современное название — Свяжск, первое упоминание которого встречаем в письменных источниках под 1560 г.³

По указанию Ивана IV и чертежам выдающегося инженера того времени дьяка Ивана Выродкова был разработан проект укреплений с учетом топографии местности. Под руководством Выродкова же в Угличских лесах в вотчине князей Ушатых были срублены стены города, воинские казармы и церковь. Весной 1551 г. заготовленный материал сплавили по Волге и за три недели возвели на острове Свяжском крепость. При сборке стен заготовок оказалось недостаточно и в дело пошел местный лес. Основные работы по строительству города были закончены за четыре недели⁴.

Уже летом 1552 г. князь А. Курбский, участник казанского похода, называ-

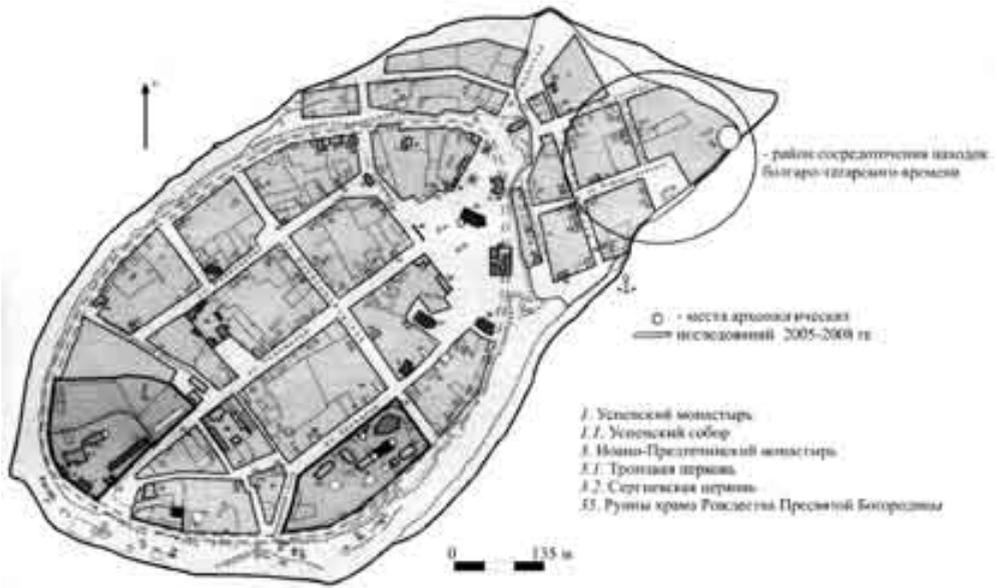

Рис. 1. План о. Свяжск

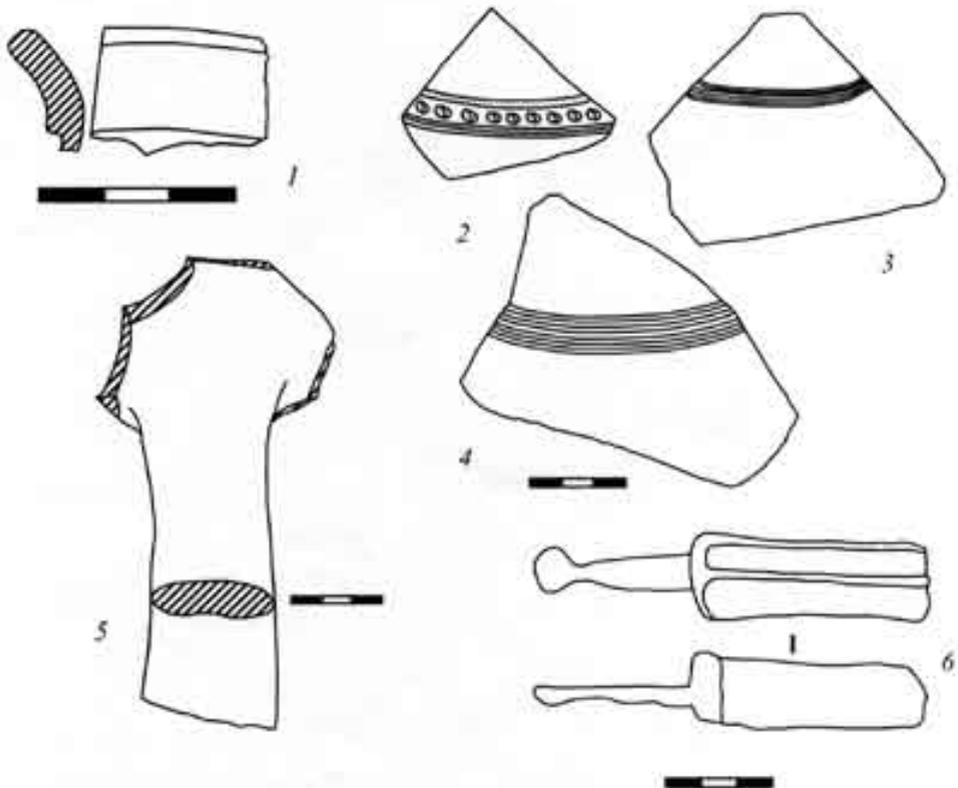

Рис. 2. Керамика в болгарских традициях 1–5, деталь цилиндрического замка 6

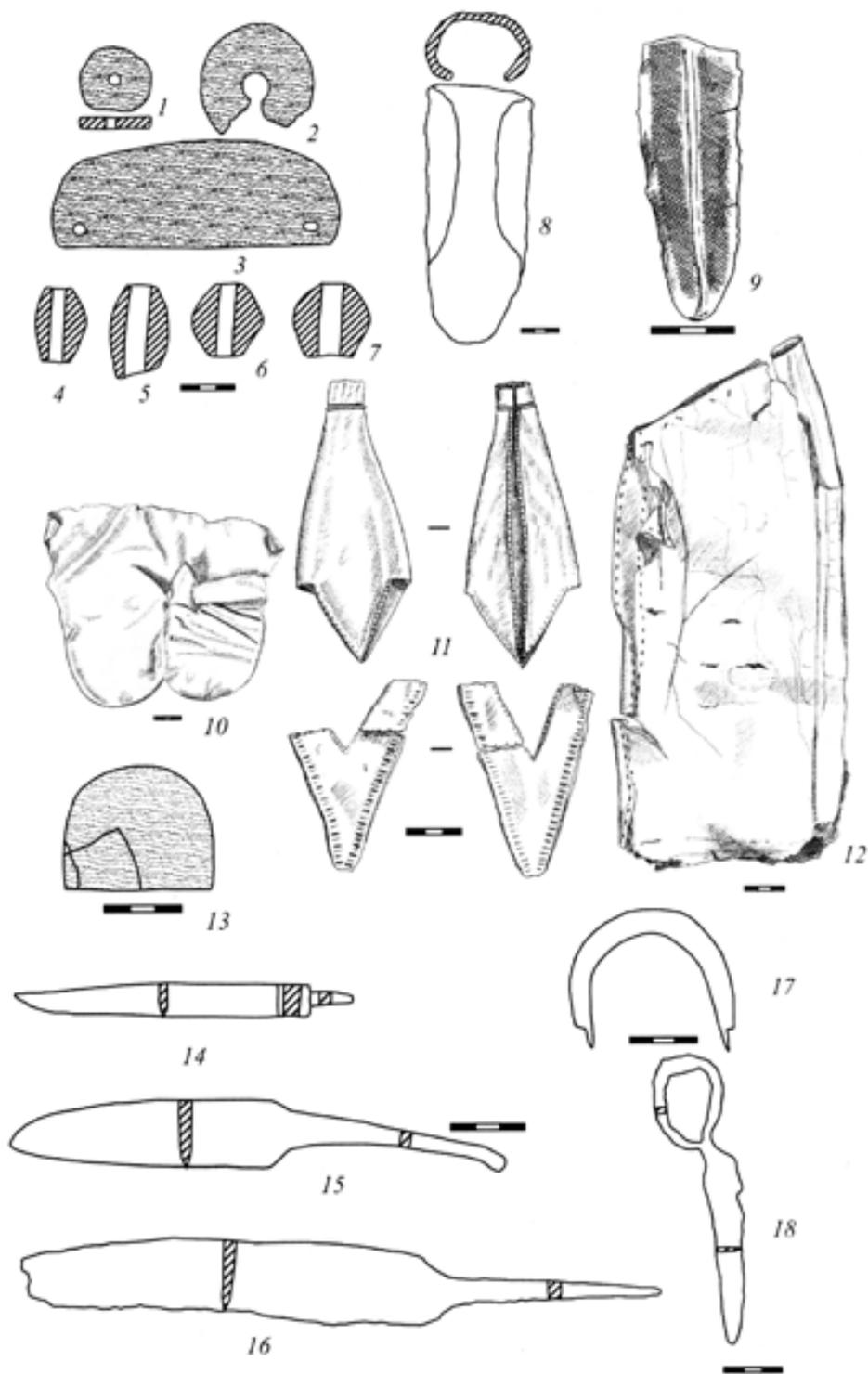

Рис. 3. Изделия из дерева: поплавки 1–3, каблук 13; изделия из кожи: ножны 9, рукавица 10, чехол 11, колчан 12; изделия из железа: соха 8, ножи 14–16, подкова для обуви 17, деталь ножниц 18

ет Иван-город богатым и изобильным: «Мы вошли туда яко в свой дом от долгого и зело нужного пути, понеже привезено нам множество от домов наших Волгою, не мало каждому в великих голях (ладьях) запасу, там же и купцов бесчисленное множество с различными живностями и со многими товары, вде же бяше всего же достаток, чего бы душа восхотела, — точно нечистоты там купить не обрящешь»⁵. Иван IV во главе 150-тысячного войска,двигающегося на Казань, осмотрел новый город и остался весьма доволен. Был отслужен благодарственный молебен. Раскинув шатры на окрестных лугах, армия трое суток отдыхала перед переправой через Волгу.

Крепость задумывалась как последний опорный пункт русских войск в правобережье Волги, т.е. на Горной стороне, для дальнейшего продвижения в левобережье и штурма города Казани.

Свияжская крепость полностью выполнила свое предназначение.

После взятия Казани территория ханства была разделена на два уезда — Казанский (Луговая сторона), Свияжский (Горная сторона), управлявшиеся Приказом Казанского дворца. В 70–80-е г. XVI в. Свияжск сыграл свою роль в подавлении выступлений народов Горной стороны. С исчезновением ханства Свияжская крепость утратила свое прямое назначение и стала опорным пунктом колонизации и христианизации населения присоединенных территорий.

По русским письменным источникам мы знаем, что Круглая гора была обнесена стеной в 1200 сажен с 7 воротами: Рождественские, Никольские, Сергиевские, Николо-Можайские, Пятницкие, Жилецкие и Малые. Для тайных вылазок во время военных действий пробили в земле три тайника: два к реке Свияге и один к реке Шуже. В стенах также имелись башни со стрельнями. Некоторые носили особые названия: стрельница Кривая, Круглая, Грановитая, Коробоватая, башня Толмачевская⁶.

Главными воротами являлись Рождественские, расположенные с северо-восточной стороны и выезд из них вел как раз в район наших исследований 2006–2008 гг. Рождественскими воротами заведовал сам «боярин и большой воевода». На воротах была устроена караульня в пять окон, а поверх — стрельница. С внешней стороны над воротами висела икона Алексея Чудотворца. Счет ворот начинался от Рождественских в сторону Свияги. В сторону рек Шуже и Свияги город имел самые мощные укрепления⁷.

Охрану крепости несли дети боярские, старые и новые жильцы. Выставлялись стрельцы с ручными пищалами, в воротах дежурили 16 пушкарей (воротников). В гарнизоне насчитывалось 417 стрельцов, стрелецкий голова, 4 сотника, 4 пятидесятника, десятник, 20 пушкарей, 21 дряб⁸. Русское население края было малочисленным, и на ратную службу призывались и принимались поляки, немцы, гулящие беглые люди, принявшие христианство татары.

Город в пределах укреплений делился улицами: Рождественской, Большой Сергиевской, Малой Сергиевской, Коровиной, Жилецкой, Переяславской, Ярославской, Большой и Малой Никольскими. Для спуска из города имелось 16 лестниц. У Рождественских ворот раскинулась площадь, где находились две тюрьмы, царская светлица и дьячья изба. У Никольских ворот — царский казенный двор для хранения пушек, пищалей и снаряжения к ним и царский житничий двор с семью житницами⁹. Внутри города-крепости жили высокопоставленные чиновники, духовенство и служилый люд.

С северо-востока и юго-востока крепость окружал посад. На посаде выделялась царская светлица с тремя дворами. На одном останавливались царские воеводы, на другом городские таможенники, на третьем делали ямчугу и селитру. Посад делился на улицы: Воскресенскую, Кузнецкую, Пирожную, Татарскую, Константиновскую, Пре-

ображенскую, Зарядную, Воскресенский переулок, Троицкую слободку. На берегу Свяги располагался гостиный двор, который имел двое ворот, одни выходили на Преображенскую улицу, другие к реке.

В социальном отношении жители делились на три категории: государевы служащие (ратные люди, чиновники-управленцы), духовенство (черное и белое) и обитатели посада — самое многочисленное пестрое податное сословие.

С 1719 г. Свяжск становится центром одноименной провинции Казанской губернии. Под его началом находились Чебоксарский, Цивильский, Козмодемьянский, Васильсурский, Царевкокшайский, Царевосанчурский, Кокшайский и Яранский уезды. В 1781 г. Свяжск со своим гербом утверждается как уездный город. XVIII век в истории Свяжска характерен значительным церковным строительством. На первую четверть XIX в. приходится наибольший экономический спад города¹⁰. На рубеже XIX—XX вв. он становится одним из 12 рядовых уездных городов Казанской губернии, в значительной мере утратив свою первоначальную значимость как административно-торгового центра Свяжского уезда.

Сложна судьба г. Свяжска после революции 1917 г. Закрываются и разоряются храмы, создается детская трудовая колония, позже переданная НКВД и преобразованная в тюрьму; в 1953—1994 г. здесь действовала психиатрическая больница.

1956 г. «большая» вода Куйбышевского водохранилища, затопив посады, превращает Свяжск в остров, затрудняя связь населения с внешним миром.

В 1960 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР, объявившее Свяжск памятником истории республиканского значения. С 1996 г. разрабатывается «Концепция возрождения острова-града Свяжска», которая, к сожалению, до сих пор еще полностью не утверждена.

На сегодняшний день в ближайшей округе Свяжска известно около 30 па-

мятников археологии — отдельные местонахождения и поселения преимущественно эпохи неолита и бронзы. Они выявлены в разные годы у сел Исаково, Мизиново, Гаврилково и Медведково и др. На территории самого Свяжска еще до появления Куйбышевского водохранилища в 1950-х г. были обнаружены находки неолита и эпохи бронзы (приказанская культура), раннего железного века (ананьинская культура). В разные годы на острове краеведы собирали находки домонгольско-булгарского времени, а также эпохи Золотой Орды и Казанского ханства¹¹, но, к сожалению, эти материалы до сих пор не вводились в научный оборот. Кроме того, на островах Татариха и Грива-Сарай к югу от Свяжска, называемых «Татарская грива», известны местонахождения и остатки древних поселений, еще не занесенные в Археологическую карту Республики Татарстан.

Основываясь на имеющиеся материалы, некоторые исследователи высказывали предположение об освоении Свяжского останца местным населением еще до появления там русских (по некоторым сведениям, на острове существовало урочище «Круглая гора» — древняя стоянка-святилище времен язычества). Ссылались также на сомнительные сведения Шарфетдина бин Хисаметдина ал-Булгари, содержащие упоминание о существовавшей здесь в XIII—XIV вв. «Черной крепости» («Кара кирмән»)¹².

В археологическом отношении остров Свяжский исследован слабо. В 70—80-х г. прошлого столетия археологические исследования под руководством Л.С. Шавахина и Л.А. Беляева проводились в верхней части Свяжска. Целью этих работ являлось, прежде всего, изучение конструктивных особенностей фундаментов культовых зданий. В 1994—1995 гг. археологические наблюдения на острове осуществлялись научным сотрудником Музея изобразительных искусств г. Казани Ж. Алферовой. В юго-восточной части острова она собрала крупные фраг-

менты лепной посуды прикамско-приуральских истоков, бытовавшей у булгар преимущественно в X–XI вв. В 2005 г. отрядом Казанского государственного университета под руководством С.И. Валиуллиной на Соборной площади у руин храма Рождества Пресвятой Богородицы (рис. 1, 35) был заложен раскоп площадью 96 кв. м, давший материалы XVI–XIX вв.

Летом 2006 г. по заданию Министерства культуры РТ с целью изучения разрушаемых водами Куйбышевского водохранилища культурных напластований с остатками хозяйственных сооружений на территории о. Свяжск (рис. 1) З.Г. Шакировым проводились охранно-спасательные исследования¹³. Был собран значительный подъемный материал, характеризующий культуру русского города XVII–XIX вв. Осмотр показал, что основная часть береговой линии достаточно стабильна и не подвергается размыву. Однако в северо-восточной нижней части острова зафиксированы значительные разрушения культурного слоя водохранилищем. Здесь в результате углубления фарватера (до -7 м) для нового причала, произведенного в 2005 г., началось обрушение берега. Для получения информации были произведены экстренные археологические работы. Зачистка размываемого берега на протяжении 42 м позволила проследить культурные напластования поселения булгаро-татарского времени (XIV? – первой половины XVI вв.) и Свяжска русского времени (1551 г. – XIX в.). Мощность культурного слоя на зачищенном отрезке достигала 4 м. В профиле зафиксированы остатки сооружений XVI–XIX вв. Напластования этого времени характеризуются включениями большого количества древесной щепы и гумуса. Полученные материалы в виде большого количества керамики, железных и деревянных предметов, изделий из кожи и глины позволяют говорить об интенсивном заселении этой территории уже со второй половины XVI в., а также говорить об этапах активизации

жизнедеятельности во второй половине XVI – начале XVII вв., первой половине XVIII в. Были получены новые сведения, подтверждающие предположение ряда исследователей об освоении этой территории в булгаро-татарское время – в прослойке толщиной 15 см, лежащей в основании культурного слоя, оказались находки общебулгарской красноглиняной лощеной керамики.

В 2007–2008 гг. исследования на о. Свяжск продолжались. В зоне проведения строительно-реставрационных работ ТатСНРУ, на территории Иоано-Предтечинского и Богородице-Успенского монастырей, у Сергиевской и Троицкой церквей и у Успенского собора была заложена серия шурфов. В них проявилась картина, позволившая уточнить ряд моментов по освоению территории Свяжского останца.

В юго-восточной части острова у Сергиевской церкви (рис. 1, 3.2), с южной стороны зафиксированы следы несущих столбовых конструкций галереи, ведшей от храма к настоятельскому корпусу XIX в., и, предположительно, основания деревянного крыльца к пристрою XVII в.¹⁴. С северной стороны от храма в шурфе над подзолом (древняя поверхность) в основании культурного слоя удалось проследить прослойку темной серой плотной супеси с включением угольков. Она содержала находки, связанные с ранним освоением данной территории в середине XVI в. Среди них примечательны фрагменты керамики, выполненной в болгарских традициях. У самой древней Троицкой церкви (рис. 1, 3.1) с восточной стороны были расчищены и зафиксированы несколько погребений с ориентировкой по линии З – В (православная традиция), а также каменная плита со следами обтесывания, скорее всего, надгробие, но без надписей. Не исключено, что это остатки погоста, предположительно, конца XVI–XVII вв.

В юго-западной части острова, у Успенского собора (рис. 1, 1.1), прослежен дневной уровень постройки центральной абсиды храма третьей четверти

XVI в. Во всех шурфах напластования второй половины XVIII—XIX вв. сильно переработаны либо срезаны, что связано с активным строительством, ремонтом и благоустройством площадок монастырей. С XX в. связаны мусорные ямы, погреба и водопроводные траншеи.

В 2008 г. в северо-восточной, наиболее размываемой низменной части к северу от пристани Свяжска нами был заложен раскоп площадью 160 кв. м. Нужно особо отметить, что в нижней части острова сохранился так называемый «мокрый» культурный слой, хорошо консервирующий в себе органику: деревянные постройки и предметы, поделки из бересты, ткани, изделия из кожи. Такой культурный слой наиболее известен в Великом Новгороде, Старой Ладогe и других памятниках Северо-Западной Руси, а на территории Татарстана имеется, и изучался раскопами лишь в г. Казани на берегу р. Булак на месте современного здания Президиума АНТ¹⁵, станции метро «Кремлевская»¹⁶ и на раскопе XIII в восточной части Казанского кремля¹⁷.

Раскопом 2008 г. изучены остатки 23 деревянных конструкций, представленных жилыми, хозяйственными и подсобными постройками, расчищены изгороди из жердей, плетень, вымостки дворов. Были выявлены также остатки 2 печей и 14 древних ям различного назначения. Собрана большая коллекция находок — всего 5368 единиц, в числе которых большое количество фрагментов и развалов глиняных сосудов с преобладанием в нижних напластованиях русской белоглиняной и чернолощеной посуды, многочисленные грузила (рис. 3, 4-7) и поплавки рыболовных сетей (рис. 3, 1-3), оконная слюда со следами прошивки, изделия из стекла и металла (рис. 3, 8, 13-17), берестяные сумки и туески. Огромен ассортимент кожаных изделий: рукавицы, ножны, колчан, всевозможная обувь (рис. 3, 9-12) и др. В основной своей массе археологические материалы представляют особенности материальной культуры

русского населения Свяжска второй половины XVI—XIX вв. Есть все основания считать, что в городе проживали и ремесленники — мастера кожевенного дела из числа казанских татар.

Раскопом 2008 г. не удалось выделить прослойку, выявленную в процессе исследований 2006 г. и датированную дорусским временем, хотя в сооружениях, выявленных на уровне материка, и отложениях второй половины XVI в. встречена краснолощеноя керамика XIV — первой половины XVI вв., изготовленная в болгарских традициях (рис. 2, 1-15). Количество такой керамики значительно: 68% и 17% в сооружениях и отложениях вне сооружений соответственно. Таким образом, археологические материалы, полученные в результате обследований 1970—1980-х годов, а особенно раскопками последних лет, позволяют достаточно уверенно говорить о дорусском освоении территории о. Свяжск в его северо-восточной части.

Об активном освоении устья Свяги во второй половине XIII — первой половине XVI вв. говорят материальные остатки золотоордынского периода и времени Казанского ханства, когда эта территория являлась своеобразной зоной влияния на черемис со стороны русских и татарских князей. Находки и селения болгаро-татарского времени встречены к северо-востоку от с. Исаково (местонахождение II, селище I)¹⁸, к востоку от д. Гаврилково (местонахождение IV)¹⁹, к юго-западу от д. Медведково (местонахождение II)²⁰, к востоку—юго-востоку от с. Мизиново (поселение)²¹. Е.И. Чернышев по писцовым книгам XVI—XVII вв. в устье Свяги выделил следующие селения периода Казанского ханства: деревни Агишево на р. Берли, Кушман Малый на двух рч. Берли и Кушмане, Нурат-баш, Шигалеево-Сулемене (близ Свяжского городка) и напротив устья на левом берегу р. Волги марийская волость и деревня Кебечи²².

Территория острова Свяжск представляет собой уникальный комплекс

средневековых архитектурных и археологических объектов. Культурный слой острова в отличие от памятников архитектуры практически не нарушен и поэтому требует к себе особого отношения в целях сохранения в туристических целях и планомерных научных исследований. К сожалению, в последнее время в связи с непродуманным строительством новой пристани, дамбы и дачных домов возникла серьезная

угроза сохранности культурного наследия острова.

Проведенные исследования дают основание говорить о перспективности ведения на территории Свяжска и его окрестности полноценных археологических раскопок, причем представляется реальным в перспективе разработать дендрохронологическую шкалу памятника, позволяющую более точно датировать строительные горизонты с их находками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерки по географии Татари. — Казань, 1957. — С. 223; Природа Татари. — Казань, 1947; Почвы Татари. — Казань, 1962; Физико-географическое районирование Среднего Поволжья. — Казань, 1964; Географическая характеристика административных районов Татарской АССР. — Казань, 1972.

² ПСРЛ. Т. XXXIV. — С. 97, 186, 189; История Казани. Первая книга. — Казань, 1988. — С. 60.

³ Штаден Г. Записки о Московии. — М.; Л., 1927. — С. 113.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. — С. 162–164, 463–465; т. XX. — С. 479–480; т. XXIX. — С. 60–61, 159–161.

⁵ Кондратский А. Сказание князя Курбского. — Казань, 1912. — С. 3–4.

⁶ Список с Писцовой и межевой книги Свяжского уезда 1565–67 гг. — Казань, 1909. С. 4–7 (далее — ПКСУ).

⁷ Яблоков А. Город Свяжск Казанской губернии... С. 13–24.

⁸ ПКСУ. — С. 4–7.

⁹ ПКСУ. — С. 4–52.

¹⁰ Казанский вестник. 1828, № 22.

¹¹ Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. — Казань, 1985. — С. 14–15, 72–73, 77; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. — Казань, 1987. — С. 112.

¹² Николаев А.Н. Свяжский кирмен // «Казань». — 2000. — № 2–3. — С. 114–115.

¹³ Шакиров З.Г. Отчет об археологических разведках на территории Зеленодольского района (о. Свяжск, Займище — Васильево) Республики Татарстан за 2006 г. // Архив НЦАИ ИИ АН РТ. — 84 с. Коллекции находок переданы в фонды Музея археологии Татарстана Института истории АН РТ.

¹⁴ Шакиров З.Г. Отчет об археологических исследованиях в Республике Татарстан на территории о. Свяжск Зеленодольского р-на. Шурфы у Сергиевской церкви Иоанно-Предтечинского монастыря за 2007 г. // Архив НЦАИ ИИ АН РТ. — С. 3–17.

¹⁵ Халиков А.Х. Отчет об археологических работах 1988 г. в зоне предполагаемого строительства станции Казанского метро «Кремлевская» // Архив НЦАИ ИИ АН РТ. — 61 с.

¹⁶ Валиев Р.Р. Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях в зоне строительства демонтажной камеры на станции «Кремлевская» Казанского метрополитена в 2007 году. Раскоп «Метро-IX» // Архив НЦАИ ИИ АН РТ. Т. I — III.

¹⁷ Набиуллин Н.Г. Охранно-спасательные раскопки в северо-восточной части Казанского кремля (Раскоп XIII) // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. — Казань, 2001. — С. 20–23.

¹⁸ Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. — Казань, 1985. — С. 15.

¹⁹ Там же. — С. 72.

²⁰ Там же. — С. 73.

²¹ Галимова М.Ш., Истомин К.Э. Отчет об охранных раскопках Мизиновского I поселения, расположенного в устье р. Свяга в Зеленодольском районе РТ в 2005 году. — С. 37.

²² Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971. — С. 272–292.

Аннотация

В статье приводятся новые сведения по археологическому изучению средневекового поселения на о. Свяжск. В исторической науке утвердилось мнение о том, что о. Свяжск был заселен русскими в 1551 г. при строительстве крепости перед последним походом на Казань. Исследованиями 2006–2008 гг. в северо-восточной низинной части острова началось изучение уникального для Татарстана «мокрого» культурного слоя, а полученные находки, в том числе и разведками предыдущих лет, позволили выдвинуть предположение о начале освоения данной территории еще в домонгольское время.

Ключевые слова: археологические памятники, крепость, топография, посад, конструкции.

Summary

The article presents new information on archeological investigation of bastide at Svizhsk Island. The historians have accepted that Sviyazhsk Island was inhabited by Russian people in 1551 when they were building a stronghold before the last campaign to Kazan. The research works of 2006–2008 in the North-East lowland of the island included investigation of a «wet cultural strata», which was unique for Tatarstan. The archeological finds allowed assuming that the island was firstly developed in pre-mongolian period.

УДК 902

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

А.И. Шакирова

Республика Татарстан, несомненно, занимает одно из самых выигрышных в туристическом плане мест на территории РФ. Татарстан располагает богатейшим историко-культурным наследием, который накапливался многие столетия. В республике проживают народы с большим историческим прошлым и самобытными культурными традициями. Сочетание, по крайней мере, трех типов культурных взаимовлияний (тюркского, славяно-русского и финно-угорского), а также двух религий (ислама и христианства) определяет уникальность этих мест, своеобразие культуры и исторических ценностей.

Татарстан географически расположен в центре РФ на Восточно-Европейской равнине в районе слияния двух крупнейших рек Европы – Волги и Камы, которые с древнейших времен начали осваиваться человеком. На сегодняшний день только памятников археологии от эпохи камня до позднего средневековья на территории республики насчитывается около трех с половиной тысяч.

Многие столетия для скотоводов, охотников, рыболовов, собирателей и земледельцев в регионе имелись хорошие условия: реки и озера, достаточно плодородные почвы, богатые травой луга и т.д. Особенно благоприятны для них были широкие поймы, богатые кормами для скота, охотничьи угодьями, рыбой, дичью. Пойменные кустарниковые заросли служили постоянным источником собирательства. Практически на всех незатопляемых

песчаных дюнах, выдвинутых к руслам рек, сохранились остатки первобытных стоянок. На берегах спокойных водоемов, заливавшихся в половодье и потому богатых рыбой, было сосредоточено большое число поселений.

Наличие широко известных далеко за пределами республики историко-культурных объектов – Кремлевского историко-архитектурного комплекса (объекта всемирного наследия ЮНЕСКО), ансамблей городской застройки городов исторических населенных мест Казани, Елабуги, Чистополя, Менделеевска, Свияжска, Болгарского историко-архитектурного комплекса, Раифского мужского монастыря; комплексы историко-архитектурных и археологических памятников Болгарского, Билярского и Суварского городищ; архитектурно-градостроительные ансамбли и комплексы Казанского Кремля, Казанского университета, Старотатарской слободы, Раифского и Макарьевского монастырей; памятники архитектуры – Петропавловский собор, церковь и колокольня Богоявления; мечети Апанаевская, Марджани, Султановская, Бурнаевская, Соборная, Иске-Таш, Закабанная; Александровский пассаж; дома Ушковой, Шамякина, Кекина, Апанаева, усадьбы Сандецкого и Боратынского, памятники и памятные места, связанные с жизнью и деятельностью Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Г. Тукая, Ш. Марджани, К. Насыри, Н.И. Лобачевского, К. Фукса, Н.М. Бутлерова, Ф.И. Шаляпина, В.И. Качалова, Г. Исхаки,

М.Н. Максуди, М. Джалиля и многих других — является одной из причин привлекательности нашей территории для развития индустрии туризма. Болгары, Елабуга, Чистополь, Билярск, Лаишево, Зеленодольский район и другие центры окружают столицу Татарстана Казань, формируя туристический маршрут «Серебряный полумесяц Татарстана».

Анализ мирового опыта указывает на положительное воздействие туризма на экономику отдельных стран и регионов. Охватывая широкий спектр видов экономической деятельности туризм в настоящее время считается одной из самых крупных коммерческих индустрий в мире. Во многих странах туризм играет значительную роль в формировании валового внутреннего продукта, создании дополнительных рабочих мест и обеспечении занятости населения, активизации внешнеторгового баланса.

Быстрое усиление финансово-экономических позиций туристической отрасли привело к тому, что во многих странах мира туризм стал существенным фактором регионального развития. Органы территориального управления различных уровней, от районов и до федеральных властей, заботятся о развитии туризма и местностей, обладающих ценными рекреационными ресурсами. Туризм рассматривается как катализатор региональной экономики, позволяющий задействовать не только весь комплекс рекреационных ресурсов, но и наиболее эффективным образом использовать совокупный производственный и социально-культурный потенциал территории при сохранении экологического и культурного разнообразия.

С экономической точки зрения привлекательность туризма как составной части услуг — в более быстрой окупаемости вложенных средств и получении дохода в свободно конвертируемой валюте. Туристский бизнес стимулирует развитие других отраслей хозяйства: строительства, торговли, сельского хозяйства, производства товаров народ-

ного потребления, связи и т.д. Таким образом, развитие туристической индустрии оздоравливает всю экономику страны и улучшает уровень жизни в ней.

Данный бизнес привлекает предпринимателей по многим причинам: небольшие стартовые инвестиции, растущий спрос на туристские услуги, высокий уровень рентабельности и минимальный срок окупаемости затрат. В туристской индустрии динамика роста объемов предоставляемых услуг приводит к увеличению числа рабочих мест намного быстрее, чем в других отраслях. Временной промежуток между ростом спроса на туристские услуги и появлением новых рабочих мест в туристском бизнесе минимальный.

Как уже было сказано, туристический потенциал РТ огромный: это многочисленные реки и озера, культурные достопримечательности и история, лечебно-оздоровительные свойства природы, лечебные грязи, минеральные воды. Привлекательными для туристов являются культурно-просветительские учреждения, театры и музеи. Ежедневно город посещают организованные группы туристов на автобусах из соседних регионов. Из Казани осуществляются регулярные рейсы 14 авиакомпаниями, в 25 городов России, в 9 городов стран СНГ, 5 городов дальнего зарубежья.

Увеличилось количество посетителей Казани за счет возобновления пассажирской скорой водной линии по р. Волге, возрос поток экскурсантов в Булгары, Билярск, Раифу, Елабугу, Свияжск. На протяжении многих лет был и остается приоритетным отдых на волжских теплоходах. Не полностью раскрыт туристический потенциал таких исторических городов как Бугульма, Буинск, Лаишево, Мамадыш, Менделеевск, Мензелинск, Тетюши и Чистополь¹. В Татарстане много профессиональных театров, филармония, несколько государственных оркестров, ряд издательств, около ста государственных музеев, включая, пять музеев-

заповедников, свыше трехсот ведомственных музеев, огромное количество библиотек, в том числе научная библиотека Казанского Государственного университета и Национальная библиотека Республики Татарстан.

Положительную роль сыграло то, что на базе историко-архитектурных, археологических и природных комплексов памятников созданы и ведут работу по сохранению культурных и исторических ценностей² такие объекты как:

– Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник в Спасском районе (1969 г.). В его состав входят Болгарское городище (X–XV вв.) – экономический, политический и культурный центр Волжско-Камской Болгарии, центр Болгарского улуса Золотой Орды; Соборная мечеть («Четырехугольник») – первое и единственное сохранившееся культовое архитектурное сооружение раннезолотоордынского периода (главная столичная мечеть Болгарского улуса Золотой Орды); Северный мавзолей («Монастырский погреб»), Восточный мавзолей («Церковь св.Николая»), Красная палата, Восточная палата («Ханские палаты или баня»), Черная палата, Белая палата, Малый минарет, Ханская усыпальница, Южное и Северное здания Малого городка, каменное здание с водоемом, мавзолеи, церковь «во имя Успения Богоматери». В настоящее время выявлено около 100 останков архитектурных сооружений. Архитектурный комплекс музея-заповедника является самым северным в мире памятником средневекового мусульманского зодчества, уникальным и единственным образцом болгаро-татарской архитектуры середины XIII–XIV вв. Территория музея-заповедника доступна для туристического показа. Доехать можно автобусом из г. Казани, по р. Волге паромом до туристической пристани «Болгар», ракетой из г.Казани или г.Ульяновска до пристани г. Болгара. Наиболее благоприятными для посещения памятников музея-заповедника являются апрель – октябрь.

– Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (1989 г.). В его составе ансамбль городской застройки Елабуги (конца XVIII – начала XX вв.) – русского уездного (провинциального) города; Мемориальный дом-музей И.И.Шишкина, Музей-усадьба Н.А.Дуровой, Музей истории г. Елабуги, Елабужское (Чертово) городище (X в. – 1547 г.) – укрепленное средневекового поселения болгар, казанских татар с сохранившимися следами трех линий укреплений и остатками каменного квадратного монументального сооружения с круглой башней крепостного и одновременно культового назначения. Территория музея-заповедника доступна для туристического показа. Доехать можно автобусом из г. Казани, по р. Каме паромом или ракетой. Музеи и экспозиции открыты ежедневно.

– Иске-Казанский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник в Высокогорском районе (1992 г.). В состав заповедника входят археологические и эпиграфические памятники периода Волжской Болгарии, Золотой Орды и Казанского ханства: Иске-Казанское (Камаевское) городище (XIII в. – 1552 г.), Русско-Урматское селище (XII–XIV вв.), Иске-Казанское (Камаевское) кладбище (XIV в.), Русско-Урматское кладбище (XIII–XVI вв.), историко-этнографический музей в с. Камаево и др.

– Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник в Алексеевском районе (1992 г.). В состав заповедника входят Билярское городище (X в. – 1236 г.) – экономический, политический и культурный центр Волжско-Камской Булгарии, одного из крупнейших городов Восточной Европы – города Биляра («Великого города»), Балыпгузское и Горкииское II городища, други археологические памятники разных эпох, святилище «Святой ключ» I («Хужалар тавы» («Гора господ») (IX–X вв.) – святилище, известное с IX–X вв., почитается святым и является

местом паломничества для татар, русских, чувашей, марийцев; христианское кладбище с часовней-склепом выдающегося химика А.М. Бутлерова, Историко-археологический музей, Дом-музей академиков А.Е. и Б.А. Арбузовых. Остатки архитектурных сооружений являются уникальным и практически единственным образцом болгарской архитектуры середины X – начала XIII вв.

– Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль» (1995 г.). В состав музея-заповедника входят городище «Казанский Кремль» (конец X–XVI вв.) – булгаро-татарское укрепленное торговое поселение (X – первая половина XIII вв.), центр Казанского княжества в составе Золотой Орды (XIII – первая половина XV вв.), столица Казанского ханства (1438–1552 гг.) с архитектурно-археологическими фрагментами земляных, деревянных и каменных укреплений конца X–XVI вв., каменных сооружений XV–XVI вв. (ханских мавзолеев, минарета или дозорной башни). Каменно-кирпичный кремль (XVI–XVIII вв.) со Спасской и Тайницкой проездными, Воскресенской, Консistorской, Преображенской, Юго-Восточной, Юго-Западной и Безымянной круглыми башнями... Казанский Кремль – уникальный и целостный памятник истории и культуры, сохранивший следы татарской, русской дорегулярной и европейской регулярной архитектурных культур.

Татарстан давно намеревается развивать туризм как дополнительный источник бюджетных доходов. Республика ориентируется на мировую практику, где, по данным ВТО, на долю туризма в среднем приходится около 10% валового продукта, 9% всех рабочих мест и 11% мировых потребительских расходов. Республика Татарстан пока не может похвастаться развитым туристическим бизнесом, поскольку доля туризма в валовом региональном продукте (ВРП) Татарстана, по статистическим данным, составляет лишь около 2,3%.

Принято постановление Кабинета министров РТ № 955 от 31.12.2008 г. «Об утверждении республиканской целевой программы «Развитие сферы туризма в Республике Татарстане на 2009–2011 годы». Концепция программы предусматривает создание условий для развития туризма в республике, а также развития материальной базы республиканского туризма (туристско-рекреационная зона «Казань», туристско-рекреационная зона «Болгар», туристско-рекреационная зона «Свияжск»), 2009–2011 гг.

Несмотря на то, что за последние годы мы наблюдаем положительную тенденцию развития туризма, оказание государственной поддержки туристско-рекреационной сфере, повышение темпов строительства гостиниц, увеличение числа туристов, приезжающих в Республику и активное участие в туристских выставках, развитие туристской деятельности в Республике Татарстан происходит в условиях отсутствия четкой политики и стратегии развития туризма, отсутствует системный подход при формировании государственной политики в рекреационной сфере, и в ее законодательном обеспечении. Туризм регулируется Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в РФ» № 132-ФЗ от 24 ноября 1996 г., Посланием Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева Государственному Совету Республики Татарстан в области развития туризма и Федеральным законом Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 12-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации”», Стратегией развития туризма в РФ на период до 2015 года, утвержденная приказом Федерального агентства по туризму от 06.05.2008 г. № 51 предусматривается дальнейшее развитие туризма в Российской Федерации и ее регионах.

Однако многообразие и отсутствие системности приводит к несогласованности, противоречивости требований в различных документах, неопреде-

ленности, отсутствию единства понятийной и терминологической базы для успешной реализации туристического потенциала исторических объектов на территории Татарстана. В индустрии туризма пока не сложилась эффективная система рыночных отношений, налицо существенное отставание туристской отрасли от мировых стандартов в сфере управления, организационных и производственных технологий.

Сдерживающими факторами в развитии въездного и социального туризма являются ослабление государственного регулирования приоритетных направлений туристской деятельности, отсутствие льготных кредитов и налоговых льгот для турфирм, занимающихся развитием внутреннего и социального туризма, отсутствие стимулирующих механизмов привлечения средств работодателей для развития отдыха работников.

Проблема развития туризма в РТ требует решения множества задач: развитие транспортной системы; развитие системы общественного питания; улучшение имиджа; развитие информационной инфраструктуры; строительство, реконструкция и модернизация гостиниц; повышение качества обслуживания в отелях, гостиницах и ресторанах путем обновления их материально-технической базы, а также общие проблемы, касающиеся дальнейшего совершенствования индустрии гостеприимства.

Еще одной проблемой мы считаем то, что немногие туроператоры сами разрабатывают турмаршруты и программы по районам Татарстана. Разработка таких программ требует внимательного изучения рынка и хо-

рошего знания истории и культуры населения той или иной территории. Большинство туристических компаний РТ предпочитает идти по пути наименьшего сопротивления – они не развивают внутрорегиональные туры, а лишь выступают агентами операторов международных направлений. Разработкой собственных туристических маршрутов внутри республики занимаются только компании «Казань-Интур», «Travel&Work», «Спутник», «Тройка плюс К», Бюро путешествий «Столица», «Аль-Барро».

Политика поддержки туристического кластера должна осуществляться на различных уровнях государственной политики – федеральном, региональном и муниципальном (районной администрации и местным самоуправлением). При условии грамотного развития и формирования туристического кластера можно разрешить современный социально-экономический и экологический кризис, т.к. туризм содействует охране природы и традиционных культур и может принести существенный доход в республиканский и районный бюджет.

Развитие туризма в РТ на основе богатейшего историко-культурного потенциала позволит организовать эффективное сотрудничество с другими регионами, создаст возможность для инновационного и производственного роста инфраструктуры туризма. Инновационный рост инфраструктуры туризма обеспечит его участникам доступ к новым технологиям, квалифицированной рабочей силе, информации, бизнес услугам, поможет проводить высокий уровень необходимых экспертиз.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изучение, охрана, реставрация и использование недвижимых памятников истории и культуры в Республике Татарстан: Информационный сборник. Вып.2–3. Памятники истории и культуры. Историко-культурные территории. Исторические города. – Казань, 2001. – С. 258–265.

² Там же. – С. 234–247.

Аннотация

В статье раскрывается мощный туристический потенциал историко-археологических памятников РТ в составе Болгарского, Билярского, «Казанский кремль», Елабужского и Иски-Казанского историко-архитектурных и археологических музеев-заповедников. Автор рассматривает пути дальнейшего развития международного и внутреннего туризма и туристического бизнеса в РТ.

Ключевые слова: предприниматели, спрос, рентабельность, укрепление, музей-заповедник, памятник, туризм.

Summary

The article reveals high tourist potential of historical-archeological monuments in Tatarstan within Bolgar, Bilyar, «Kazan Kremlin», Yelabuga and Iski Kazan historical-architectural and archeological open air museums. The author considers the ways of further development of international and internal tourism and tourist business in Tatarstan.

УДК 930(091)

ЧЕЛОВЕК ВЕЛИКОГО ВРЕМЕНИ — ШАКИР МУХАМЕДЬЯРОВ

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
профессор, член-корреспондент АН РТ*

Шакир (Мухаметшакир) Мухамедьяров родился в 1883 г. в городе Орске. Его родители были простыми людьми — мать пряла шерсть, отец изготавливал свечи. В 12 лет Шакир потерял отца. Способный мальчик учился в джадидской школе, в том числе и русскому языку, за один год прошел три класса. Потом стал приказчиком. Желание учиться в 1901 г. привело его в Казань — в учительскую школу. Здесь он учился в один период вместе с Х. Ямашевым, Г. Исхаки, Г. Кулахметовым. Школу он закончил в 1905 г., начал работать учителем и сразу оказался в гуще революционных событий.

В одном из случайно сохранившихся писем Шакир Мухамедьяров пишет, что ему посчастливилось жить в удивительное историческое время. И далее: «Я не стал великим человеком, однако был человеком великого времени. Мы из того великого времени, из числа борцов 1906—1907 годов»¹.

Доктор филологических наук, профессор М. Гайнуллин называл Ш. Мухамедьярова одним из первых вступивших в революционную борьбу. При этом имелась в виду революционная деятельность Ш. Мухамедьярова в годы первой революции. Он был одним из тех, кто вышел против полицейских на университетской площади, кто стоял рядом с Х. Ямашевым, кто грузил оружие для рабочих в тарантасы. Во время столкновений, как вспоминал сам Мухамедьяров, многие шакирды, ставшие полицейскими, взобрались на их лошадей. Вечером они стояли в карауле, а

ночью были окружены и пойманы солдатами, посажены в тюрьму, в том числе и Мухамедьяров. Там их оказалось 36 человек, большинство — студенты.

В эти же дни в газетах сообщили, что учитель Ш. Мухамедьяров освобожден от занимаемой должности. Шакиру и его товарищам по статье 162 Уголовного уложения — «За бунт против верховной власти» грозила смертная казнь. Когда его освободили временно, он ушел в подполье и продолжал революционную работу. Тогда все медресе были завалены прокламациями большевиков, в издании которых участвовал и Шакир. Затем последовала ссылка из Казани.

Ш. Мухамедьяров перевел с французского на русский язык Декларацию прав и свобод гражданина, которая была декларацией французской революции. Она была издана в типографии и распространялась среди рабочих.

Публиковаться Шакир начал в Казани. Известны его статьи в газете «Казан мөхбире» в 1906 г. о необходимости оказания материальной помощи движению шакирдов. Позже в газетах «Йолдыз», «Вақыт», «Сүз» и других печатались его многочисленные статьи по вопросам экономики, торговли, права, в том числе такие статьи, как «Дела, связанные с имуществом», «Национальная жизнь — вопросы экономики и права», «Неприятные дела» и др.

Обратим внимание на большую статью Шакира Мухамедьярова «Жир» («Земля») в газете «Казан мөхбире». В ней остро ставился вопрос о земле. «Разве этот вопрос не затрагивает ваши

сердца? — спрашивал автор. — Эти тяжёлые налоги иссушили наши кости! Ах, эти злодеи на сотни лет обрекли крестьян на голодное прозябание... Разве может народ получить землю и обрести свободу при существовании в стране прежних порядков? Нельзя на это надеяться. Наши старшие братья, имеющие большой опыт жизни, прекрасно знают это». Автор разоблачает планы царских министров, предлагавших наделить крестьян землей в порядке откупа. В конце он пишет: «Земельный вопрос должен решать сам народ. Петербургские чиновники никогда не смогут его решить в пользу народа»².

В 1911 г. по случаю 50-летия «освобождения» крестьян (реформа 1861 г.) Ш. Мухамедьяров написал книгу «Помешики», в которой рассказал, как помешики продолжают издеваться над крестьянами. Эта книга была издана в издательстве «Вақыт». Очевидно, тема была актуальной, ибо уже в советские времена в 1929 г. в журнале «Магариф» ставился вопрос о переиздании этой книги. Также перу Ш. Мухамедьярова принадлежат книги «Законы торговли», «Судебные дела».

Ш. Мухамедьяров был в очень близких отношениях с Г. Исхаки. Он почитал его как старшего товарища, друга. Мухамедьяров был ближайшим соратником Г. Исхаки. Именно Ш. Мухамедьяров в 1906 г. принял активное участие в создании партии «Тангистов», лидером которой стал Г. Исхаки. По сути эта партия относилась к правому флангу общественного движения, была социалистической, хотя и не соглашалась с некоторыми идеями К. Маркса.

Для своего времени Ш. Мухамедьяров был весьма образованным человеком, разносторонне развитой личностью. Он являлся одним из первых и наиболее активных просветителей, которые распространяли знание и просвещение среди татарского народа. Его почитали как народного, национально-го учителя.

Ш. Мухамедьярова можно смело называть в числе тех, кто стоял у истоков

создания татарского театра. Сначала Шакир вошел в кружок учащейся молодежи-мусульман Казани под названием «Шимбә» («Суббота»). Этот домашний драматический кружок был организован появился в 1903 г., его члены собирались по субботам, отсюда и его название. В связи с изучением художественной литературы у членов кружка возникла идея о постановке спектакля на татарском языке. Первый спектакль был сыгран в доме Габитовых, членов кружка.

22 декабря 1906 г. в новом клубе в присутствии более 200 зрителей был поставлен спектакль-драма «Кызганыч бала». Ш. Мухамедьяров сыграл одну из главных ролей — Гата бека. После этого сразу же показывается и второй спектакль — комедия «Гыйшык бәләсы», посвященный проблемам женитьбы.

В одной из татарских казанских газет в отчете о спектакле указано, что со вступительным словом перед началом первого татарского спектакля выступил «Ш. Эфәнде». Не исключено, что речь идет о Шакире Мухамедьярове. В программах спектаклей, в рецензиях указывались только псевдонимы актеров, их истинные фамилии тогда не раскрывались. Очевидно, это объяснялось наличием серьезного сопротивления со стороны духовенства и других слоев общества. И первые артисты не торопились афишировать себя — это было небезопасно. Мухамедьяров на сцене выступал под псевдонимом — Базар Жәмиров.

22 декабря 1906 г. — день официальной постановки первого татарского спектакля, в котором играл Мухамедьяров, считается праздником — днем создания татарского театра.

Мухамедьяров и другие участники первых татарских спектаклей не были профессиональными артистами, впоследствии не продолжили артистическую деятельность, по основной профессии они были врачами, учителями и т.д.³

Окрыленные первым успехом, артисты ставят новые спектакли Г. Исхаки, Г. Камала и других татарских авторов.

Впоследствии татарский театр обращается и к произведениям русских авторов и ставит водевили по пьесам Чехова, Соколова и др. Шакир Мухамедьяров выступает при этом как один из авторов татарских вариантов этих водевилей.

В частности, Ш. Мухамедьяров в 1907 г. на основе водевиля А.П. Чехова «Предложение» сделал татарский вариант комедии «Кыз сорау». Спектакль впервые был поставлен 3 апреля 1907 г. в Оренбурге, а затем ставился в 1908, 1913—1915 гг.

Кроме этого, Ш. Мухамедьяров писал о театральной жизни. Например, в газете «Вақыт» (6 января 1911 г.) помещена его статья «Театр вә тамаша». Подписана статья псевдонимом — Ш. Яров. Она посвящена постановке спектакля Г. Камала «Уйнаш». Автор анализирует смысл и содержание пьесы, дает оценку игре актеров.

Как видим, Ш. Мухамедьяров играл активную роль в татарской театральной жизни, принимал непосредственное участие в создании татарского театра, участвовал в постановке первых татарских спектаклей.

Остановимся и на петербургском периоде жизни Ш. Мухамедьярова. Здесь Шакир усиленно занимается изучением русского языка, заканчивает специальные курсы для подготовки к сдаче экзаменов. После окончания курсов Ш. Мухамедьяров успешно сдает в 10-й гимназии экзамен на аттестат зрелости и поступает на юридический факультет Петербургского университета. В 1913 г. он заканчивает учебу, однако его не допускают к выпускным экзаменам из-за политической неблагонадежности.

В Петербурге Ш. Мухамедьяров был членом правления общероссийского мусульманского студенческого союза, общался с Мулламуром Вахитовым, который также учился на юриста в Петербурге и состоял в этом выборном органе. По некоторым данным, именно Ш. Мухамедьяров ездил от имени петербургских студентов на съезд студентов-мусульман в Киев.

Будучи студентом в Петербурге, Мухамедьяров пишет статьи в газету «Вақыт» на социально-экономические и правовые вопросы, и как он указывал — на эту тему тогда никто, кроме него, не писал.

В октябре 1913 г., вернувшийся из ссылки и обосновавшийся в Петербурге, Г. Исхаки начинает выпускать здесь турецко-татарскую газету «Ил» («Родина»), в которой активно сотрудничает и Ш. Мухамедьяров. 2 мая 1913 г. в Петербургской мусульманской газете «Вақыт» Ш. Мухамедьяров опубликовал статью в связи с приездом в Петербург Гаяза Исхаки. В статье рассказывалось о жизни и творчестве Г. Исхаки в 1905—1913 гг.⁴

В 1916 г. Г. Исхаки и Ш. Мухамедьяров организуют выпуск газеты «Безнең ил» («Наша Родина»), которая впоследствии была закрыта большевиками.

Весной 1912 г. в Петербург приехал Г. Тукай. Мухамедьяров встречался с ним в Петербурге, имел продолжительные беседы. И даже приводил к больному Тукаю хорошего доктора — профессора из университета.

В очерке «Специальная статья» (опубликован в журнале «Ялт-йолт», 1912 г., № 40, 41, 45) Тукай рассказывает о своей поездке по России, в том числе и о посещении им Петербурга. В этих воспоминаниях Тукай, в частности, пишет, что по совету друзей к нему как к больному пригласили прямо в номер гостиницы университетского врача. Осмотрев Тукаю, врач сказал, что тот должен немедленно покинуть Петербург и ехать на кумыс⁵.

В этом очерке не указывается, кто пригласил врача. Однако в письме А. Урманчееву (11 мая 1912 г.) Г. Тукай пишет, что его в Петербурге осмотрел университетский врач, и прямо указывает, что врача в номер к нему привел Шакир Мухамедьяров⁶.

В 1915 г., когда официальные власти несколько ослабили свои требования, Мухамедьярову удается сдать выпускные экзамены в Московском университете, и он, наконец, получает диплом

юриста. В этом же году Мухамедьяров едет в Уфу и записывается помощником присяжного поверенного. Однако Министерство юстиции не дало ему разрешения заниматься адвокатской деятельностью. Шакир читал право в медресе. В конце 1915 г. он зачисляется в помощники присяжного поверенного округа Казанской судебной палаты.

Ш. Мухамедьяров принимал самое активное участие в общественной жизни — в организации и проведении мусульманских съездов, в издании различных газет, и т.д. В частности, в начале 1916 г. в Петербурге на совещании с участием Ш. Мухамедьярова, Г. Исхаки, С. Максуди и других было принято решение о создании бюро при мусульманской фракции в Думе. После революции Ш. Мухамедьяров оказался в числе сторонников и пропагандистов создания самостоятельной территориально-государственной единицы — штата «Идель-Урал».

После Октябрьской революции судьба бросала Ш. Мухамедьярова по разным местам. Он сопровождал турецких пленных в Крым, из-за бездорожья остался там, работал членом правления «Союза табаководов Южного берега Крыма». Когда пришли белые он скры-

вался и жил под турецким паспортом. После восстановления Советской власти работал юрисконсультантом, членом правления в кооперативах, адвокатом в коллегии защитников. Затем он в Средней Азии в г. Фрунзе был инструктором «Животноводческого союза», участвовал в создании колхозов.

В 1930 г. Ш. Мухамедьяров переезжает в Ташкент и возвращается к работе учителя. Заканчивает факультет географии Средне-Азиатского государственного университета. В школе милиции преподает географию и уголовные кодексы, получает звание капитана милиции. После выхода в отставку, уже будучи инвалидом 2-й группы, он преподавал в правовой школе и юридическом институте, внес серьезный вклад в дело подготовки и воспитания большого числа сотрудников милиции. За свою работу был награжден Государственным Советом Узбекистана почетным званием.

Ш. Мухамедьяров время от времени приезжал в Казань. Известно о его встрече в Казани с Х.Туфаном и А. Еники — это было в середине 1960-х гг.⁷ Художник Бакый Урманче нарисовал его портрет.

Ш. Мухамедьяров скончался в Ташкенте в 1967 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Мохаммедьяров Ш. Төхфәт Ченәкәйгә хат* (1958 ел). Опубликовано в журнале «Мирас». — 1992. — № 9. — С. 28–31.

² Казан мөхбире. — 1906. — №№ 68–78.

³ См.: *Әкрәм Кайбышев*. Казанда беренче татар спектакльләре // Казан утлары. — 1970. — № 7. — Б. 181–182.

⁴ См.: Эта статья была опубликована вновь в журнале «Мирас». — 1992. — № 6. — С. 33–37.

⁵ *Тукай Г.* Избранное. — Казань: Магариф, 2008. — С. 201–203.

⁶ *Тукай Г.* Избранная проза. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1992. — С. 114–125.

⁷ См.: *Әмирхан Еники*. Татар зыялысы // Мирас. — 1992. — № 9. — Б. 23–27.

Аннотация

Статья посвящена жизни и деятельности публициста, педагога, юриста и общественно-го деятеля Шакира Мухамедьярова.

Ключевые слова: революционная борьба, джадидская школа, шакирд, медресе, прокламация, революция, откуп.

Summary

The article is devoted to the life and activity of a publicist, pedagogue, lawyer and public figure Shakir Mukhamedyarov.

УДК 94. "19/..."

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ТАТАР И ТАТАРСТАНА

А.Г. Галлямова, кандидат исторических наук

В 1990-е г., когда в стране в результате крушения монополии коммунистической идеологии и распада СССР разрушился жесткий каркас экономических и политических системно-структурных связей, кардинальным образом трансформировалось и смыслообразующее поле общественной жизни, произошли существенные изменения в мировоззрении социума. В новых условиях в настроении людей появилась естественная потребность найти свою идентичность, понять собственное общество на другом уровне.

Происходившая переоценка ценностей поставила в тяжелое положение российскую историческую науку в целом, а историю советского периода в особенности. Ведь рухнувшие идеологические постулаты, составлявшие, казалось, незыблемые основы мировоззрения советского общества, формировали инструментарий поднадзорной исторической науки. С открытием шлюзов гласности поток обрушившейся на официальную науку критики снес в первую очередь догматические построения истории советского периода.

В обстановке утверждавшегося политико-идеологического плюрализма со стороны нерусских народов СССР всеобщему остракизму была подвергнута марксистско-ленинская интерпретация национальной истории. Согласно однолинейному экономоцентристскому подходу к ней в советской историографии колоссальный рост индустриальных мощностей национальных регионов СССР в период социалистического строительства должен

был гарантировать столь же масштабные темпы положительной социодинамики, в том числе и культурного развития населяющих его народов. Все более утверждавшийся цивилизационный подход, признававший самоценность всех сторон социогенеза, вывел к трактовке советской истории нерусских народов как период интенсивной этнической маргинализации, когда их огромные творческие возможности как культурогенной общности были растрочены, а то и уничтожены.

В период парадигмальных изменений в методологии отечественной истории в Республике Татарстан созрела и стала реализовываться идея многотомного издания истории татарского народа. В основе его лежит концепция сохранения социокультурного своеобразия татарской цивилизации, защиты богатства культурного наследия народа, обеспечения функционирования социальных отношений между различными укладами, субкультурами, которыми на современном этапе представлены татары.

С практической точки зрения наибольшую злободневность в создании научной картины в истории татарского народа имеет советский период. Ведь, несмотря на то, что уже около двадцати лет мы живем в так называемый постсоветский период, ситуативность и динамичность социальных реалий во многом и сегодня определяется тем, что одним из объектов и субъектов их является тип, получивший довольно точное самоироничное название «гомосоветикус». Причем в XXI в., судя по уси-

лению апологетики в интерпретации советского прошлого в политической и обществоведческой сферах, его роль не только не ослабла, а даже в некотором роде укрепилась. Конечно, понятно, что после эмоционального антисоветского периода в историографии советской истории закономерно должен был наступить более спокойный взвешенный период профессионального осмысления его. Но дело в том, что наметился некий уклон не просто в сторону аргументированного спокойного анализа, а ощутимого крена в сторону оправдательной интерпретации советской истории. При этом как бы признаются многие ошибки и просчеты, допущенные государством, обществом в этот период, но их причины пытаются объяснить не внутренней логикой развития, а внешними обстоятельствами.

Безусловно, это объясняется близостью советского периода истории. Независимо от желания нынешние обществоведы вовлечены в исторический процесс перехода от так называемого совкового идеологически обусловленного менталитета к необходимости выбора новых теоретических моделей. И тут срабатывает так называемый человеческий фактор. Ученые — это ведь, прежде всего, люди. И для тех из них, чья сознательная жизнь началась в советскую эпоху, то, что вчера составляло личные пристрастия, желания, эмоции, сегодня должно знать предметом беспристрастного познания. Конечно, профессия требует от историков абстрагирования, но условия снизившегося материального и социального статуса ученого в постсоветский период как бы подпитывают ностальгию. Тем более грустить по прошлому, как известно, вообще типично для большинства людей. В конечном счете, все это мешает установлению каузального типа советской историографии, свободного от эмоциональной окраски. Срабатывает и инерционность сознания, которое даже при понимании негативных коннотаций советского периода заставляет трактовать

общественные явления в привычной сложившейся в советский период дедуктивно-номологической схеме.

Приведу в связи с этим на мой взгляд, очень показательный пример. Только что закончившийся в историческом масштабе XX в. настраивает и ученых, и широкие круги общественности на резюмирующий лад по отношению к себе. Одним из ярких подтверждений тому служила популярная в начале 2000-х г. рубрика в республиканской газете «Восточный экспресс» — «Татарский век», в которой известные в республике деятели культуры, науки называли наиболее с их точки зрения выдающихся татар XX в. Характерно, что среди них имя первого секретаря Татарского обкома КПСС (1960–1979 гг.) Ф.А. Табеева встречалось несколько раз, в то время как имена некоторых выдающихся деятелей татарской культуры прошлого века не упоминались ни разу. Для примера назову только одно имя. Это первый доктор искусствоведения не только в республике, но и в Поволжье, оставшийся долгое время единственным, Фуад Хасанович Валеев. О чем это говорит? О приоритетах в иерархии ценностей интеллигенции, выстраиваемой ими в соответствии с формационным эконоцентристским принципом. С именем Табеева связываются модернизационные инициативы властей в сфере экономики, которые в этот период осуществлялись без применения одиозных насильственных норм и форм, характерных для конца 1920-х — начала 1930-х г.

В масштабе истории страны Табеев ассоциируется с брежневским периодом. В истории Советского Союза, особенно II половины XX в., трудно найти примеры других областей и республик, где наблюдались бы столь динамичные изменения на пути перехода от традиционного к современному обществу, как в Татарстане. В сознании простого советского обывателя, взирающего с позиции сегодняшних многосложных, глубинных противоречий это было бла-

гополучное, стабильное, сытое время, нередко к нему применяют понятие «счастливая жизнь». Ностальгию вызывает ощущение не только материального достатка, но и справедливого порядка, устойчивости социальной системы, толерантности в национальных отношениях. В немалой степени люди связывают это с постоянной заботой властей о благополучии общества.

Однако такая позиция не позволяет объяснить трансдукции советских достижений в ранний постсоветский период. Почему достигнутое в послевоенное сорокалетие экономическое могущество не стало надежной основой для того, чтобы республика дорожила собственной нишей в державе, почему отсутствовала гордость сопричастности к величию Советского Союза, неотъемлемой частью которого она являлась. Откуда взялся парад суверенитетов в конце 1980-х г., в котором активно участвовал Татарстан?

Ответ на этот вопрос позволяет дать анализ исторического пути Татарстана в советскую эпоху. В этот период татарский народ после многовекового перерыва вновь обрел форму государственности: с 1920 по 1990 г. существовала Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика, преобразованная в период распада СССР в Республику Татарстан. ТАССР, представляя часть огромной коммунистической империи, отражала общие процессы социодинамики, характерные в целом для Советского Союза. На мой взгляд, факт обретения административно-политического статуса татарским народом является основополагающим для изучения его истории в прошедшем столетии, и 1920 г. в истории татар является таким же маркером, как 1445 или 1552 г. Конечно, в политической, правовой сферах государственное образование татар XX в. имело декоративный характер. Однако с учреждением Татарской автономии понятия с корнем «татар» в общественном сознании обрели легитимное звучание, татарская на-

ция обрела атрибуты государственной власти: конституцию, символы в виде флага, гимн, герб, законодательные и исполнительные органы.

Конечно, если проблематизировать историю татар в логике регионального подхода и рассматривать ее как органическую часть советской социалистической системы на территории России, то ключевой вехой в этом случае является революционный 1917 г., когда Россия испытала самый мощный в XX в. стресс, тотально изменивший ее макросоциальную организацию. Иными словами, при региональном подходе определяющим является то, что ТАССР представляла собой часть российского пространства, и во многом имела то же направление, содержание, динамику трансформации. Безусловно, в таком случае Татарстан предстает как категория общероссийской микроистории, и представляет интерес в первую очередь как советская модель модернизации национального региона.

Но исходя из концепции сохранения и возрождения культурного разнообразия страны, бережного отношения к ее исторически сложившемуся цивилизационному богатству, необходимо признать важное культурно-эстетическое значение создания всемирной истории одного из самых многочисленных народов России — татар, в которой не все сюжеты и вехи могут соотноситься и вписываться в каркас истории Российского государства. Смещение ключевой вехи в изложении истории татар XX в. с 1917 по 1920 г. является важным шагом по преодолению принятого в советской историографии рассмотрения национально-демократического движения как одного из составляющих классово-борьбы. Изучение этого движения как самодостаточной системы, развивающейся по своей внутренней логике, сообразующейся с социодинамикой и культурогенезом татарского народа, позволит отойти от идеологизированной в советский период трактовки объективных и субъективных причин

революции. Национальное движение татар не изменило логики своего развития после 25 октября 1917 г., оно продолжало проходить в русле борьбы за национальное самоопределение. После распада монархической империи татарский народ находился все еще в ситуации исторического выбора, который начался с правовой трансформации государственной системы. В 1905–1917 гг. степень зрелости татарского народа как нации достигла своего апогея. Проекты государственного устройства России с определением в нем места татар, выработанные в среде национальных интеллектуалов, венчали путь, пройденный народом на этапе модернизации Российской империи. С 1920 г., когда его идеи национального движения в сильно усеченном виде реализовались в провозглашении ТАССР, парадигма татарского движения меняется кардинальным образом.

Кроме политической составляющей, являющейся главным фактором национальной истории, смысл которой сводится к самоидентификации этнического сообщества, необходимо учитывать и экономический фактор. До октябрьского переворота динамика татарского общества определялась формированием и развитием капиталистической модернизации. Политика большевиков привела к тектоническим подвижкам в макросоциальной организации страны. Имея в виду кардинальные перемены в социально-экономической системе, обусловленные большевистским переворотом, вполне логично, считать 1917 г. «более главным», чем 1920 г. Но такой подход предполагает упрощенное объяснение победы большевиков как одномоментного «священного» акта с выстрелом Авроры, после которого Советская власть начала свое триумфальное шествие. А это было не так, большевикам еще предстояло победить в гражданской войне, чтобы уничтожить либо присвоить огромный потенциал, наработанный в период капиталистической модернизации.

С появлением в 1920 г. Татарской автономии происходили мощные процессы разбазаривания культурных ресурсов татарской нации. До этой даты в ней формировались различные политические течения, между ними образовывались различные альянсы, но все это происходило в рамках единого национально-освободительного движения. С момента образования ТАССР в татарской нации, оказавшейся разделенной принципиально разными общественными системами, произошел социокультурный раскол. Он настолько очевиден, что вряд ли возможна универсальная рубрикация в изложении истории татарского народа в 1920–1980-е гг. В этот период в нем можно выделить четыре параллели, внутри которых можно выстроить единую сюжетную линию:

1. Татары ТАССР.

2. Татары Поволжья и Приуралья за пределами ТАССР, до 1920 г., представлявшие единый естественно сложившийся на протяжении столетий этнический ареал с татарами татарской автономии, разделенный произвольными административными границами в 1920 г.

3. Татарские диаспоры на территории СССР, образованные в основном бурными процессами индустриализации и освоения новых земель в советский период.

4. Татары дальнего зарубежья.

Конечно, ретроспективный анализ выделенных групп будет иметь много сходного, причем возможны различные комбинации совпадений при решении конкретных задач. Что касается первых трех групп, то все они существовали в рамках одной коммунистической системы в тоталитарном государстве, поэтому изложение их истории имеет много сходных этапов. Вместе с тем, есть и ряд существенных отличий между ними. Скажем, только история татар ТАССР требует инвентаризации историографии, созданной в советский период, поскольку тогда разрабатывалась

национальная история татар только в региональном плане, ограниченном рамками Татарской автономии.

Первую и вторую группу татар роднит то, что они жили на исторической родине, поэтому интересно проанализировать, насколько статус титульной нации в ТАССР способствовал самоидентификации татар в республике, оставались ли они более «татаристами» по сравнению с татарами Поволжья и Приуралья, за пределами республики. Третью и четвертую группу татар объединяет то обстоятельство, что им пришлось в рассматриваемый период осваивать чужое пространство. В этом смысле любопытно провести сравнительный анализ процессов ассимиляции татар в СССР с русскими и зарубежными татарами с титульной нацией страны их проживания, уровня их этнической самоидентификации, приверженности родной культуре и т.п.

Что касается истории татар в рамках автономии, то актуальность серьезного исследования, прежде всего, определяется необходимостью преодоления созданной в советской историографии концепции победной поступи татарского народа вместе с другими народами СССР на пути к коммунизму. Все комплексные труды по советской истории Татарстана повторяли ретроспективную пунктуацию обобщающих трудов по аналогичному периоду истории России. Они были подчинены необходимости следовать идеологическим императивам, призванным прославлять военные победы и экономическую, главным образом, индустриальную мощь державы, а также ее «благотворное» влияние на социальное развитие страны и имели революционноцентричный характер.

Конечно, говоря о своеобразии советской историографии, хотелось бы еще раз обратить внимание на фактор «автобиографичности». Как уже отмечалось, даже по прошествии 20 лет после советской эпохи, ее современникам проблематично полностью абстрагироваться от своего прошлого и смотреть на

него как бы со стороны. В еще большей мере это относится к работам историков, которые создавались по ходу событий, явлений, носивших по своей сути незавершенный характер. И все-таки главная особенность советского периода заключалась в монологичном государственно-охранительном характере советского обществоведения. Поэтому, признавая фактографическое значение трудов исследователей советского Татарстана, работавших в рамках господства коммунистической идеологии, необходимо отметить общепризнанную сегодня позицию, что они не могли воссоздать адекватную ретроспекцию советского общества.

В литературе, издававшейся за рубежом, история Советского Татарстана нашла более адекватное отражение без прикрас и идеологических штампов. В книге А. Беннигсен «Мусульмане советской империи» говорилось об условиях языковой ассимиляции, религиозной ситуации среди мусульман. Обстоятельный труд по истории ТАССР был написан Т. Давлетшиным «Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики». Книга, опубликованная в 1974 г. в Лондоне стала, по признанию научной общественности, своего рода бестселлером.

Первый этап историографии советского общества заканчивается где-то во второй половине 1980-х гг., ближе к их концу. Тогда с ослаблением официозных постулатов на гребне антикоммунистической волны советская история стала оцениваться с точностью до «наоборот». В силу звучавшей в адрес советского периода критики новый этап в советской историографии вполне можно назвать антисоветским. Советский Союз был вмиг низведен с вершины общественного прогресса на обочину цивилизации и превращен чуть ли не в планетарную клоаку. Однако крутой переход с наезженной колеи привычных теоретических воззрений в период перестройки не означал принципиальных концептуальных изменений в изложении истории.

Их можно расценивать лишь как эффект маятника, движущегося в заданном направлении и качнувшегося в обратную сторону. Отход от комплиментарного стиля на негативную тональность означал лишь следование новым идеологическим установкам КПСС, выступившей на своем XXVII съезде с непривычно острой критикой по многим вопросам теории и практики строительства социализма в СССР.

В обстановке плюрализма и гласности в соответствии с новыми установками началась и инвентаризация арсенала исторической науки, причем в ее «инспектора» подалась огромная армия непрофессионалов, с энтузиазмом взявшихся поучить уму-разуму «идеологических подпевал» официоза. В ход пошли излюбленные методы навешивания ярлыков и шельмования конвенциональных позиций обществоведов. Рефлективные действия последних были обращены, главным образом, на анализ причин неудач, механизма торможения, застойных явлений в развитии советского общества. Переход от апологетической тональности советского периода историографии к патологоцентристской в ранний постсоветский период сопровождался появлением огромного количества новых фактов, создавших состояние некоей перегруженности и расстроенности ассоциативного ряда в исторической науке. Ценные своей фактографией, не позволительной в советское время, но без типологизации рассматриваемых процессов работы раннего постсоветского периода страдали отсутствием концепции, что снижало их научную ценность. По мере того, как эмоционально-аффективная связь с советской эпохой стала ослабевать, актуализировался неподвзятый подход к ее изучению и упорядочению новых знаний, преодолевающий сенсационно-революционную тональность, и определенную эпатажность в восприятии советского периода.

Поиски собственного алгоритма истории актуализировались в Татарстане

и в связи с борьбой за суверенитет. Как подметил тогдашний первый секретарь Татарского обкома КПСС Р. Идиатуллин: «Какую бы область общественной жизни мы ни взяли — будь то экономика, политика, социальная сфера, право, экология, демография, культура, язык, история — убеждаемся в том, что все они тесно связаны с отношениями межнациональными»¹.

Тон изучению советской истории на новом этапе во многом задавали политики своими публикациями в периодической печати: Шаймиев М.Ш. Восстановить историческую справедливость // Суверенитет. — 1991. — № 1; Хаким Р.С. Татарии — статус союзной республики // Вечерняя Казань. — 1989. — 2 февраля, Сабиров М. Г. Процесс национально-государственного возрождения Татарстана необратим // Суверенитет. 1991. — № 1 и целый ряд других. В них с непривычной откровенностью говорилось о негативных сторонах истории республики в советский период.

Нередко в публикациях раннего постсоветского времени, иногда называемого временем историографического экстремизма, советский период представлял как большевистский геноцид. Назовем, к примеру, З. Хакима. Диагноз: Хроническая несвобода: (о судьбе татарского народа.) // Идель. — 1996. — № 1–2, его же. Не родившаяся песня (Проблемы национальных эстрадных песен) // Идель. — 1989. — № 4. Это лишь капля из огромного потока статей революционаристской тональности, выплеснувшихся на страницы республиканских средств массовой информации. Непримируемость к недавнему прошлому проявлялась не только в печатном слове. В этот период все полюбили историю, но разлюбили историков, занимавшихся советским периодом. В связи с этим можно вспомнить примеры демонстративного ухода из зала некоторых участников конференций во время выступлений на них Мухарямова М. К., долгое время воз-

главлявшего Институт истории, языка и литературы Казанского филиала Академии наук СССР, пожалуй, самого видного историка Татарстана по советскому периоду, внесшего немалый вклад в развитие советской науки в суровых идеологических условиях.

По мере того, как первые страсти улеглись, менялась тональность гуманитарных исследований, но по-прежнему основное внимание в них было сконцентрировано на национальной проблематике. Обществоведы Татарстана сумели убедительно показать, что в истории нерусских народов советский период являлся временем интенсивной этнической маргинализации, когда огромные творческие возможности их как культуросообразной общности были уничтожены. Особое внимание общественности, на мой взгляд, привлекали труды И.Р. Тагирова, Б.Ф. Султанбекова, Д.М. Исхакова, Р.М. Мухаметшина, И.Л. Измайлова, Р.Ф. Мухаметдинова².

Среди публикаций не местных исследователей хотелось бы отметить статью А. Судьина «Республика Татарстан в государственной структуре России» // Этнический национализм и государственное строительство» (М., 2001); Жан-Робера Равио «Татарстан в центре создания федеральной структуры России: инвенция суверенитета-союза» // Ислам в татарском мире: история и современность (Панорама-форум. 1997. № 12). В упомянутых статьях изложены аргументированные и вполне точные характеристики советского периода.

Не останавливаясь на подробном обзоре исторических трудов по советской истории, выражу только одно замечание относительно степени освещенности проблем истории советского Татарстана. На сегодняшний день в уже созданных трудах, несмотря на их важную роль в освобождении многих ее сюжетов от идеологической химеры, чувствуется тенденция смазывания советского периода и восстановления прямой связи между досоветской и постсоветской историей. Освободив-

шись от губительных рамок единственно разрешенной марксистско-ленинской концептуализации, историки в первую очередь обратили свои взоры на поворотные точки и кульминационные события в истории татарского народа и Татарстана. События, связанные с принятием Декларации о суверенитете, и следующие за ним, несмотря на их чрезвычайную близость, не обделены вниманием исследователей. Точно также как не обойдено вниманием и первое двадцатилетие XX в., богатое экстремальными событиями.

Что же касается 1940–1980-х гг. в истории татар и республики, на мой взгляд, этот период отличается самым скудным вниманием исследователей. Даже в таком обстоятельном труде, каковым являются «Очерки по истории Татарстана и татарского народа XX в.» самого признанного в республике историка по советскому периоду И.Р. Тагирова, которые, не успев выйти (1999 г.), стали библиографической редкостью, послевоенные десятилетия освещены весьма скупо. Такое положение указывает на кризисное состояние историографии этого периода. Оно обусловлено, с одной стороны, недоверием к позитивистскому изображению эпохи, в результате которого, за какую проблему не возьмись, любая нуждается в переосмыслении; с другой стороны, отсутствием глубокого научного интереса к комплексной разработке истории рассматриваемого периода, как к времени влотекущей эволюции, не дающей колоритных сюжетов для исторических трудов.

А между тем именно в этот период, лишенный яркой событийной канвы, процессы социальной трансформации имели наиболее сущностный характер. Нельзя не согласиться с А.С. Сенявским, который пишет: «Главное, что произошло в России в XX в., это не революции и войны, не многократные смены политических институтов и социально-экономических систем. Всего этого теоретически, могло и не быть.

Основной вектор развития страны оставался бы все тем же при любом общественном устройстве и конкретном ходе событий: им был и остается переход России от традиционного сельского к городскому обществу — магистральный процесс новой и новейшей российской истории. Он является составной частью более широкого модернизационного процесса»³.

В мировой науке с середины прошлого века для изучения исторического движения от аграрного общества к индустриальному успешно применялась теория модернизации, понимаемой как комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых субпроцессов в экономике, политике, духовной сфере. Мне представляется, что интенсивные социальные процессы в Татарской АССР целесообразно рассмотреть в контексте советской модели модернизации. При эгалитарном отношении ко всем компонентам советской ретроспективы татарского народа придется признать, что несмотря на огромные обретения в период распада традиционной культуры под флагом строительства социализма в СССР, Татарская АССР не стала этноэкологической нишей, основным ресурсом сохранения и развития национального языка и культуры, жизнеспособности этноса. Собственно, одним из поводов создания широкомасштабного труда по истории татар явилось осознание поражения советской модели по сравнению с другими моделями организации общества. Фактически своеобразие комбинаций всех сторон трансформации татарского народа при переходе от традиционного состояния к современному обществу позволит обозначить основные тенденции исторического пути Татарстана в логике распада советской социалистической системы.

На мой взгляд, как процесс советской модернизации общества корректно рассматривать лишь послевоенное сорокалетие. Довоенное двадцатилетие лишь с большой натяжкой можно назвать временем модернизации. Это

был период экстремальных решений и действий, чрезвычайщины, в широком смысле — гражданская война. Трансформация общества в период, когда происходил слом прежней модели модернизации, носила во многом деструктивный характер. Начавшись с Октябрьской революции, продолжившись на фронтах войны с противостоянием красной и белой армий, этот слом затем осуществлялся через репрессии в отношении тех слоев населения, которые потенциально могли служить социальной базой для реставрации старого строя, и насильственное использование их для построения нового строя.

Возможность для восстановления прежнего режима в первые десятилетия была весьма велика. Об этом свидетельствуют целые острова прежней социальной модели, по которым не успела проехать тоталитарная машина, и существовавшие как бы параллельно предписываемым императивам. Татары, к примеру, сохраняли свой язык, несмотря на то, что дважды потеряли свою письменность. Сильна была и их конфессиональная и этническая ориентация в традиционной культуре.

Вместе с тем, 1920—1930-е гг. можно назвать мартирологическим или виктимным периодом, т.к. в это время были уничтожены целые слои дореволюционного общества, причем те, на которых в основном держится культура, да и экономика социума. В Татарстане с образованием новой империи с благозвучным названием Союз Советских Социалистических Республик начинается разгром национального движения, который продолжался вплоть до конца 1930-х г. Вместе с тем форсированная модернизация в обществе с массовой низкой культурой требовала наличия генерирующего слоя стандартизированной культуры. Поэтому в 1920—1930-х гг. придавалось большое значение развитию высокой культуры, которая в свою очередь черпала энергию не из новой официальной идеологии, а из духовной сокровищницы своего народа. В массовой культуре этническому компоненту тоже придава-

лось определенное значение, необходимое для использования людей в форсированной индустриализации.

В завершение первого периода советской истории произошла Вторая мировая война, частью которой была Великая Отечественная война. В этом вселенском испытании Советский Союз не только выстоял, но и победил, тем самым, обретя репутацию жизнеспособной системы. Начиная со второй половины XX в. можно говорить, что советская система обрела необратимый характер. Для республики в культурном отношении он явился периодом фронтальной детатаризации, носившей насильственный (не всегда явный) характер, в результате которого естественный ход развития татарского народа как культурогенной общности был прерван, деформирован, хотя внутренние потенции его не были исчерпаны.

Конечно, нельзя не признать, что несмотря на потери народов в этническом аспекте, имелись определенные достижения с точки зрения социо-, морфо-, формогенеза культуры. Неуклонно повышалась доля лиц с высшим образованием среди всех народов. В качестве позитивной динамики можно так же привести такие аргументы, как всеобщая все более полная (с точки зрения времени обучения в качестве обязательного) грамотность населения. Убедительным свидетельством позитивных

изменений служит статистика увеличивавшегося количества школ, библиотек и других объектов социально-культурной сферы. Нельзя также отрицать расширение старых и появление новых социально-профессиональных групп с увеличивавшимся интеллектуальным статусом. Но все эти показатели положительной динамики свидетельствовали лишь о том, что государственная система заботилась о формировании исполнительской культуры с целью «начинить» человека необходимыми для «строительства социализма» знаниями. На это была нацелена и политика формирования «новой исторической общности», приводившей к нивелировке общества, элементаризации культуры, снижению полифонии в социокультурной динамике народов СССР. Однако национальное движение конца 1980-х г. показывает, что несмотря на чудовищные жесточайшие репрессии первых десятилетий советской власти и идеологические фантомы послевоенного периода, направленные на искажение реальных стремлений народа, его этническое самосознание переплавить не удалось. Советский опыт показывает, что игнорирование этнического фактора в развитии конкретного социума ведет к накоплению в нем разрушительного потенциала, который ослабляет макросоциальную организацию, частью которой является.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Идиатуллин Р. К* Гармонии интересов. – Советская Татария, 1989. 2 июля.

² См., например, *Измайлов И.* «Не дано марксистской оценки Золотой Орде» // Гасырлар авазы. Эхо веков. – 1996. – № 3, 4; *Исхаков Д. М.* Начальный этап национального возрождения татар во второй половине 1980-х гг.: факторы становления // Независимость. – 1993. – № 3; его же. Роль интеллигенции в формировании и современном функционировании национального самосознания татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан». Вып.2. / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова – Казань, 1994; *Исхаков Д. М.* Современный национализм татар // Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее / Институт истории АН РТ. – Казань, 1997; *Тагиров И. Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). – Казань: Таткнигоиздат, 1999; *Мухаметдинов Р. Ф.* Идеино-политические течения в постсоветском Татарстане (1991–2006 гг.) – Казань, 2007; *Султанбеков Б. Ф.* Татарстан. XX век. Личности. События. Документы. – Казань: ТаРИХ, 2003;

³ *Сенявский А. С.* Российский путь к городскому обществу в контексте модернизационных переходов. // Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений / Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: «Академкнига», 2000. – С. 101.

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы периодизации, историографии, методологических подходов к изучению советской эпохи в истории татар. Автор считает, что трансформацию татарского народа при переходе от традиционного состояния к современному обществу целесообразно рассмотреть в контексте советской модели модернизации, которая позволяет обозначить основные тенденции исторического пути Татарстана в логике распада социалистической системы.

Ключевые слова: татарский народ, Татарстан, советский период, теория модернизации, нерусские регионы в XX в., периодизация, историография, методология изучения советского периода.

Summary

The article is about the problems of periodization, historiography, methodological approach to studying the Soviet period in the history of the Tatars. The authors supposes that it is expedient to consider the transformation of Tatar people from traditional state to modern society in the context of Soviet model of modernization. It allows emphasizing the main tendencies of Tatarstan history in the logic of collapse of socialistic system.

УДК 81'35

ЭТАПЫ ПИСЬМЕННОСТИ ТЮРКО-ТАТАР (на основе археологических материалов)

Г.М. Давлетшин, доктор исторических наук, профессор

1. Этап — догуннский период

Источники и научные исследования говорят о том, что древние тюрки с давних пор имели государственную систему и связанную с ней письменную культуру. В настоящее время многие ученые из разных стран, такие как казахский поэт-ученый Олжаса Сулейманов¹, татарские М.З. Закиев², А.Г. Мухаммадиев³, Нурихан Фаттах⁴, турецкий Казым Миршан⁵, азербайджано-американский Тариел Азертюрк⁶ и ряд других американских и западноевропейских ученых настойчиво и постоянно обосновывают наличие высокоразвитой письменной культуры у тюрков еще в догуннском периоде. Письменных памятников вавилонской и шумерской и других цивилизаций читают на тюркском языке.

Уже превратившееся в аксиому устаревшее восприятие тюркского мира продолжает подвергаться сомнению. Настало время критически анализировать, обобщить эти труды.

2. Древнетюркский период

В источниках отмечается, что гунны пользовались индийской письменностью (брахма?)⁷. Это могла быть и туранская письменность. Состояние делопроизводства у них также соответствовало общественным требованиям. На документах государственной значимости ставилась печать Шаньюй⁸.

Древние тюрки глубоко освоили согдийскую, брахму, манихейскую письменность. В ранний период согдийская письменность была возведена даже на уровень официальной государственной письменности Тюркского Ка-

ганата. Древние гунны и тюрки жили по соседству с китайской цивилизацией. Они, конечно, хорошо были знакомы с китайскими иероглифами. И все же принять иероглифы или нет — для тюрков было принципиальной проблемой. Краеугольным камнем официальной идеологии Великого Тюркского каганата было беречь государство и тюркский народ (турк будун) как этнокультурное явление как зеницу ока. С этой точки зрения именно многочисленный китайский народ и его древнейшая всемирного значения культура представляли серьезную угрозу.

Древним письмом тюрков Центральной Азии считается так называемое «древнетюркское руническое письмо». Не будет преувеличением сказать, что руны обнаруживаются повсюду, где жили тюрки.

Руническое письмо не было принято для использования в религиозных целях, как, например, арабский, латынь. Древнетюркские руны с самого начала составлялись по приказу правителя для удовлетворения потребности в общении⁹. Древнетюркское руническое письмо основано на согдийской письменности, которая своими корнями связана с арамейским алфавитом. Некоторые ученые считают, что в процессе приспособления согдийского алфавита к тюркскому языку вместо недостающих гласных были добавлены греческие буквы¹⁰. Но этот алфавит не стал простым набором согдийских и греческих букв, потому что буквы в нем были изменены до неузнаваемости. Так возник совершенный, легкий для

исвоения, удобный для практического использования истинно тюркский алфавит. Здесь нетрудно увидеть и пиктографы, т.е. иероглифы (буквы-рисунки): стрела, лук и др.

Этот алфавит стал истинно общенародным, а не только пригодным для верхних слоев общества и духовных лиц.

Рунический алфавит совершенно точно соответствовал нормам древнетюркского разговорного языка. С этой точки зрения руническое письмо считалось самым совершенным¹¹.

На чем только не писали древние тюрки. Многочисленные рунические письма наносились и на срезы камней, и на горные склоны, на дерево, на металл, на кирпич и на бумагу. Напоминающие геометрические знаки руны были очень удобны для нанесения на твердый материал. Вообще, камень как материал для нанесения надписей был весьма популярен. В этих целях использовались и огромные природные камни и мелкий булыжник¹². Нанесение надписей на камни в древности считалось обращением в вечность и их называли вечными камнями. Однако, по мнению И.Л. Кызласова, вначале они наносились жидким красителем на мягкое полотно, в частности на пергамент¹³.

Древнее руническое письмо нам известно в первую очередь по надписям на надгробиях. Впервые современные люди обнаружили их как эпитафии на надгробных памятниках. Эти надписи государственной важности.

Древние тюрки вообще считали, что написанное обладает магической силой. Руны, высеченные на надгробных памятниках, имеют сакральное значение. Они усиливают мемориальный смысл сооружения. На вечных камнях надписи были сделаны в стиле некролога. Это означало, сказать «теплое» слово об умершем, о почитании его земных деяний. Многие надписи сделаны от имени самого умершего. Это усиливало его влияние на читающего или слушающего. Надписи были не только некрологом, они имели большое поли-

тическое звучание. Надписи на вечных камнях славили прошлое, историю и ушедших героев. Эта была своего рода забота об усилении власти и государства, желание объединить и сохранить тюркский народ.

В большом количестве встречаются и совершенно простые надгробные плиты с надписями. Среди них есть похожие по форме на болгарские надгробия. Частенько на них нанесено аккуратное симпатичное изображение оленя, поэтому такие надгробия называли «оленьими камнями»¹⁴.

Рунические надписи можно прочитать и на стенах буддийского храма, и на стенах пещер, где совершались буддийские молитвы. Часто древнетюркское руническое письмо наносилось на многие предметы, широко используемые среди населения: на посуду, на деревянные палки, на каменные пряслицы, на конские сбруи, на зеркала, монеты и т.д. Поскольку эти надписи в большом количестве наносились на обычные предметы обихода, то их читали очень многие. Все это говорит о широком использовании рунического письма в самых различных целях и довольно высоком уровне письменной культуры. Есть надписи, похожие на печать или использовавшиеся в качестве печати.

Древние тюрки считали, что надписи с хорошими пожеланиями охраняли вещи от злых духов, были своего рода амулетами, приносили владельцу удачу. Все это является свидетельством того, что руническое письмо использовалось древними тюрками в самых разных целях. Мелкие надписи на разных материалах служили средством передачи информации в повседневной жизни населения. Умение писать было в истинном смысле средством общения простого народа.

Как видно из вышеизложенного, письмо окружало древних тюрков со всех сторон. Все это говорит о том, что грамотность, умение читать и писать на основе рунического письма было для тюркского населения широко распространенным обычным явлением. Этот

факт признают все ученые, интересующиеся этой проблемой¹⁵.

Грамотность, знания были в большом почете в тюркской элите. Она считала образованность своим высоким достоинством¹⁶. Во времена М.Кашгари, вообще, знание считалось символом счастья¹⁷.

Тюрки пользовались бумагой китайского производства. И самое главное, по его образцу производили и свою бумагу.

В тот же период тюрки были знакомы и с книжным делом и в разных видах делали их сами. Издание книг было широко распространено и среди уйгуров. Считается, что именно от уйгуров проникла в Европу, в исламский мир традиция украшать книги красивыми различными рисунками-миниатюрами. Кроме того, тюрки писали и на свитках, похожих на китайские рулоны¹⁸.

Писатели, переписчики, книгоиздатели составляли особую высокоуважаемую часть древнетюркского общества. Их всех называли «битекчелэр» (писари). Имя писаря-битекче значилось на всех деловых бумагах, на долговых и торговых контрактах и т.д. На основе рунического и особенно уйгурского письма написаны многие религиозные и литературные произведения.

Несмотря на сильное влияние других культур, древнетюркская культура не была поглощена ими. Древние тюрки, основываясь на них, и, исходя из практической необходимости, создали собственный алфавит. Культура письма проникла во все сферы жизни древних тюрков. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что письменная культура древних тюрков Центральной Азии были для своего времени на достаточно высоком уровне.

3. Хазаро-болгарский период

Знаменитая история рунического и уйгурского письма на этом не завершается. Если уйгурское письмо до начала XIII в., не распространяясь в Европу, предпочитало оставаться в применении на прежних древних территориях, то

руническое письмо вслед за предками хазар и болгар держит путь в сторону Восточной Европы. Доходит оно и до Хазарского каганата, до Великого Болгарского государства в Приазовье. И в Волжской Болгарии это письмо применялось вплоть до проникновения туда арабского алфавита.

Такого типа надписи встречаются на раскопках городищ Маяк, Саркел, Хумарин, древний Херсонес, в Ставропольском крае. Рунические письма были в употреблении и среди населения Дунайского побережья. Не будет преувеличением сказать, что руническое письмо стало неотъемлемым признаком салтово-маяцкой культуры. Рунические надписи были прочитаны на таких археологических находках, как посуда, сабля, пряслица, на серебряных сумах, на камнях и других вещах. По содержанию они схожи с надписями на предметах быта Тюркского каганата. Надписи на бытовых вещах и содержание этих надписей свидетельствуют о широком распространении умения читать и писать. Этой важной способностью обладали даже простые строители и ремесленники. И оседлое и кочевое население умело читать и писать. В них просматриваются отдельные изменения, поэтому в науке принято хазаро-болгарские руны рассматривать как северо-кавказский вариант тюркской письменности. В результате новых исследований И.Л. Кызласова выяснилось, что, кроме выше рассмотренных, есть еще непохожие друг на друга и на орхонскую письменность, два алфавита — с Побережья Дона и Кубани¹⁹. И все же по нашему мнению, эти различия слишком преувеличены и эти три письменности нельзя назвать разными. Принципиальная основа у них одна и та же.

Однако руническое письмо ни в Хазарском каганате, ни в Великом Болгарском государстве в Приазовье не достигло такого официально высокого уровня, как в Тюркском каганате. Причиной тому, видимо, было отсутствие в этих странах национальной идеологии

и сложное этническое и религиозное состояние этих государств.

Можно заметить также переход хазаро-болгарского письма в разряд символов. В хазарском каганате существовали монотеистические религии, здесь были представлены все религии, основанные на единобожии²⁰. Естественно, на этой территории получили широкое распространение неотъемлемые атрибуты иудейской, исламской и христианской религии — еврейский, арабский и греческий алфавиты и основанная на греческом алфавите кириллица. Греческие буквы широко использовались в каганате в виде различных символов²¹.

Руническое письмо продолжает существовать у болгар, поселившихся в Среднем Поволжье и в Прикамье. Возможно, они связаны с тюркскими племенами, жившими здесь еще до болгар. Но распространенная в наших краях письменность похожа на болгаро-хазарское письмо или тюркское руническое письмо северокавказского варианта, относящееся к салтово-маяцкой культуре. Вещи с надписями с руническим алфавитом встречаются и в местностях, отдаленных от центра страны.

То, что в этой местности рунические надписи встречаются на материалах XI—XII вв., свидетельствует о том, что эта графика не полностью вышла из употребления даже после проникновения сюда арабского алфавита. Тем не менее, судьба древней письменности была уже решена. Чем глубже проникал ислам, тем решительнее руническое письмо, как пережиток язычества, вытеснялось из жизни болгар, и, в конце концов, оно осталось лишь в роли символов-меток.

4. Мусульманский волжско-болгарский период

Четко датированные нумизматические материалы IX—X вв. подтверждают сообщения письменных источников о раннем проникновении и распространении арабской графики.

Проникновение в Болгарию арабского алфавита прежде всего связано с

тем, что часть болгарского населения, прибывшего в Поволжье, уже знало арабский алфавит, и кроме того, это результат тесных торговых связей со Средней Азией. Естественно, на его широкое распространение в дальнейшем решительное влияние оказал ислам.

Ислам, в отличие от язычества, был религией с развитой письменной культурой. Ему принадлежат многие письменные произведения сложного философского и религиозного характера. Такие произведения требуют не только простого алфавита, но и наличия высокого уровня письменной культуры.

Важными источниками в исследовании письменной культуры болгар являются и археологические материалы, которые предстают перед исследователем конкретными, «живыми» письменами вместе с орудиями письма и материалами для письма.

Умение читать-писать было распространено во всех слоях болгарского населения. Часто ремесленники сами пробовали украшать различными надписями свои изделия. Надписи, сделанные чеканкой или тиснением, особенно часто встречаются на изделиях ювелиров, оружейников и вообще на бытовых изделиях повседневного пользования, выполненных из металла, а также горшечников. Конечно, на этих изделиях, в первую очередь, наносилось имя изготовителя или владельца.

Среди женских украшений с надписями особо выделяются серебряные браслеты, перстни, латунные зеркала. Про именные перстни мы уже писали выше, в связи с древними тюрками и болгаро-хазарами. Эта традиция была продолжена и в Волжской Болгарии. Они порой выполняли роль печати. Вообще, с древних пор перстням и надписям на них приписывали волшебную силу. Владельцы этих перстней верили в магическую силу надписанного перстня, потому и сделали такие надписи.

Посуда с надписью, выражающая добрые пожелания или определяющая предназначения посуды, была харак-

терна еще для древних тюрков. Такие надписи встречаются и на посуде, найденной в Билярске. Привозная посуда часто с надписями была прекрасным образцом для болгарских мастеров.

Судя по надписям, болгары использовали почти все возможности арабской каллиграфии. В основном писали на «сульсе». А «куфи» традиционно использовалась для написания эпитафий и для украшения архитектурных сооружений. Арабская графика, приспособленная к особенностям языка, принадлежащего к совсем иной языковой семье, вступила в противоречие с болгарским языком, в частности, с его орфоэпией. Это противоречие в некоторой мере устранялось использованием особых комплексов графем арабского алфавита. Об этом свидетельствуют более поздние эпитафические памятники²².

Но надписи на археологических материалах все в основном выполнены на арабском языке. Например, на замке, изготовленном мастером Абу Бакер в 1146 г., на арабском языке сделана надпись с добрыми пожеланиями²³.

Основным материалом письма была бумага, более удобная для арабской графики. Были и книги, написанные на бумаге. Они прекрасно оформлялись. Металлические обложки таких книг, покрытые красивым волнистым орнаментом и инкрустацией, известны в билярских коллекциях. Эти книги похожи на секретные шкатулки со знаниями. Получив знание, книгу можно было запереть специальными крючками²⁴. Таким образом, книгу бережно хранили, т.к. эти рукописные книги действительно представляли большую ценность.

В заключение можно сказать следующее. Как атрибут ислама, арабская графика находит широкое распространение в Волжской Болгарии. Найденные в Среднем Поволжье самые древние арабские надписи относятся к VIII–IX вв. Эти первые надписи тоже в духе ислама. Арабское письмо вполне удовлетворяло внутренние и внешние потребности болгарского общества.

Как древняя традиция, письмена обнаруживаются и на бытовых предметах: посуде, перстнях, браслетах, оружии, пряслицах. Обычное содержание этих надписей — имена, благожелательные надписи ремесленников обладателям этих предметов. Болгарские письмена домонгольского периода, обнаруженные археологами, немногочисленны. Но тот факт, что большинство из них выполнены ремесленниками, свидетельствует о значительном распространении элементарной грамотности среди населения.

В этот период появляются серьезные научные и высокохудожественные литературные произведения, написанные на основе арабского алфавита. Болгарское население привлекается к просвещению.

Освоение арабской письменности было прогрессивным явлением в развитии болгарской профессиональной письменной культуры. В стране была построена довольно результативная система образования. Просвещенные люди повысили свои образования в медресе других мусульманских центрах. Арабская графика служила своеобразным мостиком для усвоения культурных достижений.

5. Золотоордынский период

В Джучиевом Улусе наряду с бескрайними степями Дешти-Кипчака, Нижнего Поволжья и Сибири были и города и такие центры древней цивилизации с исламскими традициями, как Хорезм, Крым, Северный Кавказ, Болгария. Эти культурные центры, объединившись в мощное государство с сильной центральной властью, еще более обогащали друг друга в отношении культуры, и в результате сделали невиданный доселе качественный скачок в своем культурном развитии. Именно эти центры определяли культуру Джучиева Улуса. Здесь пересекались арабская, персидская, китайская, тюркская и европейская цивилизации. В культуре Улуса Джучи особенно заметно влияние культуры Средней Азии и Кавказа.

На тюркском языке писались официальные ярлыки, договаривались дипломаты, главы государств обменивались письмами. Стих на тюркском языке можно было прочитать и на стенках обычного горшка. Одним из таких являются строки на осколках горшка, найденном возле Сарая. Это строки из поэмы Юсуфа Баласагунского «Кутадгу белиг» («Благодатное знание») ²⁵.

Первыми учителями у монголов были уйгуры и письменность у них была основана на уйгурском алфавите. Уйгурское письмо было первым официальным государственным алфавитом. Ярлыки, деловые письма и другие документы писались и по-монгольски и по-тюркски уйгурской графикой. Уйгурское письмо встречалось на некоторых монетах (например, 2 монеты периода хана Токты (1291—1312), в ханских именах). Довольно долгое время уйгурский и арабский алфавиты существовали параллельно. Вообще влияние литературы уйгуров-караханидов на литературу Джучиева Улуса довольно заметно. Надписи на пайцзах также писались уйгурским шрифтом ²⁶. Параллельное использование уйгурской и арабской графики в высших кругах наблюдается на миндалевидных печатях и саблях (с именами ханов Тохтамыш и Узбека).

Делопроизводство в Джучиевом Улусе было поставлено на высоком уровне. Письменные произведения и документы, выполненные на бумаге, дошедшие до наших дней, в основном черного цвета. В прошлом чернила изготавливались из сажи, из окиси железа и из «чернильного ореха». Эти «чернильные орехи» часто обнаруживаются и при раскопках городов Джучиева Улуса ²⁷. Кроме черного в Джучиевом Улусе использовали и другого цвета чернила, особенно желтого цвета. Чернилами желтого цвета писали имя хана и описывали связанные с ним события. Чернила желтого цвета были двух видов: простые чернила из желтого пигмента и чернила из смеси золотого песка с клейким веществом, похожее на современ-

ную бронзовую краску. Так что дошедшую до наших дней древнетатарскую поговорку: «Есть перо — с его кончика может золото капать, есть перо — с его кончика может мир воспламениться» ²⁸, можно понять и буквально.

На сегодняшний день известно более десяти чернильниц, найденных в Сарае, в Болгаре и других городах Джучиева Улуса ²⁹. Это невысокие аккуратные флакончики из стекла, фаянса, металла или керамики, изящные по форме и красиво украшенные. На некоторых чернильницах есть надписи с пожеланиями успеха, счастья, долгих лет владельцу ³⁰. На одной из свинцовых чернильниц надпись — текст суры «Фатиха» ³¹.

На бумаге писали различными перьями. На востоке с давних пор охотно пользовались камышовыми перьями. Способы их изготовления, затачивания подробно описаны в специальных книгах. Затачивались перья с учетом того, какой почерк будет избран и с какой целью будет написано письмо. Наряду с камышовыми перьями, использовались и гусиные перья, и костяные писала, которые применялись у болгар еще в домонгольском периоде. Такие костяные писала были обнаружены при раскопке городища Болгар. Н.Н.Поппе опубликовал сообщение об обнаружении в 1941 г. в Сарае при раскопке могилы бахши XIV в. коробки из бересты с помещенными в него берестяной книжечки, латунной чернильницы и костяного писала ³². Следовательно, костяным пером можно было писать не только царапаньем, но и макая перо в чернильницу.

Кроме того, в этот период в Джучиевом Улусе начинают появляться и металлические перья. Такое перо было найдено в городе Сарай-Берке. Оно состояло из восьмигранной латунной палочки. Латунная палочка длиной 10—15 см была заострена книзу и острие было рассечено пополам. Древняя татарская загадка о пере: «Один рот — два языка» предполагает именно такое устройство пера. В Европе только в

XVIII в. начинают применять металлические, стальные перья. Следовательно, первые металлические перья в Европе появились и начали использоваться в Джучиевом Улусе еще в XIV в.

Рассмотрим письма, обнаруженные в результате археологических исследований. В упомянутой выше книге М. Усманова о Джучиевом Улусе имеется отдельная глава, посвященная различным печатям и штампам, поставленным на ярлыки. Вначале на ярлыки ставится мелкий или крупный штамп квадратной формы. Затем рядом с ними появляются перстневые печати миндалевидной формы. Их вначале коптели над огнем, затем ставили на бумагу. Обычно на перстне было имя самого хана или султана и имя его отца³³. Миндалевидные перстни-печати были знаками рода Чингиз хана. Ранее мы уже рассматривали перстневую печать с надписью «Султан Туктамыш». Эта печать ничем не отличается от тех, что поставлены на ярлыки. О перстневых печатях упоминается и в поэме «Хосров и Ширин» Хорезми³⁴.

Кроме миндалевидных печатей на ярлыках имеются довольно крупного размера квадратные тамги (штампы). Квадрат заполнен арабским кувическим письмом. Запись начинается с правого угла квадрата и продолжается в направлении налево, образуя входящие друг в друга квадраты. Такие тамги в зависимости от цвета назывались золотистыми, синими и алыми. Тексты штампов содержат религиозные формулы о вере в единого Аллаха и его пророка Мухаммада. Затем речь идет о том, каким должен быть правитель о том, что он поставлен над людьми по воле Аллаха, затем идут слова, возвеличивающие хана, добрые пожелания в его адрес, пишутся его титулы и имя его отца.

Кроме официальных миндалевидных печатей-перстней широкое распространение имели простые кольца с личными именами. Некоторые из них использовались для удостоверения личных деловых бумаг, имевших хождение среди простых людей. Некоторые ис-

пользовались молодежью как знак любви. Наверное, и в то время немало было тех, кто пел известную песню «Имя перстня моего...» Почти половина из найденных в Джучиевом Улусе перстней происходят из Болгарии.

Среди колечек, перстней, найденных в городах Сарай-ал-Джадид, Сарай-Бату, есть сделанные из кости, из камня. На некоторых из них начертано слово «Аллах»³⁵. На одном перстне прочитывается: «Любовь к Аллаху»³⁶. Надпись, взятая в позолоченную рамочку: «Я создал свой образ из света», видимо тоже относится к Аллаху. Эти надписи всецело соответствуют суфийской идеологии того периода. Встречаются надписи прославляющие Аллаха³⁷.

Обычай ставить знак мастера или мастерской, где изготовлена вещь, или пометить купленную вещь именем владельца, появился еще до возникновения письменности. В Джучиевом Улусе это становится в порядке вещей и эти знаки-имена приобретают статус штампа. Для этих целей изготавливались специальные клейма.

Перстни и браслеты были и предметами украшения, и простыми указателями имен, и выразителями добрых пожеланий, а также выполняли функцию печати, удостоверяющие деловые документы. Изготовители этих браслетов, колец и перстней, и тем более их владельцы, искренне верили, что написанные на них арабскими буквами добрые пожелания непременно сбудутся. Считалось, что арабская буква сама по себе обладает магической силой.

Эти браслеты, перстни, воспетые в песнях, наделенные в народных сказках волшебной силой, оставили заметный след в развитии болгаро-татарской культуры, превратившись в знаменательное явление их духовной культуры. Такое положение сохранялось веками. Кольца, перстни и браслеты с надписями были широко распространены и в XIX в. По словам известного тюрколога Н.Ф. Катанова, они были тесно связаны с духовным миром людей того времени³⁸.

Материальную культуру Улуса Джучи образно называют «культурой поливных чаш и мозаичных панно»³⁹. Одна удивительная особенность посуды, изготовленной в городах Джучиева Улуса из керамики, фарфора, фаянса, стекла, латуни, золота или серебра, — та, что на ней разными способами, разными почерками сделаны надписи арабскими буквами. Даже украшенные только этими надписями чашки были бы очень красивыми. Но надписи в большинстве переплетаются с другими узорами, как бы скрываются среди них. В некоторых случаях действительно арабские буквы нанесены только в качестве узора и повторены лишь для сохранения ритма. В них нет никакого смысла. И все же на этих чашах гораздо больше надписей, имеющих глубокий смысл, гармонично звучащих стихотворных строк. Вообще украшать посуду и другие предметы обихода надписями с добрыми пожеланиями, различными лозунгами — это древняя традиция, широко распространенная в исламском мире. Такие предметы обихода с надписями можно увидеть и среди болгарских находок домонгольского периода. Но в период Джучиева Улуса в этой области произошел небывалый скачок, который стал явлением, полностью отражающим культуру Джучиева Улуса.

В большинстве случаев надписи на посуде написаны на арабском и персидском языках. Изредка встречаются и китайские иероглифы. Таким образом, надписанная посуда изготавливалась так, чтобы ею мог пользоваться весь мусульманский мир. Часто надписи делались с помощью трафарета. Например, совершенно одинаковые по форме или по надписям чашки можно было увидеть и в Сарае и в Болгаре. Самая красивая посуда с надписями привозилась из Ирана или из Средней Азии. Однако и в Джучиевом Улусе ее изготавливали довольно много и она не особенно отличалась от изготовленных в исламских центрах.

Эти надписи выполняли не только функции узора, они при продаже слу-

жили влиятельной рекламой. Кто только не хотел приобрести эту посуду и достичь написанных на ней пожеланий, т.е. быть знаменитым, счастливым, богатым и благополучным!

Таким образом, надписи на посуде выполняли самые различные функции: это и просто красивые узоры, и выразители добрых пожеланий владельцу, и поклонение Аллаху, и лозунги, и стихотворные строки. Кроме того, священные арабские буквы были надежным средством защиты еды или питья, находящихся внутри этой посуды, от влияния злых духов и шайтана.

С древнейших времен у тюрков были и зеркала с надписями. Можно было бы рассматривать этот факт как влияние Китая. Однако такие красивые, удобные, всегда находящиеся под рукой, содержащие записи добрых пожеланий предметы могли быть у любого народа. Надписи на самых древних тюркских зеркалах очень созвучны с надписями на зеркалах Джучиева Улуса.

Все эти надписи выполнены на арабском языке. Они были широко распространены в исламском мире. Их содержание и все эти пожелания очень понятны и близки всем мусульманам.

Частенько эти надписи выполнялись при свете свечи или лучины, установленных в подсвечники из драгоценных металлов или в стеклянное приспособление для лучины. Часто добрые пожелания писались на эти светильники. Надписи с добрыми пожеланиями в первую очередь были адресованы образованным людям, ученым исламского мира.

Привычными предметами обихода в городах Джучиева Улуса были замки, пряслица с письменами.

Украшать надписями общественные здания — давно принятая традиция в исламском мире. В городах Джучиева Улуса на самых заметных местах каменных зданий — на куполах, на колоннах, на воротах, над дверями аршинными буквами были написаны изречения из Корана или из классиков восточной поэзии.

Эти надписи делались различными способами. Иногда буквы вылепливались из глины, затем обжигались, затем покрывались прозрачной или цветной краской. Иногда покрытие из краски не наносилось, буквы из красной глины просто обжигались. Кроме того, буквы делались из вязкого материала, который в Средней Азии называли «ганч» (литье из смеси обожженного гипса и глины). Часто надписи делались поверх штукатурки. Остатки таких надписей то и дело встречаются при раскопках городов Нижнего Поволжья. Иногда буквы переплетаются узорами. Эти надписи на памятниках архитектуры составляли неотъемлемую часть здания.

Таким образом, письменная культура, умение читать-писать в золотоордынском обществе пользовались большим авторитетом. Граждане страны могли встретить арабское письмо где угодно. Такое общество невозможно представить без письменности.

Надписи представляли собой имена мастеров-изготовителей, добрые пожелания в адрес будущих владельцев изготовленных ими вещей. По этим пожеланиям можно представить, каким был в тот период идеал счастливой жизни, идеал человека, достигшего счастья, какими были стремления людей, живших в обществе того времени. Какие же они, их стремления и желания? Слава (это слово встречается почти в каждой надписи), власть, сила, победа, признание, служение своей религии, борьба за веру, добропорядочность, получение наград за благие дела, процветание и благополучие, спокойная безмятежная жизнь, всестороннее счастье, счастливое будущее, успех, благополучная судьба, величие, почитание, дружная семья, крепкое здоровье — и все это навеки, навсегда... Большинство из перечисленного — это общечеловеческие качества, характерные для любого времени. Однако в первую очередь они касались верхних слоев общества. И все же эти понятия в разные времена имели разные смысловые оттенки.

Надписи для жителей Джучиева Улуса были не только спутниками в их повседневной жизни, но они сопровождали их и в последний путь, воспевая их благие дела на этом свете. Арабские письма наносились и на надгробные сооружения, склепы. Болгаро-татарские надгробные памятники являются ценными, а порой неповторимыми источниками для исследования различных сторон общества. Сочетание материальной и духовной культуры в них с письменностью делает их бесценными источниками. Но в основном подробно изучен язык надписей на надгробных плитах, их украшение, а как явление культуры, связанное со взглядами людей средневековья и вообще их роль в духовной жизни населения изучены слабо.

Тексты надписей на плитах имеют следующее содержание: Аллах бессмертен, все другие живые существа смертны, однако смерть — это всего лишь переход из этого мира в другой. Приводятся слова, возвеличивающие Аллаха, потом приводятся слова из Корана, соответствующие обряду погребения. Затем перечисляются хорошие качества покойного, его почетные имена и титулы, приводится его родословная. У Аллаха просят быть милосердным к душе покойного. Затем сообщаются сведения о дате его смерти, год, месяц, число, день недели. Мы уже рассмотрели самые характерные эпитеты, описывающие преуспевающего человека, взятые из археологических находок. С этой точки зрения «каменные знаки» (ташбилге) более своеобразны. Хотя все «ташбилге» ставились в основном на могилах болгаро-татарской знати, все же между ними существует разница.

Вот качества, которые характеризуют эмиров и других представителей высших слоев населения: очень великий, очень знаменитый, очень прославленный, из благородного рода, очень уважаемый, непобедимый, гордость своей религии и своего рода, опора для слабых. У людей из более низких слоев населения качества следующие: верность

религии, воспитатель ученых, сирота, вдовец, помогающий бедным, возводящий мечети, совершающий богоугодные дела. Качества женщин: скромность, целомудренность, терпимость, благочестивость, доброта, безгрешность, заботливость, беспокойность, совершающая хорошие, добрые дела.

Таким образом, болгаро-татарские надписи на могильных плитах имеют глубокие корни, берущие начало в глубокой древности.

Исламские священные писания — арабские буквы сами по себе использовались как охраняющие от злых духов амулеты. Мы уже говорили о надписях на посуде, которые использовались для защиты еды и питья от воздействия шайтана. Люди того времени верили, что арабские надписи не только предохраняют от болезней, но и исцеляют от них. Обычай использовать молитвы, записанные на бумаге, берет начало именно с этих пор. Татары испокон веков верили, что бумага с записью на ней могла защитить от различных болезней, бед, катастроф.

Были и другого вида амулеты с арабскими надписями⁴⁰. Среди золотоордынских археологических материалов, особенно на посуде, контуры магических квадратов⁴¹. Все это говорит о проникновении письменности во все сферы духовной жизни золотоордынского общества.

Подытоживая сведения о распространенных в свое время в городах Джучиева Улуса письменных памятниках, можно сказать следующее.

В городах Джучиева Улуса для письма наряду с арабским алфавитом использовалась, особенно в первоначальное время, привезенная монголами уйгурская графика. Но в связи с тем, что официальной религией государства был ислам, внутри страны имелись исламские центры с древнейшей высокой культурой, государство находилось в тесных контактах с другими исламскими центрами, арабская графика постепенно вытеснила уйгурскую и, распространившись в Джучиевом Улу-

се до невиданных масштабов, проникла в повседневную практическую жизнь населения. То, что надписи арабскими буквами встречаются даже на изделиях простых ремесленников, говорит о распространенности арабского алфавита в самых широких слоях населения. Арабское письмо, не ограничиваясь областью науки, литературы, просвещения и делопроизводства, проникает и в духовную жизнь народа. Арабские буквы становятся самыми красивыми узорами, символами красоты и изящества, даже используются как магические целебные знаки языческих амулетах. Арабский алфавит используется как признак среди соревнующихся в учености и находчивости. Таким образом, он проник во все сферы деятельности жителей Джучиева Улуса.

6. Период татарских ханств

В Казанском ханстве довольно высокого уровня развития достигло делопроизводство. В ханском управлении работали секретари, счетоводы, переписчики, печатники (кто ставил печать на документы). Руководили ими бахшии. Они пользовались большим авторитетом. Как секретари они стояли на высшей ступени золотоордынского общества. Наряду с людьми благородного происхождения: беками, сеидами, они входили в состав посольства (например, Габдулла, Ибрагим и др.).

Ханы, наделив землей того или иного чиновника, выдавали ему ярлык, освобождающий от уплаты ясака. До наших дней дошли ярлыки ханов Ибрагима и Сахиб-Гирея. Они написаны красивым почерком на длинном листе бумаги, в конце документа поставлена печать⁴².

Вот так начинается ярлык хана Сахиб-Гирея (перевод адаптирован к современному языковому стилю): «Мое, ас-султана ал-газья Сахиб-Гирея, слово к эмирам, правителям, старшим сеитам, исламским казиям, к почтенным хозяевам, к людам, обладающим полномочиями, к местным руководителям, к главам областей, к служителям стражи, к

тамгачиам, ко всему народу, к жителям всех областей и хозяйств, находящийся под охраной от разных бед и катастроф, после получения этого документа мое слово состоит в следующем...». Этот ярлык составлен 3 января 1523 г. В нем немало сведений о Казанском ханстве. Некоторые использованные в нем выражения напоминают стиль болгарского периода. Например, выражение «Это мое, Сахиб-Гирея, слово», «мое слово состоит в следующем...». Секретарь посольства Багдада, побывавшего в Болгаре, в своих путевых записках неустанно повторяет, когда речь идет об Алмыш хане, «он сказал». Видимо, это выражение следует понимать, как специально ханское выражение, принятое еще в древнетюркский период. Раз «он сказал», значит это несомненно должно быть исполнено, потому что это слово хана, царя. Это выражение в то же время служит знаком, придающим документу официальность, законность⁴³.

В период Казанского ханства и в более поздний период продолжает существовать обычай украшать изысканную посуду арабским письмом приятного содержания. Среди таких находок представляет интерес латунный кувшин для напитков, относящийся к концу XVI в., изготовленный на уровне мировых произведений искусства. Очень интересны надписи на этом кувшине. Об исследовании этой археологической находки ученый Анвар Хайри опубликовал в печати подробную статью⁴⁴. Медник хана Мухаммад-Амина мастер Насыри на симпатичном изящном кувшине сделал множество надписей, восхваляющих богатыря — предводителя ханского войска. Он написал даже стихотворные строки арабскими буквами на тюркском, а добрые пожелания в его адрес написаны на персидском языке. На этом примере видно, что даже ремесленники высокого уровня свободно владели арабским и персидским языками.

Культура надписей на могильных плитах из времен Джучиева Улуса перекочевала и в Казанское ханство. В этот

период их содержание и украшение были еще более изысканными. На некоторых надписях приводятся стихотворные строки арабского поэта Абу-ль-Аттахи: «Смерть — дверь, и все люди войдут в нее»⁴⁵. И действительно, каменные памятники по своей форме напоминают двери величественных восточных зданий, заостренные сверху. Татары частенько древние кладбища называют «иске йорт» («старый дом») «төп йорт» («основной дом»), «йорт өсте» («верх дома»). «Верх дома» — это крыша дома, находящегося под землей, в ином мире. «Основной дом» — это дом в ином мире, т.к. дом на земле — это лишь временное пристанище. Судя по надписям на надгробных памятниках, человек после смерти переходит из временного дома в вечный, основной. Интересно то, что на некоторых памятниках или плитах имеется даже схематическое изображение этого «вечного дома». Например, на надгробном памятнике XVI в., найденном возле деревни Средние Аты Арского района, на обратной стороне нарисован домик крышей со скатом. На других надгробных плитах квадратной формы стенка дома и скат крыши украшены изображением цветка. Шесть венчиков соединены уходящими вглубь хордами. Этот рисунок, видимо, символизирует вечную жизнь. Некоторые надписи изображают вечность как цветущий сад. Этот образ отражен на многих узорах надгробных памятников. Их верхняя часть и края украшены цветочным орнаментом. Эти узоры очень созвучны с тем, что сказано в Коране: люди, совершавшие при жизни богоугодные дела, после смерти будут жить в райском саду среди цветов.

Эти надписи прославляют Аллаха и человека. Призывают спешить делать хорошие добрые дела на этом свете. Они проникнуты глубоким уважением, почтением к своим предкам и истории. На некоторых плитах горечь утраты близкого человека выражена стихотворными строками. Эти каменные плиты и памятники с надписями бережно охранялись, как святыни. Традиция ставить

на могилах памятники с надписями дошла до наших дней.

Подводим некоторые итоги. Тюрко-татары с древнейших времен обладали высокоразвитой письменностью, обслуживающая не только элитную часть общества, но и широкие круги населения. Они были знакомы и с алфавитами других высокоразвитых цивилизации, как китайский, византийский и др. Рунический алфавит, оформленный в Древнетюркском каганате, просуществовал долго. Реликты его еще встречаются в материалах Волжской Болгарии XII в. Разумеется, этот алфавит в историческом развитии претерпевает изменения. Болгаро-хазары создают его северокавказский вариант, распространенный и в Среднем Поволжье. Естественный ход истории письменности несколько осложняется с татаро-мон-

гольским нашествием и образованием Улуса Джучи. Однако включением в состав этого государства таких исламских центров, как Хорезм, Северный Кавказ, Волжская Булгария, вынуждает уйгурскую письменность, которая применялась лишь в высших слоях общества, уступить арабской письменности, атрибуту мусульманской религии. Проследивание этапов письменности у тюрко-татар на основе археологических материалов позволяет несколько иначе выделить их развитие на определенные периоды. Они не совсем совпадают с хронологическими рамками отдельных государственных образований. Например, и в Волжской Булгарии и в Золотой Орде мы наблюдаем переходные этапы: от северо-кавказской рунической письменности и от уйгурской письменности к арабской.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сулейманов О.О. Тюрки в доистории: О происхождении древнетюркских языков и письменностей / Олжас Сулейманов. — Алматы: Атамұра, 2002.

² Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. — М: «Инсан», 2003.

³ Мохаммади Эшхэр. Хуннар һәм Туран язмалары. — Казан: Тат. кит. нәшр., 2000. — 122 б.

⁴ Фәттах Н. Шәжәрә (тарихи-лингвистик эзләнүләр). — Казан, 1990.

⁵ Kazim Miršan. Alfabetik Yazı Başlangıcı. — Bodrum. 1994.

⁶ Tariyel Azerturk. Mixi Yazıların Menshe, Kimindir Onlar?, Gnesis of the Cuneiform Signs, Whose Are They?. Происхождение Клинописных Знаков: Чьи Они? «Tariyel Veli Ali» Incorporated, Seattle, USA, 2002.

⁷ Гумилев Л.Н. Хунну. Степная трилогия. — СПб., 1993. — С.79-80.

⁸ Бичурин Н.Я.(Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Т.2. — С.190.

⁹ Клосон Дж. Происхождение тюркского рунического алфавита // Зарубежная тюркология. — М.: Наука, 1986. — Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. — С. 136.

¹⁰ Там же. — С.143.

¹¹ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994. — С.139.

¹² Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации). — М.: Наука, 1983. — С.45.

¹³ Кызласов И.Л. Указ. соч. — С.146.

¹⁴ Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. — Л.: Наука, 1983. — С.83-84.

¹⁵ Васильев Д.Д. Графический фонд... С.11.

¹⁶ Кызласов И.Л. Указ. соч. — С.79.

¹⁷ Кошгари Махмуд. Девону лугатит турк: В 3-х т.— Ташкент, 1960. Т.1. — С.403.

¹⁸ Клосон Дж. Указ. соч. — С.162-168.

¹⁹ Кызласов И.Л. Указ. соч. — С.23.

²⁰ Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. — М., 1983; Дәүләтшин Г.М. Төркітатар руһи мәдәнияте тарихы. — Казан: Тат. Кит. нәшр., 1999. — С.70-75.

²¹ Флерова В.Е. Граффити Хазарии. — М., 1997. — С.72-73.

²² Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. — М.: Наука, 1978. — С.28.

²³ Малов С. Замок из Билярска с арабской надписью // Записки Коллегии Востоковедов. — Казань, 1922.

²⁴ Казаков Е.П. Болгарское село X-XIII веков низовий Камы. — Казань: Таткнигоиздат, 1991. — С.155.

²⁵ Самойлович А.Н. Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика // Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества 1911-1912. — СПб., 1913.—Т. 21.— С. 38—47.

²⁶ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. — Л., 1941. — С.63.

²⁷ Григорьев В.В. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая // Журн. Мин. Внутр. Дел, сентябрь.— СПб., 1847. — С.570.

²⁸ Татар халык мәкальләре / Кереш сүз һәм аңлатмалар белән жыночысы һәм төзүчесе Н.Исәнбәт: 3 томда.—Казан: Тат. кит. нәшр, 1959 — 1967. Т. 3. — С.539.

²⁹ Григорьев В.В. Указ. соч. С.569; Терещенко А. Окончательное исследование местности Сарая, с очерком следов Дешт-Кипчакского царства. — ТА. — 2001.— № 1- 2. — С. 14—17.

³⁰ Например, одна из таких чернильниц описана в известной книге В.П.Даркевича (см. Даркевич В.П. Художественный металл Востока. — М., 1978. — С.49.) Украшена чернильница тремя полосками по окружности. Вдоль всей средней полоски нарисованы круги с семью кружочками внутри. Так выглядела в то время и «марка» мастеров города Хорасана. На нижней и верхней полосе сделана надпись: «Слава, успех, власть и долгих лет жизни владельцу сего». На буквы и рисунки нанесены серебряные штрихи.

³¹ Романчук А.И. Херсонес XII-XIV вв.: историческая топография. — Красноярск, 1986. — С.153.

³² Понне Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте. — Советское востоковедение.— 1941. —Т.2.— С. 81-134.

³³ Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв.— Казань, 1979. — С.140.

³⁴ Котби. Хәсрәү-Ширин хикәяте. Р.Әхмәтжанов тәржемәсендә // Мирас.—1992. — № 5. — С.40.

³⁵ Федоров-Давыдов Г.А., Мухамадиев А.Г. Отчет о раскопках золотоордынского городища у с. Селетринного Астраханской области Хараболинского района в 1969 г. // Архив Института археологии, Р-1, 3909. — С.163.

³⁶ Gyodorov—Davydov G.A. The culture of the Golden Horde cities // BAR International Series 198, 1984. — С.230.

³⁷ Там же. — С.232.

³⁸ Катанов Н.Ф. Несколько слов по поводу русских и татарских перстней, принадлежащих А.А. Сухареву и А.Т. Соловьеву // ИОАИЭКУ.— Казань, 1904.— Т. XX.— С. 29-46.

³⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов.—М., 1976. — С.118.

⁴⁰ Вот, например, найденная в 1895 г. в Болгарском городище небольшая плитка. На ней надпись из четырех строк, первые три состоят из не связанных между собой цифр и арабских букв. На четвертой строке только два слова: «Слава—миг» (Архив института материальной культуры Академии наук России (Санкт-Петербург): отчет *Тизенгаузена В.Г.* (фонд 1, опись 1, д. 15 19, 63); отчет *Спицына А.А.* Д.241.)

Этот амулет напоминает другой астрального характера оберег, найденный в городе Сарай ал-Джадид. Об этом амулете подробно написал в своей статье Г.А.Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов Г.А. Астральный амулет из Царевского городища // Города Поволжья в средние века.—М., 1974. С.131). Оба амулета представляют собой несколько удлиненный прямоугольник. Амулет, найденный в Сарай ал-Джадиде, значительно больше. По форме они похожи на костяные амулеты, широко распространенные среди болгар в домонгольский период. Амулеты подвешивались на шею поверх железных цепочек и представляли собой символ Тенгре. Другой подвеска-амулет точно такого же характера. В центре ее лицевой стороны выгравирован рисунок животного, а по периметру нанесены отдельные арабские буквы. Возможно, художник хотел нарисовать коранического верхового животного ал-Бурака. Таким образом, при распространении ислама языческие атрибуты не исчезли бесследно. Они просто приспособляются к исламской идеологии. Ислам, обогащенный многовековыми языческими качествами, был ближе и понятнее и способствовал его распространению в Болгарии в короткие сроки.

На этих языческих амулетах, как мы уже писали, имеются буквы и цифры. Амулет, найденный в Сарае, так же, как амулет из Болгара, содержит четыре строки письма. На первой строке буквы арабского алфавита: каф, һә, гаен, сад, обозначающие сокращенную мистическую формулу, приведенную в начале 19 суры Корана (сура Мариам), смысл которого известен лишь самому Аллаху. На второй строке также есть неизвестного для нас смысла буква, обозначающая погружение в мистику, характерную для мусульман. На третьей и четвертой строках — буквы, обозначающие 7 небесных тел, 7 из 99-ти имен Всевышнего, 7 ангелов, 7 букв суры «Фатха», 7 дней недели. Среди них есть и шестиконечная звезда, как на перстне царя Соломона. Этот знак встречается и на болгарских надгробных памятниках, на деньгах Джучиева Улуса, на посуде. Образ царя Соломона из Корана-Талмуда описан много раз. Сила и мудрость Сулеймана (Соломона) даны ему Аллахом, сосредоточены на печати с именем Аллаха. Свои мистические знания пророк Сулейман (Соломон) получил от Аллаха. Для мусульман Соломон прежде всего великий маг, волшебник, поэтому неудивительно видеть на астральном амулете, найденном в Сарае, среди таинственных знаков и букв символ печати царя Соломона — шестиконечную звезду. Он и сам — символ магического мира.

⁴¹ Федоров-Давыдов Г.А. Астральный амулет из Царевского городища // Города Поволжья в средние века.—М., 1974. — С.131; Калинин Н.Ф. — Личный фонд №8 // Научный архив ИЯЛИ. Дело №49. — С.8.

⁴² Усманов М.А. Указ. соч.

⁴³ Усманов М.А. Указ. соч. — С.199.

⁴⁴ Хәйри Ә. Жиз савытка язылган борынгы язү // Мирас.—1994. — № 11-12. — Б.130-137.

⁴⁵ Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Болгара.—Казань: Таткнигоиздат, 1987. — С.47-49.

Аннотация

В статье на основе археологических материалов выделяются следующие этапы развития письменности у тюрко-татар: догуннский, древнетюркский, хазаро-болгарский, мусульманский волжско-булгарский, золотоордынский и период татарских ханств. Тюрко-татары с древнейших времен обладали высокоразвитой письменностью, обслуживающая не только элитную часть общества, но и широкие круги населения. Прослеживание этапов письменности у тюрко-татар на основе археологических материалов позволяет несколько иначе выделить их развитие на определенные периоды. Они не совсем совпадают с хронологическими рамками отдельных государственных образований. Можно проследить переходные этапы от одного алфавита к другому.

Ключевые слова: письмо, алфавит, надписи, печать, графика, перстни, зеркала.

Summary

Basing on archeological remains the article underlines the following stages of development of Turk-Tatar written language: Pre-Hunnish, Ancient Turk, Khazar-Bolgarian, Islamic Volga-Bolgarian, Golden Horde and the period of Tatar Khanates. From the earliest times Turk-Tatars had high-developed written language, which was used by the elite of the society as well as by the population community. Monitoring the stages of the written language of Turk-Tatars basing on the archeological remains allows marking out the development stages in somewhat different way. They do not agree with the chronological frames of definite state formations. One can observe the transfer stages from one alphabet to another.

УДК 211.5 (091); 27

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Р.ФАХРЕДИНА В ОРЕНБУРГСКОМ МАГОМЕТАНСКОМ ДУХОВНОМ СОБРАНИИ (1891–1906 гг.)

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

В биографии Р.Фахредина выделяются несколько жизненных этапов, которые определяются местом работы и жительства известного татарского мыслителя, общественного и религиозного деятеля.

Первый этап – это сельский период жизни Р.Фахредина: детские, юношеские годы, время обучения в мектебе и медресе, преподавания в медресе и исполнения 1,5 года обязанностей имама в д.Ильбяк Бугульминского уезда Самарской губернии.

Второй этап – 1891-1906 гг. – первый уфимский период жизни, когда Р.Фахредин работал в Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС) в качестве заседателя, казья. Именно в г.Уфе он состоялся как видный религиозный деятель, просветитель, писатель и публицист. Этот период стал важным этапом в его становлении как ученого-историка.

Появление 32-летнего Р.Фахредина в г.Уфе в качестве заседателя ОМДС имеет свою предысторию. Оренбургский муфтий М.Султанов (1886–1915) добился издания закона от 9 января 1890 г., согласно которому все три заседателя ОМДС, ранее избиравшиеся из числа духовных лиц Казанской губернии, стали по очереди утверждаться по рекомендации оренбургского муфтия министром внутренних дел. Им же была определена очередность выбытия членов религиозного управления: в 1890 г. – Хисмутдинов, в 1891 г. – З.Максютов, в 1892 г. – М.Сулейманов. М.Султанов стремился подобрать вер-

ных себе и надежных заседателей и переломить ситуацию в ОМДС в свою пользу. На место Хисмутдинова был рекомендован имам д.Тимошкино Симбирской губернии Бурганетдин Насретдинов, его родственник (супруга новоизбранного члена Духовного собрания и невеста сына муфтия были связаны узами кровного родства)¹.

При назначении второго заседателя М.Султанов проявил завидную предусмотрительность. В 1890 г. он получил от Р.Фахредина посылку с его книгами «Китабет-тасрыйф» (Казань, 1887) и «Китабель-игътибар» (Казань, 1888). Муфтий по этим изданиям составил первое представление об авторе. У М.Султанова возникло желание встретиться с подающим большие надежды молодым человеком и лично поговорить с ним. Осенью 1890 г. через казья Мухаметхалима Сулейманова Р.Фахредин был приглашен на собеседование. Эту судьбоносную встречу Асьма Шараф в воспоминаниях об отце со слов своего родителя передает во всех подробностях. Во время встречи муфтий предложил Р.Фахредину должность заседателя ОМДС. Р.Фахредин ответил, что он еще молод и не готов к такой должности, ведь все кадии – пожилые люди с большим жизненным опытом, на что муфтий ответил: «Твои знания, молодость подходят для этой должности. Прошу тебя согласиться». Его поддержал и казый М.Сулейманов: «Если не согласишься, совершишь большую ошибку, с твоим образованием надо действовать, согласишься». В д.Ильбяково

Р.Фахреддин возвратился, дав согласие стать заседателем ОМДС².

Эта встреча оказалась весьма кстати: утверждение Р.Фахреддина на этой должности состоялось на год раньше запланированного — не в 1892 г., а в том же 1891 г. вследствие потери З.Максютовым, уже четверть века исполнявшего обязанности заседателя, зрения.

Согласно установленному порядку Министерство внутренних дел запросило у начальника Самарской губернии информацию о политической благонадежности и нравственных качествах кандидате на должность заседателя ОМДС. Вскоре были получены сведения, свидетельствующие о политической благонадежности имама д.Ильбяково, об умении его читать и писать по-русски³.

На место новой службы Р.Фахреддин выехал 7 февраля 1891 г., на дальний путь, как оказалась, определившей всю его дальнейшую жизнь, провожали его все селяне⁴.

Между тем, отец Р.Фахреддина — имам д.Кичучат — надеялся, что сын станет его преемником. Об этом, в частности, опосредственно свидетельствует ходатайство прихожан махалли д.Кичучат, поданное в Самарское губернское правление не позднее октября 1891 г. В своем коллективном прошении они уточняли срок службы члена ОМДС и убедительно просили: после 12 января 1894 г., по истечении срока службы Р.Фахреддина в г.Уфе, направить его муллою в кичучатскую мечеть, согласно желанию прихожан⁵. Эта история имела свое продолжение. 8 января 1892 г. по решению жителей д.Кичучат с разрешения Министерства внутренних дел Самарским губернским правлением Р.Фахреддин был утвержден имамом-хатибом соборной мечети⁶, хотя и ни дня не служил здесь.

...Прибыв в г.Уфу, Р.Фахреддин первоначально заселился в доме Тазетдина Максудова. Из временного жилища он с молодой женой и двумя малолетними детьми переехал 13 марта на квар-

тиру некоего Козлова на улице Воскресенской. Хотя было очевидно, что Р.Фахреддин в Духовном собрании не случайный человек и пребывание здесь надолго, первые 6 лет он часто менял место жительства⁷. Наконец, с 1 апреля 1897 г. по 1906 г., до отъезда в Оренбург жил по адресу: ул. Телеграфная, № 6, в доме Бережевского⁸. Как видно, скудное жалованье заседателя ОМДС не позволило ему обзавестись собственной жилой площадью.

Содержание члены ОМДС получали в размере 800 руб. в год, из которых 214 руб. отпускались из казенных средств, согласно штатному расписанию религиозного учреждения, а остальные 586 руб. — из сумм брачного сбора в виде дополнительного содержания к окладу жалования.

В начале 1894 г. завершался срок службы Р.Фахреддина в ОМДС. С целью обоснования возможности продления его службы на следующее трехлетие, муфтий представил директору Департамента иностранных исповеданий князю М.Р.Кантакузину графу Сперанскому записку. Такой поступок был вызван, во-первых, тем, что в законе от 9 января 1890 г. специально не оговаривалась возможность службы заседателей несколько сроков подряд. Во-вторых, Р.Фахреддин не имел свидетельства, подтверждающего знания им русского языка и грамоты. Муфтий М.Султанов писал: «из числа известных мне духовных лиц, достойных занять должность члена Духовного собрания, нет ни одного, который мог бы предоставить свидетельство об окончании курса в учебных заведениях и, следовательно, для удовлетворения своих познаний в русском языке, требуемых правилами об образовательном цензе, должны подвергнуться установленному экзамену. Между тем опыт показал, что от возбуждения лицом ходатайства о допущении его к экзамену и до выдачи свидетельства о выдержании его проходит немало времени — больше чем осталось до конца года. С другой стороны, я полагаю, что польза службы не толь-

ко ничего не потеряет от оставления в должности прежнего члена, а, напротив, выигрывает, так как он уже знаком и с обязанностями своими, и с порядком производства дел в Собрании, между тем, как вновь приступавший член некоторое время только присматривается, учится своим обязанностям, оставаясь совершенно бесполезным для дела». Отметив, что Р.Фахреддин также не имеет свидетельства о знании русского языка и грамоты, но за истекший период на деле доказал свое обладание «познаниями в русском языке не ниже тех, какие требуются правилами об образовательном цензе», М.Султанов заявил, что данное обстоятельство не может явиться препятствием к продлению его срока службы⁹. В результате 19 ноября 1893 г. Р.Фахреддин был утвержден на второе трехлетие заседателем¹⁰. В дальнейшем при продлении сроков службы Р.Фахреддина в 1897, 1903 и 1906 гг. никаких проблем не возникало.

В Духовном собрании коллегами Р.Фахреддина являлись известные религиозные деятели. Вслед за ним бесшестилетним членом ОМДС стал ахун д.Большие Поляны Инсарской волости Пензенского уезда мирза Гатаулла Мусич Капкаев, сменивший в 1893 г. ахуна Б.Насретдинова.

Выбывшего в 1892 г. Мухаметхалима Сулейманова из Казанской губернии сменил ахун г.Тары Габдрашит Гумерович Ибрагимов (22 апреля), который по собственному желанию в 1895 г., до истечения трехлетнего срока службы, оставил эту должность. Вскоре татарский мир заговорил о Г.Ибрагимове как о видном просветителе и общественном деятеле¹¹. 15 февраля 1895 г. на его место заступил будущий известный ученый Хасангата Мухаметов (Габаша), имам д.Тениврат-Сулабаш Казанского уезда и губернии, прослуживший на этой должности до 13 февраля 1899 г.¹² Его сменил Джигангир Абдулгалымович Тангатаров (1899–1904), имам д. Тлякай Кубовой Белеевского уезда Уфимской губернии, один из первых выпускников Уфимской татарской учительской

школы (1876). Его преемником в 1904 г. стал потомственный дворянин, хатип 2-й Абзяновской мечети Белеевского уезда, выпускник Уфимской татарской учительской школы (1877) Нурмухамет Бикбулатович Мамлеев¹³.

В период работы в Уфе Р.Фахреддин два раза съездил в Оренбург (1898, 1902), три раза — на малую родину: в деревни Кичучат и Чубытлы (родное селение жены), а также совершил специальную поездку в Булгарское городище в Казанской губернии (1900)¹⁴.

В лице имама Р.Фахреддина муфтий М.Султанов обзавелся аккуратным и трудолюбивым сотрудником, быстро завоевавшим уважение в Духовном собрании. Р.Фахреддин сразу стал ведущим и самым активным заседателем ОМДС, занимался составлением предписаний и циркуляров, адресованных духовным лицам. Если ранее практически все исходящие постановления и указы Духовного собрания составлял и подписывал З.Максютов, проработавший здесь несколько сроков, то теперь эта обязанность перешла Р.Фахреддину. Именно он, как последняя инстанция, проверял исходящие письма религиозного управления и первым их подписывал.

Этот момент, в частности, был вскорее подмечен внимательными чиновниками Департамента духовных дел иностранных исповеданий. В адрес муфтия М.Султанова от Министерства внутренних дел поступило предупреждение. Р.Фахреддин, видимо, по незнанию специфики деятельности Духовного собрания — коллегиального учреждения — стал подписывать исходящие письма один. На это нарушение, противоречащее принципу коллегиальности работы религиозного управления, было обращено внимание муфтия М.Султанова. Оказалось, что представление ОМДС от 3 декабря 1891 г. о порядке метрификации лиц, своевременно не записанных в метрические книги, было подписано лишь Р.Фахреддином. Вопрос Министерством был поставлен «ребром»: «По какой причине означенное представление не подписано пред-

седателем — муфтием и другими членами?»¹⁵.

Усердная деятельность заседателя Р.Фахредина неоднократно поощрялась муфтием М.Султановым. Спустя семь месяцев со времени вступления на новую должность, 24 августа 1891 г. он был удостоен духовного звания ахун, в 1894 г. награжден серебряной медалью на Станиславской ленте для ношения на шею «За усердие», в 1897 г. — золотой медалью¹⁶.

Одна из издержек в деятельности ОМДС заключалась в несвоевременном исполнении запросов должностных лиц и различных организаций. Оно было обусловлено, главным образом, запущенностью ведения делопроизводства и малочисленностью штатов. Узнав о факте не рассмотрения ОМДС в течение трех лет запроса судебного следователя, директор Департамента иностранных исповеданий решил привлечь виновных лиц к уголовной ответственности. Прежде чем возбудить уголовное дело, ввиду его новизны, князь М.Р.Кантакузин граф Сперанский проконсультировался с сотрудниками Министерства юстиции. Оказалось, что членов ОМДС можно привлечь лишь к дисциплинарной ответственности. В результате 30 июня 1892 г. Министерство внутренних дел объявило взыскания муфтию М.Султанову, прежнему и новому составу заседателей, среди которых значился и Р.Фахредин (за исключением ахуна Г.Ибрагимова, служившего лишь с апреля 1892 г.), а также секретарю Собрания¹⁷.

Рабочий день Р.Фахредина начинался в 9 часов и завершался в 11-12¹⁸. Видимо, таким был традиционный график работы членов ОМДС. Духовное собрание отдыхало по пятницам, в воскресенье и другие «табельные» праздники. Поэтому у Р.Фахредина оставалось значительное свободное время для творчества и научных изысканий.

На заседаниях Духовного Собрания рассматривались следующие вопросы: 1) о богослужении и исполнении духовных «треб» муллами; 2) о совершении и

расторжении ими браков; 3) о разборе споров по завещаниям и разделам имущества; 4) о неповиновении детей родителям и 5) о нарушении супружеской верности.

Р.Фахредин присутствовал практически во всех заседаниях, в которых принимались решения по поступившим делам, был постоянным членом комиссии, принимавшей экзамены у кандидатов, желающих занять духовные должности.

Существенный вклад Р.Фахредин внес в установление контроля Духовного собрания над вакфами исламских институтов в европейской части России и Сибири. В 1891—1893 гг. Духовное Собрание собирало сведения о вакфах. В 1894 г. был разработан проект управления вакфами и правила по управлению вакфными имуществами. Хотя данный проект и не нашел поддержки в Министерстве внутренних дел, ОМДС в своих действиях стремилось соблюдать эти правила. 15 июля 1901 г. оренбургский муфтий предписал казиям Р.Фахредину и Дж.Тангатарову навести порядок в делопроизводстве об имениях, пожертвованных или завещанных Духовному собранию. Речь шла о следующем объеме работ: 1) проведение ревизии с целью выяснения наличия и хранения в «денежном ящике» религиозного учреждения всех материалов с оставлением копий от дел; 2) проверка делопроизводственной документации на предмет наличия соответствующих распоряжений религиозного учреждения по принятию недвижимого имущества и передачи их в заведование мутавалиев; 3) составление списка мутавалиев; 4) выявление по представленным им ежегодным отчетам их усердия в исполнении возложенных обязанностей.

Эти материалы призваны были облегчить контроль за доставлением мутавалиями ежегодных отчетов. Одно из заседаний Духовного Собрания в конце года предполагалось посвятить проблеме контроля за вакфами. Произошло также разделение регионов:

Р.Фахреддин курировал вакфы в Оренбургской и Уфимской губерниях, а Дж.Тангатаров — остальных местностях Европейской части России и Сибири¹⁸.

По инициативе Р.Фахреддина религиозным органом (23 ноября 1902 г.) было принято постановление о предоставлении через каждые полгода в Уфу вакфных приходо-расходных книг. Благодаря неустанной деятельности казыев в 1901–1905 гг. была составлена сводная таблица вакфов. Р.Фахреддин подготавливал все решения Духовного собрания по оформлению пожертвованных имуществ²⁰.

Помимо выполнения своих прямых должностных обязанностей, в своих воспоминаниях Р.Фахреддин выделяет три важных направления своей деятельности в ОМДС. Он пишет о своих по совершенствованию дизайна метрических книг, отсылаемых муллам для регистрации актов гражданского состояния прихожан: «...моими стараниями были изготовлены красивые бланки метрических книг»²¹.

Мотивацию своей деятельности по второму направлению Р.Фахреддин также изложил кратко: «Спустя некоторое время после вступления в должность я обнаружил, что муллы в силу своей неосведомленности очень часто попадают под следствие. Да и дела Управления были довольно запутанны. Я решил написать циркуляр и раздать всем муллам. Они выгоды для себя в этом не узрели, поэтому очень прохладно отнеслись к моему почину»²².

Поисковая работа была завершена в самом начале 1900 г. 1 февраля муфтий М.Султанов возбудил ходатайство о разрешении опубликовать в виде отдельного сборника изданные в разные годы циркуляры, правила и разъяснения религиозного учреждения на русском языке с переводом на татарский. Для издательских расходов он просил разрешения взять из средств брачного сбора мусульман 500 руб. с обязательством возврата денег после распродажи тиража книги. Анализ рукописи был сделан коллежским секретарем

Департамента А.Зиновьевым, который отметил ряд упущений. В частности, было указано из наставления муфтия М.Султанова, адресованного мусульманам и составленного лишь на татарском языке, рекомендовалось вычеркнуть предложение «Духовенство не должно прибегать в своих проповедях, подобно светской власти, к угрозам»²³.

В ответе министра внутренних дел И.Н.Дурново от 10 января 1901 г. были высказаны следующие рекомендации по исправлению недостатков представленной на экспертизу рукописи Р.Фахреддина: 1) заменить текст указа от 13 июля 1888 г. о введении для кандидатов, желающим занять мусульманские духовные должности, русского образовательного ценза, на статьи закона от 11 октября 1890 г., во многом по-новому регламентирующими требования в этой сфере; 2) наставление муфтия М.Султанова (№ 52) снабдить русским переводом; 3) в «высочайше» утвержденный текст возношения при богослужениях представителей царской семьи, в титуле наследника и Великого князя Михаила Александровича убрать лишнее слово «цесаревич»; 4) в перечень текстов на русском и татарском языках включить 25 мая — день рождения государыни императрицы Александры Федоровны²⁴.

«Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг.», был утвержден к печати цензурой 14 августа 1901 г. и издан в 1902 г. в Уфе. Благодаря пометке о том, что сборник издан с разрешения Министерства внутренних дел, он сыграл важную роль в отстаивании интересов мусульман вследствие отсутствия в действующем законодательстве точных регламентаций жизнедеятельности исламских институтов.

В сборнике опубликовано 69 документов. Первой группой документов следует назвать выписки из нескольких сенатских указов, принятых по жалобам мусульман. Прежде всего, это указ Сената Министерству внутренних дел от

7 сентября 1856 г. о порядке разрешения ремонта и постройки новых мечетей вместо ветхих (№ 2). Второй документ, защищающий религиозные права мусульман, — сенатский указ от 2 января 1887 г. об отмене постановления Уфимского губернского правления об отказе в разрешении жителям д.Асяновой постройки второй мечети (№ 6). Третий сенатский указ (16 июня 1887 г. за № 7427) изложен в представлении Уфимского губернского правления Духовному собранию по случаю отмены его распоряжения по делу переименования мечетей, по сути, изъявший этот вопрос из ведения губернских правлений и передавший его в компетенцию ОМДС.

Вторая группа документов состоит из циркулярных указаний Министерства внутренних дел губернаторам: кого из духовных лиц следует именовать «муллами» (от 19 января 1891 г.) (№ 14), о точном соблюдении статьи 260 «Устава строительного» о численности махалли в 200 душ м.п. при постройке мечети (от 5 апреля 1891 г.) (№ 17).

Третья группа документов представлена предложениями и разъяснениями Министерства внутренних дел Духовному Собранию, которые имели для религиозного учреждения обязательный характер²⁵.

Из представлений различных органов региональной власти, составляющих четвертую группу документов, следует назвать постановление Саратовской судебной палаты от 25 ноября 1895 г. об освобождении от оплаты крепостной пошлины и гербового сбора акта на дворовое место, перешедшее по дарственной записи от купца Акчурина мусульманской общине г.Самары (№ 45).

Самую большую группу документов составляют указы Духовного собрания или выписки из журналов ОМДС по различным аспектам религиозно-обрядовой жизни мусульман или по проступкам духовных лиц и др. Эта тема красной нитью проходит по многим постановлениям религиозного управле-

ния²⁶. Сборник открывается правилами совершения браков и разводов 1841 г., составленных муфтием Габдулвахитом Сулеймановым. В отдельную подгруппу следует выделить указы ОМДС о поведении духовных лиц в случаях угрозы эпидемиологических болезней для прихожан²⁷. Они наглядно свидетельствуют о возложении на мулл обязанностей местных социальных работников и представителей местной власти.

Предписания, регулирующие сферы и регионы деятельности ОМДС также опосредственно относятся к духовным лицам. Это, прежде всего, адресованные приходским духовным лицам предписания и циркуляры: уточнения вопросов религиозно-догматического плана²⁸, по вопросам совершения бракосочетания²⁹, выдачи различных документов о смерти³⁰, погребения³¹, раздела наследства³², разъяснение сути обрядов богослужения погребения умерших при эпидемических заболеваниях и др.

Ряд предписаний регламентировали правовое и социальное положение мусульманских духовных лиц³³.

Размещенные в сборнике формы выдачи метрических справок (№ 61), метрических выписок, доставляемых о лицах призывного возраста (№ 62), входящего (№ 62) и исходящего (№ 63) реестров документов, клятвенных обещаний о верноподданничестве и на верность службы (№ 65), для свидетелей по судебным делам (№ 66), для присяжных заседателей (№ 67), форма раздельного акта имущества (№ 56) также были адресованы духовным лицам.

В перечне документов несколько особняком стоят наставление оренбургского муфтия М.Султанова от 6 сентября 1897 г. о необходимости содержания мечетей в исправном виде (№ 50) и наставление «О приложении старания к прогрессированию мусульман» от 25 августа 1898 г. (№ 52).

Составление сборника содействовало формированию у Р.Фахредина системного взгляда на разработку в дальнейшем аналогичных изданий. Он стал целенаправленно собирать мате-

риалы для второго издания сборника, подготовка которого было завершено в начале 1904 г.

Муфтий М.Султанов 31 января 1904 г. обратился в Министерство о разрешении издать новый сборник циркуляров ОМДС с некоторыми дополнениями. На этот раз никаких замечаний по тексту рукописи Р.Фахредина у высокопоставленных чиновников не возникло. 11 сентября того же года министр дал «добро» на издание, предписав исключить из текста частные указы муфтия³⁴. «Вдогонку» к этому письму из столицы 25 сентября 1904 г. было отправлено новое предписание – изъять из сборника запись об издании книги с разрешения Министерства внутренних дел, как это было указано в сборнике 1901 г.: «Такое разрешение могло последовать лишь после всестороннего рассмотрения этой книги с целью одобрения ее к напечатанию. Между тем предложение Министерства о неимении препятствий к изданию сборника состоялось под условием представления книги на предварительное одобрение светской цензуры³⁵. Новое издание прошло цензурную проверку, о чем свидетельствует надпись в книге: «дозволено цензурой 24 ноября 1904 г.».

В «Сборнике циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг.» 120 предписаний и предложений, поступивших из Сената, Министерства внутренних дел, губернских правлений, постановления ОМДС и другие материалы. Половина документов (61) впервые вводилась в научный оборот.

В новый сборник Р.Фахредин включил одну из своих находок в архиве ОМДС – духовно-религиозное наставление муфтия Абдуссаляма Абдрахимова, относящееся ко времени правления оренбургского гражданского губернатора О.Л.Дебу (1827–1832). В наставлении духовным лицам предлагается принять меры по искоренению среди ясачного населения фактов уклонения от рекрутской повинности,

не совершать такого «противошариатного и противозаконного деяния» как членовредительство, увещеваниями стараться «внушить населению и утвердить мусульман в мысли, что долг каждого верноподданного служить своему истинному и природному государю императору верно и нелицемерно и всеми зависящими от них способами стараться к пользе службы его императорского величества, ревниво оберегая интересы государства от посягательства врагов»³⁶. Эта проблема оставалась актуальной и на рубеже XIX–XX вв.

Ко времени председательства в ОМДС муфтия Г.Сулейманова относятся два документа (помещены и в издании 1902 г.), С. Тевкелева – восемь, в том числе пять новых документов³⁷.

Этот сборник позволяет сделать некоторые наблюдения о проделанной ОМДС работе по регламентации жизнедеятельности исламских институтов. Основная часть материалов сборника относится ко времени председательства муфтия М.Султанова (109), из них лишь 12 документов были изданы в 1886–1890 гг., в том числе 4 новых³⁸. Остальные материалы относятся ко времени службы Р.Фахредина в ОМДС.

Именно в этот период проявилось стремление Соборная разработать нормативно-правовые акты, предусматривающие системное регламентирование жизнедеятельности исламских институтов, что выразилось в разработке текста разъяснения всем духовным лицам округа от 28 мая 1892 г. относительно ведения метрических книг и об обязанностях духовных лиц от 28 мая 1892 г. (№ 37), «Правил о ведении метрических книг» от 15 октября 1893 г. (№ 54), «Дополнительных правил для руководства приходским имамам по ведению метрических книг» от 31 марта 1894 г. (№ 60), «Правил для руководства приходским муллам при разделах наследственных имуществ умерших мусульман 21 июня 1893 г. (№ 52), «Временных правил о погребении умерших от холеры магометан» 2 сентября 1892 г. (№ 47). В деятельности религиозно-

го управления отчетливо наметилась тенденция по систематическому разъяснению отдельных догматических и вероисповедных вопросов в исламе, вызывающих затруднения у духовных лиц. В составление этих нормативных документов ОМДС существенный вклад внес Р.Фахреддин.

О третьем направлении своей деятельности, не имевшего непосредственного отношения к обязанностям члена ОМДС, Р.Фахреддин написал более подробно. При поиске документов по запросам имамов и правительственных учреждений о предоставлении сведений по делам предыдущих лет Духовное собрание испытывало большие затруднения. В ОМДС отсутствовало помещение архива, делопроизводственная документация и метрические книги в буквальном смысле были сложены в деревянном сарае во дворе Духовного собрания. В ближайшей перспективе из-за сырости они пришли бы в негодность и потеряны для будущих поколений. Такое плачевное состояние документов было обусловлено объективными и субъективными причинами. В качестве объективных причин следует назвать тяжелое финансовое положение религиозного учреждения, отсутствие средств на постройку здания архива, для привлечения квалифицированных канцелярских работников, умеющих в должной форме оформлять и передавать дела в архив учреждения. В условиях постоянного увеличения оборота делопроизводственной документации и при ограниченности штатов составление ответов в сроки, установленные законом, было делом нелегким. Возможно, поэтому проблема сохранности и систематизации отложившихся материалов казалась не столь актуальным.

Здесь нужно выделить две самостоятельные и в то же время взаимосвязанные проблемы. Первая — сохранение архивной документации. Эту задачу успешно решил муфтий М.Султанов, построив за счет брачных сумм мусульман на территории Духовного собрания каменное здание архива. Второй про-

блемой — систематизацией архивных материалов и составлением описей документов — занималась группа из 2-3 человек во главе с Р.Фахреддином. «Постарался привести в порядок архив. Сам лично участвовал в этом деле и помогал советами... Эти занятия, особенно дела, связанные с архивом, не вменялись мне в обязанность, находил силы заниматься этим по собственному желанию», — писал ученый³⁹. Он, безусловно, понимал необычность своих усилий: «Однако людей, поддерживающих меня в данных начинаниях в то время было мало, думаю, что и впредь их будет немного»⁴⁰.

В ходе наведения порядка архивных дел Р.Фахреддин делал выписки из различных предписаний правительственных органов, переписок муфтиев с правительственными, общественными учреждениями и духовными лицами. Некоторые из них, имеющих отношение к школьному вопросу, Р.Фахреддин изложил в 1-й части своей книги «Исламар хакында хөкүмәт тәдбирләре»⁴¹.

В предисловии этой книге о своей работе в архиве автор писал следующее: «Во время службы членом Оренбургского духовного собрания, приведение в порядок архива этого правительственного судебного учреждения оренбургским муфтием было поручено мне. Это приказание не имело юридической силы, потому что по уставу я не обязан был этого делать. Что такое привести в порядок архив, хорошо знают лица, бывшие на такой службе. Пусть сами сделают заключение, что такое с группой сотрудников привести в порядок двести—триста книг и сборников и дела, не разобранные целое столетие и пришедшие в запустение»⁴².

Автор также приводит свою мотивацию, побудившую его приступить к трудоемкой работе в архиве: «Желание увидеть старинные записи и любовь к записи бумаг, позволяющие реконструировать положение (жизнедеятельность) древних людей для будущих поколений заставили меня взяться за этот труд. Я без колебаний приступил к ра-

боте и, завершив основную часть своего труда, ушел из работы члена ОМДС, лишь осталось один-два намерения незавершенными, о чем я очень сожалею»⁴³.

Далее автор поясняет одну из своих недоработок: хотел составить отдельную опись наиболее важных архивных дел, а также собрать в отдельную папку предписания и предложения Департамента духовных дел иностранных исповеданий, поступившие в ОМДС различные годы⁴⁴. Иначе говоря, он хотел составить новое издание циркуляров и предписаний, главным образом, исходящие от правительственных органов. То, что не успел, он частично изложил в 1-й и 2-й частях своей брошюры «Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре», посвященной освещению школьной политике царизма в отношении мусульманских школ через анализ законодательных и подзаконных актов⁴⁵.

Под предлогом «домашних обстоятельств» Р.Фахредин в мае 1906 г. оставил должность. В действительности он принял предложение золотопромышленников братьев Рамеевых о переезде в Оренбург для реализации крупного национального культурно-просветительского проекта по изданию газеты «Вақыт».

С учетом его «отлично усердной службы» за истекший период муфтий попытался назначить ему единовременное пособие в размере годового оклада жалованья в сумме 214,89 руб. Однако ответ Департамента был непреклонным: «Фахрединов не пользовался уставами государственной службы и не имеет по закону права на получение из казны пособия в виде годового оклада содержания»⁴⁶. Тогда М.Султанов 6 сентября 1906 г. обратился к министру внутренних дел и сообщил, что Р.Фахредин «неоднократно в течение этого времени (службы — И.З.) заступал в отсутствие оренбургского муфтия на его место в Духовном собрании». До сведения министра был доведен отказ Департамента в выделении ему единовременного пособия в размере

годового оклада жалованья. Министр удовлетворил прошение о назначении Р.Фахредину единовременного пособия из брачных сумм мусульман в размере 150 руб.⁴⁷ Получение им отпуска 20 мая 1906 г.⁴⁸ было связано именно с намерением муфтия М.Султанова выделить ему пособие.

Просветительские принципы жизнедеятельности видного ученого и религиозного деятеля проявились в написании работ, учебных пособий назидательного характера, посвященных проблемам нравственного воспитания. Появление этих работ мы связываем с его судебной деятельностью в ОМДС. Сюда из разных уголков России от 3,5 миллионного мусульманского населения поступали сюда жалобы, клеветы, донесения, претензии. Заседатели внутри знали пороки единоверцев в махаллях ситуации, старались справедливо разрешать конфликты, наказывать виновных лиц в рамках дозволенного российским законодательством, но не могли искоренить эти явления.

Р.Фахредин глубоко задумался над причинами пороков, наблюдавшихся в мусульманском сообществе, и нашел свой просветительский способ содействия оздоровлению общества через печатное слово. Во главу угла своих помыслов он поставил идею добиться позитивных перемен в социокультурной жизни народа через нравственное воспитание и просвещение подрастающего поколения. В данном случае нужно, безусловно, учитывать его позицию как главы семейства и отца, стремившегося уберечь своих детей от дурных привычек. Тексты его назиданий представляют синтез лучших народных традиций и положений Корана и Сунны. Автор также использовал труды мусульманских ученых, писавших по данной проблематике. Эти издания, написанные на понятном и простом языке, получили широкую популярность среди мусульман.

Обращает внимание применение Р.Фахредином дифференциального подхода и учет половозрастных особенностей читателей. Это позволяет рас-

суждать о появлении у Р.Фахреддина в период работы в ОМДС долгосрочного проекта по написанию и изданию серии книг нравственно-назидательного плана. В своих книжках «Тәрбияле ана» (1897) и «Тәрбияле хатын» (1899) Р.Фахреддин обращается к женщинам – хранителям семейного очага, заботливым женам своих мужей и матерей своих детей. Его назидательные произведения «Нәсыйхәт беренче» (1902) адресованы детям школьного возраста, «Нәсыйхәт икенче» (1902) – незамужним девушкам. «Нәсыйхәт өченче» (1902) посвящено нормам поведения мужа и жены, отца и матери и обязанностям родителей.

В «Шәкертлек әдәбе» (1899) повествуются нравственные нормы поведения, доказываются необходимость просвещения для народа, обучение, получение знаний объявляется главной обязанностью юношей, обучающихся в учебных заведениях.

В книжке «Гаилә» (1901) семья рассматривается как основная ячейка воспитания личности, выделяются роль жены в сохранении семейного очага.

Написание художественных произведений «Сәлимә, Яки гыйфәт» (1899) и «Әсма, Яки гамәл вә жәза» (1902) ав-

тор объяснял необходимостью донести до читателя полезные мысли на народном языке⁴⁹. Небезосновательно ожидая критику в свой адрес со стороны кадимистов и не желая запятнать авторитет ОМДС, автор предусмотрительно не указал в повестях свое подлинное имя, заменив его псевдонимом.

В первый уфимский период своей жизни Р.Фахреддин также написал исторический труд «Сәгыйд», публицистическую работу «Моталага» и начал издавать части своего био-библиографического свода «Асар», опубликовал энциклопедический труд «Мәшһүр хатыннар» (1902).

В период работы в Духовном правлении Р.Фахреддин стал его ведущим заседателем, доверенным лицом муфтия М.Султанова, заменяя его во время болезни и отъездов, проделал огромную работу по систематизации архива Духовного собрания, подготовил к изданию циркуляры и постановления религиозного учреждения, начал серьезно заниматься научной исследованиями. Накопленные знания и новые идеи ученого в полной мере реализовались на следующем этапе его жизни – Оренбургском – на должности редактора журнала «Шура».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф.821, оп.8, д.622, л.17-18.

² *Фәхретдин Р. Тәржемәи хәлем // Ризәтдин Фәхретдин. Био-библиографик жыентык.* – Казан, 1999. – Б.46-47.

³ РГИА, ф.821, оп.8, д.622, л.26.

⁴ *Фәхретдин Р. Тәржемәи хәлем.* – Б.29.

⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.622, л.30

⁶ *Фәхретдин Р. Тәржемәи хәлем.* – Б.31.

⁷ Хроника его переездов следующая. 2 ноября 1892 г. арендовал дом жены Иванова на улице Фролского, 4 августа 1894 г. переехал в дом Никитина, расположенный на углу улиц Фролского и Ильинского. 10 февраля 1895 г. семья поселилась в доме (рядом с мечетью), переданном в качестве вакфа для содержания детей-сирот из мусульман. Отсюда 25 февраля 1896 г. Р.Фахреддин выехал в дом жены Веденева на улице Воскресенской.

⁸ *Фәхретдин Р. Тәржемәи хәлем.* – Б.29-30.

⁹ РГИА, ф.821, оп.8, д.622, лл.53 об.-54.

¹⁰ РГИА, ф.821, оп.8, д.622, л.57

¹¹ В 1900 г. он начал издавать в Санкт-Петербурге альманах «Мирьят яхүд көзге», получивший в народе название «Көзге» («Зеркало»). В 1902 г. он издал восемь, а в 1903 г. – четыре номера альманаха. В связи с началом издания четвертой по счету татарской газеты

«Өлфәт» («Дружба») (11.12.1905 – 09.06.1912 г. 85 номеров), издание сборника им было приостановлено и возобновлено лишь в 1908–1909 гг. Из изданных 22 номеров 16 имели петербургскую и 6 казанскую «прописки». Благодаря Габдрашиту Ибрагимову в 1907 г. петербургские татары стали читателями первого (и последнего в городе) номера национального журнала «Нәжәт» (Спасение) (Татарская периодическая печать (1905–1924): Библиографический указатель / Сост. Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакуров Ф.Н. — Казань, 1999. — С.135,247).

¹² РГИА, ф.821, оп.8, д.622, лл.60-64.

¹³ РГИА, ф.821, оп.8, д.622, л.96,97,98.

¹⁴ *Фәхретдин Р. Тәржемәи хәлем.* — Б.30

¹⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.621, л.26.

¹⁶ *Фәхретдин Р. Тәржемәи хәлем.* — Б.31.

¹⁷ РГИА, ф.821, оп.8, д.619, л.87-88.

¹⁸ *Фәхретдин Р. Тәржемәи хәлем.* — Б.37.

¹⁹ *Загидуллин И.К.* Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: Материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). — Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2006. — С.44–102.

²⁰ *Азаматов Д.Д.* Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. — Уфа: Изд. Башкирск. ун-та, 2000. — С.14–15.

²¹ *Фәхретдин Р. Тәржемәи хәлем.* — Б.37.

²² *Фәхретдин Р. Тәржемәи хәлем.* — Б.37.

²³ РГИА, ф.821, оп.8, д.627, л.9-10.

²⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.627, л.12 об. — 14.

²⁵ Предложение № 4728 от 30 сентября 1891 г. и разъяснение № 393 от 17 марта 1892 г. о том, что производство дознаний о рождении и происхождении лиц, своевременно не записанных в соответствующие метрические книги, не относится к обязанностям полиции и Духовного собрания (№ 21, 23).

²⁶ Это – предписания ОМДС о своевременной записи муллами бракосочетаний, родившихся, разведенных и умерших мусульман (№ 24), регистрации муллами смертности от заразных болезней (№ 13), выдачи по требованию властей свидетельств (№ 3, 4, 18) доставлении выписок о лицах призывного возраста в учреждения, на которые возложено составление списков, подлежащих к отбыванию воинской повинности (№ 26), смерти запасных военных чинов (№ 42, 43, 47), уведомление об изменении постановлений Устава о воинской повинности, касающихся призывного возраста новобранцев (№ 39), правила ведения метрических книг (№ 38, 40).

²⁷ Это – правила похорон умерших от холеры (№ 34), приложенного к указу ОМДС от 2 сентября 1892 г.) (№ 33), правила о предупреждении занесения чумы и борьбы с ней (от 8 августа 1898 г.) (№ 51), указ от 15 марта 1891 г., адресованный духовным лицам Златоустовского уезда Уфимской губернии о разъяснении прихожанам пользы оспопрививания (№ 15), указ от 12 августа 1892 г., адресованный духовным лицам Мамадышского уезда Казанской губернии, об обязательности им являться по требованию должностных лиц и уездной земской управы для исправления религиозных обрядов над умершими от холеры, не требуя за это вознаграждения сверх установленной местной уездной земской управой (№ 31), указ от 4 апреля 1891 г. духовным лицам уездов Уфимской губернии о принятии мер к убеждению прихожан к привитию детям предохранительной оспы (№ 16), циркуляр от 1 июня 1897 г. имамам округа о необходимости остерегаться от занесения чумы (№ 51).

²⁸ Указ ОМДС от 23 апреля 1884 г. об одновременном вступлении в уразу и отправлении праздничных богомолений в Гаиды-Фитр и Гаиды-Курбан (№ 5).

²⁹ Указ ОМДС от 23 ноября 1887 г. об обязанности при бракосочетании иностранных азиатов с российскими подданными подписью «тагаллюк» (№ 8), указ от 7 июля 1888 г. об увеличении сбора за браки с 15 до 25 коп. (№ 9), указ от 14 января 1889 г. о воспрещении брака между язычниками и мусульманами (№ 10), указ от 9 января 1892 г. о точном соблюдении циркуляра ОМДС от 14 декабря 1888 г. относительно не совершения браков между мусульманами и язычниками и о невмешательстве в религиозные дела лиц, принявших христианство (№ 22), журнальные постановления ОМДС от 3 июня 1892 г. (№ 25) и от 9

июня 1892 г. (№ 27) о разъяснении обрядовой стороны брака между мусульманами (№ 25), указ от 9 июня 1892 г. — о разъяснении брачных терминов «гакид» и «никах» (№ 28), указ от 2 сентября 1892 г. — о разъяснении брачного термина гакид (№ 32), указ от 6 июля 1896 г. — о не совершении браков без разрешения воинских начальников лицам, поступившим на военную службу (№ 46).

³⁰ Указ ОМДС от 18 мая 1890 г. о немедленном донесении в религиозное управление о смерти духовных лиц (№ 11), указ от 7 июня 1891 г. об обязательном доставлении в местные уездные земские управы по истечении каждого полугодия списков родившихся в их приходах и отдельно Белебеевского уезда о передаче чинам полиции карточек о смертности от заразных болезней в двух экземплярах (№ 18).

³¹ Указы ОМДС от 28 мая и 3 июля 1891 г. по вопросу о допущении шариатом перемещения тел умерших мусульман из одного места на другое (№ 19), журнальные постановления от 5 августа 1892 г. о том, следует ли за каждого умершего мусульманина выдавать фидию и в каком размере (№ 29), от 12 августа 192 г. о разъяснении вопроса, в чем состоит богослужение и обряды погребения по мусульманскому обряду (№ 30).

³² Указы ОМДС от 7 августа 1891 г. (№ 20) и от 21 июня 1893 г. о соблюдении при производстве разделов наследств умерших мусульман правил, изданных Духовным собранием, правила от 21 июня 1893 г. для руководства приходским муллам при разделах наследственных имуществ умерших мусульман (№ 36).

³³ Предложения Уфимского губернского правления от 18 августа 1893 г. о порядке бесплатной пересылки по почте служебной корреспонденции муллами (№ 37), циркуляр ОМДС от 12 марта 1896 г. приходскому духовенству о порядке увольнения в отпуска и кратковременные отлучки (№ 45), объяснение оренбургского муфтия ахунам и имамам от 24 января 1897 г. о воздержании от путешествия в хадж по случаю чумной эпидемии (№ 48), от 12 апреля 1894 г. о нелепости распространения в народе слухов о насильственном крещении мусульман (№ 41).

³⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.627, лл.21-21 об.

³⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.627, л.22.

³⁶ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836-1903 гг. / Сост. Р. Фахретдинов. — Уфа, 1905. — С.3-4.

³⁷ Предложения Департамента № 1001 от 7 сентября 1867 г. о запрещении иметь печати для мулл в махалиях (№ 4) № 894 от 4 марта 1880 г. о невмешательстве ОМДС в дела туземцев Туркестанского края (№ 7); циркулярные указы ОМДС № 1698 от 8 июля 1881 г. об амри-магруфф (№ 8), № 3099 от 18 сентября 1881 г. о амри-магруфф и нахи-мункир (№ 9); предложение министра внутренних дел уфимскому губернатору за № 2210 от 28 мая 1885 г. о разрешении брака еврейки с мусульманином (№ 11).

³⁸ Предложение Департамента № 2770 от 28 мая 1887 г. о праве обжалования заинтересованными лицами постановления Вятского губернского правления об устройстве кладбищ только при селениях с мечетями (№ 13), № 4557 от 2 августа 1880 г. о предоставлении ОМДС права предварительного редактирования Корана и Афтияка (18); Постановление ОМДС № 4 от 23 октября 1889 г. по вопросу о выпуске в свет книги Афтияк, отпечатанной с ошибками, циркуляр ОМДС № 2143 от 18 мая 1890 г. о немедленном донесении религиозному управлению о смерти духовных лиц (№ 20), циркулярный указ ОМДС № 3883 от 10 сентября 1890 г. об устройстве оград вокруг мусульманских кладбищ (№ 23).

³⁹ *Фәхретдин Р. Тәржемәи хәләм.* — Б.37.

⁴⁰ *Фәхретдин Р. Моя биография // Ризәтдин Фәхретдин. Био-библиографик жьек-тык.* — Казан, 1999. — С.109-110.

⁴¹ *Заһидуллин И.К. Ризәтдин Фәхредин XIX йөзнең икенче яртысында патша хөкүмәтенең милли сәясәте турында // Ризәддин Фахредин: мирасы һәм заман.* — Казан, 2003. — Б. 76–93

⁴² *Фәхретдин Р. Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре / Р. Фәхретдин. 1-нче жөзь.* — Оренбург: «Кәримов, Хөсәенов шәрикәсе» матбагасы, 1907. — Б.2.

⁴³ *Фәхретдин Р. Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре.* — Б.2-3.

⁴⁴ *Фәхретдин Р. Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре.* — Б.3.

⁴⁵ *Заһидуллин И.К. Ризәтдин Фәхредин XIX йөзнең икенче яртысында патша хөкүмәтенең милли сәясәте турында // Ризәддин Фахредин: мирасы һәм заман.* — Казан, 2003. — Б. 76–93

⁴⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.622, лл.117, 118,119,122.

⁴⁷ РГИА, ф.821, оп.8, д.622. л.123-124.

⁴⁸ Ризаэтдин Фәхретдин. Био-библиографик жыетык. – Казан, 1999. – Б.160.

⁴⁹ *Асьма Шараф*. Воспоминания об отце // Ризаэтдин Фәхретдин. Био-библиографик жыектык. – Казан, 1999. – С.119.

Аннотация

Статья посвящена первому уфимскому периоду жизни татарского просветителя и религиозного деятеля Р. Фахредина, когда он работал в Оренбургском магометанском духовном собрании в качестве заседателя. Автор раскрывает вклад Р. Фахредина в составление нормативно-правовых актов по регламентации обязанностей духовных лиц, наведение порядка, описание и изучение архива религиозного управления, выявляет причины написания им духовно-назидательных трудов, адресованных различным группам мусульманского населения.

Ключевые слова: Р.Фахредин, Оренбургское магометанское духовное собрание, мусульманские духовные лица, вакф, муфтий, исламские институты, департамент духовных дел иностранных исповеданий, религиозно-обрядовая жизнь мусульман.

Summary

The article is devoted to the first Ufa period of the life of a Tatar enlightener and religious figure R.Fakhreddin. Then he worked in Orenburg Muhammadan Religious Assembly as an assessor. The author reveals the contribution of R.Fakhreddin in drawing up regulatory legal acts on regulation of duties of ecclesiastics, in establishing order, describing and investigation of the archive of religious governance and establishes the reasons for writing by R.Fakhreddin spiritual-didactic works addressed to different groups of Muslim population.

УДК 94 (470.41) “1941/1945”

ВЛИЯНИЕ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ТАТАРСТАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

А.Ш. Кабирова, кандидат исторических наук

В настоящее время в российской исторической науке наблюдается усиление интереса к темам, изучение которых в советской историографии носило строго идеологизированный характер. Среди таких актуальных проблем на одном из первых мест находится вопрос о взаимоотношениях властных структур и общества. В советский период исследование различных сторон этой важной и серьезной темы четко дозировалось и регламентировалось правящей партией и подконтрольными ей цензурными инстанциями.

С крушением идеологической парадигмы советского государства начался новый этап развития исторической науки, приведший к концептуальному переосмыслению многих событий и явлений отечественной истории XX в. В том числе нового, комплексного прочтения потребовали проблемы взаимодействия власти и населения в кризисные моменты развития общества, среди которых своей масштабностью и трагичностью выделяются годы Великой Отечественной войны.

Несмотря на обширную историографию военной темы, изучение ее никогда не было свободно от конъюнктурных мифов и навязанных сверху стереотипов. Среди максимально политизированных вопросов военной истории долгое время оставались те, что были связаны с анализом общественно-политической ситуации и отражением массового сознания в стране и в регионах, т.к. они касались не только проблем морального состояния насе-

ления, но и непосредственно затрагивали деятельность институтов власти. Более того, при рассмотрении такого рода вопросов практически не освещались национальные аспекты проблемы.

В данной статье предпринята попытка восполнить имеющиеся в историографии темы пробелы на материалах Республики Татарстан. Методологический плюрализм, пришедший на смену единомыслию историков советской эпохи, анализ новых архивных источников, редко используемых ранее по идеологическим соображениям, надеемся, позволит отойти от однозначных оценок военного периода, отразить многообразие настроений советских людей, показать исторические процессы во всей их сложности и противоречивости.

В начальный период войны первоочередной задачей государства стало проведение мобилизационной кампании. Она прошла с большим патриотическим подъемом. Всплеск гражданских настроений в обществе был поддержан активной пропагандистской политикой властей и специально организованными акциями.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. мобилизации подлежали военно-обязанные граждане 1905–1918 гг. рождения. Во всех районах Татарстана была развернута соответствующая массово-политическая работа. На предприятиях, в учреждениях, в колхозах проводились митинги трудящихся. Выступления их участников свидетельствовали о готовности встать на защиту Отечества и раз-

громить врага. Так, на митинге, посвященном проводам на фронт, колхозник Тельмановского сельсовета Тюлячинского района Г.И. Иванов, провожая двух своих сыновей, заявил: «Мы не разбили немецкую армию. Народ наш и сейчас вдребезги разобьет фашистскую нечисть... Я готов сам ринуться в бой, несмотря на мою старость»¹. Электрик завода № 27 г. Казани Гильмутдинов отмечал: «На нашу миролюбивую страну напал озверелый фашизм... Я иду на фронт и обязуюсь выполнить свой долг перед родиной»².

Примечательным документом, по которому можно проследить за действиями властей по организации важнейших политических акций, является специальная докладная записка секретаря Бавлинского райкома ВКП(б) Г.С. Семенова в областной комитет партии, датированная 27 июня 1941 г. В ней сообщается, что уже в первый день войны во всех колхозах района были проведены митинги, причем, «митинги в колхозах, особенно в райцентре, были действительно массовыми и проходили с небывалым чувством патриотизма». В особой ремарке под грифом «строго секретно» отмечается, что в отличие от предыдущих, их отличительной чертой стало «большое количество выступлений «из пубрики». Из контекста этого документа становится понятным, что ранее выступления на подобных политических мероприятиях готовились заблаговременно, ораторы «назначались», в связи с чем речи «рядовых работников», «незаметных» специалистов» были «достаточно редки»³. Начало же войны пробудило глубинные чувства народа, вызвав ненависть к врагу. Поэтому представители «из народа» — колхозники, рабочие совхозов и МТС — не дожидаясь указаний от начальства, захотели выразить свои настроения и продемонстрировать готовность отстаивать свободу и независимость Отчизны.

О высоком патриотическом настроении, охватившем жителей республики, свидетельствовал и массовый поток заявлений в партийно-советские органы и

военкоматы с просьбой о добровольном зачислении их в ряды действующей армии. «Сейчас, когда фашисты напали на нашу страну, я добровольно ухожу на фронт... — писал бригадир тракторной бригады Кичуйской МТС Акташского района А.А. Хлыстенков. — И пусть гитлеровские разбойники знают, что наша Красная Армия развеет в прах их сумасбродную идею мирового господства»⁴. Работница Казанской швейной фабрики № 2 Алексеева в своем обращении в военкомат указывала: «Мой долг — защищать свою родину от нападения врагов. Прошу зачислить меня добровольно в РККА»⁵.

Аналогичных примеров было множество. Только за один день — 23 июня 1941 г. — в Бауманский райком ВКП(б) поступило 172 заявления⁶. В военкомат Кировского района к 26 июня было подано 402 заявления⁷. Всего же за шесть дней с начала войны (с 23 по 29 июня 1941 г.) от граждан республики было принято свыше 5 тыс. обращений⁸.

Но одновременно в среде населения имели хождение и диаметрально противоположные настроения. Это дает нам основание утверждать, что массовое сознание населения в Татарстане в военное время нельзя представлять однородным. Наоборот, оно было достаточно противоречивым. В частности, об этом говорят донесения в республиканский обком ВКП(б), в которых содержится информация о негативных высказываниях колхозников. Так, Чуркин Егор из деревни Ляки Сармановского района, обращаясь к своим односельчанам, получившим повестку, заявлял: «Нечего идти на войну, все равно убьют, если два-три дня будете скрываться, то останетесь живыми, у нас нет силы для борьбы против Германии». Е.В. Баршина из села Кузайкино Акташского района в беседе с членом партии, отмечала: «Сейчас мы живем плохо, при Гитлере, наверное, жить будем лучше»⁹.

К сбору таких сведений власти относились очень внимательно, тщательно отслеживая и фиксируя их. По всем

ставшим известным им фактам антисоветских или пораженческих высказываний принимались соответствующие меры. В основном задержанные привлекались к уголовной ответственности по ст. 58-10 ч. 2 Уголовного Кодекса РСФСР за «контрреволюционную агитацию». Дела Чуркина и Баршиной среди прочих тоже были переданы в суд.

Определенное распространение в начальный период войны получили случаи дезертирства, уклонения от службы и членовредительства, что тоже свидетельствует о существовавшей разногласии в настроениях граждан. Например, военнообязанные Фатыхов (Дубязский район), Пронин (Бавлинский район), Амиров (Актанышский район) с целью уклонения от мобилизации отрубили себе по несколько пальцев на руках. Военнообязанный из Сабинского района Татарстана Яруллин, получив повестку, заявил: «Лучше под суд, в тюрьму, чем пойти в армию». И действительно, предпочел украсть два мешка муки, чтобы его посадили, но не мобилизовали¹⁰. В Ютазинском районе гражданин Тенешев из колхоза «Заря» отказался служить в армии, при этом заявив: «Я раньше был сын кулака, тогда правительство в нас не нуждалось, теперь я нужен стал для правительства. Я не пойду служить в РККА»¹¹. Призываемый из колхоза «Роза Люксембург» того же района Абдуллин Гарай намеренно явился на сборный пункт военкомата в нетрезвом виде, при следовании в часть дезертировал, отстав от команды, и в тот же день вернулся домой¹². Согласно архивным документам, все они были задержаны и осуждены.

В целом, только за три месяца с начала боевых действий военной прокуратурой республики к уголовной ответственности были привлечены и осуждены на разные сроки за уклонение от мобилизации 49 человек, еще 27 человек — за дезертирство¹³.

Примеры такого рода были, хотя и редки, но не единичны. Они вместе с другими вполне укладываются в общую мозаичную картину, отражавшую

настроения людей военного времени. Если в мирные годы люди стремились сдерживать проявления своих эмоций, то война дала выход чувствам, с которыми население не всегда могло справиться. К тому же в республике периодически «ходили» слухи о скором занятии Москвы, о предательстве высших военачальников, о проникновении фашистов в глубокий тыл, что тоже «будоражило умы». Жители Татарстана были напуганы и обеспокоены услышанным, но сами еще более усугубляли ситуацию, передавая из уст в уста разговоры о том, что, например, «в селе М. Бугульма отрезали телефонные провода»; или, что якобы дети срочно в административном порядке эвакуируются из Казани и т.п.¹⁴

Властные структуры стремились пресекать такие «слухи». Напомним, что в военное время руководящими органами были приняты решения об изъятии у населения радиоприемников и биноклей, введена ответственность за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу. Чуть позже были сокращены тиражи периодических изданий, особенно местных. В задачи власти входило формирование «правильных» представлений у населения относительно образов войны, врага, Родины, победы. Обком ВКП(б) в своих обращениях неоднократно требовал от рядовых коммунистов «повышения революционной бдительности». Уже в июле 1941 г. в районные партийные инстанции республики было разослано письмо, в котором подчеркивалось: «Мы не можем допустить безучастного отношения к разного рода распространяемым слухам о положении на фронтах и др., в своем большинстве ведущих к неправильной ориентации отдельных групп населения, к паникерству, к настроениям шапкозакидательства». И далее указывалось: «Задача каждого коммуниста — своевременно пресекать подобного рода слухи, где бы они ни происходили — в трамвае, дома, на работе, в очереди и т.д. Людям, подпавшим под влияние их в силу своей от-

сталости, разъяснять весь вред их; лиц, распространявших их сознательно, разоблачать и привлекать к ответу»¹⁵. Все эти меры наряду с действительной борьбой против паники и информационных диверсий давали возможность подавлять практически любые попытки проявления недовольства граждан.

Таким образом, устремления советских людей были далеко не столь однородно патриотичны, как внушала нам до сих пор официальная историография. Они отражают весьма сложную гамму чувств. Наряду с подавляющим большинством населения, искренне желавшим победы над врагом, существовали вполне определенные категории граждан, «обиженные» Советской властью в период проведения индустриализации и коллективизации, не примирившиеся с разрушением церквей и мечетей, невинно пострадавшие в годы разгула политических репрессий. В массовом сознании населения одновременно существовали кардинально отличающиеся между собой позиции и мнения.

Возможно, именно эти различные общественно-политические настроения советских людей послужили базой для умозаключений фашистских лидеров, которые, приняв их за раскол общества, решили использовать в своих целях. В частности, обыграв татарскую национальную идею, связанную с мечтами о возрождении государственности татарского народа, летом 1942 г. в местечке Едлино (Польша) гитлеровцами был создан легион «Идель-Урал» из военнопленных татар и представителей других народов Поволжско-Уральского региона. Расчет был сделан на то, что легионеры выступят против Советов. Но фашисты просчитались — ни один из батальонов легиона не принял участие в боевых действиях на стороне вермахта¹⁶. Несмотря на огромные трудности и лишения, в начавшейся войне интернациональный вектор развития народов СССР, т.е. сближение и единение их против общей смертельной угрозы, проявился намного ярче и сильнее, чем национальный.

Кроме того, необходимо отметить, что властные структуры, добиваясь свежих решений в поднятии патриотического настроения граждан, в военные годы пошли на целый ряд уступок идеологического характера, в том числе был задействован и национальный фактор, что было особенно важно для регионов, в которых проживало значительное количество представителей нерусской нации. Например, для подъема национального духа татарского народа было разрешено обращение к давно закрытым, но бережно сохранным в национальной сокровищнице сюжетам и образам героического прошлого. Татарская интеллигенция, «вспомнив» о времени существования могущественных средневековых татарских государств, обратилась к истории Золотой Орды, возродила образы национальных героев, мужественно боровшихся с врагами. В военные годы появились такие произведения, как «Идегей» Наки Исанбета, «Страна Таргар» Шайхи Маннура, «Перстень» Фатыха Хусни и др.

Национальная идея была обыграна и в инициированной властями кампании по написанию писем-наказов от трудящихся национальных республик фронтовикам. 5 марта 1943 г. в «Правде» было напечатано письмо трудящихся Татарской АССР всем фронтовикам-татарам, под которым подписались 1511137 человек. В нем говорилось: «Татарские джигиты! Вам, кто не щадя своих сил и жизни, грудью защищает каждую пядь родной земли на фронтах, от моря Белого до моря Черного, вам, кто в первых рядах гвардейских полков и дивизий идет в наступление, в дни замечательных побед наших войск шлет татарский народ свой пламенный салам! ...Мы крепко верим, что вы не дадите передышки врагу, будете гнать его все дальше на запад и до конца истребите немецких захватчиков!»¹⁷. Обращение к фронтовикам вызвало большой патриотический подъем среди солдат и офицеров. Отвечали на него целыми воинскими подразделениями, заверяя своих земляков в непримире-

мости к врагу и решимости выполнить наказ Родины.

Несмотря на спланированный характер этих акций, в массовом сознании населения изменение вектора общеполитической линии в деятельности руководства страны было воспринято весьма положительно. Правда, сразу следует оговориться, что идеологические послабления в советском государстве оказались весьма непродолжительны. Как только впереди забрезжила Победа, власти с прежним рвением взялись за «наведение порядка». Целые народы (калмыки, чеченцы, крымские татары, ингуши, балкарцы и др.) подверглись тогда политическим выселениям с мест проживания. Основанием для их депортации послужили обвинения якобы в массовом предательстве.

В отношении же татарского народа, который выселить представлялось достаточно проблематичным, т.к. татары относятся к дисперсно-расселенным нациям, явственно проявилась жесткая линия, направленная на его духовное порабощение и уничтожение этнической истории. Она нашла свое отражение в принятом в августе 1944 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»¹⁸. В нем местные партийные органы подверглись остракизму за «ошибки и недостатки националистического характера», якобы допущенные историками и литераторами при создании тех произведений, которые еще недавно властью назывались «патриотически-выдержанными» и объективно отражающими историю татар.

Другим направлением воздействия власти на массовое сознание населения в военный период, наряду с использованием национальной идеи, стало религиозное возрождение. Для поддержания морального духа народа на государственном уровне было принято решение о прекращении в стране всякой антирелигиозной пропаганды. Впервые после разгромных акций предыдущих лет ве-

рующим позволили открыто посещать церкви и мечети, проводить необходимые ритуалы, отправлять религиозные потребности. В Национальном архиве Республики Татарстан хранится огромное количество документов, в которых жители русских и татарских деревень просят руководящие органы республики разрешить им открыть культовые здания, переставшие функционировать в разгар атеистической кампании.

Постановление № 1325 «О порядке открытия церквей», разработанное Советом по делам Русской православной церкви и утвержденное Совнаркомом СССР в ноябре 1943 г. стало базовым документом, на основании которого власти выносили свое заключение о целесообразности открытия той или иной церкви и регистрации религиозной общины. С подобными ходатайствами обращались, например, верующие христиане с. Сахаровка Алексеевского района, с. Арбузов-Баран Билярского района, с. Арсланово Кайбицкого района и др.¹⁹

Заявления мусульман об открытии мечетей начали рассматриваться несколько позднее, только в ноябре 1944 г., на основании постановления № 1633. Соответствующие ходатайства-просьбы были оформлены от жителей дер. Ибрайкино Аксубаевского района, дер. Кулмаксы Ново-Шешминского района, дер. Н. Челны Алькеевского района и др.²⁰

Новая позиция властей в отношении религии выразилась и в «совершенствовании» работы Союза Воинствующих Безбожников – организации, в мирное время осуществлявшей атеистическую агитацию и пропаганду в стране. В 1943 г. Татарстанское подразделение Центрального Совета СВБ получило инструктивное письмо, в котором указывалось на необходимость в военный период «тактичного отношения к деятельности религиозных лидеров, патристические выступления которых..., безусловно, способствуют морально-политическому сплочению... народа в борьбе против фашистских захватчиков». Главной задачей организации вы-

двигалась «пропаганда естественно-научных знаний без особого направления ее против религии»²¹.

Значительное влияние на массовое сознание населения в Татарстане оказали изменения, касавшиеся непосредственно общественно-политической ситуации в республике. В военные годы большее значение стало придаваться росту национальных кадров во всех советских учреждениях, повышенное внимание уделялось продвижению лиц коренной национальности в руководящие структуры. К 1943 г. из имеющихся в республике 1682 сельских Советов 898 возглавлялись татарами²². Председателем Президиума Верховного Совета ТАССР являлся Г.А. Динмухаметов. Хотя при оценке деятельности Советов депутатов трудящихся не следует забывать, что, несмотря на официальное признание их, согласно Конституции, органами государственной власти, роль Советов в годы войны была сведена к минимуму. Они выполняли в основном исполнительно-распорядительные функции, придавая спущенным сверху партийным указаниям официально законный характер.

Высшая распорядительная власть в Татарстане также была представлена лицами коренной национальности. В должности председателя правительства ТАССР в годы войны работали С.Х. Гафиатуллин и С.Ш. Шарафеев.

Определяющее место в политической структуре Татарстана, несомненно, оставалось за партийными организациями, для деятельности которых были характерны единоначалие, жесткий диктат, железная дисциплина, беспрекословное подчинение центру. Они фактически стояли над госорганами. Центральный аппарат бдительно отслеживал действия первых лиц республики, и в случае «проколов» со стороны последних, быстро заменял их. За четыре года войны в республике сменилось пять первых секретарей Татарского обкома ВКП(б). Причем все они по установившейся традиции были русскими: А. Алемасов, А. Колыбанов, С. Пазиков, В. Никитин. Но в военный

период произошло весьма знаменательное событие. В 1944 г. с одобрения вышестоящих органов Татарский обком возглавил татарин — З.И. Муратов. В некоторой степени и этот шаг можно считать проявлением наметившегося в годы войны более лояльного отношения властей к национальным кадрам и, возможно, желанием «угодить» массам.

В свою очередь, республиканские государственные и партийные органы стремились оправдать оказанное им доверие. Татарстан в годы войны являлся одной из важных тыловых баз. Здесь ускоренными темпами развивалась тяжелая промышленность, производилась сельскохозяйственная продукция. Не исключая патриотической составляющей труда советских людей, следует отметить, что определенное место в достижении необходимых производственных показателей имели и нажимные методы местного руководства. Люди по-разному относились к такому давлению. Многие, не одобряя его, высказывались так: «Я не стальной, чтобы ночью работать, мне нужно отдохнуть», или «Что вы ко мне пристаёте, я вам под козырек не взял»²³.

Особенно тяжелое положение в годы войны сложилось в сельском хозяйстве Татарстана. Из года в год уменьшались посевные площади, падала урожайность, сокращалось поголовье скота, в связи с чем государственные планы в полном объеме выполнить не удавалось. Тогда в ход шли любые способы. Сдача хлеба проводилась под угрозой ареста, в семьях производились обыски. Нельзя было собирать оставшиеся колосья с полей, приносить домой орехи, ягоды и т.п. Нередки были факты избивания колхозников председателями колхозов и бригадирами. Невозможность примириться со сложившейся ситуацией приводила к тому, что среди сельчан распространялись «контрреволюционные» разговоры. Закиров из Набережно-Челнинского района республики, комментируя ситуацию в колхозе «Дон», заявлял: «Надо постепенно готовиться, так как в колхозах советской власти скоро не будет, и мы будем

по-старому жить»²⁴. Раскулаченный в прошлом Синдюков Тимофей из Дрожжановского района утверждал: «Придет наше время, мы вас выгоним из деревни, и вся земля останется нам»²⁵.

Преодоление подобных настроений в первую очередь возлагалось на властные структуры. От них требовалось создать в общественном сознании людей в тылу стереотип поведения, включающий высокую работоспособность, аскетизм, готовность на трудности и лишения ради выполнения государственного задания. С целью формирования такой позиции граждан широко использовались возможности периодической печати, радио, умело тиражирующих опыт передовиков, демонстрирующих самоотверженность трудящихся на производстве. Огромные масштабы получила пропагандистская работа руководящих органов по развертыванию социалистического соревнования, благодаря чему оно приобрело поистине всеобъемлющий характер.

Одновременно власти стремились блокировать проявления недовольства отдельных граждан, причем меры воздействия были разными: от попыток обоснования трудностей объективными условиями до прямого давления на общество через осуждение (часто судебное) «нездоровой критики», «очернительства» в адрес руководства.

Большое значение в военные годы придавалось утверждению в массовом сознании населения необходимости их участия в претворении в жизнь общественных инициатив. Движение в помощь фронту являлось одной из них. Пропагандистские мероприятия способствовали тому, что граждане республики активно участвовали в различных формах помощи фронту. Приближая Победу, жители Татарстана сдавали наличные деньги, изделия из золота, серебра, драгоценности, устраивали субботники, воскресники. На многих предприятиях рабочие, иногда по собственному почину, а чаще по указанию партийных организаций, принимали решения об отчислениях заработка в фонд обороны, на военные займы и т.д.

Например, в период подписной кампании на военный заем в 1942 г. рабочие завода № 22 г. Казани подписались на следующие суммы: Сатаров при среднем заработке в 902 руб. подписался на 1300 руб.; Игнатенко, зарабатывая 465 руб., выделил на подписку 700 руб.; Хуснутдинов при заработке в 450 руб. отдал 1000 руб. и т.д.²⁶

Но вместе с тем распространены были и негативные настроения рабочих, когда в ответ на призыв вкладывать свои средства в различные фонды, они отвечали: «Пусть гниют, а не дам ни одного рубля»²⁷.

Председатель исполкома Саконского сельсовета Алексеевского района Мишечкин, выступая на колхозном собрании по вопросу о мобилизации средств в фонд обороны, уговаривал сельчан: «Вносите деньги быстрее, а то меня по суд отдадут. Вместо меня другой председатель будет, но вас все равно платить заставят»²⁸.

И действительно, распоряжение вышестоящих инстанций носило добровольно-обязательный характер, сбор средств проводился без учета желаний и возможностей людей. Документом, подтверждающим это, является письмо Сидоровой из колхоза «Борец труда» Бугульминского района, посланное на фронт 18 декабря 1944 г. Обращаясь к своему отцу, она пишет: «Папа, вот, например, подписывают на заем. Подписывают добровольно, кто сколько может. Вот мы и подписались на две сотни, а у нас не берут, просят четыре». Когда же семья отказалась отдать неподъемную для них сумму, члены комиссии пригрозили забрать со двора корову. В итоге матери девочки пришлось занять недостающие двести рублей и отдать требуемые деньги»²⁹.

Жесткий характер взаимоотношений между рядовыми гражданами и чиновниками во время политических кампаний во многом был обусловлен тем, что должностные лица, к функциям которых относился сбор оговоренных сумм, сами опасались применения к ним репрессивных мер со стороны своего руководства. Поэтому принуждение яв-

лялось обычной практикой, особенно в сельских районах. Людей запирали в холодные помещения, взламывали двери, организовывали обыски. Типичным в этом отношении можно считать случай, произошедший в Акташском районе республики. Когда в период проведения месячника по сбору средств на строительство танковой колонны не были получены ожидаемые денежные суммы, председатель Ново-Мавринского сельсовета указанного района Белякова начала практиковать ночные вызовы. Она не отпускала жителей подотчетной ей территории, угрожая расправой, до тех пор, пока они не согласились увеличить суммы подписки³⁰.

Подобное противостояние властей и населения еще более наглядно проявлялось в социальной сфере. В годы войны имели место массовые приписки, злоупотребления служебным положением, должностные нарушения чиновников при рассмотрении заявлений и жалоб от граждан, хищения и растраты при распределении продовольственных и промышленных товаров, назначении пособий и пенсий. Все эти негативные моменты, конечно, отражались в настроениях людей, формируя массовое сознание. Несмотря на перлюстрацию корреспонденции в военный период, в письмах на фронт людям иногда удавалось сообщать некоторые неприятные подробности о своей тяжелой жизни в тылу. В качестве примера хотим привести несколько строк из писем жителей Бугульминского района республики. Так, гражданка Корноухова пишет на адрес полевой почты: «Добрый день, дорогой папа. Живем плохо. Военкомат не помогает, а посылает в райисполком, а там не смотрят на то, что большая семья... Мы все распродали, все до мелочи, больше жить не можем»³¹. Или, Петрова адресует Етеревскому Василию такие строки: «Вы спрашиваете, как к нам — матерям относятся начальники. Они к нам относятся очень плохо. Если налоги платить, то где хочешь возьми, а отдай. А просишь помощи, то они отвечают: «Не один Ваш сын погиб, а погибли тысячи..., как хотите, так и живите»³².

Огромное количество аналогичных заявлений, жалоб, ходатайств от населения было обнаружено нами в фонде Председателя Верховного Совета ТАССР Г.А. Динмухаметова. Люди рассчитывали, что первое лицо республики поможет им разобраться с «обидчиками», окажет необходимое содействие, накажет виновных. Здесь важно отметить, что для большинства населения помощь государственных структур в вопросах выживания являлась главенствующей. Но отмеченные случаи бездушно-бюрократического отношения чиновников к нуждам и заботам людей, их черствость и бездушные вызывали неприятие со стороны рядовых граждан, порождали негативное отношение к власти. В свою очередь, подобные действия местных начальников наносили как материальный, так и моральный вред самому государству, а потому правоохранительные органы выявляли такие правонарушения и стремились их искоренять.

Таким образом, в военный период общественно-политическая жизнь в Татарстане характеризовалась значительным многообразием: в ней сосуществовали различные направления — от глубоко патриотического до резко противодействующего властям. Но желание объединить все население в общей борьбе против ненавистного врага, преодолеть недоверие к власти, заставляло руководящие органы страны и республики пересматривать многие свои позиции, стремясь найти компромиссы. Об этом свидетельствуют: во-первых, изменения в политической линии, выразившиеся главным образом в использовании национального фактора; во-вторых, прекращение антирелигиозной пропаганды и предоставление верующим возможности отправлять свои потребности; в-третьих, попытки властных инстанций решать насущные вопросы и проблемы, с которыми ежедневно сталкивалось население как через административный ресурс, так и используя репрессивные меры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГА ИПД РТ (Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан). Ф. 15. Оп. 5. Д. 351. Л. 348.
- ² ЦГА ИПД РТ. Ф. 26. Оп. 10. Д. 130. Л. 21.
- ³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 153. Л. 1.
- ⁴ Маяк. 1964. 10 мая.
- ⁵ Красная Татария. 1941. 2 июля.
- ⁶ Там же. 1941. 2 июля.
- ⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 22. Д. 43. Л. 157.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 153. Л. 12-17.
- ¹⁰ Там же. Д. 147. Л. 18.
- ¹¹ Там же. Д. 228. Л. 46-47.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Кривоножкина Е.Г.* Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: Дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2001. — С. 204.
- ¹⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 143, 200а.
- ¹⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 153. Л. 28-29.
- ¹⁶ *Гилязов И.А.* Легион «Идель-Урал»: представители народов Поволжья и Приуралья под знаменем «третьего рейха». Казань, 2005.
- ¹⁷ *Татария* в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. Казань, 1963. — С. 280.
- ¹⁸ *Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941-1945 гг.): Документы и материалы.* — М., 1961. — С. 226.
- ¹⁹ НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. Р-873. Оп. 2. Д. 6. Лл. 27, 62, 64.
- ²⁰ НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 5. Д. 5. Лл. 1, 7, 12.
- ²¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 890. Л. 23.
- ²² Там же. Д. 1367. Л. 11.
- ²³ Там же. Д. 143. Л. 66.
- ²⁴ Там же. Д. 656. Л. 311.
- ²⁵ Там же. Д. 351. Л. 349.
- ²⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 23. Д. 306. Лл. 128, 129.
- ²⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 143. Лл. 103-104.
- ²⁸ Там же. Д. 153. Л. 37-38.
- ²⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 402. Л. 34.
- ³⁰ *Тагиров И.Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 1999. — С. 331.
- ³¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 402. Л. 17.
- ³² Там же. Л. 35.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений власти и общества в годы военных испытаний на материалах Татарстана. Используемые в работе новые архивные документы и материалы позволяют детально проанализировать деятельность государственных и партийных органов республики по проведению мобилизационной кампании, проследить изменение вектора государственной идеологической политики, представить комплекс разнообразных общественно-политических настроений населения в военное время, оценить реакцию советских людей на проводимые властями мероприятия.

Ключевые слова: Вторая мировая война (Великая Отечественная война), Республика Татарстан, массовое сознание, общественные настроения, властные структуры, идеологическая работа, национальный фактор.

Summary

The article considers interrelation between government authorities and society during the hard years of the war, based on Tatarstan-related materials. New archive documents and materials used in the article allow to analyze in detail the activities of government and party bodies in mobilization campaign, to track the changes of the state ideological policy vector, to show various socio-political sentiments of the population in wartime, and to estimate reaction of the Soviet people to the activities held by the authorities.

УДК 902

ТАТАРСКИЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ОБЩИНЫ И МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: ПРОБЛЕМА СБОРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАЛОГОВ

Р.М. Муллагалиев

В 1866 г. прекратило существование сословие государственных крестьян, на них было распространено «Общего положение о крестьянах» 1861 г., которое, в свою очередь, было составлено на основе «Положения о реформе государственной деревни» 1838 г. Поэтому и во взаимоотношениях с местной администрацией и в плане внутриобщинной жизни у крестьян серьезных изменений не произошло.

Сельская поземельная община являлась низшей административной единицей¹, на которую возлагались весьма ответственные обязанности, прежде всего — сбор налогов и выполнение повинностей ее членов. Решения, определявшие основные вопросы жизни и деятельности сельского общества, принимались на сельском сходе, который состоял из глав крестьянских хозяйств — членов настоящего сельского общества — и сельских должностных лиц².

По реформе 1838 г. полномочия сельского схода были крайне ограничены. Это выражалось, например, в том, что строго регламентировалось время его созыва. Закон допускал лишь собрание три раза в год, которое имело строго хозяйственно-фискальное значение. Так, первый раз собирались для раскладки податей, повинностей и сборов в начале года, во второй — весной для организации полевых работ и, в случае необходимости, принятия мер в отношении неплательщиков, за которыми остались долги по налогам и податям

за прошлый период, в третий раз — осенью, когда решались вопросы мирских потребностей, а также рассматривались меры в отношении должников. Кроме этих сроков для сбора сельского схода могли быть исключения, связанные с чрезвычайными ситуациями³.

В «Общем положении о крестьянах» 1861 г. уже отсутствует строгое ограничение времени для созыва сельского схода. Главным ответственным лицом на сельском сходе остается сельский староста, который избирался сходом на три года. Сход мог созываться по мере необходимости по инициативе сельского старосты преимущественно в воскресные и праздничные дни⁴.

Значение сельского схода было очень велико в жизни общины. Именно на сходе определялись порядок раскладки сборов, меры по взиманию и предупреждению накопления недоборов и недоимок, устанавливался порядок учета сборов⁵. Распределение налогов должно было осуществляться исходя из качества и количества земельных наделов крестьянских хозяйств. Общество могло использовать и другие критерии для определения доли, необходимой для внесения в качестве сбора⁶.

Персональную ответственность за сбор налогов нес сельский староста⁷. Сбор платежей мог возлагаться и на специального ответственного лица — сборщика податей, который следил за исправным внесением платежей. В случае, если отсутствовал отдельный сборщик податей, то вся ответствен-

ность ложилась на сельского старосту. Должность старосты и сборщика податей были выборными. Для сельского старосты срок службы определялся тремя годами, а для сборщика податей — одним годом. Обстоятельствами, заслуживающими уважения для отказа от должности, согласно законодательству, могли быть: возрастной ценз (старше 60 лет), болезнь или занятие этой должности один срок. Таким образом, службу выборных можно рассматривать как несение повинности. За общественную службу выборные пользовались определенными привилегиями: на время несения службы были освобождены от выполнения натуральных повинностей, телесного наказания. По решению общества им могло быть назначено жалование, размер которого был разным⁸. В Казанской губернии сельские старосты получали жалованье от 47 до 488 руб. в год, а сборщик податей от 50 до 485 руб.⁹

Действующее законодательство специально не регламентировало время внесения платежей. Сборы производились дважды в год, сроки которых определялись сельским сходом, с условием, что последний срок должен быть не позднее 1 декабря текущего года. Не собранные вовремя налоги рассматривались как «недоборы», и, если «недобор» не погашался до 1 февраля следующего года, то рассматривался как «недоимка». Если недоимка не превышала 5% оклада, то она могла быть причислена к окладу следующего года¹⁰.

Для обеспечения исправного поступления денежных сборов государственная власть возложила коллективную ответственность за поступление налогов на всех членов общины. В частности, это выражалось в том, что определение порядка сбора, учета, взимания сборов целиком находилось в компетенции сельского общества¹¹. Существовала уравнительная раскладка платежей и повинностей. При распределении общество должно было так же учитывать платежеспособность домохозяйств и принять необходимые меры для покры-

тия долгов¹². Принцип круговой поруки действовал в тех селениях или общинах, где душевой надел отведен на 60 или более ревизских душ¹³. Согласно свидетельству В. Даля, устаревшее слово соха или сошка имело «значение небольшой общины, от 3 до 60 дворов»¹⁴, которая так же «служила единицею подати; по расчету сох взимались и повинности»¹⁵. Надо полагать, что число в 60 ревизских душ или 60 хозяйств, будучи анахронизмом, продолжало служить неким мерилом издревле, что и отразилось в законодательстве XIX в.

С целью покрытия долгов по налогам община должна была принимать меры в отношении должников. Если сельский сход не собирался в течение недели, то меры применялись лично волостным старшиной или сельским старостой (и сборщиком податей). Для покрытия недоборов могли быть использованы поступления от сданных в аренду пашни, лугов и других земельных угодий или строений должника, мог быть изъят часть душевого надела. Так же существовала практика наложения ареста на заработок должника, причем под запрет попадали заработки женщин и малолетних, которые находились под защитой закона и заработанные ими средства не поступали в счет погашения долга. Закон так же защищал интересы работника у которого имелись семья и дети. Эта забота выражалась в том, что позволялось удерживать до 1/3 заработка холостого человека, и только 1/4 заработка человека, у которого имелись дети. Над должником мог быть назначен опекун.

Существовал вариант продажи части движимого имущества. С этой целью производились опись и оценка имущества. Однако в отношении некоторых предметов и доходов арест не распространялся, а именно: на страховое вознаграждение, продовольственную или семенную ссуду, пенсии; атрибуты богослужения; повседневную одежду и домашнюю утварь; топливо и продукты, необходимые для существования семьи в течении трех месяцев, единс-

твенную корову или выполнявшую роль кормильца козу или овцу, а так же корм, необходимый для их прокормления в течение трех месяцев; орудия земледелия, семенной фонд для посева. В случае, если принятые меры не позволяли погасить задолженность в срок, то недоимка должна была покрываться с «мирских» сумм, а при невозможности покрытия долга таким путем, сумма распределялась между всеми крестьянскими хозяйствами общины¹⁶. Таким образом, в конечном счете, за неплатежеспособного хозяина несла ответственность по закону вся община. Дальнейшие меры по пополнению недоимок принимались уже начальством более высокого ранга: податной инспектор привлекал мирового посредника или земского участкового начальника (с 1891 г.)¹⁷.

Согласно «Положению о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ» 1899 г., был изменен порядок погашения долгов по налогу. Правда, сохранялась статья 36, аналогичная статье 276 «Общего положения о крестьянах», определившей применение круговой поруки в отношении общин с 60 или более ревизскими душами, однако произошли определенные послабления в механизмах взимания долгов. Теперь для пополнения долга земля могла сдаваться в аренду сроком не более чем на три года, тогда как прежде подобного ограничения не было. Исчезло положение о покрытии долга за счет «мирских» сумм или путем раскладки на все хозяйства¹⁸, и, таким образом, теперь каждое хозяйство несло персональную ответственность за свои налоги, и привела к тому, что уменьшилось количество уклонений от уплаты сборов, если крестьянин действительно был платежеспособным¹⁹.

В законе от 23 июня 1899 г. констатировалось, что прежний порядок был «...тягостен для населения, ибо, не обеспечивая справедливого и соразмерного с платежными силами распределения податного бремени, допускает в некоторых случаях применение разорительных

приемов взыскания с плательщиков»²⁰. В действительности данное Положение лишь законодательно закрепило сложившуюся в общинах ситуацию. Дело в том, что применение круговой поруки уже к 80 г. XIX в. в большинстве общин перестала практиковаться²¹.

На практике встречались случаи применения круговой поруки. Например, в 1885 г. при взимании сборов крестьяне д. Нижняя Ошма применяли круговую поруку по решению сельского схода²². Результатом использования столь строгих мер стало то, что крестьянам нечего было сеять весной и пришлось просить продовольственную ссуду для обсеменения полей из губернского продовольственного капитала²³. Очевидно, что круговая порука была действительно мерой, приводившей к крайнему истощению целого крестьянского общества.

В XIX в. в России отсутствовал принцип прогрессивного налогообложения. Налог взимался не с дохода, а с податной единицы. Одним из главных источников государственных денежных поступлений долгое время являлась подушная подать, которая просуществовала более 150 лет, со времен введения в 1724 г. Петром I и до отмены в 1887 г.²⁴ В 1867 г. подушная подать составляла 44,3% всех налоговых поступлений государства. К концу XIX в. из всех налогоплательщиков основное бремя по платежам (86%) приходилось на крестьян²⁵.

В ходе земельной ревизии, согласно закону от 24 ноября 1866 г., каждому сельскому обществу отводилась земля, за которую крестьяне должны были платить оброчную подать, которая в 1887 г. была преобразована в выкупные платежи²⁶, ее уплата была очень обременительна для крестьянского хозяйства, т.к. на эту статью приходилось 45% всей общей суммы годовых платежей и налогов²⁷. Если же в пользовании крестьян находился лес, существовало обязательство уплаты лесного налога²⁸.

Подушную подать вплоть до упразднения в 1887 г. платили по сведениям

последней X ревизии 1858 г. В пореформенный период ревизии не производились²⁹. В архиве встречаются ходатайства волостных старшин о сложении налогов с умерших и переселившихся со своих сельских обществ ревизских душ. В частности, в 1872 г. в своем рапорте старшина Аркатовской волости Лаишевского уезда просил сложить начисленные недоимки в 184 руб. 82 коп. по причине выбывания жителей, среди которых значились рекруты, без вести отсутствовавшие, перечисленные к мещанам и умершие³⁰.

Следующие по своей значимости, с точки зрения государства, являлись земские налоги, которые с 1864 г. собирались уездными и губернскими земскими учреждениями.

Следующим видом налогов являлись «мирские» сборы, величина которых определялись на сельских сходах, собранные средства с которых были предназначены на нужды сельского общества³¹. В 1881 г. в Европейской России 45,3% мирских расходов использовались для оплаты труда должностных лиц³².

Во второй половине XIX в. проявилась тенденция ухудшения экономического положения крестьянских масс, наглядным подтверждением которых являются сведения о крестьянских недоимках. На денежные сборы уходило не менее 53,2% доходов крестьян³³. Фискальный гнет властей, с одной стороны, и неплатежеспособность крестьян, с другой стороны, создавали напряженность во взаимоотношениях сельских жителей с государством. Это выразилось, например, в отказе крестьян от составления общественных приговоров о раскладке налогов между членами общины. В частности, Баландышское сельское общество Мамадышского уезда отказалось составить приговор о раскладке казенных, земских и сельских сборов на 1896 г. К ответственности был привлечен крестьянин Мухаметзян Булатов, по мнению следствия именно он был главным активистом, подговаривавшим своих однообщественников

к отказу в составлении приговора³⁴, его действия были оценены как сопротивление властям³⁵. В ходе следствия было установлено, что отказ от составления приговора было коллективным решением крестьян, а не одного человека³⁶.

Другой причиной, которая нередко приводила к возникновению недоразумений в сельском обществе, явилась некорректные или непродуманные действия местных властей, ответственных за сбор налогов. Одной из причин являлось незнание представителями власти языков коренных народов, а татарскими крестьянами – русского языка, что усугубляло положение. Порой такие случаи приводили к неверному толкованию местными жителями предписаний представителей администрации. В д. Большие Янасалы Тетюшского уезда, например, по этой причине была сорвана процедура составления приговора по уплате казенных сборов на 1894 г. На сельском сходе волостной старшина стал требовать подписать общественный приговор, без предварительного разъяснения содержания документа. Крестьяне единогласно отказались выполнить его требование. Виновным в подговоре был признан 67 летний Ахмет Ахтямов, который по приговору суда был приговорен к тюремному заключению и лишению некоторых особых прав на 5 месяцев и 10 дней. Сторона обвинения утверждала о том, что для того, чтобы настроить своих односельчан не составлять приговор Ахтямов говорил, что государственная власть будет их крестить и соберет старые недоимки.

Однако имеется основание усомниться в справедливости решения суда. По словам стороны защиты обстоятельства сложились другим образом, именно: сельский староста Загидулла Насыйбуллин и мулла Зариф Галиакберов приготовили приговор, о передаче «общественного училища» мулле Галиакберову, нужно было лишь получить согласие общества. Требование уездного исправника о подписании приговора, крестьяне восприняли как попытку

оказать содействие мулле овладеть зданием конфессиональной школы³⁷.

90-е г. XIX в. характеризовались усилением вмешательства правительства во внутреннюю жизнь конфессиональных школ татар-мусульман. Согласно циркуляру министерства народного просвещения от 10 июля 1892 г., в татарских школах могли быть использованы только учебники, прошедшие через проверку цензуры, что означало бы изъятие из учебного процесса огромного количества рукописных книг и ослабление системы национального образования³⁸. Поэтому события, произошедшие в д. Большие Янасалы были расценены крестьянами как очередная попытка местной администрации оказать воздействие на деятельность местной школы, вот почему, возможно, обвиняемый Ахтямов говорил о том, что жителей деревни будут крестить. В итоге, крестьяне боялись подписать любой документ, даже если это был документ о раскладке государственных налогов.

После земельной ревизии в 60-х г. была проведена ревизия лесных угодий крестьян, по итогам которого государственные крестьяне лишились 23% леса, которыми раньше пользовались. При распределении леса властями общинам отводились вместо леса кустарники³⁹. Между тем выплачиваемый ими налог, по мнению крестьян, превышал стоимость лесного материала, которыми они пользовались. Отказ платить лесной налог можно оценить как запоздалую реакцию крестьян на результаты распределения лесных угодий. С выставления лесного налога на выделенные им участки наблюдались неповиновения крестьян.

Крестьяне деревни Старая Амзя Чистопольского уезда, где проживало русское и татарское население, отказались в декабре 1874 г. платить лесной налог размером 61 руб. 84 коп., сославшись на то, что они отказываются принять отведенную им, согласно владенным записям, лесную дачу. Уездному исправнику удалось убедить русскую часть общества выплатить лесной налог, од-

нако татары продолжали упорствовать, объясняя свой отказ тем, что лесной надел неудобный, и они не желают им пользоваться. Вследствие своей юридической безграмотности крестьяне не воспользовались трехмесячным сроком для подачи апелляции на предъявленный им расчет о лесном налоге, и, таким образом, потеряли право обжалования начисленного налога через губернское по крестьянским делам присутствие, однако, не теряя надежды, собирали деньги и отправили своих поверенных для решения вопроса в своих интересах. По-мнению уездного исправника, крестьяне ради своей выгоды готовы поддерживать недоразумение⁴⁰.

Одним из способов взимания долгов было назначение процедуры описи и продажи с аукциона движимого имущества должника. В Чистопольском уезде в 1866 г. эта мера широко была применена по отношению к хозяйствам, за которыми накопились недоимки за последние два неурожайных года. По мнению председателя земской уездной управы, эта мера, даже в случае высокой урожайности в последующие годы, не даст крестьянам возможности поправить свое экономическое положение⁴¹.

По мнению земского начальника Тетюшского уезда (1895 г.), распродажа имущества не всегда эффективна, подобные действия приводят лишь к полному истощению крестьянских хозяйств. Кроме того, губительное влияние на крестьян оказывает взимание податей в конце зимы или весной, тогда как более эффективным являлась продажа имущества осенью. Боязнь распродажи в большей степени «стимулировала» крестьян к внесению сборов осенью, чем меры, предпринятые в сложное весеннее время⁴². По его мнению, можно обойтись без аукционов «при активном и настоятельном требовании со стороны полиции»⁴³.

Однако взимание долгов с крестьян редко происходило согласно букве закона. Об этом, в частности, свидетельствует прошение татарских крестьян

Ключищенской волости Лаишевского уезда. Жители деревень Большие и Верхние Метески, Трюк Тямти, Кукчи, Балыкли указывали на то, что при взимании долгов за налоги 1866, 1867 гг. местное начальство в 1868 г. забирало все, что попадало в глаза, вплоть до последней одежды и последнего рабочего скота. Подобные действия для крестьян оказались полной неожиданностью, им даже не предоставили отсрочку. Крестьяне не представляли, как они в следующем году будут платить налоги и выполнять повинности, и как вообще найдут пропитание своим семействам, ведь некоторые хозяйства вообще остались без средств к существованию до нового урожая⁴⁴. Здесь налицо нарушение статьи 295 «Общего положения о крестьянах», согласно которой, существовал запрет на отчуждение в пользу уплаты долгов в отношении ежедневной одежды; скотины, обеспечивающей пропитание и существование крестьянского хозяйства; продовольствия, необходимого на пропитание в течение трех месяцев и семян для посева.

Подобные факты встречаются часто, что позволяет сделать вывод о том, что подобные действия местных властей были повсеместными. Например, администрация Тетюшского уезда продавала имущество должников без всякой описи для погашения казенных недоимок, образовавшихся до 1 января 1885 г. В то же время чиновники отправляли отчеты об успешности уплаты казенных недоимок, так что налоги, которые продолжали поступать в текущем году, после покрытия всех долгов зачислялись в оклад следующего 1886 г.⁴⁵ Следствием этих мер в ряде волостей Чистопольского, Тетюшского, Свияжского уездов крестьянский скот продавали с торгов, вследствие чего хозяйства оставались без лошадей и пришли к полному разорению⁴⁶.

В начале 1873 г. в Казанском уезде в отношении к должникам по указанию мирового посредника недоимки взыскивали через продажу части «излишнего их имущества»⁴⁷, лишь задолжен-

ность крестьян, у которых не оказалось никакого имущества, распределялось на все общество⁴⁸.

Среди крестьян существовала вера в справедливого царя. По случаю коронации или бракосочетания каждый новый представитель дома Романовых издавал манифест, в котором предоставлял подданным определенные льготы, в том числе освобождал их от уплаты некоторых налогов. Согласно манифесту от 14 ноября 1894 года по случаю бракосочетания Николая II с Александрой Федоровной, прощалась часть долгов по продовольственной ссуде⁴⁹. Однако в манифесте не говорилось о сложении задолженности по государственным налогам. В Тетюшском уезде осенью 1894 г. недоимки стали пополняться при «содействии» станового пристава, т.к. крестьяне оказывали «крайнее упорство» и словесные доводы оказались бессильными. С января 1895 г. становой пристав совместно со сборщиками податей стали действовать более решительно. Распространенной мерой воздействия, кроме распродажи движимого имущества, была передача части душевых наделов недоимщиков другим лицам. Успешность его усилий была не столь высока, по причине обширности стана и физической невозможности лично участвовать в сборах недоимок. Между тем среди крестьян распространились слухи о упразднении долгов, что так негативно сказалось на своевременное поступление сборов⁵⁰. Ожидания крестьян на милость была связана с предстоящей коронацией Николая II.

В силу слабой развитости промышленности и дефицита предложения на рынке наемного труда жители Казанской губернии всецело зависели от земледелия. Поэтому положение крестьян резко ухудшалось в неурожайные годы, что сказывалось в поступлении налогов. Например, в неурожайном 1891 г. поступило лишь 7,7% казенных сборов, в последующем 1892 г. — 36,68%. Однако увеличение поступления платежей в последующие годы не были

свидетельством роста народного благосостояния⁵¹.

Причиной отказа платить налоги со стороны крестьян была экономическая слабость крестьянских хозяйств, а не стремление уклониться от налогового бремени. Принимаемые меры воздействия в отношении неплательщиков не могли служить выходом из тяжелого положения.

Накопление долгов были связаны разного рода обстоятельствами, которые приводили к расстройству крестьянского хозяйства, такие как пожары, неурожайные годы. В годы бедствий крестьяне просили отсрочить платежи или же шли на крайние меры: распродавали скот, хлеб. Например, в своем прошении казанскому губернатору в 1867 г. жители 16 селений Едигерской волости Мамадышского уезда просили «...защиты, покровительства и даже спасения от самой смерти...»⁵². Причиной своего тяжелого положения крестьяне объясняли малоземельем. Средний душевой надел составлял 3–4 десятины, что было крайне мало для ведения полноценного хозяйства⁵³. Урожай 1866 г., по словам крестьян, был «порядочный», продав который они покрыли прошлые недоимки, оставшись «...совершенно без хлеба и пропитания...»⁵⁴. Но в 1867 г. урожай ржи был настолько мал, что не хватило даже на посев, и пришлось продавать последнюю скотину, или одалживать деньги на покупку семян у богатых односельчан⁵⁵.

Когда не было семян для ближайшего засева крестьяне одолживали их у государства, земских учреждений или частных лиц. Образовывались продовольственные долги. Так, в Казанском уезде по просьбе населения в 1868–1869 гг. распоряжениями уездной и губернской земской управы были предоставлены некоторым хозяйствам денежные ссуды из губернского продовольственного капитала на обсеменение полей. Эти средства, в сумме 2 736 руб. 72 коп. не были возвращены до 1872 г.⁵⁶

При описи имущества для возврата ссуды возникали конфликты между крестьянами и администрацией. Так, например, в деревне Карашурма Мамадышского уезда крестьяне оказали сопротивление помощнику волостной старшины Тохватуллину, который приступил к описи имущества крестьянина Халитова. Притом сельские власти отказались назвать активистов сопротивления⁵⁷.

Долги порой начислялись из-за бюрократических проволочек. Согласно сведениям Тетюшского волостного казначейства (1875 г.), государственная подушная подать, представляемая волостным правлением, не зачислялась в уездный земский сбор даже тогда, когда сумма поступала в полном объеме⁵⁸. В Казанской уездной земской управе, вследствие отсутствия единых стандартов, счетоводство велось каждым учреждением по-разному, что приводило, в конечном счете, к серьезным недоразумениям и неправильному начислению суммы остатков налогов⁵⁹.

Согласно сведениям Казанской казенной палаты, даже когда крестьяне продавали массово хлеб, не всегда вносили платежи. Так, например, в сентябре 1892 г. в Тетюшский базар на продажу поступило 50 тыс. пудов хлеба, но значительная часть вырученных денег бала «растрочена», и, по мнению управления казенной палаты, упущено время для сравнительно легкого взыскания сборов. Вырученные от продажи хлеба деньги крестьяне тратили на восстановление хозяйства, которое пришло в упадок вследствие неурожайного 1891 г. и фискальной политики властей. Для того, чтобы уплатить налоги крестьяне закладывали последнюю одежду, скот. Заложное имущество выкупалось при первой же возможности⁶⁰. Для многих крестьян продажа хлеба была одним из способов добыть деньги на разные нужды, в том числе и на оплату сборов. Массовая продажа осенью крестьянами хлеба приводила к снижению его рыночной стоимости. Потому

как весной приходилось покупать хлеб на хозяйственные и продовольственные нужды, но уже за значительно более высокую цену⁶¹. Во время закупки хлеба купцы пользовались тяжелым положением крестьян, искусственно занижая цену. Так случилось, например, в Спасском уезде, в 1885 г. скупщики после принятия около пяти пудов хлеба объявляли о том, что остальной хлеб не станут принимать по прежней цене и стали предлагать более низкую цену. Крестьянам не оставалось иного выхода, как согласиться с новыми условиями, в противном случае пришлось бы терпеть еще больше убытков, т.к. не было надежды на то, что поступит более выгодное предложение или иным способом удастся сбыть хлеб по приемлемой цене⁶².

В надежде на улучшение материального положения крестьяне уходили на сторонние заработки. Но и подобные меры не всегда могли обеспечить людей средствами для существования. Так, в 1874 г. для жителей Мамадышского уезда Омарской волости стало неприятной неожиданностью известие о том, что у судовладельцев, к которым крестьяне ранее нанимались бурлаками, по какой-то причине не оказалось нужды в рабочей силе⁶³. Некоторые крестьяне почти в полном составе оставляли места своего жительство для того, чтобы иметь возможность заработать на стороне. Например, в 1872 г. большая часть жителей деревни Нижняя Каменка, продав свои дома, скот и имущество ушли на заработки. Оставшиеся дома женщины и дети жили в нищете в одной избе по два, три семейства⁶⁴.

В условиях крайней нужды в деньгах общества прибегали даже к услугам ростовщиков. Ростовщичество, как известно, запрещено исламом, однако при сложившейся ситуации крестьяне были вынуждены пойти на нарушение заветов религии. Так случилось в деревне Большие Кляри Тетюшского уезда в 1882 г., когда крестьяне составили приговор о сдаче в наем некому

казанскому купцу 180 дес. лугов. В действительности никакого найма лугов не было, за приговором об аренде скрывалась кредитная операция. Купец одновременно выдал крестьянам 1 140 руб., а крестьяне обязались в течение четырех лет вместо вырученных 1 140 руб. уплатить кредитору 3 420 руб., т.е. в три раза больше⁶⁵. Деньги же эти нужны были для «уплаты податей и других общественных долгов»⁶⁶. Такие примеры, по свидетельству членов губернского земского собрания, были не единичны, они повторялись в 1885 г., когда в феврале, марте крестьянам срочно были нужны деньги на уплату недоимок⁶⁷. Крестьяне шли на подобные крайности по причине давления администрации.

За неисправный сбор налогов и накопление продовольственных долгов несли ответственность волостные и сельские начальники, которые, по мнению Казанской уездной земской управы (1872 г.), бездействовали даже в урожайные годы, когда были все возможности для пополнения недоимки⁶⁸. Согласно свидетельству земского начальника второго участка Тетюшского уезда, среди недоимщиков были также и сами волостные и сельские должностные лица, которые личным примером не могли влиять на других крестьян с целью обеспечения исправного внесения налогов⁶⁹.

В целом, среди должников в Казанском уезде в 1892 г. (в 1891 г. выдался неурожайным) встречались и весьма не бедные люди, такие, как гильдейские торговцы, разного рода дельцы и даже сами сборщики податей, волостные старшины, судьи. В Тетюшском уезде оставались долги по окладам до 1889 г., и за каждый год имелся отдельный сборщик податей, каждый собирал недоимки, оставшиеся за время своей службы в качестве сборщика податей⁷⁰.

В качестве наказания вышестоящими чиновниками применялись различные меры в отношении выборных, которые не справлялись возложенными на них фискальными обязанностями.

Так, например в Мамадышском уезде в 1875 г. исправник предлагал уволить сельских старост и волостных старшин, которые оказывали «вялость» и «потворство», заменить их другими лицами⁷¹.

При сборе налогов и покрытии недоимок, кроме сельского старосты и волостного старшины, имело особую важность наличие порядочного и честного сборщика податей. Мамадышский уездный исправник (1874 г.) сообщал, что в уезде отсутствует система контроля и отчета за внесением платежей, тогда как даже нет платежных книжек, и поэтому крестьяне просто доверяли свои деньги сборщикам, не получая никакого официального документа, подтверждающий то, что платеж был внесен⁷².

В случае недобросовестности сборщика страдало целое общество. Подтверждением этому может послужить пример Каймановской волости Казанского уезда, где причиной накопления недоимок на сумму в 7 508 руб. стала нечестность сборщика податей, который умер, а ответственность за уплату недоимки была возложена на все общество⁷³. В 1872 г. в Кошелевской волости Цивильского уезда обнаружили факт растраты денег волостным старшиной и сборщиком податей на сумму в 1 283 руб. 80 коп. По мнению уездного исправника, за давностью лет и неимением сведений по этому делу, недостающую сумму следует разложить на всю волость⁷⁴.

Поэтому общины были заинтересованы в том, чтобы сборщиками податей были избраны порядочные крестьяне. Так, например, жители общества Больших Бакырчи Тетюшского уезда заподозрили своего сборщика податей в нечестности. По показаниям крестьян взносы по налогам сборщик записывал карандашом, а не чернилами и после вносил изменения, тем самым вводил в заблуждение своих однообщественников. Однако суд посчитал, что обвинения в адрес сборщика являются безосновательными⁷⁵.

В деревне Казылино Казанского уезда 19 января 1894 г. на сельском сходе в присутствии действующего сельского старосты и земского начальника крестьяне потребовали с бывшего сельского старосты и бывшего сборщика податей возместить выявленные при проверке недостающие деньги, растраченные упомянутыми лицами. Однако ни один из обвиняемых не признал свою вину. Дело о растрате дошло до окружного суда, где удалось доказать их преступление. Они были приговорены к заключению в тюрьму на два месяца. Однако суд нашел, что преступление совершено по причине «...легкомыслия или же слабоумия, глупости и крайнему невежеству...»⁷⁶, что послужило смягчающим обстоятельством. В отношении обвиняемых применили ст. 354 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», по которому предписывалось вернуть растраченные средства⁷⁷.

Кроме названных способов взимания недоимок, существовала так же практика, когда уплата денег за продажу земли вносилась в счет покрытия недоимок, так как недоимщик не имел другой возможности покрыть свой долг. Например, в 1887 г. крестьянин деревни Новые Салман Спасского уезда Галиев продал свою землю Петру Савинову. По условиям договора последний должен был внести сумму за купленную им землю в счет погашения задолженности по налогам, числящейся за Галиевым, но вместо этого отдал деньги лично Галиеву. За нарушение условий договора община продала землю Галиева третьему лицу⁷⁸. Подобный этому случай наблюдался и в деревне Новые Салманы, когда в том же 1887 г. крестьянином Губеевым аналогичный договор был заключен с Антипом Бурговым. Когда Бургов перестал платить обществу необходимую сумму, его не раз вызывали на сельский сход. Наконец, не найдя другого выхода, общество продало надел Губеева третьему лицу⁷⁹. Здесь мы видим соблюдение принципа, изложенного в приложении к ст. 6. «Об-

шего положения о крестьянах»⁸⁰: если у крестьянина имеются долги перед государством и кредитором, то долг уплачивается сначала перед государством, только потом защищаются интересы кредитора.

Особенно тяжелыми для крестьянских хозяйств Казанской губернии были последствия неурожайных годов (1867, 1877, 1883, 1891, 1898 гг.). В такие годы крестьяне обращались за помощью к земствам, правительству за продовольственными или семенными ссудами или с просьбой о предоставлении отсрочки по уплате налогов⁸¹. В частности, усиленные действия по сбору недоимок в 1884–1885 г. в Лаишевском, Чистопольском, Спасском и Мамадышском уездах привели к тому, что крестьяне обращались за ссудой на продовольствие или на обсеменение полей⁸². Таким образом, государство, с одной стороны собирало с крестьян налоги, применяя жестокие меры принуждения, нарушая их права, и, с другой стороны, выдавало тем же крестьянам ссуды, которую крестьяне обязаны были вернуть.

Порядок взимания налогов со своих подданных определялся «Общим Положением о крестьянах», согласно которому, обязательства по взиманию налогов были закреплены за поземельной крестьянской общиной. Лишь в соответствии с законом от 23 июня 1899 г. ответственность по выплате налогов стало нести каждое крестьянское хозяйство по отдельности. Этот закон можно рассмотреть как смена курса правительства, которое перестало рассматривать круговую поруку в качестве основного средства взимания накопившихся долгов.

Непосредственную ответственность за сбор налогов в крестьянской общине нес сельский староста. Так же часть ответственности по сбору налогов староста, совместно с сельским обществом, могли доверить особому должностному лицу – сборщику податей. И на практи-

ке от честности упомянутых лиц порой зависело благосостояние целых общин и даже волостей.

Как видно из рассмотренных примеров, татарские крестьянские общины в определенных случаях даже принуждали местных жителей к уплате недоимок. Крестьяне вынуждены были всевозможными путями добывать средства для оплаты налогов и избегать накопления недоимок, о чем свидетельствуют факты закладывания крестьянами последнего имущества для получения денег в пользу взноса налогов, а также факты составления кредитных обязательств, поступаясь своими религиозными воззрениями. Хотя государством и регулировались отдельные аспекты взимания налогов и крестьянам гарантировалось неприкосновенность части имущества, которое должно было обеспечить пропитание и самостоятельное существование в течение трех месяцев, однако в действительности эти положения не соблюдались местными властями, в результате чего крестьяне лишались своих законных прав и оставались без последнего имущества.

Особенно тяжело на крестьянском хозяйстве отражались меры по распродаже их имущества в счет погашения долгов и применения коллективной ответственности за недоимки перед всей общиной.

Некорректные действия представителей власти приводили к взаимным недоразумениям, что трактовалось как неповиновение со стороны податного населения.

Государство, проявляя заботу о своих подданных, предоставляло отсрочки по платежам или определенную помощь в виде продовольственной или семенной ссуды. Послабления в отношении фискальной политики со стороны государства следовали в основном в особо трудные, неурожайные годы, в годы восшествия на престол нового главы государства или по случаю бракосочетания монарха.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. — М., 1958. Т. II. Ст. 562, 563.
- ² Общее положение о крестьянах. Изд. 1902 г. // Свод законов Российской Империи. Т. IX. Положение о сельском состоянии. Ст. 57
- ³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 13. Отд. 1. №11189. Ч. 4. Ст. 21.
- ⁴ Общее положение о крестьянах. Изд. 1902 г. // Свод законов Российской Империи. Т. IX. Положение о сельском состоянии. Ст. 59, 60.
- ⁵ Там же. Ст. 62, 230.
- ⁶ Там же. Ст. 254, 282.
- ⁷ Там же. Ст. 74, 231.
- ⁸ Там же. Ст. 74, 82, 231, 180, 186, 189, 195, 187.
- ⁹ Марискин О. И. Государево тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья): Дисс. канд. ист. наук. — Саранск. 2004. — С. 107.
- ¹⁰ Там же. Ст. 281, 282, 311, 314.
- ¹¹ Там же. Ст. 230, 235, 256.
- ¹² Там же. Ст. 251, 253, 256.
- ¹³ Там же. Ст. 276
- ¹⁴ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. IV. СПб. — М. 1882. — С. 283.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Общее положение о крестьянах. Ст. 288 — 301, 304, 306, 309.
- ¹⁷ Там же. Ст. 313.
- ¹⁸ ПСЗРИ. №17286. Ст. 65, 67.
- ¹⁹ Марискин О. И. Указ. соч. С. 129.
- ²⁰ ПСЗРИ. 17286.
- ²¹ Шатковская Т. В. Закон и обычай в правовом быту крестьянин второй половины XIX века // Вопросы истории. — 2000 - №11-12. — С. 102.
- ²² НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6901. Л. 555 об.
- ²³ Там же. Л. 555 — 555 об.
- ²⁴ Киселева М. В. Хозяйство и положение бывших государственных крестьян Пензенской губернии в пореформенный период (60 — 90 е гг. XIX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. — С. 106.
- ²⁵ Марискин О. И. Указ. соч. С. 42, 49 — 50, 81.
- ²⁶ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 41. Отд. 2. №43888. Ст. 1 — 3.
- ²⁷ Смыков Ю. И. Указ. соч. С. 137 — 138.
- ²⁸ ПСЗРИ. Собр. 2. Том. 41. Отд. 2. №43888. Ст. 3.
- ²⁹ Смыков Ю. И. Указ. соч. — С. 138-139.
- ³⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2888. Л. 374.
- ³¹ Общее положение о крестьянах. Изд. 1902 г. // Свод законов Российской Империи. Т. IX. Ст. 360, 361.
- ³² Марискин О. И. Указ. соч. С. 111.
- ³³ Загидуллин И. К. Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60 — 90-е гг.): Дисс. канд. ист. наук. — Казань, 1992. — С. 80.
- ³⁴ НА РТ. Ф. 390, оп. 1, д. 505, лл. 13 — 14.
- ³⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. // Свод законов Российской Империи. Том XV. С. 31. Ст. 273.
- ³⁶ НА РТ. Ф. 390, оп. 1, д. 505, лл. 13 об. — 14.
- ³⁷ НА РТ. Ф. 41, оп. 2, д. 5279, лл. 2 — 3 об., 10 — 11 об., 63 об — 64.
- ³⁸ Загидуллин И. К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. — Казань, 2000. — С. 102.
- ³⁹ Загидуллин И. К. Татарские крестьяне Казанской губернии... С. 42.
- ⁴⁰ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 3315, лл. 376, 503 — 505.
- ⁴¹ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 248, лл. 11 — 11 об.
- ⁴² НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 9858. Л. 11 — 11 об.
- ⁴³ Там же. Л. 11 об.

- ⁴⁴ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д.1555, лл.135 – 136.
- ⁴⁵ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 690, лл. 556, 552 об.
- ⁴⁶ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 690, лл.533 об. 554.
- ⁴⁷ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 2888, л. 883 об.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 13. №11035. Ст. 1. Пп. 4 – 6.
- ⁵⁰ НА РТ. Ф.1, оп.3, д. 9858, л. 15 – 16.
- ⁵¹ *Марискин О. И.* Указ. соч. С. 74, 79 – 80.
- ⁵² НА РТ. Ф.1, оп.3, д. 9858, 812, л. 33.
- ⁵³ Там же. Л. 33.
- ⁵⁴ Там же. Л.33.
- ⁵⁵ Там же. Л. 33 об.
- ⁵⁶ НА РТ. Ф.1, оп.3, д. 2887, л. 109.
- ⁵⁷ НА РТ. Ф.390, оп. 1, д. 416, лл. 3, 3 об.
- ⁵⁸ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.3315, л. 487.
- ⁵⁹ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.6901, лл. 161 об.
- ⁶⁰ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.8898, лл. 384 об.–385, 402–403 об., 405, 410 об.
- ⁶¹ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.6901, л. 554 об.
- ⁶² Свод важнейших постановлений уездных земских собраний Казанской губернии XXI очередной сессии 1885 года. Издание Казанской губернской земской управы. – Казань, 1886. – С. 35.
- ⁶³ НА РТ. Ф.1, оп.3, д.3315, лл. 273 – 273 об.
- ⁶⁴ НА РТ. Ф.1, оп.3, д.2890, лл. 4 – 5.
- ⁶⁵ НА РТ. Ф.1, оп.3, д.6901, лл. 558 – 558 об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 558.
- ⁶⁷ Там же. Л.558 об.
- ⁶⁸ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.2887, лл. 91 об., 111.
- ⁶⁹ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.9858, л. 12.
- ⁷⁰ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.8898, л. 497 – 498.
- ⁷¹ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.3315, лл. 511, 519.
- ⁷² НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.3315, лл. 148 – 148 об.
- ⁷³ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.3316, лл. 45 – 46, 49.
- ⁷⁴ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.2888, л. 525 – 525 об.
- ⁷⁵ НА РТ. Ф.1, оп. 3, д.7117, лл. 293 – 296.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Изд. 1885 г. // Свод законов Российской Империи. Том XV. Ст. 354.
- ⁷⁸ НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 7117, лл. 93 – 94 об.
- ⁷⁹ Там же. Л. 119 – 119 об.
- ⁸⁰ Общее положение о крестьянах. Ст. 6. Прил. П. 3.
- ⁸¹ *Загидуллин И.К.* Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в. (60 – 90-е гг.). С. 67, 80.
- ⁸² НА РТ. Ф. 1, оп. 3, д. 6901, лл. 553 об. – 557.

Аннотация

В статье рассматриваются система сбора налогов с крестьян, действовавшая в пореформенный период, взаимоотношения общины и властей на этой стезе, пути решения проблемы с уплатой налогов и недоимок крестьян в татарских поземельных общинах.

Ключевые слова: татарские крестьянские общины, сельский староста, недоимки, фискальный гнет, неурожайные годы, платежеспособность крестьянского хозяйства, пореформенный период, распродажа имущества.

Summary

The article is about the system of tax collection from the peasants in the post-reform period, interrelations of the community and the authorities on this path, the ways of solution of the problems of discharge of tax and arrears among peasants in Tatar land communities.

УДК 008(091)

ОРИЕНТАЛИЗМ В СОЦИО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЧИТАЯ ЭДВАРДА В. САИДА

Г.Г. Нугманова, кандидат искусствоведения

Провинциальное архитектурно-градостроительное наследие, как правило, представляют как локальную разновидность магистральной линии развития общероссийской архитектуры, объясняя его особенности местной традицией, историческими, природно-географическими факторами и т.д. Исследования чаще всего носят описательный характер, ограничиваются констатацией фактов проявления местного своеобразия в рамках архитектурно-художественных стилей и временного отставания по сравнению со столицами. Подобные подходы отражают лишь результат и не позволяют увидеть глубину и суть происходивших явлений.

При изучении российской культуры имперского периода интересную картину дают методы и представления, выработанные современной гуманитарной наукой¹. Настоящая работа посвящена Волго-Уральскому региону XIX — начала XX в. Цель ее — обсуждение архитектурно-градостроительного процесса в контексте колониальной политики XIX в. В нем участвовали две стороны. Одна из них — российский центр, располагавший властными полномочиями, большим числом профессиональных идеологов, политиков, архитекторов и т.п., и, что не менее важно, имевший явную цель внедрить по всей стране идеи и образцы культуры, сформированные в столицах. Другая сторона — провинциальное общество рассматриваемого региона. Оно не вступало в спор с центром и по возможности следовало его указаниям, но сам способ выполнения этих указаний содержал в себе неявный

ответ на культурные манифесты центра и зачастую вызывал определенную реакцию в столицах. Именно имплицитность провинциального ответа создала ситуацию, когда диалогический характер архитектурно-градостроительного процесса в России до сих пор не привлекал внимания исследователей. Важно отметить, что население данного региона содержало значительный в численном отношении этнический и иноверческий компонент. Последнее обстоятельство меняло природу любых общественных процессов в регионе, привнося в них элемент межконфессиональных и межэтнических отношений. Это неизбежно касалось и архитектурно-строительной проблематики.

Нам представляется, что разработанная в мировой гуманитарной науке система подходов, известная как постколониальные исследования (postcolonial studies), позволяет адекватно раскрыть рассматриваемые нами явления в истории русской культуры. Отметим, что колониализм здесь понимается как явление не столько экономическое, сколько как культурное. В общих чертах оно сводится к тому, что обладающий властью центр империи связывает свою власть со знанием и считает необходимым распространить это знание на все колонизируемое пространство. Отношения российского центра и российского общества обычно характеризуют в таких терминах, как патернализм, ориентализм, колониализм и т.д.

Патернализм, как уподобление общественных отношений отношениям в патриархальной семье, часто приобре-

тал популярность на поворотах российской истории. Вероятно, это более понятное явление, чем колониализм или ориентализм. В отличие от них концепция патернализма относится скорее к словесной оболочке власти, чем к практическому ее осуществлению. Однако в связи с темой данного исследования стоит отметить, что в схеме «царь — отец, а православные — его дети» для неправославного населения оставалось в лучшем случае место пасынков.

Вышедшая в 1978 г. книга Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» стала событием в западной гуманитарной науке². Темой этой книги стал не сам ориентализм в классическом смысле этого слова, т.е. корпус научных данных об истории и культуре Востока, и не история формирования этого корпуса. Она посвящена критическому исследованию сложившейся в европейской (в основном британской и французской) и американской науке традиции изучения Востока, носящей по преимуществу имперский характер. Основной тезис Саида состоит в том, что западные исследователи изучают не презентации, а репрезентации восточной культуры и истории, иначе говоря, любой факт в этой области воспринимается через призму сложившихся на западе имперских представлений. Для Саида ориентализм — это не научная дисциплина, а сложившийся дискурс.

Нельзя сказать, что такая позиция была заявлена впервые именно Саидом. Многие западные интеллектуалы высказывали подобные мысли после первой мировой войны и особенно часто после крушения колониальных империй в середине XX в. Но, как уже говорилось, именно книга Саида стала событием. Конечно, это обусловлено главным образом тем, что в ней эта позиция заявлена очень ярко и снабжена разветвленной системой примеров и обоснований. Но немалую роль сыграла и личность автора. Палестинский араб-христианин с блестящим западным

образованием, профессор ряда американских и европейских университетов несколько лет был заместителем Ясира Арафата в руководстве организации ФАТХ. Во всяком случае, считается, что именно книга Саида положила начало современным *postcolonial studies*.

Саид довольно четко очерчивает предмет своей работы. Под Востоком в ней понимаются арабские страны и Индия, а под Западом — Великобритания, Франция, США и (в меньшей степени) Германия. Однако по мере роста популярности его концепции границы стали размываться. Например, в прошлом году в г. Алматы состоялась конференция на тему «Восточный Ориентализм», посвященная современному искусству азиатских стран, появился термин «оксидентализм», означающий репрезентации западной культуры на Востоке и т.п. Основной тезис Саида состоит в том, что западные исследователи изучают не презентации, а репрезентации восточной культуры и истории. Иначе говоря, любой факт в этой области воспринимается через призму сложившихся на западе имперских представлений. Многие из его наблюдений и выводов справедливы и для России. Например, о том, что ориентальное знание одновременно является властью.

Рассмотрим различные аспекты и преломления идей Саида применительно к имперской России.

Саидов ориентализм генетически связан с колониализмом. Как уже отмечалось, нас в первую очередь интересуют не экономические, а культурные аспекты колониализма. Они основаны на культурной дистанции между теми, кто осуществляет колонизацию, и теми, кто ей подвергается. Эта дистанция маркируется разными средствами — расовыми, этническими, религиозными, юридическими и т.д., которые, выступая в роли знаков-различий, выстраивают необходимую дистанцию между властителями и подданными. Работа с этой культурной дистанцией, манипулирование ей является ключевым элементом всякой колониальной политики.

В многонациональной и многоконфессиональной России значительная культурная дистанция существовала между русскими (православными) и инородцами. Здесь знаки-различия, необходимые для имперской администрации как коды «свой-чужой», наиболее очевидны и понятны.

Однако не менее значительной была культурная дистанция между правящими и низшими классами, относящимися к одной этнической группе. Эта дистанция также обозначалась маркерами. Самый яркий, по-видимому, пример представляет петровский эксперимент с бородами. Со временем классовый контраст только усилился, и знаки-различия касались теперь и языка (иноязычие верхов), религии (раскольниковство низов), существовали и юридические различия (телесные наказания для низов и тюремная система для верхов). Впрочем, процесс шел неоднозначно. Иногда идеи народности становились главенствующими и культурные различия российской элиты и православных низов в чем-то сглаживались.

Следовательно, колониализм и ориентализм, как его отражение в культуре, в России носили двойной характер. Во-первых, они существовали в обычном смысле колонизации Востока Российской империей. Здесь в качестве Востока выступали завоеванные народы, представлявшие традиционный предмет ориентализма. В другом случае оппозиции Запад-Восток соответствовала оппозиция государство (как носитель власти и культуры) — с одной стороны, и народ, подлежащий просвещению, т.е., в сущности, той же колонизации.

Особенность России, которую отмечают историки, заключалась в том, что в культурном, социальном и экономическом отношениях империя развивалась снаружи вовнутрь («В России центр на периферии» — писал Ключевский). Центры располагались по географической периферии, отсюда цивилизация распространялась в центр. Российские губернии подразделялись на внешние и на внутренние, и государственная по-

литика в отношении них очень сильно различалась. Первые из них находились в более благоприятных условиях. Они (Польша, Финляндия, Среднеазиатские Эмираты) имели определенные налоговые льготы и некоторые законодательные послабления по сравнению с великорусскими губерниями. Это необычно для классической колониальной ситуации, но вполне соответствует имперской логике, когда удержание завоеванных территорий имело самостоятельную ценность. В результате основные колонизационные усилия империи были направлены именно в центральные губернии и в Сибирь.

Этот российский путь колонизации, направленный не вовне, а внутрь метрополии, определяется термином «внутренняя колонизация», впервые употребленным по отношению к России еще в XIX столетии в западной науке (Август Гакстгаузен, *The Russian Empire, its People, Institutions, and Resources*, London, 1856). В современной историографии Петровские реформы были представлены как «уникальный акт самоколонизации русского народа» и термин «самоколонизация» имеет тот же смысл (Гройс Б. *Имена города // Гройс Б. Утопия и обмен*. М., 1993). Романом внутренней колонизации называет А. Эткинд русскую литературу XIX столетия. Он пишет: «Главные пути российской колонизации были направлены не в Польшу и даже не в Башкирию, но в тульские, поморские, оренбургские деревни. Сюда направлялись местные паломники в страну Востока. Здесь открывали общину, записывали фольклор, выявлялись старинные обычаи, странные секты. В российских столицах известия о новых экзотических открытиях воспринимались так же, как в европейских с одной лишь разницей — этот экзотический народ был своим и говорил на том же языке. Россия колонизовала саму себя, осваивала собственный народ. Народ был другим, хотя и говорил на русском языке, но те же слова произносил иначе и вкладывал в них иной смысл. Мис-

сионерство, этнография, экзотические путешествия, характерные явления колониализма в России были обращены внутрь собственного народа»³.

Таким образом, в конструкции, предложенной Саидом, в данном случае Востоком выступает российская глубинка, российская провинция.

Однако этот Восток расщеплен надвое. Значительная часть внутренних российских территорий была населена инородцами, например, Волго-Уральский регион, присоединенный еще в XVI в. Абсолютное большинство населения его населения составляли коренные жители, этнические инородцы — татары, чуваша, марийцы, мордва, удмурты, башкиры. Поэтому проводимая здесь политика может быть отнесена скорее к традиционному типу внешней колонизации. Вероятно, А. Эткинд прав в отношении башкир, поскольку российская империя быстро оставила почти бесполезные попытки внедрения своих культурных нормативов в среду кочевых народов. Власть ограничилась обозначением своего присутствия на линиях, отделяющих киргиз-кайсацкие орды, выстроив в местах культурных контактов 4 каменные мечети по имперскому образцу (городах Оренбурге, Верхнеуральске, Троицкой и Петропавловской крепостях).

Но колонизация оседлых инородцев шла полным ходом. Показателен проект Азиатской Академии, разработанный в 1810 г. С.С. Уваровым и предназначенный к «исправлению состоянию побежденных» народов с помощью такого сочетания просвещения и религии, которое способствовало бы образованию и благоденствию побежденных»⁴. Налицо описанный Саидом ориенталистский подход, сформулированный представителем имперской власти. Проект не был реализован, но основные его идеи были воплощены во внутренней политике Министерства народного просвещения, которое С.С. Уваров позднее возглавил. Основанные в г. Казани сначала гимназия (при Московском университете),

а затем в 1804 г. университет, ставший третьим императорским, стали подлинными очагами имперской науки о собственном Востоке. Здесь готовили имперских администраторов. В своей речи, посвященной десятилетию Министерства народного просвещения, С.С. Уваров отметит, что в области восточной словесности «Между всеми университетами европейскими, казанский есть первый», особо отметив тот факт, что в нем к «Государственной надобности обучаются на казенном содержании особые воспитанники» для определения в качестве должностных лиц⁵. Восточное отделение прославилось своими ориентальными коллекциями и учеными-востоковедами настолько, что поставляло кадры в столичный университет, а в советское время там оказались и его коллекции.

Что касается религиозного просвещения инородцев центральных губерний России, то часть их к моменту завоевания исповедовало язычество, а другая часть — ислам, утвердившийся здесь с X в. Завоевание этих народов сопровождалось насильственным крещением. Но постепенно волна массовой христианизации инородцев стихла настолько, что, как оказалось, два века спустя после завоевания в Казанской губернии практической в каждой татарской деревне имелось мечеть. Язычество также процветало.

Новый всплеск, пришедшийся на середину XVIII в., отличался поистине имперской жестокостью и оставил в народной памяти воспоминания, незабываемые на протяжении всего последующего времени и вытеснившие даже события XVI в. Интересы экономического развития и внешней политики заставляли метрополию проявлять гибкость и, в какой-то мере, идти на уступки. Власть создала институты для управления жизнью мусульманского населения под своим пристальным наблюдением. Духовное магометанского закона собрание было размещено подалее от мусульманского центра, русской Уфе. В Казани жизнью мусульман-

ского населения управляла Татарская ратуша. Созданные Институты сыграли консолидирующую роль в формировании татарской нации.

Существовали определенные различия в процессах колонизации регионов, населенных мусульманами и язычниками. Завоеватели очень долго не различали эти религии и проводили одинаковую политику насильственной христианизации. Различать их стали лишь ближе к середине XIX столетия, когда язычники были успешно крещены (хотя бы формально), а тщетность попыток массового обращения мусульман в христианство стала очевидной. Образовавшаяся относительно немногочисленная группа кряшен (крещеных татар) отличалась крайней неустойчивостью, готовностью при первой же возможности возвратиться в мусульманство. Мусульманство получило широкое распространение и среди языческих инородцев. Ислам стал соперничать с официальной религией, обращая в свою веру инородцев.

Результатом осознания неискоренимости и даже опасности ислама стала организация его изучения на специальном отделении во вновь созданной в Казани Духовной Академии. Красноречивы труды миссионеров – «Религиозные обряды и обычаи у татар-магометан», «О татаризации инородцев приволжского края», «О татарских мечетях», «Конфессиональные школы казанских татар», «О необходимости инородческих миссионеров в деле христианизации края» и т.д.

Чисто колонизаторским и в какой-то мере ориенталистским был один из самых грандиозных по масштабу и размаху проектов российских властей в области архитектуры и градостроительства – урегулирование поселений и внедрение образцовых фасадов в соответствии с западными идеалами. Реализация проекта, рассчитанного на преобразование огромной страны, растянулась более чем на два столетия.

Образцовый проект мечети 1829 г., напоминающий древнебулгарские па-

мятники, основан, если оперировать терминологией Саида, на западной репрезентации образа мечети, на ориентальном знании власти. Обращение к наследию отечественного средневековья при проектировании храмов соответствовало западной архитектурно-градостроительной концепции, которой следовали и в России. Однако власти неизвестно было настоящее Востока, который изменился со времен завоевания, в частности, утратил традиции монументального архитектурного зодчества. В период гонимого ислама выработался другой тип храма, ставший теперь традиционным. Две построенные по образцу 1829 г. мечети были возведены на казенных заводах на казенный счет, в то время как абсолютное большинство мечетей (которые были, хотя бы по одной, в каждой деревне, где проживали мусульмане), соответствовали сложившейся в регионе более поздней традиции.

Несоответствие традиции, дороговизна и сложность строительства мечетей по имперскому образцу вынудила мусульман в 1843 г. обратиться с посланием в «метрополию». Мусульмане попросили утвердить для них другие, более приемлемые образцы мечетей. Проекты, разработанные в Духовном управлении мусульман, сопровождались словесным описанием традиционной мечети, которая должна была быть «В простейшем виде, сообразно обычаю магометан, числу прихожан и их строению, а именно: вместо крестообразного здания, какое означено на образцовом плане, предоставить строить мечети из двух и трех комнат в ряд с особым позади здания местом для муллы (михрап) и на переди с крытым крыльцом, а наверху здания минаретою для провозглашения азана». Позднее описанное традиционное устройство мечети было открыто в этнографических исследованиях той же Духовной Академии.

В сопровождавших послание проектах минареты, врезанные в коньки крыш, отличались хорошими пропорциями и членениями, выработанными

в ходе длительной строительной практики. Однако фасады с запоздалыми, примитивно воспринятыми классицистическими формами «для большей правильности и благовидности» были в столице переделаны. Новые образцы с куполами и отдельно поставленными минаретами, которых предполагалось один, два или четыре, также отсылали к историческим прототипам, только в данном случае – к арабской средневековой архитектурной традиции. Вновь образ Востока создавался не на основе реального, существующего собственного Востока, а опирался на давно сложившиеся представления о далеком иностранном Востоке. И снова имперские образцы оказались мало востребованными. Указ 1862 г. отменил обязательное следование образцовым проектам и разрешил строительство мечетей по планам и фасадам, «какие прихожанам будут признаны удобными».

Результатом ориенталистского изучения собственного русского наро-

да стало открытие его культуры, в том числе традиционного зодчества, и, как следствие, широкое распространение влияния деревянной крестьянской архитектуры на гражданскую архитектуру российских городов.

Очевидно, что колониальную конструкцию можно распространить на широкий круг российской имперской архитектурно-градостроительной практики. В Волго-Уральском регионе с разнообразным этноконфессиональным составом населения и значительным процентом государственных крестьян социальные и культурные контрасты еще более усиливаются, субъекты и объекты колонизации еще более поляризуются. Используемые подходы, характеризующие постколониальные исследования, дают возможность описать такие тонкие культурные явления, как возникновение локальной версии ориентального дискурса из политических и экономических реалий и последующее его влияние на культурный процесс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Ричард С. Уортман*. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. – М., 2002; *А. Янов*. Россия и Европа. Книга вторая. Загадка Николаевской России, 1825-1855. – М., 2007.

² *Эдвард В. Саид*. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб., 2006.

³ *Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // НЛО. 2001. № 49. – С. 50-74; Он же. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // НЛО. 2003.*

⁴ *Уваров С. С.* Речь президента Академии наук. СПб., 1818.

⁵ *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833-1843. – СПб., 1864. – С. 23.

Аннотация

В статье рассматриваются возможности применения методов и представлений, выработанных современной гуманитарной наукой в области архитектурно-градостроительной деятельности на примере Волго-Уральского региона. В частности, система подходов, известная как постколониальные исследования, представляется эффективной при изучении региона со значительным этническим и иноверческим составом населения, позволяющей адекватно рассматривать происходившие явления в истории русской культуры имперского периода.

Ключевые слова: архитектура Волго-Уральского региона, этно-конфессиональный состав населения, постколониальные исследования.

Summary

The methods and conceptions of modern humanities using possibilities are considered in the field of Architectura and Town Planning on the example of Volga-Ural region. The Post-colonial studies approaches appear to be effective in the researching of the region with polyethnic and polyconfessional population.

УДК 94+39

ТОРГОВЦЫ И ГОСУДАРСТВО В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ХАНСТВАХ XIII–XVII вв.

Р.Ю. Почекаев, кандидат юридических наук

Экономическая история тюрко-монгольских ханств на сегодняшний день является одним из подробно проработанных аспектов в историографии этих государств. Однако, насколько нам известно, политический и правовой статус торговцев до сих пор практически не привлекал внимания исследователей. В настоящей статье мы намерены рассмотреть основные вопросы взаимодействия торговцев и государственных структур в тюрко-монгольских государствах XIII–XVII вв.

Частные лица или государственные служащие?

Традиция покровительства ханов торговцам берет начало еще со времен Чингис-хана, активно привлекавшего на службу иностранных купцов, которые нередко становились впоследствии и крупными государственными чиновниками. Эту политику в полной мере продолжили и его ближайшие преемники — великие ханы Угедэй, Мунке, Хубилай. В истории хорошо известны имена торговцев, сделавших головокружительную административную карьеру: хорезмийцы Махмуд Йалавач и его сын Масуд-бек, создавшие целую династию ханских наместников в Мавераннахре, Абд ар-Рахман — даруга Китая, члены венецианского семейства Поло, исполнявшие дипломатические поручения великого хана Хубилая и др.

Как видим, все перечисленные имена — отнюдь не монгольского происхождения, что, конечно, не случайно: сами монголы торговлей не занимались и поэтому прибегали к услугам представителей народов, среди которых тор-

говая деятельность имела давние традиции¹. Наибольшее число торговцев среди подданных тюрко-монгольских правителей были родом из уйгуров, персов, немало было также и итальянцев из морских торговых республик. В ряде золотоордынских документов XIV в. встречаются имена торговцев, позволяющие предположить кипчакское происхождение их обладателей — например, купец Бачман, упомянутый в ярлыке золотоордынского хана Бердибека крымскому даруге Кутлуг-Тимур². Арабские средневековые историки упоминают об аланских торговцах, которые вели дела между Золотой Ордой и Египтом³.

Таким образом, национальный состав лиц, осуществлявших торговую деятельность, был весьма пестрым — как и состав социальный: под понятие «торговцев», т.е. лиц, осуществлявших куплю-продажу товаров, могли попасть самые различные категории подданных тюрко-монгольских государств, что наглядно подтверждается текстами дошедших до нас ханских ярлыков.

Так, правители Юань первой пол. XIV в. — Буянту-хан (1314 г.) и его мать (1321 г.) в своих тарханных ярлыках и грамотах освобождают духовенство различных конфессий от уплаты, в т.ч. и торговых налогов («тамги»)⁴. Аналогичным образом, в ярлыках крымских ханов Мухаммад-Гирея IV (1642 г.) и Ислам-Гирея III (1654 г.) предписывается не взимать торговые пошлины и сборы с представителей духовенства, которые в течение ряда поколений были «молитвенниками ханов»⁵. Это дает осно-

вания полагать, что духовенство в тюрко-монгольских государствах активно занималось торговой деятельностью — возможно, освобождение от торговых сборов даже и стимулировало его коммерческую деятельность.

Не брезговали торговлей и представители правящей верхушки чингизидских государств. Например, в ярлыке золотоордынского хана Тимур-Кутлуга, выданном потомственным владельческим тарханам Хаджи-Мухаммаду и Махмуду (1398 г.), содержится положение: «если они поедут в Крым и в Каффу или опять выедут, и если они там что бы ни было купят или продадут, да не берут с них ни (гербовых) пошлин, ни весовых»⁶. Порой ярлыки, жаловавшиеся представителям какой-либо профессии (например, ярлыки крымских ханов второй пол. XV в. крымским караимам-пчеловедам⁷) или населению города в целом (ярлыки Хаджи-Гирея, Нур-Девлета и Менгли-Гирея⁸), также содержали положения об освобождении их обладателей от торговых пошлин. Следовательно, эта льгота распространялась на всех представителей профессии или все население города независимо от того, занимались ли они коммерческой деятельностью постоянно или же эпизодически.

Торговцы нередко обладали значительным кругом льгот и полномочий, практически равным полномочиям государственных чиновников. Еще во времена великого хана Угедэя купцы могли перемещаться по всей Монгольской империи, бесплатно пользуясь ямскими службами и охраной. Эта практика прекратилась только с приходом к власти великого хана Мунке (1251 г.): «[поскольку] торговцы ездят для приобретения денег, какой смысл [давать] ездить [им] на почтовых лошадях. И приказал, чтобы они ездили на собственных животных»⁹. Политику Мунке продолжил и Хубилай, своим указом 1263 г. повелевший всем купцам платить установленные налоги и сборы¹⁰. Право путешествовать с вооруженной охраной торговцы сохранили, но после

реформ Мунке и Хубилая должны были и ее нанимать за деньги¹¹. Впрочем, и позднее купцы иногда (подкупая соответствующих чиновников или пользуясь родственными связями) получали возможность пользоваться ямскими службами, однако это было прямым нарушением законов, и в случае обнаружения торговцев ждало наказание. Весьма показательным в этом плане письмо подданного империи Юань — жителя тангутского города Хара-Хото XIV в., в котором есть такие строки: «Несколько дней тому назад от Ван Шан-люй привезли шафран, плоды и муку, и я их получил. Прежде Шан-люй с дядюшкой, советником Чжоу-эр, вместе ехал на почтовых и боялся, что дело обнаружится»¹².

Таким образом, со времени правления Мунке-хана торговцы лишились привилегий как профессиональное сословие. Однако последующие правители нередко обходили установления великих ханов, широко жалуя торговцам личное тарханство — освобождение от пошлин и сборов, и право пользоваться государственными ресурсами. Эта традиция сохранилась даже в конце XV—XVI вв. Так, например, Бабур в своих записках упоминает, что при взятии Самарканда в 1500 г. сражался с неким Фазил-тарханом, причем специально оговаривает, что этот Фазил не принадлежал к самаркандским тарханам (потомственной знати еще со времен Чингис-хана), а был купцом и получил тарханство от Мухаммада Шайбани-хана за оказанные ему услуги¹³.

Конечно, нельзя исключать, что купцы, стремясь освободиться от уплаты многочисленных налогов и пошлин, просто-напросто могли покупать себе тарханство и освобождение от уплаты налогов и сборов. Однако в ряде случаев пожалование им льгот и привилегий объяснялось, и в самом деле, теми услугами, которые они оказывали правителям тюрко-монгольских государств.

Дипломаты и шпионы

Одной из наиболее распространенных ипостасей «торговца на государст-

венной службе» была роль купца-дипломата. Наверное, наиболее известные примеры — это Махмуд Йалавач, ездивший в качестве посла Чингис-хана к хорезмшаху Мухаммаду II или семейство Поло, выполнявшее дипломатические миссии на службе у хана Хубилая (до того, как они официально стали чиновниками). Вспомним также и уже упоминавшееся у арабских историков «доверенное лицо из аланских торговцев», которое в начале 1260-х гг. осуществляло обмен посланиями между золотоордынским правителем Берке и египетским султаном Бейбарсом¹⁴.

Торговцы могли использоваться чингизидскими правителями в качестве дипломатов, прежде всего, на раннем этапе существования империи, когда в распоряжении ханов не было еще развитой дипломатической службы, и имелись только отдельные чиновники (большей частью китайские и уйгурские), выполнявшие функции послов эпизодически. Но уже к XIV в. в чингизидских государствах стали формироваться целые династии чиновников, среди которых были и потомственные дипломаты, поэтому надобность в широком использовании купцов в качестве послов к иностранным государям отпала автоматически.

Тем не менее, и позднее имели место случаи, когда ханы-Чингизиды отправляли своих купцов за границу в качестве своих посланцев. Так, например, в 1643 г. бухарский хан Абд ал-Азиз отправил в Москву «торгового человека» Ходжа-Ибрахима, выдав ему ярлык как своему представителю. А в 1703 г. другой бухарский хан Убайдаллах II отправил в Москву «купчину» Мир-Курбана, который должен был закупить товары для ханского двора. Торговцу был выдан ярлык, свидетельствующий о его дипломатическом статусе и праве вести переговоры с «Чаган-ханом», т.е. «белым царем»¹⁵.

Торговцы оставались востребованными в качестве дипломатов при осуществлении, можно сказать, «неофициальных» и «деликатных» миссий, когда

правители тюрко-монгольских государств стремились не слишком афишировать свои внешнеполитические устремления. Таким образом, «оборотной стороной медали» в процессе дипломатической деятельности торговцев была деятельность разведывательная.

Известно немало случаев, когда торговцы из тюрко-монгольских государств, находившиеся за рубежом, страдали из-за своей реальной или мнимой шпионской деятельности. Пожалуй, наиболее ранний пример относится, опять же, ко времени правления Чингис-хана: в 1218 г. в хорезмском городе Отраре был истреблен целый караван из 400 его торговцев, которых местный правитель обвинил в шпионаже в пользу монгольского хана. Примечательно, что все историки — как сторонники монголов, так и их противники — утверждают, что обвинение этих купцов в шпионаже было лишь предлогом, под которым отрарский правитель Гайир-хан захватил имущество этих купцов¹⁶.

И впоследствии торговцы неоднократно страдали из-за политических распри государей. Так, например, арабский автор ал-Умари сообщает о попытке Берке утвердиться в Иране с помощью торговли. Правитель Золотой Орды заключил перемирие с ильханом Абагой и попросил у него разрешения построить в Тебризе несколько ткацких фабрик. Эти фабрики по замыслу Берке должны были стать местами сбора его сторонников, а их работники — ордынскими соглядатаями. Узнав о планах золотоордынского правителя, Абага немедленно приказал разрушить его фабрики. Берке, в свою очередь, повелел перебить иранских торговцев, находившихся на территории Улуса Джучи¹⁷.

Использование торговцев в качестве шпионов и информаторов было распространено не только в государствах Чингизидов. Например, известно, что золотоордынские ханы Арабшах в 1378 г. и Токтамыш в 1382 г. при подготовке нашествий на Русь приказали захватить русских купцов, пребывавших на территории Золотой Орды, что-

бы они не сообщили русским князьям о готовящихся походах¹⁸.

Шпионаж под предлогом торговых отношений получил широкое распространение в Восточном Дешт-и Кипчаке на рубеже XV–XVI вв., когда обострилась борьба между узбеками Мухаммада Шайбани и казахскими султанами. Фазлаллах б. Рузбихан, придворный историк Шайбани-хана, сообщает, что в начале XVI в. «несколько раз был издан августейший указ, чтобы население Туркестана никаких торговых сделок с казахскими купцами не совершало, и чтобы между ними и жителями этих земель не было взаимных посещений и поездок купцов. Так что несколько раз в некоторых районах Туркестана и городах Хорезма было приказано ограбить казахских купцов. У ханского величества при издании этого указа были в виду разного рода и мудрые соображения...»¹⁹.

Зададимся вопросом: почему же торговцы соглашались выступать лазутчиками тюрко-монгольских правителей, если столь часто страдали за это? Повидимому, ханское покровительство, а также льготы и привилегии, получаемые в обмен на оказание «деликатных услуг», стоили риска, на который шли торговцы.

«Коммерческие предприятия с государственным участием»

Правители тюрко-монгольских государств не только привлекали торговцев на государственную службу. В меньшей степени они были заинтересованы и в основной профессиональной деятельности торговцев, и даже нередко являлись их компаньонами в коммерческих предприятиях. Эти «предприятия» известны под названием «ортаков» и представляли собой объединение капиталов торговцев и других участников, между которыми в дальнейшем делилась прибыль соразмерно их долям.

Начало традиции участия тюрко-монгольских правителей в «ортаках» положил Чингис-хан — как и основам торговой политике Монгольской империи в целом. В 1218 г., после заклю-

чения мира с хорезмшахом Мухаммадом основатель Монгольской империи прямо-таки приказал своим родичам и приближенным вложить средства в караван, идущий в Хорезм для торговли — тот самый, который затем был захвачен и истреблен в Отраре²⁰.

Несмотря на столь неудачный дебют, Чингизиды очень скоро поняли выгоду подобных «инвестиций» и уже при ближайших преемниках Чингис-хана стали широко вкладывать средства в торговые операции. Джувейни и Рашид ад-Дин в жизнеописании великого хана Угедэя приводят несколько сообщений о пожаловании ханом средств различным торговцам²¹. И хотя историки преподносят это как примеры великодушия и щедрости Угедэя, нет сомнения, что на самом деле речь идет именно о его вложениях в коммерческие предприятия.

Примеру великого хана следовали и его родственники, также широко вкладывавшиеся в «ортаки», нередко злоупотребляя своим положением. Так, например, Сорхуктани, супруга Тулуя (четвертого сына Чингис-хана) и мать будущего великого хана Мунке, однажды потребовала, чтобы Угедэй включил в состав своего посольства несколько «ортакчи», в товары которых она вложила свои средства. В составе дипломатической миссии ее компаньоны-купцы могли пользоваться всеми льготами, положенными имперским чиновникам и, соответственно, их затраты на путешествие были бы гораздо меньше, а прибыль — больше. Несмотря на сопротивление великого хана, его невестка сумела настоять на своем²². Позднее такими же приемами пользовались и другие чингизидские правители — например, хивинский хан Исфендиар в 1640 г. отправил в Москву посольство, в состав которого включил 12 торговцев, которые, таким образом, обладали дипломатическим статусом и, ведя обычную коммерческую деятельность, имели право на привилегии, принадлежащие послам²³. Неоднократно вкладывались в торговые предприятия золотоордынские правители Бату и Берке, а также и

персидские ильханы, тоже жаловавшие своим торговым партнерам ярлыки, предоставляющие льготы и привилегии²⁴.

Больших привилегий ортаки добились при дворе императоров Юань. Так, чрезмерное увлечение членов правящей династии торговыми операциями и, как следствие, усиление при дворе влияния «ортаков» вызвало негативную реакцию имперских чиновников, которые в 1324 г. подготовили указ об ограничении этой практики. Однако великий хан Йесун-Тэмур не только не подписал его, но и под давлением своих родичей приказал выплатить этим торговцам 102 000 дин бумажными деньгами за их заслуги перед империей²⁵.

И в дальнейшем «ортаки» пользовались значительным ханским покровительством в тюрко-монгольских государствах, что нашло отражения в официальных документах, сохранившихся до нашего времени. Так, золотоордынский хан Токтамыш в своем ярлыке-послании к польскому королю Ягайло (1392–1393 гг.) уделяет особое внимание свободному проезду ортаков между ордынскими и польско-литовскими владениями²⁶. Аналогичным образом, золотоордынский хан Улуг-Мухаммад, направивший впервые после долгого перерыва послание турецкому султану с предложением установить дипломатические отношения, специально оговаривает: «Пусть по суше и по воде ездят купцы-уртаки»²⁷. Крымский хан Мухаммад-Гирей IV в своем гахеднаме польскому королю Яну-Казимиру (1654 г.), отмечая преимущества политического союза, пишет: «В результате друг каждого из нас будет другом, враг – во враждебности, купцы Ваши будут ездить в Крым, Наши купцы в Вашу страну, установится взаимное посещение, утвердится любовь и дружба»²⁸.

Сохранялась практика покровительства «ортакам» и в пост-чингизидских государствах. Например, в 1388 г. монгольский князь Намун («императорский зять»), управлявший землями, под-

властными империи Мин, в послании к китайскому императору также предлагал, чтобы его «ортаки» могли торговать в китайских владениях беспопытно, обещая, со своей стороны, договориться об ответных мерах со стороны чагатайских правителей Камула²⁹.

«Ортаки», таким образом, являлись своего рода профессиональными ассоциациями, которые выражали и защищали интересы своих членов. И, надо отметить, у торговцев было немало возможностей делать это на самом высоком государственном уровне.

Политическая роль торговцев в тюрко-монгольских государствах

Как мы убедились, торговцы нередко являлись весьма влиятельными людьми. Как следствие, они достаточно активно вмешивались в государственную политику, преследуя собственные интересы. Т. Оллсен в качестве примеров такого влияния торговцев в политической сфере приводит деятельность Махмуда Йалавача и Абд ар-Рахмана при Угедэе, Ахмада при Хубилае и пр³⁰. Однако мы не согласны с этими примерами, поскольку эти лица являлись лишь бывшими торговцами, ставшими чиновниками, и участие в государственной политике стало частью их прямых обязанностей. Другое дело, что они могли покровительствовать торговцам, которые через них (и других своих бывших коллег) лоббировали собственные интересы на государственном уровне. Так, например, Чжао Хун, посол китайской империи Южная Сун к Чингис-хану (1223 г.) упоминает о некоем уйгурском торговце по имени Тянь, который практически убедил великого хана начать войну с империей Цзинь³¹.

Весьма красноречивым проявлением влияния торговцев на государственную политику является следующий эпизод времени царствования Хубилая. Согласно Рашид ад-Дину, несколько высоких сановников «из числа зловерных, подлых и порочных [людей] своего времени» убедили великого хана издать указ о казни каждого, кто будет умерщвлять скот по мусульманскому обычаю

даже у себя в доме. Когда указ был издан, представители мусульманского купечества обратились к Санге, везиру великого хана и заявили, что в связи с этим указом мусульманские торговцы намереваются покинуть страну, что приведет к недостатке товаров, снижению поступления налогов и пошлин. В результате везир убедил хана отменить этот указ и позволить мусульманам совершать умерщвление скота согласно собственным предписаниям³².

Не подлежит сомнению активное участие мусульманского купечества в приходе к власти в Золотой Орде царевича Узбека в 1313 г. Хорошо известен эпизод, описанный средневековыми арабскими историками ан-Нувайри, ал-Макризи и ал-Айни: когда египетский султан ан-Насир пожелал жениться на царевне из дома Джучи, хан Узбек потребовал за ее огромный калым (по некоторым сведениям, в размере до 1 млн. динаров!), а когда посланцам султана не хватило средств, они вынуждены были занять их у ордынских купцов³³. Учитывая поддержку, которую мусульманские купцы оказали Узбеку ранее, этот эпизод (обычно трактуемый как проявление высокомерия и жадности золотоордынского хана) можно истолковать совершенно иначе: в благодарность за поддержку при захвате власти хан позволил своим друзьям-купцам совершить выгодную сделку, дав деньги египетским послам под большие проценты.

Похожим представляется и случай с великим князем московским Василием II, который, выиграв спор за великое княжение, был вынужден занять деньги у золотоордынских купцов «Резеп-Хози» и «Абиша» для подношений хану и его сановникам³⁴. По-видимому, заем у ордынских, а не у своих же, русских купцов объяснялся влиянием упомянутых торговцев при ханском дворе, также стремившихся получить с князя немалые проценты.

Весьма интересный факт подтверждает влияние золотоордынских торговцев на хана Джанибека. В 1340-е гг.

хан вел войну с венецианскими и генуэзскими колониями Причерноморья, причем поводом послужило убийство итальянским дворянином золотоордынского купца (подробнее мы этот случай рассмотрим ниже). Но к 1350 г. он был вынужден прекратить боевые действия – по просьбе своих же купцов, которые терпели значительные убытки из-за прекращения торговли с итальянскими торговыми республиками³⁵.

Нередко влияние отдельных торговцев при дворе объяснялось их способностью привезти правителю какую-либо редкую вещь или поведать об интересных фактах и событиях, происходивших в других государствах. Именно этим объясняется, в частности, благосклонное отношение золотоордынского правителя Берке и великого хана Хубилая к семейству Поло, разных ханов-Чингизидов к Ибн Баттуте и т.д. Соответственно, такие торговцы со временем либо сами становились государственными чиновниками, либо орудием влияния своих коллег при ханских дворах.

«Фритредерство» или «протекционизм»?

Итак, ханы имели существенный доход от своего партнерства с торговцами из числа своих подданных. Однако не меньше доходов приносили им и торговые налоги, взимаемые с иностранных купцов из разных стран, активно и выгодно торговавших с государствами Чингизидов. Казалось бы, в таких условиях, наилучшим решением была полная свобода торговли, ограничение вмешательства государства в торговую деятельность лишь сбором налогов и пошлин (причем, достаточно невысоких) – в дальнейшем такая политика получила название «фритредерства».

И в самом деле, известно немало документов, предоставляющих иностранным торговцам значительные льготы в государствах Чингизидов. Так, еще на рубеже 1260–1270-х гг. золотоордынский хан Менгу-Тимур выдал ярлык ганзейским купцам из Риги на право бес-

пошлинной торговли в Золотой Орде и повелел своему вассалу, великому князю Ярославу Ярославичу обеспечить им «путь чист», т.е. право беспошлинного проезда через русские земли³⁶. Золотоордынские ханы и персидские ильханы жаловали венецианским и генуэзским торговцам ярлыки, согласно которым те освобождались от уплаты одних налогов и сборов и имели льготы по другим³⁷. В 1370-е гг. временщик Золотой Орды Мамай от имени хана Мухаммада-Булака предоставил торговые льготы также польско-литовским купцам из Кракова и Львова³⁸.

Безусловно, такая политика была выгодна тюрко-монгольским правителям: сниженные или отмененные налоги и сборы компенсировались количеством зарубежных торговцев, привлеченных столь благосклонным отношением к ним ханов-Чингизидов. Кроме того, немалые средства ханы получали от выдачи купцам и торговым сообществам льготных ярлыков — в виде подношений или официальных сборов.

Тем не менее, говорить о «фритредерстве» в полной мере применительно к чингизидским и пост-чингизидским государствам XIII–XVII вв. не приходится. Ханы и правители прекрасно понимали, что подобная политика может привести их страны к зависимости от иностранных торговцев и ослаблению собственных ремесла и торговли. Именно с целью избежать такого развития событий ханы-Чингизиды всегда старались найти противовес чрезмерно влиятельным иностранным торговцам. Именно поэтому, например, Мамай в 1370-е гг., чтобы не зависеть целиком и полностью от итальянской морской торговли в Причерноморье, даровал льготы польско-литовским торговцам из Кракова, а затем (чтобы и они не стали монополистами в сфере внешней золотоордынской торговли) — их конкурентам из Львова.

Выдавая льготные ярлыки иностранным торговцам, чингизидские правители жаловали такие же ярлыки (даже в большем количестве) и собственным

купцам: до нашего времени сохранились тарханные ярлыки ханов Золотой Орды, Крымского и Казанского ханств, предоставляющие их подданным право беспошлинной торговли.

По сути, эти шаги представляли собой лишь «компенсацию» ханов по отношению к собственным подданным за свое же благорасположение к иностранным торговцам. Однако время от времени предпринимались шаги, имевшие целью именно стимулировать внутреннюю экономику и «поддержать отечественного производителя». Документально подтвержденный пример такой деятельности — поддержка ханами Золотой Орды местного кожевенного производства. В ярлыке хана Джанибека (1342 г.) содержится следующее положение: «Также, если окажется, что какой-либо венецианец присвоит или купит невыделанную шкуру, то ему надлежит, как это делают генуэзцы, уплатить нам торговый налог, максимальный размер которого 50%, а минимальный — 40%»³⁹. Это же положение присутствует и в последующих ярлыках Джанибека (1347 г.) и Бердибека (1358 г.), что не случайно: кожевенное производство было одним из наиболее развитых в Золотой Орде, и поэтому приобретение иноземными купцами невыделанных шкур лишало работы и заработка значительное число местных производителей. Соответственно, хан своим указом защищал интересы ордынских ремесленников⁴⁰.

Но если тюрко-монгольские правители XIII–XV вв. выдавали ярлыки и иностранным и собственным торговцам как пожалования, освобождение от налогов, то в более поздние времена эти указы превратились в орудие регулирования торговли, управления ею. Так, например, ногайские торговцы, отправлявшиеся торговать за рубеж, должны были в обязательном порядке получить «ерлык» бия — верховного правителя Ногайской Орды. Если у них не было «ерлыков», то их торговля считалась контрабандной, и они могли понести за нее наказание⁴¹.

Иногда формы защиты интересов собственной торговли приобретали и более активные формы. Так, например, один из выдающихся среднеазиатских монархов Мухаммад Шайбани в молодости, в годы своего «казачества» даже лично сопровождал в качестве военного эскорта купеческие караваны, направлявшиеся в подконтрольные ему города на Сырдарье⁴².

Другой пример: в 1646 г. московские «гости» (торговцы) в Хивинском ханстве были ограблены — причем, не «трухменцами» (туркменскими подданными хивинских ханов, которые грабили как иноземные, так и собственные, хивинские караваны), а самим ханом Абу-л-Гази, который, к тому же, еще и приказал бросить русских купцов в темницу⁴³. Представляется весьма трудным объяснить эти действия хана, поскольку никакой войны с Россией Хива тогда не вела, а напротив — поддерживала дипломатические отношения. Полагаем, что причиной стало именно соблюдение интересов собственных купцов, опасавшихся конкуренции со стороны русских торговцев. Любопытно, впрочем, что когда подобный же инцидент снова имел место в Хиве, хан Абу-л-Гази объяснил царю Михаилу Федоровичу причины задержания русских купцов тем, что... опасался, как бы их не ограбили туркмены⁴⁴.

Отметим, впрочем, что и в России того времени нередко чинились обиды хивинским и бухарским купцам⁴⁵, так что действия хивинского хана могли стать своего рода ответной мерой. Подобная политика была весьма распространена в тюрко-монгольских государствах и нуждается в особом рассмотрении.

Престиж торговцев — престиж государства

Торговцы были не только источником доходов для ханов и правителей тюрко-монгольских государств — в первую очередь, они являлись их подданными, и поэтому статус торговцев вообще и каждого отдельного купца в частности в иностранных государствах

был предметом интереса чингизидских и пост-чингизидских правителей.

Соответственно, отношение к торговцам за рубежом для тюрко-монгольских правителей символизировало отношение иностранных правителей к ним самим и вызывало соответствующую ответную реакцию. Мы уже обращали внимание, что, например, в Золотой Орде существовал ряд налогов и сборов, которые отсутствовали в Монгольской империи и других чингизидских ханствах, но зато были широко распространены в Европе — в частности, таможенные пошлины, пограничные сборы и пр. Несомненно, их появление в налоговой системе Золотой Орды следует считать ответными мерами на соответствующие налоги и сборы, взимаемые с ордынских купцов в европейских государствах⁴⁶.

Соответственно, оскорбления, наносимые купцам — подданным тюрко-монгольских ханов воспринимались как оскорбление ханского достоинства и нередко влекли серьезные последствия в международном масштабе. Так, в 1343 г. в Азове в результате уличной драки знатный венецианец Андреоло Чиврано убил ордынского купца Ходжу Омара. Из-за этого многие европейские жители и посетители Азова были ограблены и убиты, другим пришлось бежать. Джанибек, разгневанный на европейцев, которые вели себя столь вызывающе в его владениях, повелел изгнать всех итальянских торговцев из Таны сроком на пять лет⁴⁷. Кроме того, по приказу хана в устье Дона было разрушено поселение Порто-Пизано, принадлежавшее (как следует из его названия) пизанским купцам, которые с этого времени практически лишились возможности вести торговлю с Золотой Ордой⁴⁸. Не удовлетворившись этим, Джанибек в 1344 и 1345 гг. осаждал Кафу, генуэзские правители которой поддержали венецианцев в противостоянии с ханом. Обе осады оказались безрезультатны, но хану удалось взять реванш, все же запретив итальянцам торговать в Золотой Орде. Благодаря

сильному влиянию итальянских купцов при ханском дворе, в 1347 г. запрет был снят, и венецианцы Азова снова могли вести свою коммерцию во владениях Джанибека: они получили новый ханский ярлык, в котором, правда, налог с оборота был увеличен с 3 до 5%⁴⁹.

В 1353 г. произошел еще один венециано-ордынский конфликт: в Средиземном море, венецианцы взяли на abordаж генуэзскую галеру и захватили в плен ее пассажиров, среди которых оказалось несколько купцов — подданных золотоордынского хана, причем один из них был убит, а остальные раздеты едва ли не догола и брошены в темницу. В результате начался длительный судебный спор, который от Джанибека перешел «по наследству» к его сыну Бердибеку. Новый хан поручил разбор дела своей бабке Тайдуле и крымскому даруге Кутлуг-Тимуру. Ханша и сановник удовлетворились денежной компенсацией пострадавшим и их семьям (не забыв выговорить и себе вознаграждение «за труды»), так что обидчики сравнительно легко отделились⁵⁰.

Подобные длительные разбирательства имели место и в дальнейшей практике тюрко-монгольских государств. Так, в течение 1614—1615 гг. в Москве шло разбирательство дела бухарского «купчины» Науруза, который был отправлен с дарами от хана Имам-Кули к царю Михаилу Федоровичу, но по дороге ограблен самарским воеводой Д.П. Пожарским. В дело вмешались бухарский хан и московский царь, вступившие в переписку, но рассмотрение закончилось ничем⁵¹. Нас, впрочем, интересует не столько результат, сколько

уровень разбирательства подобных дел, свидетельствующий о том, какое значение придавали ханы-Чингизиды отношению к своим торговцам со стороны иностранных государей и как настойчиво старались защитить их интересы — хотя бы и дипломатическими методами.

Выводы

На основе вышесказанного можно утверждать, что со времен Чингис-хана торговцы играли существенную роль в политической жизни тюрко-монгольских ханств. Преемники Чингис-хана в полной мере следовали политике своего родоначальника в торговой сфере, всемерно покровительствуя торговцам как внутри страны, так и на международной арене. Покровительство монархов постоянно находило отражение и в их правовых актах, и в международной переписке.

Конечно, в разные времена и при различных правителях отношение к торговцам менялось, но в целом оно оставалось преимущественно благожелательным, поскольку торговцы могли быть полезны государству (и государям) в самых разных ипостасях — как компаньоны в коммерческих предприятиях, дипломаты и шпионы... Не удивительно, что ханы-Чингизиды и их преемники уделяли столь пристальное внимание развитию торговли и создавали торговцам из числа своих подданных «режим наибольшего благоприятствования». Сами торговцы нередко имели большое влияние при ханских дворах, а отношение к ним на международной арене могло привести даже к войне тюрко-монгольских государей с иностранными правителями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина / Пер. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. — М., 1960. — № 5. — С. 144.

² Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002. — С. 189.

³ История Казахстана в арабских источниках. Т. I: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / Подгот. нов. изд., введ., доп. и коммент. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы, 2005. — С. 69, 88.

- ⁴ *Поппе Н.Н.* Квадратная письменность. — М.; Л., 1941. — С. 65, 69, 73.
- ⁵ *Смирнов В.Д.* Крымско-ханские грамоты. Симферополь, 1913. — С. 31-32.
- ⁶ *Григорьев А.П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература. — 2006. — С. 99; *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. III. 1889. — С. 21.
- ⁷ *Самойлович А.Н.* Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV-XVII вв. // Самойлович А. Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. — М., 2005. — С. 233-234.
- ⁸ *Смирнов В.Д.* Татарско-ханские ярлыки из собрания Таврической учёной архивной комиссии // Известия Таврической учёной архивной комиссии. 1917. № 54. — С. 8-14. См. также: *Усманов М.А.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. Казань, 1979. — С. 62-72.
- ⁹ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевского. М.; Л., 1960. — С. 141. См. также: *Allsen T. T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200-1260 // *Asia Major* Ser. 3. Vol. 2. Part 2. 1989. — P. 105-107.
- ¹⁰ *Endicott-West E.* Merchant Associations in Yuan China: The *Ortoy* // *Asia Major*. Ser. 3. Vol. 2. P. 2. — 1989. P. 10-141.
- ¹¹ *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. — С. 97; *Di Cosmo N.* Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // *Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World* / Ed. by R. Amitai and M. Biran. Leyden; Boston, 2005. — P. 399-400.
- ¹² *Иванов А.И.* Документы из города Хара-Хото. I. Китайское частное письмо XIV века // Известия Императорской Академии наук. VI сер. Т. VII. 1913. Сентябрь-декабрь. №№ 12-18. Второй полутом. — СПб., 1913. — С. 815.
- ¹³ *Бабур-наме* / Пер. М. А. Салье. Ташкент, 1992. — С. 102.
- ¹⁴ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. — С. 69, 88.
- ¹⁵ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVIII вв. // Труды историко-археологического института и института Востоковедения. Материалы по истории СССР. Вып. 3. Л., 1932. — С. 185, 276-277.
- ¹⁶ *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели З. М. Буниятова. — М., 1996. — С. 73-74; *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997. — P. 78-80. Ср.: *Тузмухамедов Р.А.* Некоторые международные и международно-правовые аспекты, создания, существования и падения Золотой Орды // Московский журнал международного права. 1995. № 1. — С. 122.
- ¹⁷ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. — С. 177-178.
- ¹⁸ Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000. — С. 281; *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. — М., 1978. — С. 45; *Татищев В.* История Российская. В 3 т. Т. 3. М., 2005. — С. 148.
- ¹⁹ *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани.* Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., пред., прим. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. — М., 1976. — С. 101.
- ²⁰ *Allsen T. T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners. P. 88-90; *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror. — P. 209-211.
- ²¹ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. — С. 54-56; *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror. — P. 209-211.
- ²² *Allsen T. T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners. — P. 116
- ²³ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — С. 147.
- ²⁴ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. — М., 1998. — С. 117-118; *Allsen T. T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners. — P. 109-112.
- ²⁵ *Endicott-West E.* Merchant Associations in Yuan China. — P. 149-151.

- ²⁶ Радлов В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука. — С. 6. См. также: *Melek Ozuyetgin A. Orta Zaman Turk Dili ve Kulturu Uzerine Incelemeler*. Ankara, 2005. — P. 172.
- ²⁷ Султанов Т.И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. — М., 1975. — С. 55. См. также: *Melek Ozuyetgin A. Orta Zaman Turk Dili ve Kulturu Uzerine Incelemeler*. — P. 173.
- ²⁸ Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654-1658. — М., 2003. — С. 105.
- ²⁹ *Endicott-West E. Merchant Associations in Yuan China*. — P. 152-153.
- ³⁰ *Allsen T.T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners*. — P. 124.
- ³¹ Мэн-да Бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с китайского, введение, комментариев и приложения Н.Ц. Мункуева. — М., 1975. — С. 72. См. также: *Allsen T.T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners*. — P. 125.
- ³² *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. — С. 190-191.
- ³³ История Казахстана в арабских источниках. Т. I. — С. 136-137, 310, 363-364.
- ³⁴ *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. — М., 1991. — С. 60-61.
- ³⁵ *Шостак В.* История черноморской торговли в средних веках. Ч. I. Одесса, 1850. — С. 86.
- ³⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанева [и др.]. Под ред. С.Н. Валка. — М.; Л., 1949. — С. 57. См. также: *Allsen T.T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners*. — P. 84.
- ³⁷ См., напр.: *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002; *Кенпен П.* О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. — С. 85-87; *Мурзакевич Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. — С. 51-52; *Desimoni C.* Trattato dei Genovesi col Chan dei Tartari nel 1380-1381 scritto in lingua volgare // Archivio storico italiano fondata da G.P. Vieusseux. 4-a ser. T. XX. Firenze, 1887; *Di Cosmo N.* Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries; *Mas Latrie L. de.* Privilege commercial accorde en 1320 a la Republique de Venise par un roi de Perse, faussement attribute a un roi de Tunis (Extrait de la Biblioteque de l'Ecole des Chartes). Paris, 1870.
- ³⁸ *Хеллер К.* Золотая Орда и торговля с Западом // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. — Казань, 2001. — С. 119.
- ³⁹ *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. — С. 73.
- ⁴⁰ *Григорьев А.П.* Коллекция золотоордынских документов середины XIV века из Венеции // Востоковедение. Вып. 22. 2002. — С. 217.
- ⁴¹ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. — С. 523. См. также: *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III — середина XVI в.). — Казань, 2007. — С. 263-264.
- ⁴² *Камал ад-Дин (Шир-) Али Бинаи.* Шайбани-наме («Книга о Шайбане») // Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. А.-А., 1969. — С. 111.
- ⁴³ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 202. См. также: *История России: Россия и Восток*. — СПб., 2002. — С. 200.
- ⁴⁴ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — С. 206-207.
- ⁴⁵ См., напр.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — С. 110-111, 114.
- ⁴⁶ *Почекаев Р.Ю.* Статус ханов Золотой Орды: правовое регулирование // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005. — С. 154-155.
- ⁴⁷ *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. — С. 79; *Гузейров Р.* Товарно-денежные отношения и караванные пути Хаджитархана в XIII-XIV веках // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2000. № 3/4.
- ⁴⁸ *Хеллер К.* Золотая Орда и торговля с Западом. — С. 118-119.
- ⁴⁹ *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. — С. 104-105.

⁵⁰ Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. – С. 172, 185-191, 199-206, 215-217; Карпов С. П. Латинская Романия. – СПб., 2000. – С. 177-178.

⁵¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. – С. 110-113.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы взаимоотношения торговцев и властей в тюрко-монгольских государствах XIII–XVII вв. Автор рассматривает место и роль торговцев в государственной структуре и политической жизни чингизидских и пост-чингизидских ханств, государственное регулирование торговой деятельности, влияние торговых интересов на внешнюю политику этих государств, отражение вопросов торговой деятельности в правовых актах.

Автор приходит к выводу, что на протяжении веков торговая политика чингизидских государей отличалась последовательным покровительством торговцам, защитой их интересов, поскольку часто сами монархи были заинтересованы в прибыльности коммерческих предприятий.

Ключевые слова: торговцы, ханство, ярлыки, тарханы, Монгольская империя, Чингисхан, Золотая Орда, тюрко-монгольские государства.

Summary

The subject of article is relations between merchants and authorities in Turk-Mongol states of 13th–17th centuries. Author analyses the place and the role of merchants in state structure of Genghiskhanids' and post-Genghiskhanids' states, state policy of trade, influence of merchants' interests on foreign policy of these states as well as reflection of trade activity in legal acts.

Author consists that the trade policy of Genghiskhanides during the ages was successive in protection of merchants, their interests as very often monarchs themselves had interests in the commercial enterprises and their profits.

УДК 373 "18/19"

РУКОВОДСТВО КАЗАНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА И ОТКРЫТИЕ РУССКО-ТАТАРСКИХ УЧИЛИЩ И РУССКИХ КЛАССОВ ПРИ МЕКТЕБАХ И МЕДРЕСЕ (1870–1905 гг.)

Ч.Х. Саматова

Манифестом от 8 сентября 1802 г. в России было впервые создано учреждение, управлявшее сферой народного образования – Министерство народного просвещения (далее – МНП). Логическим продолжением создания вертикали управления стала организация в 1803 г. учебных округов, в том числе Казанского учебного округа (далее – КУО) в составе 11 губерний и 2 областей. На протяжении XIX в. состав КУО менялся. С 1874 г. в КУО входили губернии: Астраханская, Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская, Симбирская. В 1893 г. в ведение администрации КУО перешли территории Внутренней Киргизской орды.

В пореформенный период в отношении мусульманских народов был выработан комплекс мер по распространению общего начального образования и русского языка, изложенный в «Правилах» 26 марта 1870 г. Эти задачи решались посредством организации русско-татарских училищ, русских классов при мектебах и медресе.

В разработке «Правил» 26 марта 1870 г. активное участие приняла администрация КУО. Изучив мнения представителей уездных и губернских училищных советов, миссионерских кругов, попечитель КУО П.Д. Шестаков в донесении 3 декабря 1869 г. изложил министру народного просвещения свои «Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа». При сохранении общих для всех коренных народов образовательных позиций (орудием

первоначального обучения является родной язык, преподавательские функции в проектируемых школах для коренных народов выполняют единоплеменники, существует необходимость в развитии женского образования), П.Д. Шестаков выступил за необходимость индивидуального подхода к роли родного языка. Последнее ставилось в зависимость от степени интеграции в русскую культуру и склонности к христианской вере коренных народов КУО, которых он условно подразделил на пять групп. Согласно этому принципу татары-мусульмане были отнесены к последней 5-й группе. В отношении них попечитель рекомендовал исключить обязательный характер введения русского языка в конфессиональные школы и дожидаться когда «муллы ... сами пожелают ввести русский язык в свои училища»¹. При этом он придерживался мнения, что татары-мусульмане не нуждаются в отдельных государственных школах, а могут ограничиться лишь обучением русскому языку в мектебах и медресе. В соответствии с этим проектируемые им русско-национальные учебные заведения предназначались, прежде всего, для башкир и казахов. Некоторые предложения П.Д. Шестакова нашли воплощение в «Правилах» 26 марта 1870 г.

Приступая к реализации «Правил» 26 марта 1870 г., П.Д. Шестаков, опасаясь недовольства татарского населения, рекомендовал инспекторам народных училищ при организации учебных заведений нового типа «действовать час-

тными беседами с влиятельными лицами магометанских обществ»² с тем, чтобы инициатива учреждения классов русского языка при мектебах и медресе или русско-татарских училищ исходила не от государственных органов, а от самого татарского общества.

Сдерживающим фактором в деле открытия учебных заведений нового типа являлось незнание инспекторами народных училищ татарского языка и этнокультурных особенностей народа. В связи с этим попечитель КУО П.Д. Шестаков отношением от 10 марта 1871 г. предложил министру народного просвещения учредить особую должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ. Д.А. Толстой, следуя рекомендациям П.Д. Шестакова, с 1 января 1872 г. назначил инспектором татарских, башкирских и казахских школ востоковеда В.В. Радлова³.

МНП, желая определиться с динамикой развития сети русско-татарских школ в КУО и предстоящими расходами, отношением от 4 апреля 1870 г. предложило учебной администрации определить местности, где существовала наибольшая потребность в них и их количество. На основании рекомендаций и мнений инспекторов и директоров народных училищ КУО был составлен список поселений, в которых предполагалось в первую очередь открыть школы для татар-мусульман. Речь шла о 32 учебных заведениях, из которых в Казанской губернии предполагалось открыть – 6, Саратовской – 2, Нижегородской – 4, Симбирской – 8, Пензенской – 5, Астраханской – 7⁴.

Правительственные начинания по организации школ нового типа было встречено татарским обществом настороженно. Поэтому в первые годы действия «Правил» руководство КУО открывало русские классы при медресе и русско-татарские школы в принудительном порядке. К 1 января 1874 г. в КУО было организовано 29 специальных учебных заведений для татар-мусульман. 9 из них представляли собой классы русского языка при медресе и

были открыты в Казанской губернии. Русско-татарские училища были организованы в следующем количестве в губерниях: Астраханской – 1, Вятской – 3, Казанской – 3, Симбирской – 5, Пензенской – 7, Уфимской – 1⁵.

Непопулярность среди населения русско-татарских школ объяснялось рядом обстоятельств. Одним из них являлось заложенное в «Правилах» положение о финансировании преподавания исламского вероучения на собственные средства мусульман. В связи с этим В.В. Радлов предложил из направляемых на содержание русско-татарских училищ государственных средств, выделять ежегодно преподавателю мусульманских дисциплин в качестве заработной платы 50 руб.⁶ Эта сумма на практике не стала неизменной константой и незначительно колебалась в сторону увеличения или уменьшения.

Организация русских классов при конфессиональных школах татар встретило еще большие трудности. Приступив к исполнению своих обязанностей, В.В. Радлов довел до сведения духовных лиц требование «Правил» 1870 г. об открытии при руководимых ими школах классов русского языка. Однако большинство мулл, сославшись на невозможность финансировать их за счет средств населения по причине бедности последних, отказалось от введения русского языка в конфессиональные школы.

Председатель Оренбургского магометанского духовного собрания (далее – ОМДС) С.Тевкелев, поддержав идею распространения русского языка среди мусульманских народов, в 1872 г. призвал к содействию этому делу подведомственных ОМДС мулл и ахунов и предложил министру внутренних дел организовать русские классы за счет земских средств.

Против инициативы оренбургского муфтия выступил Н.И. Ильминский, который основывался на том, что, во-первых, ряд мусульманских медресе, в отличие от мектебов имели достаточную для содержания учителя русского

языка материальную базу, а, во-вторых, татары сами не желали принимать помощь от земств. Н.И. Ильминский предлагал ограничиться организацией русско-татарских школ, где русский язык мог занять приоритетные позиции среди остальных дисциплин (математика, исламское вероучение), в то время как в мектебах и медресе «русский язык никогда не примет значительного места»⁷.

Благодаря настойчивости П.Д. Шестакова администрация не только не отказалась от идеи организации русских классов при мусульманских школах, но перешла к практике финансирования их из государственных средств. Участие государства обычно сводилось к оплате труда учителя светских дисциплин, закупке учебных пособий.

Финансирование русско-татарских училищ включало расходы на аренду и содержание помещения, учебные пособия, заработную плату учителю, вероучителю. Финансирование школы происходило в два этапа: единовременное пособие на «первоначальное обустройство» и выделение ежегодных средств на школу. Как правило, одна русско-татарская школа обходилась государству приблизительно в 500 руб. в год. Но следует учитывать, что сумма государственных расходов зависела от ряда факторов, в том числе участия в ее финансировании других институтов (земства, общества). Также администрация КУО не препятствовала содействию частных лиц русско-татарским школам. Но такие случаи были единичны, а финансовая поддержка — незначительна.

Одновременно к финансированию учебных заведений нового типа были привлечены земства. Более того, В.В. Радловым была предпринята попытка сделать финансирование земствами русских классов при мусульманских школах их обязанностью. Такое предложение им было высказано попечителю КУО в докладе от 28 марта 1873 г. Согласно проекту В.В. Радлова, сумма средств земств на эти цели определялась исходя из численности

татарского населения в уезде. Более того, собранные ранее у мусульман земские взносы на развитие образования должны были направляться только на учреждение русских классов при конфессиональных школах. А для тех мусульманских обществ, которые не платили соответствующие взносы на народное образование, В.В. Радлов предложил ввести таковые, в размере 15-20 коп. в год с человека⁸.

Несмотря на то, что субсидирование земствами вводимых «Правилами» учебных заведений для татар не приобрело обязательного характера, некоторые из них включили в сферу своей заботы новый тип учебных заведений. Так, рассмотрев ходатайство инспектора В.В. Радлова, Казанская городская дума в 1872 г. выделила на 1873 г. 560 руб. для русских классов при восьми казанских медресе, из расчета по 5 руб. месячного жалованья учителю, по 10 руб. — на учебные пособия каждому медресе⁹.

Но были случаи, когда органы самоуправления самоотстранялись от их финансирования. В 1886 г. городские управы г. Буинска Симбирской губернии и г. Саратова отказались выделить средства на содержание русско-татарских школ вопреки распоряжению министра просвещения от 4 сентября 1886 г.¹⁰ Казанская городская управа с 1 января 1874 г. прекратило финансирование четырех русских классов при городских медресе¹¹. Отмеченные обстоятельства ставили под угрозу не только существование русских классов при казанских медресе, но и в целом перспективу их развития. В связи с этим министр народного просвещения Д.А. Толстой, поддержав мнение инспектора В.В. Радлова, резолюцией от 18 ноября 1875 г. распорядился ежегодно выделять из государственных средств 800 руб. на содержание этих русских классов при казанских медресе.

Кроме того, администрация КУО стремилась использовать на нужды русского класса средства мусульманских общин. Под угрозой закрытия Ус-

мановского медресе, власти в 1871 г. обязали попечителей школы ежегодно выплачивать учителю русского языка заработную плату в размере 150 руб.¹²

Следует отметить, что, нередко, открытие школы еще не означало ее длительного существования. Так, общество д. Петрякси Симбирской губернии в 1873 г. отказалось выделить помещение для учрежденной там 12 декабря 1871 г. русско-татарской школы. В связи с этим школа была переведена в находившуюся в пяти километрах от нее д. Новые Мочала¹³. Схожая ситуация сложилась в русско-татарском училище д. Белый Ключ Мамадышского уезда Казанской губернии, откуда школа была переведена в д. Большой Кукмор, население которого, согласно свидетельству уездного инспектора, демонстрировало положительное отношение к изучению русского языка¹⁴. Перевод русско-татарских учебных заведений в более благоприятные населенные пункты являлось для администрации КУО обычной практикой. Сохранение в результате отмеченной процедуры финансирования этих учебных заведений демонстрировало настойчивость учебного ведомства в распространении школ нового типа.

Открытие русско-татарских учебных заведений натолкнулось на сопротивление мусульманского духовенства, которые интерпретировало их учреждение как попытку христианизации татар, а также не желало «делиться» с светским учителем своим авторитетным положением в сельском обществе. В соответствии с этим руководство КУО при открытии русских классов при медресе требовало у мулл подписку о том, что они не будут препятствовать преподаванию в конфессиональных школах русского языка. В силу недостаточности отмеченной выше меры, попечитель КУО П.Д. Шестаков в письме министру народного просвещения от 11 октября 1873 г. указывал на необходимость установления такого порядка, при котором каждый вступающий на должность муллы должен был предоставлять подписку о том, что он обязуется

содействовать введению класса русского языка в руководимом им мектебе или медресе¹⁵. Более того, начальник Казанской губернии Н.Я. Скарятин в 1873 г. рекомендовал министру внутренних дел утверждать в духовной должности только тех лиц, которые давали подобную подписку¹⁶.

Администрация КУО в борьбе с противодействием мусульманского духовенства учреждению проектируемых «Правилами» 1870 г. учебных заведений для татар стремилась заручиться поддержкой верховной власти. Так, отказ приходского муллы д. Кышкар Казанского уезда Казанской губернии допустить в 1874 г. учителя русского языка в организованный на средства земства русский класс при названном медресе позволил П.Д. Шестакову ходатайствовать перед министром народного просвещения о необходимости закрыть указанное конфессиональное училище по «высочайшей воле»¹⁷. Тем самым местная учебная администрация предприняла попытку, создав прецедент, узаконить подобные действия в отношении других учебных заведений татар. Но указанная инициатива не только не встретила поддержку, но даже вызвала критику министра народного просвещения Д.А. Толстого. Его недовольство также коснулось практикуемого руководством КУО открытия русских классов при медресе без согласия татарского населения. При этом Д.А. Толстой апеллировал не к интересам татарского населения, а опасался, что подобные действия могут стать поводом к «возбуждению религиозного фанатизма». В соответствии с этим вновь было рекомендовано быть «крайне осторожным ... в делах касающихся мектебов и медресе» и действовать только путем убеждения¹⁸. Однако администрация КУО не всегда следовала указанной рекомендации МНП. Так, в 1876 г. совместными действиями местной учебной и губернской администрации была закрыта татарская школа в д. Мендели Казанского уезда Казанской губернии. Причиной этого стало «упорное сопротивление

местных обывателей открытию при ней преподавания русского языка»¹⁹.

В 1873 г. завязалась переписка относительно муллы второй мечети г. Казани С. Исакова. Предложение В.В. Радлова о введении русского языка в это медресе встретило категоричный отказ руководившего соответствующим приходом С.Исакова. С подачи П.Д. Шестакова мулла был освобожден от духовной должности и выслан из Казани²⁰.

Следует отметить, что отказ руководителей мусульманских приходов Янгүловской волости и деревень Тюнтер, Арбора Малмыжского уезда Вятской губернии от организации при медресе русского класса также дали основание В.В. Радлову 21 мая 1873 г. ходатайствовать перед министром просвещения об удалении соответствующих лиц от духовных должностей и перемещении их в другие населенные пункты.

Министр внутренних дел А.Б. Лобанов-Ростовский, считая что «столь крутая мера ... при настоящем возбужденном состоянии умов может произвести фанатизирующее влияние»²¹, выступил против высылки мулл, но признал возможным при наличии достаточных оснований смещать мусульманских священнослужителей с должности. Принимая соответствующее решение, он опирался на заключение начальника Вятской губернии, который рекомендовал обосновывать эту меру другими, не имеющими отношения к школьному вопросу аргументами²². Несколько позже в 1902 г. администрации КУО удалось добиться высылки муллы г. Тетюши Г. Биктяшева, который в соответствии с распоряжением казанского губернатора был направлен на временное жительство в г. Сызрань (Симбирская губерния)²³. Эти случаи свидетельствовали о том, что подобные решения зависели от позиций чиновников местных и центральных органов Министерства внутренних дел.

Иногда инициаторами административных мер в отношении мусульманских духовных лиц выступали учителя русского языка, что являлось следстви-

ем противостояния между ними. Последнее лежало не только в плоскости «борьбы за умы» прихожан, но было связано с материальными интересами. Так, учитель тетюшской русско-татарской школы Г. Ахмаров при поддержке некоторых местных жителей ходатайствовал об удалении от занимаемой должности сменившего Г.Биктяшева муллы Гизатуллина. Основанием стало то, что в период его руководства мусульманским приходом (1900–1902) количество учащихся из горожан сократилось и только после того как Гизатуллин оставил место службы, число местных учеников в русско-татарском училище превысило показатели предыдущих лет²⁴. Но чаще власти не могли предъявить муллам обвинение в агитации против организации школ нового типа, в силу того, что последние действовали скрыто, а местное население «не выдавало» своего духовного лидера. В свою очередь, для властей отмеченные единичные случаи «привлечения мулл к ответственности» носили своеобразный устрашительно-пропагандистский характер.

Делу распространения русского языка среди татар-мусульман пыталось оказать содействие МВД. Письмом в МНП от 26 июня 1875 г. министр внутренних дел А.Б.Лобанов-Ростовский, основываясь на том, что мектебы и медресе являются частью мечети, а строительство ее разрешается на основании общественных приговоров, предложил давать санкцию на открытие мечетей только в том случае, если мусульманские общества возьмут на себя обязательство иметь в школе учителя русского языка²⁵. Данная мера была конкретизирована В.В. Радловым, который настаивал на том, что разрешение на организацию мечетей могли получить лишь те мусульманские общины, которые в приговоре на их строительство фиксировали свое обязательство выделять средства на содержание русского класса. Сумма определялась губернской администрацией по предварительному соглашению с местными учебными властями, но не могла быть менее 200 руб. в год. Аль-

тернативой денежному взносу являлся соответствующий доход с недвижимости или какого-либо другого капитала, также направляемый в фонд русского класса при организуемой мечетской школе²⁶. Вследствие того, что проектируемые нововведения напрямую затрагивали область мусульманского культа, что могло привести к недовольству со стороны татарского населения, власти не решились на изменение существовавших порядков.

В отдельных случаях угроза закрытия конфессиональных школ устранялась благодаря вмешательству ОМДС. Так, в 1896 г. русский класс при Абдулвагаповском медресе г. Чистополя, вследствие негативного отношения к нему муллы М.И. Амирханова, посещали всего 13 шакирдов из 350 обучавшихся в медресе. В результате инициированной администрацией КУО переписки МНП с МВД, мулла М.И. Амирханов в сентябре 1896 г. был вызван в ОМДС для беседы с муфтием, сделавшим ему «должное внушение»²⁷.

Несмотря на отмеченные выше меры к 1902 г. в КУО было организовано 41 татарская школа нового типа, из которых 9 являлись русскими классами при конфессиональных школах (в Астраханской губернии — 3, Казанской — 5, Самарской — 1). При этом большая часть русских классов были организованы при медресе, русские классы были учреждены лишь при 2-х мектебах Внутренней киргизской орды. Из 32 русско-татарских училищ были открыты в губерниях: Астраханской — 1, Вятской — 10, Казанской — 11, Самарской — 2, Симбирской — 8²⁸.

В большинстве своем требования «Правил» 26 марта 1870 г. о запрещении открывать мектеб или медресе без русского класса не выполнялось, хотя были зафиксированы случаи, когда администрация КУО не допускала организацию таких школ. Например, в 1897 г. было отказано ходатайству татар д. Старо-Татарский Керемес Чистопольского уезда Казанской губернии о предоставлении разрешения на открытие конфессио-

нальной школы. Мулла д. Кугарчино Лаишевского уезда Казанской губернии А. Бакиров, выступивший с подобным заявлением в 1902 г., также не добился положительной резолюции со стороны дирекции народных училищ.

Необходимо отметить, что одной из основных причин незначительной распространенности русских классов при конфессиональных школах и русско-национальных училищ в КУО являлось отсутствие заинтересованности татар в знании русского языка. Интерес к нему возникал, преимущественно, в местностях, жители которого более активно взаимодействовали с русскоязычным населением. Вовлечение татар в общероссийский капиталистический рынок также активизировало их внимание к русско-татарским школам.

Иногда местные чиновники сами своими действиями препятствовали распространению нового типа школ среди татар. Так, исправник Мамадышского уезда Казанской губернии, полагая незаконным освобождение учителя русско-татарского училища д. Белый Ключ от воинской повинности убеждал местных татар в том, что нет необходимости в подобной школе и татарское население вполне может обойтись только конфессиональными учебными заведениями.

Источником сомнений татар в перспективах развития русско-татарских школ и русских классов при конфессиональных училищах стало высказывание казанского губернатора Полторацкого, который, разъясняя татарам о том, что предстоявшая в 1897 г. Первая всеобщая перепись имеет целью только подсчет населения, упомянул, что после ее проведения «никаких перемен ... не будет: школы (мектебы и медресе) останутся те же, которые существовали доньше, детей никто не будет заставлять учиться (русскому языку. — Ч.С.)»²⁹. Результатом отмеченного объявления, размещенного в зданиях волостных правлений, в учебных заведениях, озвученного на общинных сходах, явилось убеждение некоторых татар в том, что существо-

вавшие русско-татарские училища будут закрыты и «впредь не будет открыто ... ни одного такого училища»³⁰.

Следует сказать, что Первая всеобщая перепись 1897 г. привела к сокращению количества учащихся в русско-татарских школах КУО. Причина отмеченного выше явления, продемонстрировавшего зыбкое положение учреждаемых государством учебных заведений для татар, заключалась в том, что татары увидели в переписи опасность насильственного крещения детей.

Сферой особого внимания учебных властей было обеспечение школ нового типа учителями. На первых порах вследствие отсутствия подготовленных учителей из татар назначались лица без необходимого образования, лишь владевшие русским языком. Так, в русско-татарскую школу в д. Петрексы Курмышского уезда Симбирской губернии был определен знавший русский язык служащий почтовой конторы Г. Газев³¹. В дальнейшем, основной «кузницей кадров» для русско-татарских учебных заведений стала Казанская татарская учительская школа (далее – КТУШ).

Для того, чтобы расположить мусульман к организуемому государством учебным заведениям оренбургский муфтий С. Тевкелев в 1871 г. выступил с предложением избирать учителей русского языка для профессиональных школ из членов тех мусульманских общин, для которых предполагалось учреждение русского класса. Отмеченную меру поддержал инспектор народных училищ Казанской губернии. Более того, инспектор, пытаясь заручиться поддержкой мусульманского духовенства, признал возможным именно муллам поручить выбор учителей русского языка. Согласно его рассуждениям муллы и сами могли за определенное вознаграждение обучать детей татар-мусульман русскому языку.

Для привлечения учителей профессиональных школ к указанной деятельности В.В. Радлов в 1873 г. предложил предоставить им некоторые льготы по воинской службе в случае успешного

прохождения необходимых испытаний по русскому языку. Но рекомендуемая В.В. Радловым мера, поддержанная П.Д. Шестаковым в представлении министру народного просвещения от 23 апреля 1873 г., не получила силу закона.

Не менее важным для учебных властей был вопрос обеспечения русско-татарских школ и классов русского языка при профессиональных училищах учебной литературой. Еще в 1870 г. попечитель КУО П. Д. Шестаков отношением от 30 апреля, сообщая Н.И. Ильминскому постановления состоявшегося 2 февраля 1870 г. заседания Совета министра народного просвещения, предложил высказать свои представления относительно издания учебников для коренных народов, в том числе татар-мусульман. При составлении соответствующих рекомендаций Н.И. Ильминский исходил из следующих соображений: «татары боятся официально допустить русский язык в свои училища ... это предубеждение исчезнет еще не скоро»³². При этом он констатировал, что к изучению русского языка проявляли интерес лица, имеющие отношение к торговой сфере или претенденты на должности мулл, которые в силу своей деятельности соприкасались с административными властями. Указанная категория лиц при изучении русского языка пользовались услугами частных педагогов или занимались самостоятельно. В связи с этим Н.И. Ильминский предложил учебники для русских классов при мектебах и медресе и русско-татарских училищ составить таким образом, «чтобы они могли служить доступным пособием для самоучек»³³. При этом для большей доступности он рекомендовал грамматику русского языка объяснять в сравнении с татарской грамматикой. Соответствующие учебники должны были составляться с использованием двух языков, но объяснение грамматических правил производилось только на татарском. Практическим целям служило включение в учебники примеров переписки на русском языке с административными и частными лицами. Для дальнейшего

изучения русского языка и расширения кругозора учащихся рекомендовалось составить хрестоматию, содержащую рассказы по антропологии, географии, истории, физике, химии, естествознанию. В связи с неподготовленностью читателя Н.И. Ильминский делал акцент на доступности материала. Языком изложения являлся русский. Предполагалось, что хрестоматия могла издаваться отдельной книгой на татарском языке, но с использованием русского алфавита. Попечитель КУО П.Д. Шестаков настаивал на том, чтобы русский и татарский тексты составили бы одну книгу, в которую вводился и русско-татарский словарь. Создание указанной литературы поручалось Н.И. Ильминскому. Готовые учебные пособия должны были направляться попечителю КУО, который передавал их на рассмотрение особой комиссии. Утверждение решений комиссии и санкция на издание учебников возлагались на Попечительский совет.

В свою очередь МНП 24 февраля 1873 г. рекомендовало попечителю КУО составить «букварь для изучения русской и татарской грамоты на татарском языке, но русскими буквами и с русским переводом»³⁴. Кроме того, на русском языке должен был быть написан учебник русского языка. При этом в книгах для чтения для учащихся русско-татарских училищ и русских классов при конфессиональных школах применялись как русский, так и татарский языки. Последняя категория учебной литературы, нацеленная в том числе на общее развитие учащегося, должна была включать «рассказы нравственного содержания», статьи из отечественной и всеобщей истории, сведения по географии. Учебник по арифметике также предлагалось составить на русском языке. В случае возникновения затруднения среди учащихся в усвоении учебного материала, учитель мог провести необходимые разъяснения на родном языке учащихся. Предполагалось, что на татарский язык будут переведены лишь технические термины.

Исходя из того, что на последних этапах преподавание в русских классах при мектебах и медресе и русско-татарских школах должно было вестись на государственном языке, на русском языке в перспективе предполагалось издать хрестоматию, включавшую произведения русских писателей.

Изданные для русско-татарских школ КУО учебники, в частности «Первая книга для чтения» (Казань, 1874. — 171 с.), «Грамматика русского языка, составленная для татар восточной России» (Казань, 1873. — 114 с.) В.В. Радлова, выгодно отличались от рекомендуемых МНП тем, что тексты имели татарские переводы. Хрестоматия В.В. Радлова «Белек» также была составлена на татарском языке. Необходимо заметить, что В.В. Радлов при создании литературы для татар активно консультировался с инспекторами КТУШ М.Г. Махмудовым, Ш.И. Ахмеровым, а также К. Насыри. С 1895 г. в русско-татарские школы и русские классы при медресе КУО поступил учебник М. Иманаева «Русское слово» (Казань, 1895), состоявший из букваря, практических упражнений и хрестоматии. В нем основное внимание уделялось изучению грамматики, формированию большого запаса русских слов у учащихся. Одновременно активно практиковалась форма вопросов и ответов. Эта книга при регулярности занятий могла сформировать необходимый в быту уровень знания русского языка. Постепенно брешь в учебно-методической базе русско-татарских школ стала восполняться коллективом КТУШ, которым были подготовлены учебники по русскому языку и литературе, арифметике, методические рекомендации преподавателям. Эту деятельность активно продолжили воспитанники КТУШ. Но при всех достоинствах школьной литературы недостатком учебно-методической базы русско-татарских школ являлось отсутствие системного подхода, что обусловило разное время издания учебных пособий по отдельным дисциплинам. Также обращает внима-

ние тот факт, что инициатива создания учебников, их совершенствования, по большей части исходила не от учебных властей, а от педагогической корпорации русско-татарских учебных заведений и передовых татар, заинтересованных в просвещении народа.

Руководство КУО 29 апреля 1872 г. направило на рассмотрение МНП предложение инспектора В.В. Радлова, который исходя из того, что в связи с высоким образовательным уровнем шакирдов медресе, предлагаемое «Правилами» 26 марта 1870 г. элементарный уровень изучения русского языка не будет содействовать авторитету русского языка и науки, рекомендовал повысить требования к знанию русского языка, для того, чтобы учащиеся могли читать русскую литературу. Однако обозначенный уровень владения языком не составлял задачу МНП и Д.А. Толстой, основываясь на том, что изучение любого иностранного языка начинается с элементарных основ, а научное значение существующих медресе является преувеличенным, отказался утвердить указанную выше инициативу В.В. Радлова. Также не было одобрено предложение инспектора о необходимости дополнить курс арифметики сведениями из алгебры.

МНП в 1896 г. приступило к масштабному исследованию сферы школьного образования нерусских народов во всех учебных округах империи. В соответствии с этим, распоряжением от 30 июня попечителю КУО В.А. Попову было поручено: предоставить сведения о продолжительности обучения в русско-татарских училищах, используемых в школах таблицах недельных уроков; охарактеризовать методы преподавания русского языка, учебные пособия, на котором осуществлялось обучение каждого предмета на каждом году обучения; выяснить каких результатов достигают учащиеся в русском языке.

Отвечая на последний пункт запроса МНП, попечитель В.А. Попов, основываясь, прежде всего, на донесении директора народных училищ Казанской

губернии, писал, что учащиеся к концу второго полугодия демонстрировали «вполне удовлетворительный навык в русском разговорном языке и в сознательном чтении русских книг»³⁵. Занявший 30 июля 1899 г. пост попечителя КУО М.М. Алексеенко 9 марта 1901 г. предписал директорам народных училищ провести повторное обследование успеваемости учащихся русско-татарских школ по русскому языку. Последнее исследование показало, что большая часть учеников усваивала русский язык в незначительной степени³⁶. В дальнейшем, 4 декабря 1903 г. аналогичное распоряжение последовало от попечителя КУО С.Ф. Спешкова. Согласно донесениям большинства инспекторов народных училищ КУО русско-татарские школы и русские классы при конфессиональных учебных заведениях не достигали планируемых результатов в распространении русского языка и общего образования. Одной из причин этого являлось отсутствие единых программ преподавания. Власти, определив «Правилами» 26 марта 1870 г. предметы изучения, не составили для них учебных планов, несмотря на то, что проекты таковых были. В частности, П.Д. Шестаков в 1869 г. представил министру просвещения таблицу школьных занятий для русско-мусульманских школ.

Преподаватели русско-татарских школ и русских классов для ведения учебного процесса были вынуждены адаптировать программы начальных училищ для русскоязычного населения. Известно, что в конце XIX в. многие преподаватели использовали «Примерную программу предметов преподаваемых в начальных народных училищах ведомства МНП», утвержденную министром 7 февраля 1897 г.

В рассматриваемый период в русско-татарских школах практиковалось трехгодичное обучение с подразделением учащихся на 3 отделения (младшее, среднее, старшее). В связи с отсутствием унифицированных учебных программ, в русско-татарских училищах наблюда-

лись различия в количестве недельных уроков. Например, к 1896 г. суммарное число урочных часов во всех отделениях Астраханского русско-татарского училища составляло 84, в русско-татарской школе уездного города Малмыж Вятской губернии – 66. При этом наблюдались различия в школьных предметах и времени, отводимой на их изучение.

Тем не менее, при организации школ нового типа учебные власти учли религиозные традиции мусульман. В соответствии с ними, учащиеся посещали русский класс после завершения занятий в конфессиональных школах. В русско-татарских школах уроки вероучения проводились в утренние часы, обычно около 8–9 часов, а выходным днем была назначена пятница – традиционный день отдыха мусульман.

В конце 1902 г. руководство КУО предприняло попытку ввести единообразие в учебные программы русско-татарских школ. Так, С.Ф. Спешков предложил директорам народных училищ определить необходимые для изучения предметы и установить часовую нагрузку для каждой учебной дисциплины.

Следует обратить внимание на то, что предлагаемые директорами проекты развития русско-татарских училищ были составлены на основе донесений инспекторов народных училищ, некоторые из которых основывались не только на практическом опыте существовавших русско-татарских училищ, но и формировали свои позиции, исходя из личных встреч с муллами, земскими начальниками и рядовыми общинниками. В частности, директор народных училищ Казанской губернии рекомендовал открывать русско-татарские школы в двух отделениях с четырехлетним курсом обучения с 30 часовой урочной нагрузкой в каждом отделении, из них 24 часа отводилось на общеобразовательные дисциплины.

В 1904 г. попечитель КУО вновь поручил директорам народных училищ внести предложения по усовершенствованию преподавания в русско-татарских школах. При решении этой

задачи некоторые инспектора народных училищ консультировались у преподавателей русско-татарских школ и выдвинули предложения, нацеленные на улучшение школьного обучения татар-мусульман. Так, инспектор народных училищ Спасского и Тетюшского уездов настаивал на том, чтобы школа давала мусульманским детям некоторые практические сведения. С целью привлечения большего количества учащихся, рекомендовалось увеличить количество уроков мусульманского вероучения³⁷. Согласно мнению инспектора народных училищ Лаишевского уезда, на расширение сети русско-татарских школ могло оказать позитивное влияние увеличение переводов русских книг на татарский язык. Инспектор народных училищ г. Казани предлагал для лиц, окончивших русский класс при конфессиональной школе или одноклассное русско-татарское училище, учредить второй класс с двухлетним сроком обучения и программой второго класса двухклассных училищ МНП с «дополнительным элементарным курсом коммерческой арифметики и бухгалтерии»; выпускникам последних предоставлять возможность без экзаменов в ОМДС избираться на все мусульманские духовные должности, а также льготы по отбыванию воинской повинности, которые были установлены для выпускников двухклассных училищ МНП. Лица не моложе 18 лет, завершившие обучение в русских классах при медресе, также получали право без особого испытания быть утвержденными в должности сельских мулл. Но указанные предложения не привели к изменению сложившейся практики обучения в русско-татарских школах.

Рассмотренное выше исследование эффективности русско-татарских школ в распространении русского языка привело руководство КУО к выводам, что недостаточная результативность школ связана в том числе с тем, что полный курс этих учебных заведений проходило приблизительно 15% учащихся. При этом согласно требованиям «Правил»

26 марта 1870 г. первоначальные знания учащиеся приобретали, в основном, на родном языке. Отмеченные обстоятельства подтолкнули администрацию КУО к внедрению «натурального»³⁸ метода преподавания русского языка в русско-татарские учебные заведения. Попечитель КУО С.Ф. Спешков признав допустимой замену «переводного» метода «натуральным», в своем письме в МНП от 12 декабря 1903 г. обосновал эту мысль тем, что «метод преподавания настолько подвижен, что закреплять его законом не целесообразно»³⁹. Наконец, донесением министру народного просвещения В.В. Глазову от 6 июля 1904 г. С.Ф. Спешков открыто заявил о необходимости пересмотра «Правил» 26 марта 1870 г. Основанием для этого, по мнению попечителя, являлось то, что заложенная в основу «Правил» образовательная система «достигала миссионерских целей, но оказывалась несостоятельной в отношении объединения инородцев с коренным населением на основе государственного языка»⁴⁰.

Министр народного просвещения В.Г. Глазов 26 сентября 1904 г. распорядился о проведении ревизии учебных округов внутренней России⁴¹. В октябре — декабре 1904 г. была осуществлена ревизия Казанского, Оренбургского и Западно-Сибирского учебных округов. Проводивший проверку А.С. Будилович в течение двух недель, с 13 по 30 октября находился в Казани с целью изучения состояния «инородческого» образования в КУО. Обнаружив применение «натурального» метода в ряде русско-национальных учебных заведениях Казанской губернии и сравнив уровень успеваемости обучающихся по указанному методу с учащимися, занимающимися по «переводному» методу он пришел к выводу, что последние владеют русским языком гораздо лучше⁴². Результаты ревизии оказали влияние на организацию «Совещания по вопросам образования восточных инородцев» (1905), которое восстановило статус-кво системы Н.И. Ильминского и заложенные «Правилами» 1870 г. ме-

тоды преподавания русского языка для коренных народов, в том числе мусульман.

Подводя итоги, следует отметить, что руководство КУО изначально было вовлечено в разработку основных положений «Правил» 1870 г. В последующие годы его роль не ограничивалась исполнением предписаний «Правил» и распоряжений центральных властей. Оно вносило важные корректировки в тактический план выработанного школьного курса. Во многом они были продиктованы недочетами ряда положений «Правил» 1870 г.

Положительное значение для распространения русско-татарских школ в округе, составления и издания для них учебных пособий имело учреждение по инициативе руководства КУО должности инспектора татарских, башкирских и казахских школ, на которую был приглашен известный тюрколог В.В. Радлов. Своевременным оказалось и предложение администрации округа по вовлечению городских дум и земств в финансирование школ нового типа. При этом попытка местной учебной администрации отказаться от положений «Правил» 1870 г., связанных с использованием в процессе обучения родного языка, вызвали незамедлительную реакцию МНП, подтвердившего принципы образовательной системы Н.И. Ильминского.

Администрация КУО в своем стремлении распространить русско-татарские школы иногда прибегала к помощи губернских властей и полиции, в результате чего учебные заведения нового типа, имевшие объективно прогрессивное значение приобретали негативную оценку мусульманского населения. В ряде случаев излишняя активность местной учебной администрации по распространению специальных школ для татар сдерживалась органами МВД, для которых более приоритетным являлось сохранение общественного спокойствия.

Вследствие упразднения должности инспектора татарских, башкирских

и казахских школ (1889), контроль над русско-татарскими учебными заведениями сосредоточился у директоров и инспекторов народных училищ. Недостатком изменений в структуре управления являлось незнание большинством чиновников татарского языка, их загруженность по другим направлениям деятельности. Если первые русско-татарские школы в результате недоверия к ним татарского населения учрежда-

лись в принудительном порядке, то в дальнейшем осознание татарами необходимости знания русского языка постепенно инициировало их активность в организации этих учебных заведений. Несмотря на малочисленность, открытые в КУО русско-татарские школы сыграли положительную роль в формировании условий для желающих получить светское начальное образование и освоить русский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Шестаков П. Д.* Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа (Представление попечителя Казанского учебного округа г. министру народного просвещения от 3 декабря 1869 г. за № 379). — Б.м. Б.г. — С. 25.

² НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д.642. Л. 82 об.

³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10290. Лл. 3 -4 об.

⁴ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9940. Лл. 104 — 104 об.

⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1 Д. 12347. Л. 24.

⁶ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 742. Л. 24.

⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10464. Л. 13 об.

⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11513. Л. 19 об.

⁹ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. — С. 44.

¹⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп 1. Д. 16903. Л. 6.

¹¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10972. Лл. 11 — 12 об., 26.

¹² НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 878. Лл. 56 — 57 об.

¹³ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.11514. Лл.3, 6.

¹⁴ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 847. Лл. 2 — 2 об., 136.

¹⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11513. Л. 25 об.

¹⁶ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. — М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. — С. 315.

¹⁷ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 11933. Л. 22 об.

¹⁸ Там же. Л.26 об. — 27.

¹⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 12347. Л. 66.

²⁰ *Загидуллин И.К.* Казань — центр религиозного и светского образования татар в XIX в. // Образование и просвещение в губернской Казани: Сб.статей. — Вып. 1 / отв. ред. И.К. Загидуллин, Е.А. Вишленкова. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2008. — С. 44.

²¹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10464. Л. 48.

²² НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3539. Л. 1 об.

²³ НА РТ. Ф. 160. оп. 1. Д. 1017. Л. 182.

²⁴ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 977. Лл. 43 -43 об.

²⁵ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10464. Л. 47 об.

²⁶ Там же. Лл. 51 — 51 об.

²⁷ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.794. Л.25.

²⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 9940. Л. 69 об.

²⁹ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 815. Л. 66.

³⁰ Там же. Л. 67.

³¹ *Ханбиков Я. И.* Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа / Я. И. Ханбиков. — Казань: Татполиграф, 1968. — С. 51.

³² Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50—70-х годов XIX в. — М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. — С. 295.

³³ Там же.

³⁴ Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев // Мир ислама. — 1913. — Т. II. — Вып. IV. — С. 263.

³⁵ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д. 22452. Л. 69 об.

³⁶ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.947. Л.6 об.

³⁷ НА РТ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1038. Л. 38.

³⁸ Этот метод основывался на том же принципе, на котором ребенок учится говорить на родном языке. Схема его примерно такова: иностранное слово поясняется картинкой, затем следует переход от отдельных слов к простейшим предложениям с большим количеством вопросно-ответных упражнений, далее — чтение и письмо. Грамматический материал не разъясняется, нормы употребления языка заучиваются типовыми предложениями. Основная задача — добиться автоматизма в речевой деятельности. Преподаватель не употребляет ни одного слова на родном языке учащихся. Этим методом обучения достигалось установление прямой связи, минуя мысленный перевод на родной язык, между словом и предметом.

³⁹ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 3642. Л. 37.

⁴⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 3798. Л. 37 об.

⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 173. Д. 101. Л. 1.

⁴² Там же. Л. 20.

Аннотация

В статье освещаются некоторые аспекты школьной политики в отношении татар-мусульман в губерниях Казанского учебного округа в 1870–1905 гг. Особое внимание уделяется участию администрации учебного округа в разработке и корректировке нового школьного курса, основанного на «Правилах» 26 марта 1870 г. Анализируются успехи и промахи учебного ведомства в организации русско-татарских училищ и русских классов при мусульманских конфессиональных школах, отношение к ним татарского населения. Рассматриваются такие компоненты функционирования русско-татарских школ, как школьные программы, учебные пособия, подготовка преподавательских кадров.

Ключевые слова: Казанский учебный округ, школьная политика, русско-татарские училища, русские классы, мектебы, медресе, татары, мусульмане.

Summary

The article deals with some aspects of school policy in relation to Tatars-Muslims in provinces of the Kazan educational district (okrug) in 1870–1905. Particular attention is paid to the participation of the educational district (okrug) authorities in the development and correction of a new school course based on «Regulations» from March 26, 1870. The progress and errors of the educational department in the organization of Russian-and-Tatar specialized schools and Russian classes under the Muslim confessional schools, the attitude of the Tatar population to them are analyzed. Such components of Russian-and-Tatar schools functioning as school programs, teaching aids, the teaching personnel training are considered.

УДК 339.5

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА В СРЕДЕ КАЗАНСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Л.М. Свердлова, кандидат исторических наук

К основным формам складывания и функционирования капитала, которые были характерны для казанского купечества в XIX в., относятся:

1. Торговля оптовая и розничная.
2. Доходы от промышленного производства (мелкотоварное мануфактурное, фабрично-заводское).
3. Скупщеские операции.
4. Казенные подряды, откупа и поставки.

Торговля являлась доминирующей формой функционирования капитала, а значит и его накопления, учитывая наполненность транзитных потоков через Казань и значение города в формировании рынка в восточных регионах страны и в Поволжье. В торговлю было втянуто русское и татарское гильдейское купечество, а также не входившие в купеческое сословие торговые татары, ремесленники, торговые мещане и крестьяне, выбиравшие свидетельства на право ведения мелочного торгога. Все они вместе составляли торговую группу населения Казани.

Второй по значению формой капиталистического накопления стало вложение капитала в промышленное и ремесленное производство, что характерно для всего казанского купечества, независимо от национальной принадлежности. Торговцы вкладывали капитал в производство, не только когда располагали мастерской или предприятием. Они арендовали, откупали или использовали путем найма производственные объекты.

На практике были возможны следующие уровни взаимоотношений торго-

вого капитала и товарного производства:

1. Торговый капитал вырос из товарного производства.
2. Товарное производство выросло из торгового капитала.
3. Торговый капитал, тесно связанный с товарным производством, стремился подчинить весь процесс последнего.
4. Торговый капитал, не связанный ранее с товарным производством, начал им овладевать.

К массовым формам складывания и функционирования капитала относятся и скупщеские операции, которые проводили как гильдейское купечество, так и представители торгующих сословий — скупщики. Они торговали изделиями местных промыслов, сельскохозяйственным сырьем и продуктами, скупая их на месте производства. Значительная роль в скупщеских операциях принадлежала татарам, которые контролировали многие направления данной деятельности.

Казенные откупа, подряды и поставки занимали важное место в деятельности купцов и торгующих групп населения Казанской губернии.

Откуп — одна из форм государственного регулирования продажи определенных товаров и эффективное средство пополнения казны. В царской России существовала система передачи права взыскания государственных налогов частным лицам (откупщикам), которые выплачивали государству определенную сумму и покрывали расходы за счет населения.

Особенно большие прибыли и казне и откупщикам приносили винные и табачные откупа, соляной, казенные поставки по военному ведомству, «на почтовую гоньбу», лесной, рыбный откупа, откуп на реализацию игральн¹ карт, на аренду мельниц, рыбных ловель, земли, сенных угодий и проч. Государственный казначей Ф.А. Голубев указывал, что ни один налог «не поступает в казну с такой определенностью, исправностью и удобностью, как откупной, который повсюду, поступая по известным числам каждый месяц, облегчает тем самым выполнение правительственных расходов»².

Монопольное право на реализацию определенного вида товара продавалось государством с торгов порайонно. Такие торги производились раз в 4 или 5 лет. Победившие на них обычно вносили залог, а затем ежемесячно всю сумму откупного платежа, после ее выплаты получали чистый доход. Гарантией получения государством всей откупной суммы служили поручительства лиц из числа богатых владельцев собственности или крупных купцов.

Договор подряда и поставки имел особенно большое значение в отношениях с казной. Его исполнение было обязательным, а государство выступало в качестве стороны с равным правом и обязанностями в лице соответствующего органа. Основанием расторжения договора служили лишь такие события, которые не связывались с виновными действиями сторон. В случае невыполнения условия договора государством оно несло полную имущественную ответственность, но предъявляло иск тому должностному лицу, по вине которого не выполнен договор. Виновный же отвечал своим имуществом, в том числе и тем, который вносил в виде залога.

В силу известных причин наибольший доход казне давал винный откуп. Откупная система сборов с торговли вином, известная в XVII–XVIII вв., окончательно была введена указом 1758 г. и Уставом 1765 г., в последнем

говорилось «об отдаче питейной продажи с 1767 г. на откуп во всем государстве».

Введению этих законодательных актов предшествовали указы 1754 и 1755 гг., запрещающие купцам изготовлять вино и передававшие винокуренное дело в России в руки дворянства. Лишившись права производства винной продукции, купечество сосредоточило усилия на получении от правительства права на ее реализацию. Указ 1765 г. передавал питейные заведения во всех регионах, кроме Сибири, на откуп с торгов каждые 4 года, а «Устав о винокурении» обосновал государственную питейную монополию и деятельность ее агентов откупщиков. «Устав о вине» 1781 г. объединил все прежние постановления. Дворяне могли изготавливать продукцию на собственных винокуренных заводах, используя бесплатный труд своих крепостных крестьян, но Указом 1789 г. они были лишены права заниматься откупными операциями. Откуп окончательно перешел в руки купечества. Отныне казна заготавливала все вино либо на собственных винокуренных заводах или посредством подрядов; откупщики обязаны были покупать от казны нужное количество вина для продажи.

Государство в 1817 г. вводит винную монополию, которая просуществовала до 1827 г. Новый «Устав о питейном сборе» заготовку и оптовую торговлю вином передал казне, но уже через 10 лет система казенной продажи вина была отменена как нерентабельная. Нуждаясь в пополнении казны, правительство вновь ввело откупную систему.

В «Своде постановлений Высочайше утвержденного в 13 день марта 1842 г. о заготовлении из казны вина для всех Великороссийских губерний» права производителей вина были уточнены:

«Пункт 10. Заводчикам той самой губернии, в которой назначаются поставки, предоставляются отдельные преимущества:

а) мелкие заводчики, имеющие винокурение не выше 5 000 ведер полу-гара, удовлетворяются сполна, и такое

количество 5 000 ведер назначается каждому из прочих заводов;

б) заводчики, имеющие винокурение от 5 000 до 20 000 ведер полугара получают против силы оных половины, если бы по конкуренции причиталось им ... включительно однако помянутым 5 000 ведер. Если же вино выкуривается преимущественно из картофеля, то еще 5 000 ведер им назначается;

с) затем, за каждый из прочих заводов распределяется, если еще достанет вина, по 5 000 ведер;

д) остальное ... вино распределяется между поставщиками, имеющими заводы, силою выше 5 000 ведер по расчету, сколько против силы каждого завода причтется, наполагая в счет означенных в пункте, с 5 000 ведер;

е) к преимуществу здешнего завода не допускается в конкуренцию своей губернии более 200 000 ведер полугара к выкурке, но заводы, могущие выкурить более ..., могут поставлять в другие губернии по общей конкуренции.

Пункт 11. Если местные заводы не могут выполнить всю потребную в губернии, не согласятся на умеренные цены, то недостаток распределяется между явившимися заводчиками других губерний также по конкуренции между ними за исключением из нормального распределения силы каждого завода, тоже количество, как взятые в своих или других губерниях»³.

Питейные откупы России в 60-е гг. были поделены между 146 откупщиками, многие из которых имели миллионные капиталы⁴. Крупными откупщиками в Казани были не только богатые купцы (В. А. Кокорев, В. В. Евреинов), но и дворяне: Бородины, Кандалинцевы, Перцовы.

В августе 1843 г. на заседании Казанской казенной палаты должен был заслушиваться вопрос о поставках вина «в торги» с местных частных винокурен в обеспечение казенных подрядов по Казанской губернии на ноябрь и декабрь 1843 г. и на январь—август 1844 г.⁵ «Вся пропорция потребного вина» для Казанской губернии на 1844 г. опре-

делялась «до 482 220 ведер в полугаре, причем на первые сроки, т.е. на ноябрь и декабрь 1843 г. потребно 108 520 ведер, на январь, февраль, март 1844 г. — 236 000 ведер, на летние сроки — 137 700 ведер». Но заседание было сорвано из-за неявки представителей винокуренных заводов. Под угрозу было поставлено снабжение вином по казенным поставкам в ноябре — декабре 1843 г. По-существу, владельцы винных заводов «взяли за горло» представителей власти, срывая выполнение казенных заказов с целью добиться благоприятных для них цен на свою продукцию.

Министр финансов приказал собрать заводчиков и их поверенных вновь в сентябре. На заседание 8, а затем 11 сентября явились отставной поручик Перцов, фридризглиский 1 гильдии купец Беляев, уполномоченный от ст. сов. Кандалинцева — надв. сов. Грабовский, вятский 2 гильдии купец Репин — поверенный арендатора Хоткинского завода Пупырева, уполномоченный от графа Шувалова Лука Колясов.

Губернатор «для трехмесячной пропорции» предложил платить по 48 коп. за ведро продукции, но все собравшиеся на заседание производители вина отказались, требуя выплаты по 49 и 50 коп. с ведра. После долгих переговоров стороны договорились: в ноябре и декабре за 108 520 ведер казна уплатит по 50 коп. ведро, в январе — марте — по 48 $\frac{1}{4}$ коп., в остальные месяцы — по 46 коп. за ведро. «При этом они обязались круговым поручительством к своевременной без всякой льготы поставке вина, исчисленные на ноябрьские сроки», т.е., если кто-то не выполнит казенный заказ, то его распределят между всеми.

Владельцы винокуренных заводов и откупщики быстро нашли общий язык. Владельцы предприятий, сдавая государству небольшое количество продукции, остальное продавали по пониженным ценам откупщикам, которые реализовывали «левый товар», а выручку целиком присваивали себе, оставляя казну внакладе. Чиновники Казенной палаты за соответствующую мзду за-

Казенный заказ на выкурку вина на винокуренных заводах Казанской губернии на 1844 г.⁶

№	Наименование завода	Казенный заказ (ведер)	Владелец	Арендатор (А) Управляющий (У) Доверенный (Д)
1	Алатский	54 600	Графы Андрей и Григорий Шуваловы	У. Лука Колясов
2	Комаровский	100 800		А. куп. жена из дворян Екат. Вас. Беляева
3	Хотнинский	78 000		А. Штаб-лекарь Пупырев. У. мещ. Хохлаков Д. – вят. куп. 2 гил. п.п.гр. Платон Репин
4	Тагашевский	34 200		А. отставной поручик Перцов
5	Тетвельский	79 200	Надв. сов. Ф.Н. Кандалицев	У. колл. ас. Петров, Д. надв. сов. Грабовский
6	Шумбутский	135 600	Надв. сов. Ф.Н. Кандалицев	У. колл. ас. Петров, Д. надв. сов. Грабовский

крывали на это глаза. Откупа вели к злоупотреблениям, насаждению кабаков, фальсификации напитков, произвольному повышению розничных цен, обмеру и обвесу покупателей. Откупа часто приводили и к разорению даже очень крупных предпринимателей.

21 декабря 1816 г. на заседании Казанской казенной палаты был заслушан указ Правительствующего Сената от 23 ноября 1816 г. за № 26340 по делу «О недоимке, состоящей на казанском купце Василии Евреинове по содержимым им питейным с 1811 по 1815 гг. сборам в Казанской губернии по городам Чистополю, Свияжску и Тетюшам с уездами»⁷. За казанским именованным гражданином и первой гильдии купцом Василием Васильевичем Евреиновым числилось недоимок по Тетюшам 131 305 руб. 87 $\frac{3}{4}$ коп., по Чистополю – 266 272 руб. 44 $\frac{3}{4}$ коп., по Свияжску – 143 015 руб. 48 $\frac{1}{4}$ коп. Общая задолженность казне по Казанской губернии откупщика Евреинова составила 540 593 руб. 80 $\frac{3}{4}$ коп. По Вятской губернии за ним числилась еще большая «недоимка» на сумму – 1 222 450 руб.⁸ Положение усугубил пожар, случившийся в Казани 3 сентября 1815 г., когда выгорела

центральная часть города, где и были расположены дома и другая недвижимость откупщика.

Василий Васильевич Евреинов относился к предпринимателям «вновь поселившимся в Казани». В 1787 г. ему исполнилось 35 лет, его жене «здешней купеческой дочери» Анне Павловне – 22, детям – Петру – 5, Ивану – 3, Степану – 2 (умер во младенчестве), Анофрию – год, Анне – 7, Варваре – 4 года. Позднее родились, но рано умерли Евгений и Николай. В семье Евреиновых воспитывалось два приемыша – Павел Васильев и Николай Иванов. На момент переписи городского населения 1785–1789 гг., В.В. Евреинов имел каменный дом на Воскресенской с подвалом, где торговал виноградными винами, четыре амбара на берегу Булака, мыловаренный и кожевенный заводы⁹. Но по основному занятию он был винным откупщиком.

В.В. Евреинов при объявлении неспособности выдвинул следующие причины неисполнения казенного договора: «неурожай в содержимых им уездах хлебов и трав, уменьшение людей от рекрутских наборов, выбытие из тех уездов воинских команд и тому по-

добное, суть, — как подчеркнул Сенат в своем решении, — такие случаи, которые следовало отнести к собственной своей неудаче по правилам коммерческих оборотов». Свой последний откуп В.В. Евреинов взял в 1811 г., но от дела отошел и все передоверил сыновьям.

Старший сын Петр с женой и детьми Николаем, Василием и Софьей жил отдельно от отца в каменном доме с 12 лавками на Петропавловской улице и управлял отцовским мыловаренным заводом, где в 1812 г. 11 рабочих вываривали до 11 500 пуд. мыла в год. По торгам он брал в устье Казанки и вниз по Волге рыбные ловли, но из капитала отца не выходил. Умер Петр не позднее 1815 г.

Жена Петра Наталья Алексеевна была единственной наследницей именитого по службе гражданина, коммерции советника Алексея Ивановича Квасникова, которого казанцы дважды выбирали на пост городского головы. Он умер 6 ноября 1819 г., оставив дочери «каменный дом на 12 саж. с местом и садом, при таковом же мыльном заводе строения; второй корпус и каменный мыловаренный завод на 21 саж., все без изъятия при них; стоящие на старой Хлебной площади деревянные лавки; по Булаку каменные амбары, которые находились в залоге по откупам Евреинова». Все приданное и наследство Натальи Алексеевны пошло в уплату долгов семьи по откупам.

Второй сын Евреинова Иван с женой Настасьей Карповной и детьми Николаем и Петром имел единое с отцом хозяйство. Он стал доверенным его по винным откупам в Чистополе, Свияжске, Тетюшах с уездами, но «не радел и в результате именно его «не деятельности» и образовались недоимки по Казанской губернии. Так как долг по винному откупу В.В. Евреинову погасить не удалось, оставшуюся сумму — 155 784 руб., по решению Правительствующего Сената, должно было оплатить казанское купеческое общество. Решением Городской думы эти деньги и разделили между всеми купцами го-

рода, что вызвало многочисленные жалобы казанцев, отправляемые в адрес Сената, которое в конечном итоге списало долг с Евреиновых.

В 1824 г. Василий Евреинов объявляет вместе с детьми и внуками капитал по третьей гильдии, а в 1825 г. к нему в капитал вписывается из мещан вдова старшего сына Петра Наталья Алексеевна с детьми. В 1827 г. она объявила капитал по третьей гильдии самостоятельно. Но даже в третьей гильдии Евреиновы удержаться не смогли и выписались в казанское мещанство.

Российское дворянство сумело сохранить винокурение как преимущественно дворянскую отрасль хозяйства вплоть до конца XIX столетия. Тем не менее, оно мечтало о вытеснении конкурентов из других сословий из этого прибыльного дела.

20 января 1890 г. общее Казанское губернское дворянское собрание, обсуждая вопрос о том, что при существующих ценах на сельскохозяйственные продукты, для хозяев существенно важно иметь возможность перерабатывать сырые произведения земли и пользоваться скотоводством для добывания более целых продуктов», постановило: «1) Ходатайствовать о содействии правительства развитию мелкого винокурения при облегченных условиях относительно залогов по ныне установленной в 1746 и 1767 ст., 1 ч., X т. Св. гражд. зак. 2) Ходатайствовать, чтобы разрешение на постройку вновь винокуренных заводов было выдаваемо только лицам, владеющим землей и занимающимся земледелием, и притом пропорционально количеству запашки с правами передачи такого разрешения другому лицу, но под условием разрешения такой передачи подлежащими властями и с тем, чтобы выше означенное ограничение в праве постройки вновь винокуренных заводов не распространялось на те заводы, которые предназначаются для переработки спирта в улучшенные сорта. 3) Ходатайствовать об отыскании мероприятий, при посредстве которых дворяне землевладельцы получили бы

фактическую возможность поставлять на продовольствие армии свои произведения, так как ныне существующие правила такой возможности не дают»¹⁰.

В ответе Министерства внутренних дел от 28 июня 1890 г. говорится: «... О ходатайстве казанского дворянства о содействии правительства к развитию мелкого винокурения и о том, чтобы разрешение на постройку вновь винокурных заводов было выдаваемо только землевладельцам, министр финансов, коему было передано означенное ходатайство, ныне уведомил, что Высочайше утвержденным 4 сего июня мнением Государственного Совета, установлен ряд мер поощрения сельского винокурения ...»¹¹.

Последние откупные торги прошли в 1859 г. В 1860 г. была учреждена специальная комиссия для рассмотрения проблемы и вскоре последовала полная реформа кабацкого дела. «Положение о питейном сборе» 1861 г. отменило с 1863 г. откупную систему и заменило ее акцизной системой, выведя, таким образом, продажу спирта из сферы государственного регулирования. Акцизный сбор равнялся 14 коп. с 1е конечной продукции. Кроме того, заводчики уплачивали патентный сбор за право производства и оптовой торговли. Такой же сбор требовался с любого, кто открывал собственное питейное заведение — лавочку, погреб, трактир, магазин и т.п.

«Положение о трактирных заведениях» 1861 г. и «Положение о трактирном промысле» 1893 г. разрешали неограниченное владение питейными заведениями всем желающим, независимо от сословной принадлежности. В этом случае акцизные сборы шли в местное акцизное управление. Городские думы выдавали на 2 года разрешение на право торговли (патент), а величину налогов с заведения определяла особая «раскладочная комиссия» Городской думы по степени дохода, размерам оборотов, роду и особенностям производимого промысла, по месту нахождения питейного заведения в городе¹².

По ст. 315 Питейного устава не дозволялось открывать питейные заведения «с раздробительной продажей крепких напитков» ближе, чем в 40 саж. от христианских храмов, монастырей, часовен, а также содержать их на рынках и в торговых рядах. В 1868 г. вышло дополнительное разъяснение, в котором разрешалась торговля на вынос крепких спиртных напитков. В тот же год четырем предпринимателям Казани разрешили открыть питейные заведения на рынках города: два на Сенном, по одному на Рыбном и на Мясном базарах Казани¹³.

На 1871 г. в Казани выдано 261 свидетельство на открытие питейных заведений, а на 1872 г. — 287¹⁴. Реально же в 1872 г. в Казани действовало 310 питейных заведений различных наименований с распивочной продажей алкогольных напитков: 100 трактирных заведений продавали крепкие напитки, рейнские погреба продавали виноградные вина российского производства «на манер французских», в основном из Кизляра и Таганрога. Члены Особой подготовительной комиссии, учрежденной Думой по вопросам о рейнских погребах и трактирных заведениях Н. Крестовников, Н. Брызгалов, Д. Вараксин предложили убавить число таких заведений с 310 до 199, давать разрешение на продажу спиртных напитков по жребью «благонадежным» (такая практика существовала в Ягодной слободе, где на 4 места подано 800 заявлений).

Н.Н. Крестовников выдвинул предложение о запрете открывать трактиры и пивные вблизи фабрик и заводов¹⁵. Постановлением Думы от 10 октября 1873 г. были определены места, где запрещалось открывать питейные заведения, с конкретным указанием улиц в Казани, а в 1877 г. Городская дума запретила открывать питейные заведения близ магометанских кладбищ¹⁶.

Новые «Правила о раздробительной продаже напитков» 1885 г. предписывали ликвидировать обычные распивочные и «забегаловки» и торговать спиртным только в заведениях трактирного

типа с непременно подачей закусок и горячих блюд. Вместо старого «питейного дома» были установлены два новых вида «выносных» заведений: ведерные и винные лавки, обложенные незначительным по сравнению с распивочными заведениями питейным сбором; с трактиров же патентный сбор был значительно увеличен. Право разрешения на мелкую торговлю было отнято у городских и сельских обществ и передано особым органам — губернским и уездным по питейным делам присутствиям. Но очень быстро запрещенные заведения возродились под новыми названиями, в них подавалась незатейливая закуска: ломоть хлеба, печеное яйцо, ржавая сеledка.

Реформа Витте в 1893 г. утвердила в России «монополюку». По «Новому положению о казенной продаже напитков» сохранялись как государственные, так и частные винокуренные заводы. Открытие новых предприятий отрасли или увеличение размеров винокурения на старых заводах могло производиться только с разрешения министра финансов по согласованию с министрами земледелия и государственных имуществ. Примерно 2/3 годовой потребности спирта для казенной торговли приобреталось по разветке между винокуренными заводчиками по установленной министерством финансов цене; оно же определяло условия поставки спирта и расчета с поставщиками. Остальной спирт приобретался с торгов. Продукция завода обязательно проходила очистку (ректификацию) и поступала в казенные хранилища.

Торговля водкой теперь становилась исключительно правом казны, которая принимала на реализацию также пиво и иностранные вина на комиссионных началах. Туда же поступала продукция из сохранившихся частных водочных фирм, опять-таки приготовленная из казенного спирта. Из № (номерных — Л.С.) мест «казенной продажи» водка поступала как к крупным оптовым покупателям (ресторанам, магазинам, трактирам), так и непосредственно пот-

ребителям в 29,5 тыс. казенных винных лавок¹⁷.

Положение 1893 г. перечислило заведения, где дозволялось торговать спиртным. Это — «трактиры, рестораны, харчевни и духаны, овощные и фруктовые лавки и ренсковые погреба, в которых продают закуски или кушанья, столовые, кухмистерские, буфеты при театрах, на пароходах, парходных пристанях, станциях железных дорог». Их открытие находилось в ведении Городской думы. Особая «раскладочная» комиссия Городской думы выдавала право на торговлю (патент) и определяла величину налогов с заведений «по степени дохода, размерам оборотов, роду и особенностям производимого промысла по месту нахождения их в городе»¹⁸.

Реформа Витте впервые ввела в России более современный вид торговли спиртным: не «в распой», а в запечатанной посуде, снабженной специальной этикеткой с указанием крепости водки и ее цены. Это привело и к развитию стекольной промышленности. Значительно увеличились бюджетные поступления: незаконные доходы торговцев теперь шли в казну, составляя самую крупную статью дохода.

С 1885 по 1917 гг. надзор за наиболее прибыльным источником бюджета царской России — «питейным делом» был передан Губернскому по питейным делам присутствию, которое находилось в ведении губернатора.

Как производство и реализация водки, продажа соли не раз изменялась: то устанавливалась соляная монополия, то вводился соляной налог и продажа соли отдавалась на откуп. Соль, наряду с водкой, была источником дохода казны, и ее цена доходила до одного рубля за пуд. В 1862 г. был введен акциз на соль. В 1880 г. он был отменен и цена соли упала до 20–40 коп. за пуд. Отмена акциза способствовала понижению цен на соленую рыбу, бывшую одним из важнейших продуктов питания. Реализация соли находилась под контролем Винной и соляной экспедиции Казенной палаты.

Ежегодно в декабре указом царя, Правительствующий Сенат утверждал списки и продажные цены соли, акцизов и таможенных пошлин соли на следующий год. Например, на 1859 г. для Лаишева и Казани цена за пуд соли устанавливалась 56 коп., для Ядрины — 61 коп., других городов Казанской губернии в указе нет. Для сравнения: в Нижнем Новгороде «в лавочках, учрежденных для мелочной продажи пермской соли» цена устанавливалась в 59 коп. При этом в Казани и губернии в том году не было предусмотрено открытие ни «запасных», ни оптовых «магазинов». В Нижнем же Новгороде пермская соль отпускалась из «запасных магазинов» по цене 54 коп. за пуд¹⁹.

К началу XIX в. было издано довольно много законодательных актов о подрядах и поставках, для обеспечения их выполнения вводилась строгая имущественная ответственность. Свод законов 1832 г. определял условия законности договоров, устанавливал возраст лиц, способных вступать в сделки и границы правомочий субъектов обязательств. В основе договоров лежало взаимное соглашение по поводу действий, свободное волеизъявление сторон, устанавливались границы устного и письменного соглашения, обязанность исполнения. Вводился принцип незыблемости договора, стороны должны были обязательно исполнить обязательство, если только они не пожелали расторгнуть договор. Для принуждения к исполнению существовали имущественные средства в виде неустойки, поручительства, залога и залога.

К середине XIX столетия в России действовали принципы буржуазного торгового права. Одним из важнейших был принцип свободы договора. Сторонам предоставлялось право включать в договор любые условия, если они не запрещены законом. Сделки, совершенные под влиянием насилия или обмана, считались недействительными. Сенат специально подчеркивал, что только

действительная воля сторон лежит в основе законности сделки.

Предварительно в казанской казенной палате устраивались торги. Обычно подрядчику выдавалась вперед часть причитающейся за подряд суммы (чаще всего половину). Эти деньги купец-подрядчик мог вложить в любое предприятие, поэтому часто желающих получить казенный подряд было достаточно много. Выигрывал подряд тот, кто называл наименьшую подрядную сумму. Подрядчику выдавался документ, в котором указывались условия подряда: перечислялись товары, и особо оговаривалось их качество, называлась сумма оплаты казной услуг подряда, выплата им неустойки в случае не поставки или недопоставки товаров, также как и невыполнения условий подряда и проч. Окончательный расчет производился после выполнения подрядчиком всех условий сделки.

Поставки по военному ведомству включали снабжение армии зерном, мукой, крупой и другими продовольственными припасами, поставку фуража, сукна, конной амуниции и проч. Так, в 1816–1820 гг. по военным подрядам работали суконные фабрики Г.И. Осокина в Казани, наследников господ Сахаровых в с. Алексеевское Лаишевского уезда Казанской губернии²⁰.

В газете «Казанские известия» публиковались объявления о конкурсах на право различных поставок для военных нужд: «Снабжение одеждою и чем нужно для рекрутов», поставки продуктов питания для Адмиралтейской конторы, Казанского морского госпиталя и др., а также поставки дров для казенных учреждений²¹.

С 1836 г. дворянство получило право участвовать в торгах на поставку «провианта в военные магазины без залога, но с круговой порукой». Согласно ст. 1471, «от имени всего дворянского общества той губернии, где для квартирующихся войск производятся торги на поставку провианта, допускаются к оным уполномоченные от дворянства,

когда уполномочие сие подписано будет двумя третями помещиков, бывших в собрании»²². Решение по данному положению было принято Казанским дворянским собранием 24 января 1836 г. и тогда же был определен круг доверенных лиц²³.

20 января 1890 г. общее собрание Казанского губернского дворянского приняло «Ходатайство о развитии винокуренного производства и возможности поставлять дворянам свои продукты для армии», которое включало пункт 3: «Ходатайствовать об отыскании мероприятий, при посредстве которых дворяне землевладельцы получили бы фактическую возможность поставлять на продовольствие армий свои произведения, так как ныне существующие правила такой возможности не дают».

Министерства внутренних дел 21 июня 1890 г. рассмотрело данное ходатайство и оформило соответствующее решение: «... Вопрос о поставке хлебных продуктов в интендантские магазины непосредственно землевладельцами был уже всесторонне рассмотрен в 1888 г. в особом совещании под председательством главного интенданта при участии представителей от министерства внутренних дел, финансов, государственных имуществ и государственного контроля, а также от земств некоторых губерний, в том числе и Казанской, и сельскохозяйственных обществ.

Все те льготы, которые возможно было допустить для облегчения землевладельцам вступить непосредственно в обязательства с казной, были включены в условия поставки ими продовольственных припасов для военного ведомства». Землевладельцы, в том числе Казанской губернии, в 1889 г. «приняли на себя поставку ржи и муки, как в столичные магазины г. Санкт-Петербурга, так равно и в продовольственные магазины названных выше губерний. Прочие же предложения землевладельцев на поставку провианта не могли быть

приняты вследствие слишком высоких цен, ими запрашиваемых, которые по сравнению с ценами, запрошенными на торгах, признавались невыгодными. Военное министерство, не встретив полного успеха в соглашении с землевладельцами, обратилось теперь к новому способу обеспечения своих потребностей в провианте — покупке ржи с элеваторов в довольно значительных размерах».

Дворянство Казанской губернии настаивало на сдаче хлеба на пристанях Волги и Камы, по ими же определяемой цене, а убытки от подвоза хлеба в продовольственные магазины должны были ложиться на казну. Такой сбыт существовал с 5 ноября 1861 г. Хлеб, купленный у дворян в течение пяти последующих лет «обошелся казне дороже, поставленного подрядчиками, более чем на 200 тыс. руб. Из общей пропорции заготовленного хлеба, составлявшей до 14 млн. четвертей, дворянами было поставлено только 3 млн. четвертей, а остальное было представлено в поставку промышленниками и заготовлено чиновниками коммерческим и коммиссионерским способами ... В случае желания землевладельцами поставлять хлебные продукты для нужд армии, они могут сдавать таковые продукты на элеваторы, с которых уже продукты эти могли бы приобретаться в интендантские магазины...»²⁴.

Подряды в основном находились в руках дворянства и купечества, и их можно разделить на общероссийские (государственные) и местные (губернские и городские).

К первым относились подряды военного ведомства на снабжение армии хлебом, фуражом, продовольствием, кожей на сапоги и конную амуницию, сукном на мундиры, строительство казарм, продовольственных складов и проч. Для того чтобы получить подряд, нужно было участвовать в заранее объявленном конкурсе и предложить сумму выкупа подряда больше, чем конкуренты.

К местным подрядам относились строительство общественных зданий, церквей или их ремонт, аренда городских зданий, помещений под производственные нужды и торговые помещения. Кроме этого в названную категорию подрядов вошли аренда общественных покосов, лугов и других промысловых угодий, мельниц, заготовка дров для казенных зданий, поставка продуктов для городских больниц, приютов, богаделен, строительство городского водопровода, поставка камня для мощения улиц, строительство конно-железной дороги и трамвайных путей, газовое и электрическое освещение улиц, помещений, в зданиях принадлежащих городу, строительство нового речного порта в устье Казанки и переоборудо-

вание старой Бакалдинской пристани и многое др.

Среди крупных подрядчиков, выполнявших казенные заказы, пожалуй, кроме М. М. Усманова, выстроившего один из корпусов Гостиного двора на Сенной площади, татар не было. Им доставались самые «не денежные» и «не доходные» подряды, да и то, связанные с благоустройством татарской части города. Но в местной казне всегда не хватало денег на слободские нужды.

Таким образом, формы накопления капитала казанским купечеством в XIX в. были достаточно разнообразными, однако ведущей формой, особенно для татарского купечества, была оптовая торговля, а основным направлением торговли оставалось восточное, главным образом среднеазиатское.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Откупщиком (комиссионером по продаже игральные карты) на Востоке России был купец Месетников, с 15 января 1863 г. — купец Докучаев. См.: НА РТ, ф. 115, оп. 1, д. 23332. — 114 л.

² Министерство финансов. — 1802 — 1902. — СПб., 1902. — Т. 1. — С. 110.

³ НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 12854, л. 121 об. — 122 об.

⁴ Сведения о питейных сборах в России. — СПб., 1860. — Ч. 3. — С. 62-63; Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков. — СПб., 1913. — С. 10.

⁵ НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 12854, л. 117-118 об.

⁶ Там же, л. 117-121.

⁷ НА РТ, ф. 3, оп. 1, д. 12804, л. 192 — 201.

⁸ Там же, л. 195 об.

⁹ *Свердлова Л.М.* Купечество Казани: дела и люди. — Казань, 1998. — С. 47 — 48.

¹⁰ НА РТ, ф. 350, оп. 2, д. 405, л. 80, 86, 88.

¹¹ Там же, л. 84 — 88.

¹² Положение о трактирном промысле 1893 года. — М., 1893. — С. 7.

¹³ НА РТ, ф. 98, оп. 7, д. 25 а, л. 290, 291, 291 об.

¹⁴ НА РТ, ф. 98, оп. 6, д. 27, л. 1 — 19, 20 — 46.

¹⁵ НА РТ, ф. 98, оп. 1, д. 3211. Листы не указаны.

¹⁶ НА РТ, ф. 98, оп. 8, д. 10 а, л. 338 — 344; оп. 1, д. 1698, л. 1 — 8

¹⁷ *Фридман М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 182-183; Соколов С.И. Казенная продажа питей (законоположения и правительственные распоряжения по казенной продаже питей). СПб., 1898, С. 6.

¹⁸ Положение о трактирном промысле ... С. 3, 7.

¹⁹ НА РТ, ф. 3, оп. 1, д. 160, л. 1 — 5.

²⁰ НА РТ, ф. 3, оп. 1, д. 4, л. 124 — 124 об., 192 — 195; д. 12804, л. 137 — 140 и др.

²¹ Казанские известия — 1812 — 27 апреля.

²² СЗРИ. Законы гражданские и межевые. — Т.Х. — Ч. 1, 2. — СПб., 1842.

²³ НА РТ, ф. 350, оп. 2, д. 405, л. 2 об. — 3.

²⁴ НА РТ, ф. 350, оп. 2, д. 450, л. 84 — 88.

Аннотация

В статье рассматриваются основные формы накопления капитала казанским купечеством в XIX столетии. Особое внимание уделяется казенным откупам, подрядам и поставкам, включая винные и соляные откупа. Выявляются особенности накопления капитала в среде татарского купечества, которое было отстранено от выполнения наиболее денежных сделок с казной, и основной формой накопления капитала для него оставалась оптовая торговля преимущественно с восточными районами России и Средней Азией.

Ключевые слова: капитал, подряды, поставки, откупа, откупщики, торговля, несостоятельность.

Summary

The given article takes into consideration the main forms of capital formation by the Kazan merchantry in the XIX century. It focuses the attention on official buy-outs, contracts and supply, including wine and saline buy-outs. The article elicits the peculiarities of capital formation among Tatar merchants. A wholesale trade mainly with east regions of Russia and Central Asia was the main form of capital formation for them, as Tatar merchantry was put aside of moneyed transactions with the government fund.

УДК 314(091)

ТАТАРСКИЙ СЛЕД НА БЕРЕГАХ НЕВЫ: ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

И.З. Файзрахманов

В научной и публицистической литературе последних лет наблюдается большой интерес к вопросам участия татар в экономической и культурной жизни Санкт-Петербурга. Эта тема стала объектом внимания со стороны средств массовой информации, что отражается в телевизионных передачах, газетных статьях, публицистических очерках, тем не менее остаются невыясненными многие факты и обстоятельства участия татар в строительстве северной столицы в первой четверти XVIII в. Как осуществлялась их высылка на строительные и адмиралтейские работы в Петербурге и его окрестностях, к каким работам они привлекались, их условия труда и проживания, каков вклад татар в деле строительства Петербурга? В данной статье мы попытаемся ответить на эти и другие вопросы, касающиеся участия татар в строительстве Петербурга в петровское время, в тех рамках, насколько позволяют имеющиеся в нашем распоряжении источники.

Наибольшее количество материала по рассматриваемой теме можно найти в фондах Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного архива Военно-морского флота, Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории и др.

Основными опубликованными источниками, из которых можно почерпнуть сведения об участии татар в строительстве Петербурга в первой четверти XVIII в., для нас стали «Доклады и при-

говоры Правительствующего Сената», «Материалы для истории русского флота», «Письма и бумаги императора Петра Великого», «Полное собрание законов Российской Империи»¹.

О строительстве и первых строителях Петербурга довольно подробно написано в работе П.Н.Петрова, в исследованиях советских историков С.П.Луппова и Л.Н.Семеновы, а также этнографов².

Какие же имеются сведения о первых строителях-татарах «города на Неве»? Строительство Петербурга, начавшееся в 1703 г. с возведения Петропавловской крепости, вскоре приняло невиданные гигантские масштабы. Предполагалось построить столицу по образцу Амстердама. И сразу же понадобилось большое количество строителей, набор которых производился привычными государственно-принудительными методами. Среди первых строителей Петербурга были пригнанные сюда в апреле 1704 г. из Шлиссельбургской крепости пленные турки, татары, калмыки и другие, которые были захвачены в ходе Азовских походов 1695-1696 гг. Первоначально большинство работ выполнялось солдатами, в том числе и из татар. Известно, что татары полка И.Бахметева появились на берегах Невы в 1702 г. В 1705 г. в распоряжении петербургского обер-коменданта Р.В.Брюса находились до 1000 человек иррегулярной конницы из татар, калмыков и казаков³. Сначала они участвовали в военных действиях, позже были привлечены к строительным работам в Петербурге. В 1707 г. татары-военнослужащие были

задействованы в возведении Кронверка – вспомогательного укрепления Петропавловской крепости. При их участии были возведены земляные валы, покрытые дерном, и установлены на них 78 орудий. Петропавловскую крепость от рядом расположенного к северо-западу Березового острова отделяла узкая протока. С этой стороны крепость была уязвима, поэтому протоку расширили и углубили также с привлечением татар.

Уже совсем скоро основную тяжесть строительных работ на своих плечах несли крестьяне и посадские из различных губерний и уездов страны. В 1704 г. указ от 1 марта обязывал провинции высылать в Петербург из 85 мест государства 40000 рабочих в год. Среди указанных мест были также поволжские и прикамские города с уездами: Кострома, Арзамас, Казань, Свияжск, Симбирск, Курмыш, Чебоксары, Козьмодемьянск, Цивильск, Ядрин, Царевококшайск, Яранск, Самара, Сызрань, Саратов, Уфа, Бирский городок. По указу от 1 февраля 1705 г. половину высылаемых работников направляли в Нарву для строительных работ. В их число вошли и работники из поволжских городов и провинций. После уничтожения нарвского наряда их снова стали направлять в Петербург⁴.

Первоначально работников высылали в Петербург на 2 месяца тремя партиями: первая смена работала с 25 марта по 25 мая, вторая – с 25 мая по 25 июля, третья – с 25 июля по 25 сентября. Поволжские города и провинции должны были высылать работников в третью перемену. С 1708 г. перешли к двухсменной работе по 3 месяца: первая смена – с 1 апреля по 1 июля, вторая – с 1 июля по 1 октября. Число людей, ежегодно назначаемых на строительство новой столицы, не было постоянным – оно варьировалось в зависимости от масштабов строительных работ. Число высылаемых каждой местностью людей определялось количеством крестьянских и посадских дворов. Число дворов, от которых выставлялся один работник, в разные годы изменялось от 9 до 16⁵.

Всех работных при отправке из губерний поименно вносили в списки, где также указывались названия деревень, сел, посадов. Людей присылали из губерний под надзором «приводцев», отвечавших за их высылку с определенной территории. В качестве приводца был офицер-дворянин, который имел в своем распоряжении солдат.

Работники, высылаемые в Петербург, должны были иметь плотничьи инструменты: по топору на каждого, долото, бурав, пазник, скобель (инструмент для грубого строгания) на 10 человек. Проезд до Петербурга и обратно никем не оплачивался. В пути высылаемые люди должны были питаться «своим хлебом». Деньги на содержание названных работников (так называемые «кормовые деньги») собирались с тяглых дворов губерний, за исключением тех дворов, с которых поставлялся работник. Сумма, собираемая для одного работника, составляла обычно 3 руб. на все время (3 месяца) пребывания в Петербурге. В Петербурге временные работники должны были получать деньги по 1 руб. в месяц, но из них на руки выдавались лишь по 50 коп. в месяц, остальные шли в счет хлебного пайка⁶. Размер хлебного пайка составлял 29 кг муки и 5 кг крупы в месяц на одного человека. Семейным людям соответственно увеличивали норму пайка.

Людей гнали на строительство Петербурга в принудительном порядке, забирая у семьи самых здоровых и трудоспособных мужчин. Естественно, люди всячески сопротивлялись высылке, это выражалось в систематическом недоборе указного числа работников, в бегстве с дороги и с места работ, в отправке вместо здоровых больных, старых и малолетних⁷.

Начиная с 1708 г., по указу Петра I от 11 декабря 1707 г. на общины было возложено доставлять новых работников взамен бежавшим⁸. В случае бегства отвечать приходилось поручителям бежавшего. Ответственность за набор и доставку несли и губернаторы, воеводы и коменданты. За недосылку ра-

ботников их могли штрафовать. Таким образом, был создан так называемый «механизм компенсации потерь». В результате высылки стали более организованными, однако губерниям по-прежнему не удавалось набирать указного числа людей. В Петербург стали прибывать от половины до трех четвертей требуемых работников.

Казанская губерния, несмотря на ее отдаленность от Петербурга, являлась одним из главных поставщиков рабочих рук на строительство северной столицы. В 1704–1718 гг. татары были в числе тех работников, которых высылали на строительство Петербурга пропорционально числу тяглых дворов из всех губерний и провинций России. Самых умелых и мастеровитых людей отбирали на постоянное жительство в Петербург, где они были обязаны работать на предприятиях, к которым закреплялись. По указу от 18 августа 1710 г. из различных губерний было выслано в Петербург 4720 мастеровых «на вечное житье» с женами и детьми, в том числе 667 работников из Казанской губернии: с посадов 50, с уездов 617 человек. Среди высылаемых мастеровых из уездов были столяры, резчики, токари, бочары, мастера парусного дела, 1 живописец (маляр) и люди других профессий. Из уездов преимущественно набирали плотников (280 человек), каменщиков (245) и кузнецов (34)⁹.

Большинство же неквалифицированных работ в Петербурге выполнялось работниками, прибывавшими также со всего государства для отбывания трудовой повинности по строительству города. Большая часть из них поступала в распоряжение Канцелярии городских дел (1706–1723 гг.; с 1723 г. – Канцелярия от строений), которой принадлежала ведущая роль в строительстве Петербурга. Она ведала постройкой Петропавловской и Кронштадтской крепостей, гаваней и каналов, мостов и заводов, дворцов и церквей и других зданий¹⁰. В среднем из Казанской губернии в год должно было высылаться 6692 временных работника (по данным

на 1710–1715 гг.), но фактически высылалось меньше людей¹¹. Определенная часть мастеровых «вечного жителя» и временных работников в Петербурге была из татар. Среди указанных категорий работников, высылаемых в Петербург из Казанской губернии, татар было 1–2 человека из 10. Но были и специальные наряды для татар.

Правительство разрабатывало планы, как добиться того, чтобы в полном объеме обеспечить Петербург рабочими руками. Чиновникам казалось, что кардинальное изменение ситуации будет возможно за счет высылки татар и других нерусских народов Казанской губернии вместо недосланных работников. 12 мая 1708 г. Петр I указал казанскому воеводе Н.А.Кудрявцеву набрать 5000 татар, чувашей и черемис и отправить их на строительные работы в Петербурге¹². Но тот замешкался с набором людей из-за восстания К.Булавина. Лишь в октябре в Петербург были высланы 2104 ясачных и служилых татарина Казанского уезда, других городов и уездов губернии и 700 чувашей Симбирского уезда, всего 2804 человека¹³. Кроме того, командующему войсками в Уфе П.И.Хованскому приказано собрать 1000 человек из служилых башкир, мещеряков и ясачных татар и отправить на службу в Петербург¹⁴.

Следует отметить, что вопреки распространенной практике высылки временных работников на строительство Петербурга в летние месяцы часто случалось, что татар по специальным указам отправляли поздней осенью или ранней весной, иногда зимой, что делало их пребывание в Петербурге весьма проблематичным. Остается только догадываться, насколько незавидной была судьба тех татар, которых высылали вслед второй перемене работников – ведь они прибывали в Петербург поздней осенью и должны были работать на стройках в зимнее время. Голодные («кормовые деньги» часто выдавались с издержками, их не хватало даже на хлеб), нищие (в дальней дороге прихо-

дилось распродавать свои инструменты и одежду, чтобы купить на выроченные деньги хлеб), не имевшие своей кровли над головой (правительство не заботилось об обеспечении жильем временных работников), татары не могли смириться с таким положением. Неудивительно, что многие из них сопротивлялись высылке, бежали по дороге в столицу и с работ в Петербурге. Так, по вышеуказанному наряду 1708 г. татары, живущие в Закамской стороне Казанского уезда, людей на высылку в Петербург на строительные работы не дали, а посланных из Казани наборщиков побили и отослали обратно¹⁵.

Высылка татар по специальным указам на строительные работы в Петербург была продолжена и в последующие годы. В докладе петербургского обер-комиссара У.А.Сенявина Петру I от 31 декабря 1709 г. говорилось, что по стране должны были наряжать в Петербург в каждую перемену 18000 работных людей, а недостающее число дополнить татарами. У.А.Сенявин предлагал дополнить имеющихся 13000 человек 5000 татар в первую перемену, а в другую перемену — определенных к работам 16000 человек — 2000 татар, на что Петр I подписал «послать работных татар и прочих таких народов пять тысяч»¹⁶. Наверное, посчитали, что раз татар до этого не брали в рекруты в армию (до 1722 г.), то им не составит труда выставать ежегодно по несколько тысяч человек на работы в Петербурге, чтобы покрыть недостающее число работников. Таким образом, отработочная повинность по строительству Петербурга рассматривалась как своеобразная рекрутская повинность татар. При этом с ясачных татар собирался дополнительный сбор по 50 коп. с ясака вместо рекрутского набора¹⁷, а служилые татары проходили военную службу в нерегулярных войсках. Если учитывать, что губернии систематически не досылали нужного числа работников, то высылка указанных 5000 татар и других нерусских народов становилась регулярной обязанностью казанских губернаторов.

10 сентября 1709 г. Петр I в письме к казанскому губернатору П.М. Апраксину указывал, чтобы тот выслал зимой 1710 г. в Петербург 5000 татар, черемис и мордвы на перемену первым¹⁸. Однако этот указ был выполнен лишь частично. Из пятитысячного наряда не было дослано 542 (11%) человека, бежали с дороги 1941 (39%). Лишь половина дошла до Петербурга, из которых 1368 (27%) человек бежали с работ, 1149 (23%) фактически находились на работе. Причины же массовых побегов татар с дороги и от работ в Петербурге были в тяжести самой повинности и в нечеткой организации высылки¹⁹.

По причине массового бегства с дороги и от работ в Петербурге правительство было вынуждено отказаться от дальнейшего использования татар (высылаемых по специальным указам) на строительных работах, сочтя их труд невыгодным. По указу от 19 февраля 1711 г. татарам было велено вместо их повинности по строительству Петербурга платить по 5 руб. с тех, кто не был дослан, и по 10 руб. с тех, кто бежал с работы²⁰. Указ от 18 февраля 1712 г. требовал вместо отправки в Петербург на строительные работы ежегодно 5000 татар собирать с них 50000 руб. (по 10 руб. за каждого татарина) вместо прежних 25000 руб. Эти деньги должны были присылаться в Петербург на выплаты жалованья мастеровым людям и на другие расходы²¹. Таким образом, на татарское население Казанской губернии был возложен дополнительный сбор, размер которого был таким, что собрать необходимую сумму удавалось с большими трудностями.

28 марта 1715 г. был обнародован указ Петра I, согласно которому на строительные работы в Петербург высылались некрещенные служилые мурзы и татары по одному человеку с 4 дворов²². Указом предусматривалась их ежегодная высылка в 2 перемены. На содержание одного работника из оставшихся некрещенных служилых мурз и татар собиралась сумма в размере 3 руб. на все время (3 месяца) пребывания в Петер-

бурге. Проезд до Петербурга и обратно никем не оплачивался. В пути выслаемые люди должны были питаться «своим хлебом». При этом они по-прежнему были обязаны выплачивать, вместе с ясачными татарами, 50000 руб. за свое «освобождение» от натуральной повинности по строительству Петербурга.

В докладе казанского губернатора П.С.Салтыкова от 7 июля 1715 г. сообщалось, что в Казанской губернии было собрано 1255 человек из служилых некрещеных мурз и татар, мордовских мурз, чувашей, кроме уфимских мещеряков. Всех их отправили в Петербург в разных числах июня 4 партиями под присмотром 4-х дворян-приводцев и провожатых из выборных мурз и татар. Провожатых оказалось всего 60, т.е. на каждого 21 выслаемого человека приходилось по одному провожатому²³. Люди со страхом ожидали указаний об их отправке в далекий край. Многие убежали в леса, на окраины. Служилые мещеряки и татары Уфимского уезда отказались от дачи людей на работы в Петербурге. Многие служилые татары из городов Казанской губернии стали переселяться в Уфимский уезд, откуда их не могли выслать на работы в Петербург²⁴.

В июле и августе 1715 г. в Петербург прибыло служилых мурз и татар из Азовской губернии 269, из Казанской губернии 1247, из Нижегородской губернии 120 человек, всего 1636 мужчин²⁵. Часть из них направляли в Петергоф, где использовали на работах, не требующих высокой квалификации. Их труд применялся при разведении садов и парков: рубили деревья и кустарники, выкорчевывали пни, выкапывали камни, выравнивали почву, засыпали болота, рыли каналы и стоки, затем высаживали специально выращенные деревья и кустарники, выполняли другие работы.

Высылка служилых мурз и татар Казанской, Азовской и Нижегородской губерний на строительные работы в Петербурге и Петергофе с этого времени становится ежегодной. Указ Петра I от

26 октября 1715 г. предписывал в 1716 г. выслать служилых татар и мурз в Петербург в 3 перемены по 3 месяца: к февралю, маю и сентябрю²⁶. Так продолжалось до 1718 г., когда указом Петра I от 31 января их не приписали к заготовке и вывозке корабельных лесов для Адмиралтейства²⁷.

Труд выслаемых для отработок людей носил подневольный характер и был малопродуктивным, в то время как труд наемных работников, который также применялся при строительных работах, был более продуктивным. Со временем правительство пришло к выводу о нецелесообразности высылать людей из дальних губерний лишь для того, чтобы они отработали на строительстве Петербурга 3 месяца. Наконец, 30 апреля 1718 г. был издан указ, который предписывал больше не высылать временных работников из дальних губерний на строительные работы в Петербурге²⁸. Однако взамен население было вынуждено платить дополнительный денежный сбор в размере 6 руб. за каждого работника (в 1723 году эта сумма была увеличена)²⁹.

Основным предприятием города, применявшим подневольный труд выслаемых из губерний людей, было Адмиралтейство. Возможно, что татары были в числе первых строителей кораблей Санкт-Петербургской верфи. Известно, что в 1703 г. на Олонекской (Лодейнопольской) верфи работали плотники из Казани³⁰. Летом 1705 г., когда началось строительство судов в Адмиралтействе, туда перевели рабочих Олонекской верфи³¹.

Адмиралтейство в первые годы пополнялось в основном за счет плотников и других специалистов, насильно переселяемых сюда «на вечное жительство» из различных городов, провинций и губерний страны. Еще больше рабочих людей, прибывавших также со всего государства, было занято на сезонных адмиралтейских работах, главным образом на заготовке и вывозке леса, который был нужен как для строительства кораблей, так и зданий и сооружений.

В 1710–1716 г. в Адмиралтейство высылали людей ежегодно и всегда из разных губерний страны³². Число мастеровых и работных людей, которых надлежало выслать в Адмиралтейство, показано в следующей таблице³³.

Годы	Всего по губерниям	В т.ч. из Казанской губернии	На какой срок
1710	2012	271	на «вечное жительство»
1711	4000	787	на 6 месяцев
1713	1000	350	на «вечное жительство»
1714	1675	25	на «вечное жительство»
	1032 рекрута	85 рекрутов	на неопределенный срок
	200 кузнецов	8 кузнецов	на «вечное жительство»
1715	70	3	на 8 месяцев
1716	1400	52	на 6 месяцев

4000 плотников наряда 1711 г. должны были построить 200 бригантин (галер) к весне 1712 г. (по 20 человек на 1 бригантину). Таким образом, 787 плотникам из Казанской губернии предстояло построить не менее 39 бригантин. Плотников набирали и среди татар, многие из которых хорошо знали плотничье ремесло. Высылка указанных работников на строительство бригантин с опозданием, но была выполнена Казанской губернией. В 1714 г. построенными в Адмиралтействе бригантинами (галерами) была одержана победа в знаменитом Гангутском сражении.

Принудительные высылки для работ в Адмиралтейство были крайне непопулярными среди населения. Люди всячески избегали работ в Адмиралтействе, потому что строительство судов было тяжелейшим трудом. Например, из 621 мастерового «вечного жителя», подлежащего высылке в Адмиралтейство из Казанской губернии по нарядам 1711 и 1713 гг., не было дослано 28 человек, бежало с работы 250, старых и негодных оказалось 51, и только 292 человека (т.е. менее половины) находились на рабочем месте³⁴.

Широкая принудительная мобилизация плотников со всего государства для работ на петербургских верфях продолжалась и в последующие годы. В ноябре 1716 г. Адмиралтейство запросило для строительства девяти но-

возаложенных больших кораблей дополнительно 3327 мастеровых³⁵. Сенат указал набрать из губерний очередную партию работных людей, а также разыскать и возвратить в Адмиралтейство беглых мастеровых в количестве 2884 человек к 1 января 1717 г. Однако этот указ был выполнен лишь частично³⁶. Позже правительство начало выделять плотников на адмиралтейские работы из числа солдат и рекрутов. В распоряжение Адмиралтейства также поступала часть работных людей, находящихся в ведении Канцелярии городских дел. К 1720-м гг. Адмиралтейство было укомплектовано необходимым количеством постоянных работников. С этого времени рабочие кадры стали пополняться главным образом детьми мастеровых³⁷.

Татары, вместе с остальным тяглым населением, платили специальные налоги, направляемые в Адмиралтейство. Так, указ от 30 апреля 1715 г. предусматривал со всего податного населения Казанской губернии собирать и отправлять в Адмиралтейство по 80000 руб. ежегодно³⁸. Это была огромная сумма, если учесть, что годом ранее размер выплаты был втрое меньше. Существовали и другие разновидности налогов, собираемых с населения: на оплату петербургским работникам, петербургским подводам, на строительство каналов, «корабельный», «лошадиный» и другие сборы. После приписки служилых мурз

и татар к Адмиралтейству и установления подушной подати взимаемые с них деньги шли отдельной статьей в доходах государства и направлялись специально на адмиралтейские нужды.

Говоря о татарах и Адмиралтействе, нельзя не затронуть вопросы, касающиеся заготовок и поставок корабельных (преимущественно дубовых) лесов из Казанской губернии на петербургские верфи. Леса, расположенные поблизости от Петербурга, не располагали достаточным количеством необходимых пород деревьев (особенно дуба), используемых при строительстве кораблей. Поэтому с 1709 г. систематическая заготовка и доставка корабельных лесов на верфи Санкт-Петербургского Адмиралтейства стали осуществляться из Казанской губернии, располагавшей большими запасами корабельных рош и возможностью их доставки речными путями. В петровское время Казанская губерния (затем Казанская лесная контора) ежегодно должна была заготавливать и отправлять на петербургские верфи дубовые и прочие леса на 6 больших кораблей и на мелкие суда.

На работы по заготовке и доставке в Адмиралтейство корабельных лесов привлекались и татары. Сначала (в 1709-1711 гг.) применялся насильственный стон людей на работу. Начиная с 1712 г., рубка и доставка лесов до пристаней частично (ежегодно на 3 корабля) стали выполняться наемными людьми. Но совсем скоро снова перешли на привычные принудительные методы — ранее упоминавшийся указ от 31 января 1718 г. предписывал привлекать к рубке, теске и к вывозке корабельных лесов служилых мурз, татар, мордву и чувашей Казанской, Нижегородской и Воронежской губерний³⁹. С этого времени работа в лесах для указанной категории населения становится неизбежной повинностью.

Львиная доля всего заготавливаемого служилыми мурзами и татарами корабельного леса доставлялась в Санкт-Петербургское Адмиралтейство. В петровское время практически все

крупные суда Балтийского флота были построены из казанского леса. Всего с 1709 по 1725 г. в Казанской губернии было заготовлено и отпущено в Петербург лесов на 61 корабль, 10 фрегатов, 1 яхту, несколько десятков галер и на другие мелкие суда⁴⁰. Из самого качественного леса строили боевые корабли, а из менее пригодных мелочных деревьев — галеры, боты и т.п.

Кроме собственно Петербурга, татары участвовали в работах в окрестностях северной столицы. Значительное их количество было привлечено к строительным работам на острове Котлин. 16 января 1712 г. был обнародован именной указ Петра I о высылке из губерний 3000 человек для «строения на Котлине острове фортеций и жилья». Казанская губерния должна была отправить 551 человека на годовую работу. К середине осени 1712 г. из намеченных 3000 строителей Котлина, по докладу Ф.М.Апраксина, прибыло 1840 человек, в том числе 473 работника из Казанской губернии⁴¹. Работниками из различных губерний велось строительство Котлинской гавани, которое было завершено в 1714 г. Гавань стала удобной стоянкой для боевых кораблей в зимнее время.

По указу от 10 марта 1714 г. на острове Котлин силами различных губерний началось строительство каменных, так называемых «губернских» домов. Казанская губерния должна была построить 5 домов, каждый из которых обходился в 1000 руб.⁴²

В 1716 г. началось сооружение новой гавани (старая гавань была недостаточно большой для кораблей), строительство которой также было возложено на губернии. Из Казанской губернии было прислано на Котлин с мая по август 1716 г. 763 работника, с середины августа по ноябрь — 544 человека. Рабочие должны были таскать камень, изготавливать бревна. Этими людьми было изготовлено к строению гавани 10000 бревен в окрестных лесах Петербурга и перевезено с большими трудностями 1000 бревен к месту стройки. Часть работников была занята на битье свай⁴³.

Татар использовали и как сгонщиков лошадей, которых по несколько сот или по несколько тысяч голов ежегодно присылали из Казанской губернии на строительные работы в Петербурге, но главным образом для армии. О неимоверных трудностях, испытывавшихся сгонщиками-татарами, свидетельствует их прошение, написанное в мае 1715 г. В челобитье казанских слободских татар Иштерека Шиметева, Ирсяя Шперева, Кутлы Фотулова, Сатышева Клейбарышева, Исмаила Улиева, Сапи Сеньюкова и остальных говорилось, что 18 марта 1715 г. они прибыли в Петербург с лошадьми и уже третью неделю пасут лошадей, которым нет корма, из-за чего 42 лошади пали. Самим пастухам тоже нечего было есть. Из них трое умерло, а «иные многие лежат при смерти», продали свои шубы и кафтаны, чтобы не умереть с голоду. К тому же в это время у них в Казани выгорела Татарская слобода и их дома тоже выгорели. В своем челобитье они просили быстрее принять лошадей в армейские полки, а им давать жалованье, поскольку ничего не получали за свою работу, просили и в дальнейшем обеспечить государственной службой, так как вернуться обратно в Казань им не было смысла. На обращение татар последовал приговор Сената от 28 мая 1715 г. о том, чтобы они продолжали сторожить и пасти лошадей, пока их не раздадут в полки, а жалованье давать из Казанского губернского комиссарства⁴⁴. Но это ведомство отказало в выплате жалованья, объясняя это тем, что «прежде таких дач никому не было». В конце концов, 16 июля 1715 г. было вынесено решение о даче жалованья татарам, присланным из Казани с лошадьми. Размер выплаты составил каждому по 10 алтын (30 коп.) в месяц⁴⁵.

Рассмотрим подробнее условия труда и проживания татар в Петербурге, которые, как и практически всех работных людей в городе, были трудными. Вся работа выполнялась вручную. Кирки, лопаты, топоры были основными инструментами при строительс-

тве. Строители работали под открытым небом. Многим негде было жить, пища была скудная, бытовые и социальные проблемы оставались нерешенными. Рабочий день на строительных работах продолжался столько времени, сколько можно было работать при дневном освещении, т.е. от восхода до заката солнца.

Строители-татары главным образом были заняты на земляных работах, которые в петербургском болотистом грунте требовали многократно больше усилий, чем обычно. Для отвода воды и осушения земли рыли каналы, привозили землю, песок, глину и камень на место строек и таким образом поднимали низменные места, укрепляли фундамент будущего здания с помощью свай, камней, подсыпки и утрамбовки земли и других операций. На татар также были возложены обязанности валить лес в окрестностях Петербурга и привозить его на место строек и т.п.

Правительство не заботилось об обеспечении жильем работников, высылаемых в Петербург на временные работы, так как считалось, что они трудились в городе только в летнее время. Таким образом, новоприбывшие на временные работы люди оказывались в нелегком положении. Часть из них останавливалась у ранее прибывших на постоянное проживание родственников или земляков, другие нанимали комнату у тех же лиц. Но основной части приходилось скитаться по городу в поисках жилища, жить в наспех сооруженных из подручных материалов шалашах и землянках, кое-как защищающих от непогоды, в других временных постройках.

То, что большинство присылавшихся на временные работы в Петербург людей не имели жилья, это бесспорно. И все же мы имеем ряд известий, что для временных работников строили казармы. Так, источник 1720 г. сообщает, что уроженцами Казанской губернии на острове Котлин, куда они были высланы на сооружение Кронштадтской гавани, построено 8 казарм для работных людей, еще 2 казармы – на Черной

речке. В Петербурге было 2 казармы, где жили мастеровые из Казанской губернии. Эти казармы располагались на противдвора майора Дубасова. Казармы представляли собой четырехугольные здания, внутри которых был двор. Здания имели размеры 7,5 на 5,5 саж. (16×11,7 м)⁴⁶. Думается, что другие казармы имели примерно такие же габариты.

Характерная для того времени ручная работа и долгий рабочий день в купе с маленькой зарплатой являлись общими бедами для всех повинных. Ситуация для татар осложнялось и тем, что они не знали русского языка, что открывало широкий простор для чиновничьих злоупотреблений. Поэтому татары старались поддерживать друг друга, селились вместе или рядом с единоверцами. Татары-военнослужащие, участвовавшие в строительстве Кронверка, не были обеспечены жильем и размещались поблизости от него. С этого времени территория близ Кронверка становится пристанищем татар, прибывавших на временные работы. Интенсивное заселение территории Городской стороны Петербурга произошло в 1710-х гг. Так в Петербурге появляется Татарская слобода, ставшая наиболее концентрированным местом проживания татар в городе.

Месторасположение слободы современник определял так: за Кронверком ниже по течению реки «...Татарская слобода, где живут сплошь татары, калмыки, казаки, турки и другие подобные народы в соответствии со своими обычаями»⁴⁷. Заселение слободы происходило следующим образом: «...очень многие работные люди из татар, русских и калмыков, отработав установленный срок, не захотели отправиться в дальний обратный путь домой, а получили достаточно работы за деньги у многочисленных бояр.... Несколько тысяч из этих работных людей, сами построив себе дома, обосновались [здесь]...»⁴⁸. Остались и описания Татарской слободы. В Татарской слободе находились Татарский рынок и барахолка, в кото-

рой «... прямо у дороги, или в двух рядах отмеченных лавок можно дешево приобрести всевозможные товары — старую одежду различных наций, лапти, всякие старые железные предметы, бечевку, старую веревку, деревянные седла... и иные тому подобные изысканные вещи. Обычно у этих лавок находится много торговцев...»⁴⁹. В слободе были расположены дома шелковой и шерстяных мануфактур, склад муки и съестных припасов и бойня⁵⁰.

Татарская слобода была одной из десяти первых слобод Петербурга. Она находилась в болотистой местности, из-за чего дома в ней редко где располагались в ряд: «лачуги», из которых состояла слобода, тянулись ломаной линией⁵¹. Дома в ней были ветхие, маленькие, «...совсем крохотные, какие за два часа могут быть разобраны и поставлены в другом месте...»⁵². Быстрое разрушение домов вызывалось тем, что они строились из непрочных материалов, а также сырой петербургской погодой, болотистой местностью.

Петербургским властям, естественно, не нравилось, что в центре города находились убогие жилища, какими были дома в Татарской слободе. Здесь вместо прежних «лачуг», наскоро построенных из подручных материалов, начали появляться более прочные деревянные и каменные здания казарм. В 1719—1722 гг. Татарскую слободу заселили солдаты и офицеры Белозерского полка, а также солдаты Выборгского полка. Вблизи у Кронверка находились 6 деревянных солдатских казарм. Для Татарской слободы места не оставалось. Старые дома сносились, на их месте появлялись новые застройки с другими жильцами. В 1719—1722 гг. здесь еще жили казанские татары, которые владели 21 избой из 70 расположенных в слободе строений (за исключением «лачуг») ⁵³. Все они занимались торговой деятельностью и не были мастеровыми-переселенцами, иначе кто бы их отпустил с предприятий. К 1720-м гг. число работников «вечного жителя» из Казанской губернии в Петербурге неуклонно сокращалось.

В 1720 г. их было всего 187 человек, а в 1721 г. — 159⁵⁴.

Впервые Татарская слобода и Татарский рынок были указаны в плане Петербурга 1716 г. Их также можно найти на картах Петербурга И.Б.Хоманна [1721–1723 гг.], К.Ф.Койетта [1722 г.], Р.Оттенса [1725–1729 гг.]⁵⁵. В более поздних планах Петербурга Татарская слобода не указана. Часть татар уехала на свои прежние места проживания, часть погибла на изнурительных работах, от неблагоприятных бытовых условий, болезней, холода и голода. Таким образом, в 1720-е гг. число татар в столице сокращается. Очень немногие остались на постоянное жительство. О том, что здесь когда-то жили татары, напоминали улицы Большая и Малая Татарские, которые в 1770-х гг. также сменили названия на Большую и Малую Никольские улицы. До сегодняшнего времени сохранился Татарский переулок. Приблизительное месторасположение бывшей Татарской слободы определяется между современными улицами Ждановской и Большой Зелениной.

Так завершается история одной из первых слобод Петербурга, оставившая яркой след в его истории.

Рабочие на стройках Петербурга умирали сотнями и тысячами. Например, в 1716 г. в Петербург было выслано около 32000 временных работников, из них 1000 умерли, 1000 числились больными⁵⁶. Недоедание, отсутствие нормального жилья, медицинской помощи, изнурительные работы, болезнетворный климат — все это вело к болезням. Люди истощались физически и морально. Их постоянно гнали на работы офицеры и солдаты, люди не знали ни покоя, ни доброго отношения к себе, ни жалования, которое соответствовало бы затраченным усилиям. Многие болели инфекционными болезнями, особенно дизентерией («маялись животом»). Лечению рабочих и мастеровых людей не уделялось должного внимания. Больниц и госпиталей было крайне мало. Да и сами

методы лечения были примитивными: больных лечили вином, уксусом, даже при небольших переломах конечностей делали ампутацию.

Трудно сказать, сколько татар погибло на стройках Петербурга. Есть лишь отдельные сообщения. Например, сохранилось письмо князя А.Д.Меншикова от 1716 г. кабинет — секретарю царя А.В.Макарову: «В Петергофе и Стрельне в работниках больные зело много и умирают беспрестанно, которых нынешним летом больше тысячи померло»⁵⁷. Это известие относится как раз к тому времени и к месту, когда из Казанской, Нижегородской и Азовской губерний стали высылать служилых мурз и татар на строительные работы в Петергофе. Если учитывать, что здесь в одну перемену работали около 3500 человек, получается, что погибал каждый третий-четвертый. О большом количестве погибших татар на стройках Петербурга также говорят скудные известия о мусульманских кладбищах, существовавших в петровское время в Петербурге (на Выборгской стороне) и на острове Котлин.

Таким образом, татары сыграли важную роль в строительстве Петербурга. Их руками были построены многие здания и другие объекты оборонительного, хозяйственного и культурного значения. Из-за тяжелых условий работы и проживания все это достигалось ценой огромных жертв. Убогие жилища в Татарской слободе, которая располагалась не в самой благоприятной для проживания болотистой местности, красноречиво иллюстрировали нищенское существование татар в Петербурге.

Кроме собственно Петербурга, татары работали также и в окрестностях северной столицы: на строительстве так называемых «губернских домов» на острове Котлин, Кронштадтских гаваней (старой и новой), Петергофа, Нарвы, пасли лошадей и т.д. Татарам-лашманами еще в петровское время заготавливалось значительное количество корабельного леса, шедшего для строительства кораблей Санкт-Петербур-

бургского Адмиралтейства. Они также работали на верфи, участвовали в строительстве боевых кораблей — основы военно-морского флота страны, который одержал немало славных побед над шведами. Благодаря труду и татар оказалась возможной победа над таким сильным противником, как Швеция.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Доклады и приговоры Правительствующего Сената (ДПС). — СПб., 1880-1910. — Т. 1-6.; *Материалы для истории русского флота (МИРФ)*. — СПб.: [б. и.], 1866 (Типография морского министерства). — Т. 3, 7; Письма и бумаги Петра Великого (П. и Б.): в 13 т. — М.; СПб.: 1887-2003. — 13 т.; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1): в 44 т. — Собр. 1-е. — СПб., 1830.

² См.: *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до...1782 г. — СПб., 1886. — 848 с.; *Луппов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — 192 с.; *Семенова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. — Л.: Наука, 1974. — 214 с.; Многонациональный Петербург. История, религия, народы / Бессонов Н.В. [и др.]; отв. ред. Н.В.Ревуненкова, Н.В.Юхнева. — СПб.: «Искусство — СПб.», 2002. — 872 с.

³ *Петров П.Н.* Указ. соч. — С. 50.

⁴ Там же. — С. 59.

⁵ *Луппов С.П.* Указ. соч. — С. 78.

⁶ Там же. — С. 91.

⁷ Там же. — С. 81.

⁸ П. и Б. — Т. 6. — С. 533.

⁹ МИРФ. — Т. 3. — С. 245-246.

¹⁰ *Семенова Л.Н.* Указ. соч. — С. 37.

¹¹ *Луппов С.П.* Указ. соч. — С. 80.

¹² П. и Б. — Т. 7. — Вып. 1. — С. 165.

¹³ П. и Б. — Т. 7. — Вып. 2. — С. 888.

¹⁴ Там же. — С. 890.

¹⁵ Там же. — С. 888.

¹⁶ П. и Б. — Т. 9. — Вып. 1. — С. 503.

¹⁷ ДПС. — Т. 3. — Кн. 2. — С. 965.

¹⁸ Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. — М., 1811. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 94.

¹⁹ ДПС. — Т. 1. — С. 111; Т. 3. — Кн. 2. — С. 965.

²⁰ ДПС. — Т. 1. — С. 111.

²¹ ПСЗ-1. — Т. 4. — № 2488.

²² ДПС. — Т. 5. — Кн. 1. — С. 259.

²³ ДПС. — Т. 5. — Кн. 2. — С. 776.

²⁴ Там же. — С. 776.

²⁵ Там же. — С. 957.

²⁶ Петербург в эпоху Петра I. — СПб.: Наука, 2003. — Ч. 1. — С. 300.

²⁷ ПСЗ-1. — Т. 5. — № 3149.

²⁸ Там же. — № 3198.

²⁹ *Петров П.Н.* Указ. соч. — С. 144.

³⁰ Описание дел Архива морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. — СПб., 1877. — Т. 1. — С. 9.

³¹ *Семенова Л.Н.* Указ. соч. — С. 60.

³² МИРФ. — Т. 3. — С. 260.

³³ МИРФ. — Т. 3. — С. 250; ДПС. — Т. 2. — Кн. 1. — С. 92; Кн. 2. — С. 218; Т. 4. — Кн. 2. — С. 604, 718, 829, 1078; Т. 6. — Кн. 1. — С. 23.

³⁴ ДПС. — Т. 2. — Кн. 1. — С. 92; Кн. 2. — С. 218; Т. 4. — Кн. 2. — С. 604, 718, 829, 1078; Т. 6. — Кн. 1. — С. 23.

³⁵ МИРФ. — Т. 3. — С. 267-268.

- ³⁶ Семенова Л.Н. Указ. соч. – С. 62.
³⁷ Там же. – С. 70.
³⁸ ДПС. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 429.
³⁹ ПСЗ-1. – Т. 5. – № 3149.
⁴⁰ МИРФ. – Т. 3. – С. 689, 695; Т. 7. – С. 304-306.
⁴¹ МИРФ. – Т. 3. – С. 570-571; ДПС. – Т. 4. – Кн. 2. – С. 650.
⁴² ДПС. – Т. 4. – Кн. 1. – С. 378.
⁴³ МИРФ. – Т. 3. – С. 616.
⁴⁴ ДПС. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 500.
⁴⁵ ДПС. – Т. 5. – Кн. 2. – С. 634.
⁴⁶ МИРФ. – Т. 3. – С. 616.
⁴⁷ *Беспярых. Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. – Л.: Наука, 1991. – С. 52.
⁴⁸ *Вебер Ф.Х.* Преображенная Россия / Беспярых Ю.Н. Петербург Петра I... – С. 104.
⁴⁹ *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I... – С. 113.
⁵⁰ *Беспярых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. – СПб.: БЛИЦ, 1996 – С. 460.
⁵¹ *Петров П.Н.* Указ. соч. – С. 97.
⁵² *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I... – С. 104.
⁵³ *Петров П.Н.* Указ. соч. – С. 97.
⁵⁴ *Семенова Л.Н.* Указ. соч. – С. 39.
⁵⁵ *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: источниковедческое исследование. – СПб.: Наука, 2003. – С. 86, 145, 160, 189.
⁵⁶ *Семенова Л.Н.* Указ. соч. – С. 197.
⁵⁷ *Луппов С.П.* Указ. соч. – С. 94.

Аннотация

В этой статье рассматриваются вопросы участия татар в строительстве Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII века. Раскрываются и систематизируются исторические материалы об организации отправки татар на строительные и судостроительные работы в Санкт-Петербурге и в окрестностях. Также исследованы условия жизни рабочих. Автор делает вывод о роли татар в строительстве северной столицы.

Ключевые слова: губерния, служилые мурзы и татары, отработка, указ, лавань, слобода.

Summary

This article considers the questions of the Tatar participation in the construction of Saint-Petersburg in the first quarter of the XVIII century. The author uncovers and systematizes the historical material about the organization of the dispatch of Tatars to the building and shipbuilding works in Saint-Petersburg and its environs (neighborhoods). The conditions of labor living are also researched. The author makes a conclusion about the role of Tatars in the construction of the northern capital.

УДК 947.41

ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ: К ОЦЕНКЕ ХАРАКТЕРА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В X — НАЧАЛЕ XIII ВВ.

*Ф.Ш. Хузин, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент АН РТ*

В нашей официальной историографии, научно-популярной и учебной литературе широко распространен ошибочный взгляд на характер военно-политических взаимоотношений Булгарского государства с Киевской Русью и древнерусскими княжествами X — начала XIII вв. Волжскую Булгарию включают обычно в число кочевых государств — «непрочных объединений степняков, промышленявших военной добычей»¹. По убеждению московского профессора А.Г. Кузьмина, степняки, от хуннов до монголов, «других специальностей, кроме воинской, в большинстве и не знали — они войной кормились»². Одно из двух предложений по «истории» Волжской Булгарии в учебнике А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Тота и М.В. Ходякова, написанном, как уверяют авторы, с учетом последних достижений исторической науки и в соответствии с государственным стандартом высшего профессионального образования Российской Федерации, гласит: «Это государство долгое время представляло реальную угрозу для восточных славян»³.

На каких исторических фактах основан тезис о воинственности и агрессивности волжских булгар? Единственными источниками, безусловно, являются древнерусские летописи. Обратимся к ним. Сложные по своему составу, неоднократно переработанные и редактированные, летописцы рисуют, тем не менее, достаточно объективную картину политических и экономических

связей между двумя соседствующими государствами, позволяють в какой-то степени проследить динамику этих взаимоотношений.

Всего в летописях зафиксировано 15 сообщений о военных стычках между булгарами и русскими. Еще одно сообщение, самое раннее (964/65 г.), связанное с походом Святослава на Хазарию, основано на смутных представлениях арабского географа X в. Ибн Хаукаля и отсутствует в русских летописях, поэтому считается мнимым. Однако некоторые авторы признают поход 964/65 г. реальным: «Пройдя через окско-волжские леса, землю вятичей, свой первый удар Святослав обрушил на Волжскую Булгарию — союзника Хазарии. Армия булгар была разгромлена, а их столица Булгар и другие города были взяты, а население было разогнано», — пишет А.Н. Сахаров⁴.

Первое известие о походе русских на булгар, достоверность которого сомнений не вызывает, относится к 977 г.: «Иде Володимер на Радимици и Болгары и победи их»⁵. По мнению советского булгароведа А.П. Смирнова, поход киевского князя Владимира Святославича «носил характер случайного феодального набега и не был связан с какой-либо определенной враждебной политикой его по отношению к булгарам»⁶.

Широко известен следующий поход Владимира на волжских булгар, предпринятый в 985 г., который, по сути, опровергает версию о случайном ха-

рактуре первого его похода. ПВЛ рассказывает: «Иде Володимер на Болгары с Добрыною с воем своим в лодых, а Торки берегом приведе на коних и победы Болгары. Рече Добрына Володимеру: съглядах колодникъ (осмотрел пленных. — Ф.Х.), иже суть вси в сапозех, сим дани нам не давати. Поидем искати лапотников. И сътвори мир Володимер с Болгары и роте заходиша (дали клятву. — Ф.Х.) межю собе и реша Болгаре: толи не будет межю нами мира, елико камень начнет плавати, а хмель почнет тонуту. И прииде Володимер Киеву»⁷.

Этот поход иногда рассматривается в качестве ответного за оказанную булгарами военную поддержку Вятической земле в ее борьбе против притязаний Киева. «Благородную» цель похода 985 г. хотят представить как желание Владимира и его дяди Добрыни добиться прекращения «булгарской интервенции в русские дела»⁸. Такая интерпретация событий 985 г. ошибочна, ибо мнимая «булгарская интервенция в русские дела» никакими источниками не подтверждается. Не следует преувеличивать и положительное значение заключенного договора, создавшего якобы «зону прочного мира продолжительностью более ста лет»⁹. Реальные события показали, что это далеко не так. В силу каких-то непонятных нам причин Владимир Святославич нарушал условия договора дважды:

«В лето 6502 (994 г.). Ходи Володимер на Болгары и много ратовав их победы и възвратися с радостию в Киев...

В лето 6505 (997 г.). Ходи Володимер на Болгары воложския и камские и одолев плени их»¹⁰.

В истории русско-булгарских отношений, как и вообще в болгарской истории, XI столетие является «темным» периодом: всего три летописных сообщения, конечно, не позволяют подробно рассуждать о динамике этих связей. Тем не менее, эти сообщения весьма показательны и отражают, как мне кажется, типичные отношения между двумя соседствующими государствами. Договор 1006 г. (в записи В.Н. Тати-

щева) свидетельствует о хорошо налаженных и строго регламентированных торговых связях Булгарии с Киевской Русью: «Прислали болгары (вол[ж]ские) послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что Владимир охотно соизволил. И дал им во все грады печати, дабы они везде и всем вольно торговали, и русские купцы с печатями от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения...»¹¹. Известно также летописное сообщение о вывозе в русские земли хлеба во время голода 1024 г. на Суздальщине: «Бе мятежь велик и голод по всеи тои стране, идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито и тако от того ожиша...»¹².

Весьма любопытным является краткое сообщение Лаврентьевской летописи под 1088 г.: «В лето 6596... В се же лето взяша болгары Муром»¹³. В.Н. Татищев, пользовавшийся при написании своей «Истории Российской» не дошедшими до нас источниками, приводил это сообщение в следующей редакции: «...В та же времена были на Волге и Оке разбои и многих болгар торгующих пограбили и побили. Болгары же присылали ко князю Ольгу и брату его Ярославу просить на разбойников, но не получа управы и взятого, пришед с войски. Муром взяли и пограбили, а села пожгли»¹⁴. Выходит, что поход был спровоцирован самими русскими.

XII в. открывает новые страницы в истории русско-булгарских взаимоотношений, связанных с распадом некогда единого Древнерусского государства на отдельные княжества и возвышением Северо-Восточной Руси с политическим центром во Владимиро-Суздальской земле.

Целую серию походов, отмеченных летописями, начинают болгары, которые в 1107 г. пришли «ратью на Соуждаль и обьступиша град и много зла сътвориша, воююща села и погосты и оубивающе многих от крестьян»¹⁵. Причина похода неизвестна.

Под 1120 г. в летописях содержится краткая запись о походе Юрия Долгорукого, который «ходи на болгары и взя полон мног и полк их победы»¹⁶.

Следующее летописное сообщение, включенное в Типографскую летопись под 1152 г., опять же связано с походом болгар: «Того же лета приидоша болгаре по Волзе к Ярославлю без вести и обступиша градок в лодиях, бе бо мал градок, и изнемогаху людие во граде гладом и жажею и не бе лъзе никому же изити из града и дати весть ростовцем. Един же уноша от людей ярославских нощию изшед из града, перебрел реку, вборзе доеха Ростова и сказа им, болгаре пришедша. Ростовци же пришедша победиша болгаре»¹⁷.

Несколько военных походов на Волжскую Булгарию совершает Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого. Один из них, зафиксированный источниками, состоялся в 1164 г.: «В лето 6672... В то же лето иде князь Андреи на болгары с сыном своим Изяславом и с братом своим Ярославом и с Муромьским князем Гюргем, и поможе им Бог и святая Богородица, самех исекоша множество, а стягы их поимаша, и одва в мале дружине утече князь Болгарьский до Великого города. Князь же Андрееи воротися с победою, видев поганья болгары избиты... и шедша взяша град их славный Бряхимов, а переди города их пожгоша»¹⁸. Некоторые летописи (например, Никоновская, Тверская) говорят о взятии русскими четырех болгарских городов, кроме Бряхимова.

Зимой 1172 г. князь Андрей Боголюбский посылает на болгар большой отряд во главе с своим сыном Мстиславом, к которому в районе Городца, недалеко, от устья Оки, присоединились еще два отряда, возглавлявшиеся сыновьями муромских и рязанских князей. Объединенный отряд русских «взяша сел шесть, а семей город, мужи исекоша, а жены и дети поима»¹⁹. Булгарский отряд насчитывал 6 или 7 тыс. воинов (в разных источниках по-разному), которые принялись догонять русских, но не смогли.

По всей вероятности, Андрей Боголюбский совершал еще несколько походов на Волжскую Булгарию, не отмеченных летописцами. Любопытно в связи с этим сообщение Тверской летописи под 1175 г., которая, рассказывая о подробностях убийства «благочестивого великого князя» от рук своих бояр, Кучковичей, по наущению своей жены («бе бо болгарка родом и държаше к нему злую мысль»), замечает, что князь великий в своей жизни «много воева с ним Болгарскую землю, и сына посылал, и много зла учини болгарам»²⁰. В начале лета 1183 г. состоялся самый крупный военный поход владими́ро-суздальских князей на Волжскую Булгарию, вызванный, очевидно, усилением активности болгарских торговцев на Средней Волге и Оке. Объектом его стала столица государства – Великий город на Черемшане. Это был спланированный мощный удар русских князей, рассчитанный на уничтожение главного их соперника в борьбе за расширение сферы влияния на народы Среднево́лжско-Приуральского региона²¹.

Во главе войск стоял великий князь владимирский Всеволод III Большое Гнездо, другой сын Юрия Долгорукого, который «со Изяславом Глебовичем, сыновцем своим, и с Володимером Святославичем и с Мстиславом Давыдовичем и с Глебовичи Рязаньского с Романом и со Игорем и со Всеволодом и с Володимером и с Муромьским Володимером приде в землю Болгарьскую и высед на берег поиде к Великому городу и ста у Тухчина городка и перестояв ту два дни, поиде на третий день к Великому городу»²². По дороге к русским присоединились «половцы Емякове». Приближаясь к столице, дружины великого князя Всеволода III «перешли Черемшан» – реку Малый Черемшан в 2–3 километрах к северу от Великого города и остановились, не решаясь с ходу начать штурм мощных крепостей Биляра-Булгара. Князь Всеволод «в первый день наряди полкы, а сам поча думати с дружиною», как подступиться к столице болгар. Первая по-

пытка штурма, предпринятая дружиной Изяслава Глебовича, не удалась, а сам он был ранен «стрелюю сквозь броне под сердце» и вынесен с поля боя «и лежива». Увидев и испытав ожесточенное сопротивление болгар, Всеволод решил начать длительную осаду — «облежание», которая продолжалась десять дней и завершилась заключением мира, предложенного булгарами: «Булгаре выслалися бяху к нему с миром»²³.

По мнению некоторых современных историков, поход 1183 г. не преследовал захвата чужой территории, он был вызван ограблением булгарами русских купцов на Оке, а завершился якобы составлением временного соглашения, по которому обе стороны обменялись пленными, а булгары, кроме того, вынуждены были дать откуп. Возможно, это так, но никакими источниками такое мнение не подтверждается. На наш взгляд, более соответствует действительности утверждение И.Л. Измайлова о том, что в годы правления Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо проводилась не только агрессивная наступательная политика в отношении Булгарии, а было создано даже идеологическое обоснование этой политики. Последнее наглядно проявилось в трактате «Слово об идолах», содержащем в части описания обычаев булгаро-мусульман «такие оскорбительные измышления, которые не могут не вызвать у всякого нормального человека чувство омерзения». Трактатка автором «Слова» религиозной практики приверженцев ислама «выставляла булгар из «рода человеческого» и была призвана обосновать обязанность христиан вести против «наушаемых» дьяволом мусульман войну под знаменем креста»²⁴.

О том, что заключенный в 1183 г. договор был недолговечным и не имел никаких глубоко идущих последствий, как это хотят иногда представить, свидетельствует поход того же Всеволода, предпринятый им в 1186 г.: «Того же лета посла великий князь Всеволод Гюргевич на болгары воеводы свое с городчаны (т.е. с отрядом из г. Городца. — Ф.Х.)

и взяша села многы и възвратишася с полоном многим»²⁵.

В первой трети XIII в. противостояние Волжской Булгарии и Владимиро-Суздальского княжества на важнейших торговых путях Поволжья продолжалось. Оно было осложнено русской колонизацией этих земель, направленной на приобретение новых территорий на востоке.

Под 1205 г. Никоновская летопись сообщает: «Того же лета послал князь велики Всеволод Юрьевич рать судовую на болгары воложския и камския, и ходиша по Волзе до Хомол, и много полона взяша, и тако възвратишася во своаши»²⁶.

В 1218 г. «взяша болгары Устюг», как коротко сообщают Лаврентьевская и некоторые другие летописи²⁷. В Воскресенской летописи об этом событии рассказывается более подробно: «Приидоша булгаре на Устюг и взяша лестию и потом идоша к Унжи и унжане отбишася от них»²⁸.

В 1220 г. состоялся последний перед монгольским нашествием масштабный поход русских на «безбожных» булгар, вернее, на их город Ошель, подробное описание которого содержит Никоновская летопись (под 1219 г.)²⁹. Объединенное русское войско возглавил Святослав, брат великого князя Юрия Всеволодовича. С ним были полки ростовских, муромских, устюжских и перемыславских князей, которые спустились по Волге и Оке «в насадех и в лодиях» и высадились «на исадех противю Ошлю». Их встретили булгары «со князем своим на коних, и поставиша полк на поли; Святослав же поиде к ним вборзе, они же постоявше мало, и пустиша по стреле в наши, и възмятшеся побегоша ко граду и вбегше во град затворишася». На подступах к городу между русскими и булгарами «бысть брань крепка зело». Скоро русские отряды «приступиша ко граду отвсюду, и зажгоша его, бысть дым силен зело, и потяну ветр со града на полки Святослави, и не бе видети человека в дыме». В городе начался страшный пожар, «князь же Святослав

стоя ту дондеже весь град изгоре, и взяша же град Ошель, июня 15 день».

До Великого города столь печальная весть дошла с опозданием. Булгары, тем не менее, «собрашася вси со князьми своими, овии на коних, друзии же пеши» и поспешили на помощь ошельцам. Но было уже поздно. «Святослав же, минув исады, и ста на усть Камы, и ту прииде к нему Воислав Добрынич, и ростовцы и устьюжане с множеством полона и с корыстью великою, те бо отпущени бяху прежде еще вниз идуще воевати по Каме, и взяста по ней много градков, а сел неколико, и пожгоша все, а люди изсекоша, а иных в плен поведоша».

Вдохновленный таким блестящим успехом Святослава, великий князь Юрий Всеволодович зимой того же года, а по некоторым источникам в 1221 г., «сам нача наряжати на болгары; болгары же прислаша послы своя с молбою и с челобитием, он же не прият моления их, и отпусти их». В период подготовки к походу «приидоша к нему инии послы болгарьские с молбою; он же не послуша их, и отпусти без мира». Булгары в третий раз прислали послов «со многими дары и с челобитьем, и прият молбу их, и взя дары у них, и управишася по прежнему миру, якоже было при отци его Всеволоде и при деде его Георгии Володимиричи», т.е. Юрием Долгоруким³⁰.

Некоторые современные русские исследователи цель вышеописанного похода 1220 г. видят в стремлении Святослава Всеволодовича возобновить торговые договоры с булгарами, заключенные в прежние времена. Торговля, безусловно, являлась гарантом дружественных, а иногда и причиной враждебных отношений между двумя соседями. Однако вряд ли есть основание винить булгар в нарушении существовавших торговых соглашений, грозившем, якобы, «колоссальными» убытками, кризисом финансовых операций не только во Владимире, но и в Киеве, Галиче, Новгороде, Риге, Смоленске. «Вот почему, — пишет историк

Ю.А. Лимонов, — так болезненно отнеслись владимирские купцы и князя Владимира к малейшему нарушению договоров, заключенных еще в XII в. и по традиции возобновлявшихся при смене «властителей». В 1220 г. поход Святослава Всеволодовича преследовал именно возобновление торгового договора с булгарами и защиту традиционных торговых сделок»³¹. Что это не так, убедительно свидетельствуют не только отсутствие большого сопротивления со стороны булгар (как и при предыдущих походах), но и завидная настойчивость их в заключении мира со Святославом, которого удалось достичь лишь после третьей попытки. Грабительский и захватнический характер похода 1220 г., кажется, вне сомнений.

В 1229 г. по инициативе булгар был заключен новый мирный договор между Владимиро-Суздальской Русью и Волжской Булгарией, так необходимый перед реальной опасностью монгольских походов, которые уже успели испытать на себе оба партнера. В Никоновской летописи записано: «Того же лета болгаре... прислаша к великому князю Юрию Всеволодовичю о миру; бе бо перемирье промежи их на шесть лет, а людии плененыа быша в обеих странах. И тако умиришася, и по вере оубои каждо своей утвердишася, и плененыа люди распустиша; князь велики отпусти к ним измаилтян их, а они отпустиша к великому князю христиан»³².

Итак, из 16 зафиксированных в письменных источниках военных походов 12 совершено русскими князьями. Из них 5 — в X в. (965, 977, 985, 994, 997 гг.), 5 — в XII в. (1120, 1164, 1172, 1183, 1186 гг.), 2 — в первой четверти XIII в. (1205, 1220 гг.).

Булгары совершили против русских 4 похода: один из них в XI в. (1088 г. на Муром), два похода — в XII в. (1107 г. на Суздаль; 1152 г. на Ярославль), и еще один — в XIII в. (1218 г. на Устюг).

Военные столкновения между двумя соседями происходили в большинстве случаев с целью упрочения своих позиций на Волжском торговом пути,

имеющем огромное значение в системе международных связей Восток — Запад и Север — Юг.

Вышеприведенная статистика, т.е. реальные факты из заслуживающих доверия источников, выявляют беспочвенность прочно утвердившихся в официальной исторической литературе мнений о воинственности болгар, якобы причинявших своими непрерывными походами на русские города и села «немалое зло их мирным жителям». Нет никаких оснований считать, что ранние русские поселения на Волге, в частности, Городец и Нижний Новгород, построены в качестве крепостей против грабительских набегов болгар³³. Ни один источник не содержит сведений о существовании «широкого единства политических и экономических интересов Руси и ее финноязычных соседей», которым русские князья якобы гарантировали защиту от воинственных болгар³⁴.

Историки Татарстана определяющими в русско-болгарских взаимоотношениях всегда считали мирные, торгово-экономические связи, справедливо указывая при этом, что большие и малые феодальные войны были характерны для истории всех средневековых государств Европы. Такое понимание русско-болгарских политических взаимоотношений было еще у В.Н. Татищева: «...Болгары хотя некогда с русскими воевались, однако ж видно, что немного о том прилежали и не искали чужаго преобрести, но свое паче защищать старались... В плодах земных они преизобиловали, что неоднократно Руссию во времена недородов житами довольствовались, и более о ремеслах и купечестве прилежали»³⁵. Древнерусские летописи дают немало примеров, подтверждающих верный по своей сути тезис В.Н. Татищева (торговые договоры 985, 1006, 1229 гг.; обмен посольствами в период т.н. «выбора веры» Владимиром Святославичем; помощь болгар хлебом жителям Суздаля в голодные 1024 и 1229 гг. и др.).

Скудные сообщения летописей хорошо дополняют археологические

материалы, обобщенные в статьях и монографиях И.В. Дубова³⁶, М.Д. Полу-бояриновой³⁷, А.П. Моци и А.Х. Халикова³⁸, Л.Д. Макарова³⁹, Ф.Ш. Хузина⁴⁰ и др. Предметы болгарского экспорта, иногда даже следы постоянного проживания болгар, в заметном количестве обнаружены в Киеве, Чернигове, Старой Рязани, Нижнем Новгороде, Муроме, Городце, Суздале, Владимире, Угличе, Ростове, Великом Новгороде, а также в других древнерусских городах и их округах. Торговля Руси с Востоком шла фактически через Булгар. Он имел непосредственные контакты со Средней Азией и арабским миром, откуда поступали огромные массы серебра в виде монет и украшений. Из Булгарии арабские дирхемы расходились по Оке и попадали в земли вятичей и в округу Киева; значительный поток монет хлынул на Верхнюю Волгу, в новгородские и кривичские земли, достигнув Ладоги, Прибалтики и Скандинавии.

Древнерусский импорт (стеклянная посуда, украшения, предметы быта) широко представлен из раскопок болгарских поселений. Особенно насыщены привозными изделиями культурные слои Биляра, Болгара, Джукетау, Муромского городка. О проживании в них русских людей можно судить по находкам культовых вещей (крестов и иконок, «писанок»), круговых сосудов XII — начала XIII в., имеющих прямые аналогии в памятниках Владимиро-Суздальской Руси⁴¹. Любопытно, что русские купцы и ремесленники в Биляре имели даже свое кладбище, «идеже все христиане лежат»⁴².

В процессе мирного сотрудничества и обмена опытом в сфере торговли, ремесленного производства, сельского хозяйства, архитектуры и строительства происходило взаимообогащение двух культур, стоящих по уровню развития примерно на одной ступени.

По нашему глубокому убеждению, домонгольский период в истории взаимоотношений Руси и Булгарии характеризуется преобладанием мирных связей над военными. По понятным

причинам военные походы в летописях отражены лучше, чем мало примечательная повседневная жизнь мирного населения, что создает иногда иллюзию частых войн между двумя соседями. Эту иллюзию поддерживают зачастую сами историки, распространяя ложь о непрерывных нападениях болгар на своих русских соседей. Настало, очевидно, время отказаться от предвзятой оценки роли волжских болгар во взаимоотношениях их с русскими. Такая оценка особенно не допустима в вузовских и школьных учебниках, призванных воспитывать молодое поколение в духе толерантности, подлинного уважения к истории и культуре народов своей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. Учебник для вузов. — М., 2004. — С. 15. Показательно, что в двадцатитомном издании «Археологии СССР» раздел о Волжской Булгарии (объемом всего 5 стр.) включен в том «Степи Евразии в эпоху средневековья» (-М., 1981).

² Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. Учебник для студентов вузов. — М., 2004. Кн. 2. — С. 81.

³ Дворниченко А.Ю., Тот Ю.В., Ходяков М.В. История России. Учебник для вузов. — М., 2005. — С. 9.

⁴ История России. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII века / Под ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахарова. — М., 2003. — С. 65; см. также: Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. — М., 1982. — С. 96–99.

⁵ ПСРЛ. — Т. XVI. — С. 38.

⁶ Смирнов А.П. Волжские болгары. — М., 1951. — С. 43.

⁷ ПСРЛ. — Т. I. — С. 65.

⁸ Членов А.М. Из истории ранних русско-болгарских политических связей // Из истории ранних болгар. — Казань, 1981. — С. 76.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ ПСРЛ. — Т. IX. — С. 65, 66.

¹¹ Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. — М.; Л., 1963. — Т. II. — С. 69.

¹² ПСРЛ. — Т. I. — С. 147.

¹³ ПСРЛ. — Т. I. — С. 207.

¹⁴ Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. — М.; Л., 1964. Т. III. — С. 95–96.

¹⁵ ПСРЛ. — Т. XXIV. — С. 73.

¹⁶ ПСРЛ. — Т. I. — С. 292.

¹⁷ ПСРЛ. — Т. XXIV. — С. 77.

¹⁸ ПСРЛ. — Т. I. — С. 352–353; см. также: ПСРЛ. — Т. XV. — С. 235.

¹⁹ ПСРЛ. — Т. I. — С. 107.

²⁰ ПСРЛ. — Т. XV. — С. 250–251.

²¹ Более подробно об этом походе см.: Кучкин А.В. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских болгар в XII – первой трети XIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. — М., 1975. — С. 31–45; Измайлов И.Л. Поход русских князей на Великий город в 1183 г. и некоторые вопросы тактики обороны волжских болгар // Археологические памятники Нижнего Прикамья. — Казань, 1984. — С. 99–107.

²² ПСРЛ. — Т. I. — С. 389.

²³ ПСРЛ. — Т. I. — С. 390.

²⁴ История татар в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. — Казань, 2006. — С. 373; Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». — Казань, 2008. — С. 147–148.

²⁵ ПСРЛ. — Т. I. — С. 147.

²⁶ ПСРЛ. — Т. XVIII. — С. 46.

²⁷ ПСРЛ. — Т. I. — С. 207.

²⁸ ПСРЛ. – Т. VIII. – С. 126; см. также: *Татищев В.Н.* История Российская с древнейших времен. – М.; Л., 1964. – Т. III. – С. 207.

²⁹ ПСРЛ. – Т. X. – С. 83–86.

³⁰ Там же. – С. 83–86.

³¹ *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. – Л., 1987. – С. 111.

³² ПСРЛ. – Т. X. – С. 98.

³³ *Балькина Л.Е.* Население средневекового Городца-на-Волге // Древности Нижегородского Поволжья. – Н. Новгород, 1997. – Вып. I. – С. 21, 22.

³⁴ *Жиганов М.Ф.* Память веков. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы советской власти. – Саранск, 1976. – С. 73.

³⁵ *Татищев В.Н.* История Российская с древнейших времен. – М.; Л., 1962. Т. I. – С. 269.

³⁶ *Дубов И.В.* Великий Волжский путь. – Л., 1989.

³⁷ *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М., 1993.

³⁸ *Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар – Киев: Пути. Связи. Судьбы. – Киев, 1997.

³⁹ *Макаров Л.Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. – Ижевск, 2001.

⁴⁰ *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X – начале XIII вв. – Казань, 2001.

⁴¹ *Кочкина А.Ф.* Находки древнерусской керамики на Билярском городище // Волжская Булгария и Русь. – Казань, 1986; см. также: *Седова М.В.* Актовая княжеская печать из Суздаля // «Слово о полку Игореве» и его время. – М., 1985.

⁴² СРЛ. – Т. I. – С. 452.

Аннотация

В официальной историографии, научно-популярной и учебной литературе Волжская Булгария характеризуется как кочевое государство, постоянно нападавшее на русские земли и в силу этого представлявшее реальную угрозу для восточных славян. Автор статьи возражает против такой оценки роли волжских булгар во взаимоотношениях их с русскими соседями. По подсчетам автора, из 16 зафиксированных в письменных источниках военных походов 12 совершено русскими князьями (в 965, 977, 985, 994, 997, 1120, 1164, 1172, 1183, 1186, 1205, 1220 гг.) и всего лишь 4 – волжскими булгарами (в 1088, 1107, 1152, 1218 гг.).

Ключевые слова: летопись, поход, князь, войско, дружина, столица, договор.

Summary

The official historiography, popular scientific literature and textbooks present characterize Volga Bulgaria as a nomadic state, which continually attacked Russian territories and in this respect posed a threat for the Eastern Slavs. The author protests against the assessment of Volga Bulgarians' role in their relations with Russian neighbors. Estimated total 12 of 16 campaigns stated in the sources were carried out by Russian dukes (in 965, 977, 985, 994, 997, 1120, 1164, 1172, 1183, 1186, 1205, 1220) and only 4 of them by Bulgarians (in 1088, 1107, 1152, 1218).

СВИТОК МУДРЕЦА

*И.Л. Данилова, доктор филологических наук,
Гётеборг, Швеция*

Ее научное творчество и педагогическая работа в университете настолько значительны, обширны и богаты идеями, что их трудно осмыслить и еще труднее дать им исчерпывающую характеристику. Мне представляется, что все написанное и сделанное Юлдуз Галимзяновной – послание в будущее, Свиток Мудреца, адресованный потомкам, но, к сожалению, поверхностно прочитанный в наше сумбурное время. Этот свиток будет разворачиваться и с течением времени будет питать гуманитарные исследования не только в Татарстане, но и далеко за его пределами.

Труды Ю.Г.Нигматуллиной внесли сначала в литературоведение, а с течением времени и в философию искусства значительные оригинальные идеи, открывающие новые возможности изучения не просто литературы и искусства, но и более широко – возможности осмысления всего культурного наследия на более высоком теоретическом уровне.

Какие из ее идей были самыми важными, способными изменить саму суть научных гуманитарных исследований?

В начале 1970-х гг. она начала работать над проблемами системно-структурного анализа, приучая всех своих студентов к четкости и дисциплине научного мышления. Результаты этого этапа ее исследований были опубликованы в двух книгах – «Методология комплексного изучения художественного произведения» (часть 1, 1976; часть 2, 1983), каждой из этих книг сопутствовал выпуск специального методического пособия, чтобы студенты непременно смогли освоить теорию и

применять в литературоведческой или педагогической работе.

Идея комплексности – плодотворного соединения в литературоведческом анализе подходов и методов разных наук была путеводной нитью, которая привела к созданию уже в 1970-е гг. межвузовского научного направления системно-комплексного исследования художественного творчества¹. Это направление достигло удивительных результатов. Благодаря усилиям многих ученых, объединившихся под методологическим руководством Ю.Г. Нигматуллиной, на широком материале татарской и русской литератур, архитектуры, живописи, светомузыки, театра были разработаны основы прогнозирования многообразных художественных процессов от развития типов творчества до предвидения социальной эффективности разных видов искусства и предвидения возможных прочтений отдельного произведения².

Для каждого ученого, работающего в рамках данного направления, для коллективов ученых, входивших в него (например, лаборатория Булата Галеева, изучавшая синестезию и возможности светомузыки как вида искусства), для аспирантов и студентов, получивших в ходе этой работы отличную научную подготовку, были важны заданный руководителем масштаб философского мышления и возможность объединения в целях развития науки. Другими словами, мы все чувствовали, что живем на переднем крае развития научного знания.

Работа над методами прогностического анализа жёстко и вероятно детерминированных явлений литера-

туры и искусства показала значимость ретроспекции и экстраполяции при рассмотрении структурных изменений произведений в рамках процесса развития вида искусства во временной перспективе³. Вместе с тем развивалось и *вероятностное прогнозирование*, основанное на глубоком анализе скрытых возможностей прочтения произведений литературы, изобразительного искусства, театральных спектаклей, а также их воздействия на читателей (зрителей). Основным инструментом рассмотрения вероятностной детерминации связей в структуре произведения стал метод прогнозного картографирования, который, с одной стороны, соединил возможности анализа предметной, диалогической и функциональной детерминации художественной структуры, а с другой стороны, позволил проследить картину возможных «перенастроек» системы фокусов при прочтении⁴.

В 1990-е гг. прогнозные картографирование стало основным методом обучения студентов *искусству анализа* внутренней детерминированности и динамики произведения, его связей с литературным процессом. Впоследствии этот метод стал основой изучения самоорганизации художественной системы и, в конечном итоге, был использован на более высоком уровне в синергетической модели изучения художественного творчества⁵.

Во второй половине 1990-х гг. появилась потребность изменить исследовательскую точку зрения и укрупнить масштаб рассмотрения литературных явлений. В 1997 г. Юлдуз Галимзяновна закончила и опубликовала книгу «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур», этот научный труд вобрал в себя прежний опыт прогностической работы и предложил новый синтез цивилизационного и культурологического подходов.

Предметом анализа стали процессы притяжения и расхождения путей двух национальных литератур — татарской и русской — в течение восьми столетий от

средневековья до **XX в.** Каждый период развития национальных литератур охарактеризован с точки зрения отношений между действительностью, культурой и цивилизационными процессами, творчеством писателей и структурными особенностями их произведений. Ю.Г. Нигматуллина показала закономерности переходов от семантического типа культуры, существовавшего в прошлом (в эпоху адаптивной цивилизации), к семантико-синтаксическому в русской литературе XIX в., **но при этом** к противоположному — асемантико-асинтаксическому в татарской литературе. Кроме того, раскрыла сущность процессов, происходивших в литературе при перестройке культуры на рубеже XIX — XX в., **когда адаптивная цивилизация** уступила место динамической.

Следующая книга «Запоздалый модернизм», вышедшая в издательстве «Фэн» в 2002 г., связала предыдущие труды Юлдуз Галимзяновны с философией искусства. Особенности татарской живописи были поставлены в один логический ряд с общемировыми изменениями художественного мышления в контексте современной динамической цивилизации. Пространство культуры многомерно, и это определяет сложность его системного изучения. Каждый вид искусства является семиотической системой, развивающейся во времени, обновляющей художественный язык и в то же время подчиняющейся универсальным законам культурного развития. Как и почему происходит изменение языка искусства, каким «правилам» оно подчинено и какую роль играет в становлении культуры — вот ряд вопросов, на которые отвечает книга «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве».

В картинах, созданных татарскими художниками в 1980–90-е гг. XX в., Ю.Г. Нигматуллина видит структурное сходство с внутренней логикой модернистского искусства 1920-х г., когда новизна художественного языка произведений К. Малевича, В. Кандинского, М. Шагала, А. Лентулова, П. Филонова

перевернула представления о возможностях живописи. Образный язык модернизма начала XX в. преодолевал основное противоречие, с которым всегда сталкивается изобразительное искусство, если стремится передать в зримых образах невидимое, непознаваемое, невыразимое, подчиняясь потребности выйти за рамки познанного мира, за пределы известных возможностей изобразительности.

Синергетический подход к художественному творчеству, просматривавшийся уже в конце 1980-х г. в работах по прогнозированию, открывает путь к научному моделированию как литературного процесса, так и процессов развития других видов искусства, и даже шире – межнациональных культурных процессов.

Синергетика изучает процессы самоорганизации сложных вероятностно организованных систем. Общее во всех процессах художественного развития в масштабе одной национальной культуры и при взаимодействии культур – соотношение сил и напряжение между устойчивыми и неустойчивыми элементами в рассматриваемой системе. В книге «Синергетический аспект в исследовании художественного творчества» подробно рассмотрены возможности синергетического подхода к производству и намечен путь изучения литературного процесса в целом⁶. При этом литературный процесс предстает перед нами в грандиозном масштабе, соответствующем потребностям современности.

Самоорганизация такой глобальной системы происходит при взаимодействии внешних детерминант (типа цивилизации, типа культуры, единства социально-исторических условий, социальных условий динамики собственно литературного процесса, литературных связей) и внутренних детерминант творчества (структурно детерминированных типа творчества, типа культуры, законов рода и жанра литературы, творческой индивидуальности писателя). Создание конкретной модели развития

литературы определенного периода осуществляется сложной творческой задачей, так как собственно процесс самоорганизации – соотношение устойчивых и неустойчивых компонентов изменчиво и требует хорошего знания эмпирического материала.

Синергетический подход дает глубину видения даже небольшого конкретного момента глобального процесса. Например, в статье Юлдуз Галимзяновны «Мир глазами Ильдара Ханова»⁷ дается такая оценка творчества художника, которая содержит понимание воздействия на него всех глобальных факторов и всех внутренних связей внешних факторов с особенностями его таланта и стиля мышления. Ученый рассматривает художественный язык живописи И. Ханова строго в контексте нашей эпохи – с начала 1970-х гг., когда динамизм смены стилей живописи уже заявил о себе во всём мире как явление цивилизационное, но в то же время модернизм в Татарстане был новым явлением. Искусство Ханова представлено в статье как в контексте татарской национальной традиции в сравнении с творчеством Баки Урманче на основании сходства и различия проявлений эстетического идеала, так и в контексте общемировом – в сравнении с Сикейросом (здесь тоже оказалось необходимым понимание различий структуры эстетического идеала двух художников), а также на уровне типа творчества и типа художественного мышления – при описании определивших выбор тем и художественных средств философских моделей (например, жизнь в отношении к первоначалам бытия, инь-ян как противоположные начала развития мира, космизм и архаизм в модели мира). Для воплощения названных философских моделей художнику оказались необходимы символическая обобщенность и использование принципа арабески. Таким образом, изменения и повороты профессионального пути И. Ханова показаны в статье как проявление динамики устойчивых факторов его творчества.

Именно в работах Ю.Г. Нигматуллиной, написанных о живописи, где язык искусства зрелищен и ярок, где наглядно воплощаются значительные философские художественные открытия создателей картин, просматривается осуществление идей, намеченных еще в докторской диссертации Юлдуз Галимзяновны «Национальное своеобразие эстетического идеала» (1971). Именно тогда были поставлены главные вопросы: каким образом *природные, социальные и духовные процессы* «управляют» созданием произведений искусства, как формируется внутренняя структура произведения в подвижной психике художника (писателя, живописца, музыканта) и как она вписывается в глобальные структуры культурного и цивилизационного развития.

Тогда эти вопросы решались на уровне национальной культуры, но мыслились в масштабе современной цивилизации, даже при рассмотрении одного произведения, творчества одного писателя или ряда писателей. Сама структура эстетического идеала рассматривалась как сложный идеальный процесс, опосредующий воздействие материальных и идейных факторов, детерминирующих творчество извне. От структуры эстетического идеала зависит и тип творчества писателя, и творческий метод, и стиль, следовательно, именно эстетический идеал остается главным исходным пунктом на всех уровнях рассмотрения процессов художественного творчества — на индивидуальном, на уровне направления, национальной культуры и интернационального взаимодействия культур в границах цивилизации.

Значит, при изучении современных процессов диалогического или полило-

гического взаимодействия культур разных стран необходимо начинать работу с «восстановления» ценностной структуры национального эстетического идеала, опираясь на фактический материал искусства того момента исторического развития рассматриваемой культуры, когда идеал формировался.

Согласно синергетической модели⁸, национальный эстетический идеал является процессом, детерминирующим самоорганизацию развития художественной культуры, наряду с цивилизационными процессами, но при этом он противостоит разрушительным тенденциям. С другой стороны, содержание идеала определяет «притяжение» или взаимное неприятие различных национальных культур, степень напряженности в их отношениях. Таким образом, именно соотношение национального своеобразия эстетических идеалов взаимодействующих культур является внутренним регулятором диалога культур. Этот вывод очень важен при реальном анализе отношений культур разных стран в современном глобализованном мире.

Научный путь, просматривающийся в единстве всех трудов Юлдуз Галимзяновны Нигматуллиной, открывает, кроме того, возможности глобального изучения культурных механизмов самоорганизации современной мировой культуры, стремящейся, похоже, к самоуничтожению — к гомогенизации и однообразию — в музыке, литературе, живописи, театре, кино, что зависит от единого во всем мире коммерческого и технического развития. Наука же при этом должна ответить на вопрос, какие внутренние механизмы культуры способны противостоять примитивизации и художественной деградации названных видов искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об истории направления и содержании его работы читайте в кн.: *Нигматуллина Ю.Г.* Системно-комплексное исследование художественного творчества: история научного направления в Казанском университете. — Казань: Фэн, 2004.

² Указанное издание. С. 107-151.

³ Результаты этой работы были опубликованы в сборнике «Поиск методов прогнозирования литературы и искусства. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. — 192 с. Позже они были теоретически обобщены в кн.: *Нигматуллина Ю.Г.* Системно-комплексное исследование художественного творчества: история научного направления в Казанском университете. — Казань: Фэн, 2004. — С. 110–146.

⁴ См.: *Нигматуллина Ю.Г.* Комплексное изучение художественного творчества. Проблемы прогнозирования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990.

⁵ *Нигматуллина Ю.Г.* Синергетический аспект в исследовании художественного творчества. — Казань: Фэн, 2008.

⁶ Указаное изд., с. 66-73.

⁷ Казань, 2008, № 7, с. 119-127.

⁸ *Нигматуллина Ю.Г.* Синергетический аспект в исследовании художественного творчества. — Казань: Фэн, 2008. — С. 74 -75.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

22 января 2009 года в Академии наук Татарстана состоялось очередное заседание Президиума АН РТ. С Отчетом НЦ ГВИ «Дулкын» выступил директор З.Г. Мурзаханов. Академик-секретарь ОСХН АН РТ *Р.Л. Саханов* рассказал о научной, научно-организационной и финансовой деятельности Отделения сельскохозяйственных наук АН РТ за 2003-2008 гг. Директор ЦСД АН РТ *Ф.А. Ильдарханова* *подготовила отчет «О концепции развития Центра демографии и семьи АН РТ».* Председатель Комиссии по именным премиям АН РТ академик *Д. Зубаиров* *подвел* итоги конкурса именных премий АН РТ 2008 года.

* * *

23 января в Академии наук РТ состоялась очередная встреча представителя академической науки с журналистами. На этот раз героем встречи стал ведущий сотрудник лаборатории «Астрофизика» АН РТ, доктор физико-математических наук, доцент кафедры астрономии Казанского государственного университета Ильфан Бикмаев.

2009 год объявлен ООН Годом астрономии. Такое решение было принято в связи с тем, что в 2009 году празднуется 400-летие первого астрономического открытия, сделанного с помощью телескопа великим итальянским ученым Галилео Галилеем. Именно он в 1609 году с помощью наблюдений подтвердил идею о том, что Земля вращается вокруг Солнца.

Ильфан Бикмаев рассказал собравшимся о том, как и в каких условиях работают современные астрономы. Главной же темой встречи стало представление направлений деятельности и некоторых результатов работы проекта РТТ 150 (Российско-турецкий телескоп). Проект этот был запущен в 1995 году, когда для Казанского университета был изготовлен 1,5-метровый телескоп. Для создания обсерватории и подготовки необходимого в работе с телескопом оборудования объединились Казанский университет, Академия наук РТ, Институт космических исследований РАН (Москва) и Национальная обсерватория ТЮБИТАК (Турция), последняя организация обеспечила создание всей инфраструктуры обсерватории.

В разговоре возник вопрос и о проекте создания в Казани планетария, который просто необходим нашему городу, поскольку, как отметил ученый, наиболее развиты астрономические исследования именно в тех странах, которые сегодня входят в число самых прогрессивных в мире. Особенно остро вопрос о создании планетария может встать сегодня, когда в рамках Года астрономии ЮНЕСКО планирует проведение в Казани Международной научной конференции.

* * *

3 февраля с лучшими воспитанниками Академического лицея им.Н.И.Лобачевского встретились советник Президиума АН РТ, академик А.В. Ильясов, член-корреспондент АН РТ В.З. Латыпова, начальник отдела по связям с общественностью и СМИ Академии наук Татарстана Р.В.Даутова. Гости рассказали о достижениях казанских ученых, о развитии науки в республике и современных проблемах, над которыми работают ученые.

В частности, член-корреспондент АН РТ Венера Зиннатовна Латыпова рассказала лицеистам об экологических задачах на территории Республики Татарстан, а также о ведущих научных направлениях, над которыми работают ученые-экологи. Выступление действительного члена Академии наук Татарстана Ахата Вахитовича Ильясова было посвящено интересным достижениям в области физики – направлениям ЯМР-томографии и о роли татарстанских ученых в развитии и усовершенствовании медицинской клинической диагностики. Затем ученые ответили на вопросы лицеистов.

В дар библиотеке Академического лицея им. Н.И.Лобачевского от Академии наук Татарстана было передано несколько экземпляров нового издания переводов на русский язык стихов Габдуллы Тукая, Красная книга РТ, Хартия Земли и комплект электронных материалов для уроков по экологии.

Так же плодотворно прошли встречи представителей Академии наук Татарстана в гимназии №7, в татарской гимназии № 2 им.Ш.Марджани и в физико-математическом лицее № 131.

* * *

5 февраля в Академии наук РТ состоялось торжественное собрание по случаю празднования Дня науки. Во встрече с представителями научной и вузовской общественности Татарстана приняли участие первый заместитель Премьер-министра РТ Равиль Муратов, заместитель Председателя Госсовета РТ Римма Ратникова, президент АН РТ Ахмет Мазгаров, ректор Казанского университета Мякзюм Салахов и другие.

Собрание открыл президент АН РТ Ахмет Мазгаров. «Сегодня всеми понимается важность и востребованность нашей профессии – представителей научной сферы», – начал он свое выступление. По словам Ахмета Мазгарова, на сегодняшний день Россия занимает лидирующие позиции в научных направлениях. «Деловой атмосферой проникнут и дружный коллектив Академии наук РТ. Это поможет нам выйти на более высокий уровень научных исследований, будет способствовать более тесному взаимодействию научного, образовательного и производственного процесса», – отметил президент АН РТ. Долгосрочная перспектива социально-экономического развития республики также связана с повышением уровня научных исследований, считает он. «Поэтому необходимо повышать качество научных исследований, создать условия для работы сотрудников», – добавил он. По словам Ахмета Мазгарова, высокие научные достижения ученых и высокий потенциал татарстанских ученых позволят добиться больших успехов. Он также кратко рассказал об истории празднования Дня науки. 7 июня 1999 года указом Президента РФ, следуя историческим традициям, и в ознаменование 275-летия

со дня основания в России Академии наук был учрежден День российской науки, который ежегодно празднуется 8 февраля.

С приветственным словом выступил первый заместитель Премьер-министра РТ Равиль Муратов. От имени Кабинета Министров РТ он поздравил всех научных сотрудников, ученых, аспирантов с профессиональным праздником. «Трудно переоценить роль науки в социально-экономическом развитии любого государства, и нашей республики в частности, — начал он свое выступление. — Отношение к научной сфере в России в последние 20 лет заметно изменилось. Об этом говорят и параметры бюджетных средств, направляемых на развитие науки». По словам Равиля Муратова, в Татарстане большое внимание уделяется развитию научной среды. «Для этих целей выделяются бюджетные средства как на текущее содержание Академии наук, так и на фундаментальные исследования.

«Необходимо сказать и о корпоративной науке в РТ. В республиканских компаниях успешно развиваются высокопрофессиональные научные коллективы. Результаты их деятельности имеют хорошие показатели», — добавил он. «Никто не сомневается в том, что успешное развитие социально-экономического развития любого государства невозможно без развития науки. Особое значение наука приобретает во время мирового финансового кризиса, — считает первый заместитель Премьер-министра РТ. « Без высоких результатов в научно-инновационной деятельности невозможно выйти из мирового финансового кризиса окрепшими и конкурентоспособными, — особо подчеркнул он. — Поэтому необходимо обеспечить высокий уровень прикладных сфер и уделять серьезное внимание научной сфере».

«Талантливый ученый является главной ценностью науки, основой ее развития. Поэтому реформы в этой области должны быть ориентированы на квалифицированного специалиста. Необходимо создать условия для работы и быстрого профессионального роста работников научной сферы и ученых», — сказал Равиль Муратов. Говоря о задачах, которые стоят перед Академией наук РТ, он отметил необходимость привлечения в научную сферу молодых ученых и их участия в разработке антикризисных мер. «Руководством республики приняты программы и разработаны меры по смягчению последствий финансового кризиса. Однако все было сделано при минимальном участии представителей наук, — сказал он. — В этом нет вашей вины. Дело в том, что пока нет четкого взаимодействия между практической составляющей общества и фундаментально-исследовательской ее частью».

Как отметил Равиль Муратов, в связи с кризисом перед Академией наук ставятся серьезные задачи. «По итогам января ситуация на рынке труда усугубляется. Есть ряд других негативных моментов. Наша общая задача — обновить экономику РТ, постараться предпринять все необходимое для того, чтобы выйти из кризиса с обновленной, инновационной экономикой», — подчеркнул вице-премьер Правительства РТ. «Это посильные задачи, которые требуют скоординированных усилий», — заключил он.

На сегодняшнем собрании Академия наук РТ чествовала научные династии республики. На этот раз специальные дипломы получили династии Абдуллины-Михайловы, Тумашевы, Алишевы и Ильясо-

вы-Гайнуллины. Также были вручены именные стипендии АН РТ. Премия им. А.Г. Терегулова присуждена Марсу Михайлову и Муниру Тухватуллину. Премия им. В.А. Энгельгардта – Римме Наумовой, Александру Гарусову, Айрату Зиганшину, премия им. К.Г. Боля – Альберту Галиуллину, Газиму Идрисову и Светлане Александровой. Кроме того, впервые Академия наук РТ провела конкурс в номинациях «Лучший ученый года-2008» и «Молодой ученый». Лауреаты конкурса были награждены на торжественном собрании.

* * *

В этом году Академия наук Республики Татарстан заложила новую традицию. В честь Дня российской науки был проведен конкурс по номинациям «Лучший ученый года-2008» и «Лучший молодой ученый». Имена победителей объявлены на торжественном собрании, состоявшемся 5 февраля в здании Президиума Академии наук РТ.

Победителями стали:

«Лучший ученый 2008 года»:

1. Скворцов Алексей Петрович – НИЦТ «ВТО»
2. Миннуллин Ильнур Рафаилевич – Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
3. Моренко Ирина Борисовна – Центр перспективных экономических исследований
4. Гибатдинов Марат Мингалиевич – Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

«Лучший молодой ученый»:

1. Шакиров Зуфар Гумарович – Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

2. Айдаров Владимир Ирекович – НИЦТ «ВТО»

Также отмечены Почетными грамотами АН РТ:

1. Ратушняк Анна Александровна – ИПЭН
2. Исмагилов Назип Файзрахманович – ИЯЛИ
3. Баширова Илида Басыровна – ИЯЛИ
4. Липаков Евгений Васильевич – ИТЭ
5. Миргалеев Ильнур Мидхатович – Институт истории
6. Муртазина Лиля Раисовна – Институт истории
7. Нагимова Айсылу Мирзарифовна – ЦПЭИ
8. Муллин Руслан Ильдусович – НИЦТ «ВТО»

Молодые ученые:

1. Яфарова Гузель Гульусовна – НИЦТ «ВТО»
2. Тимошенко Алия Халиловна – ИПЭН
3. Миннулина Фатима Халиулловна – ИЯЛИ
4. Васильев Александр Валерьевич – ИПИ
5. Демьянова Ольга Владимировна – ЦПЭИ

* * *

С 12 по 28 февраля 2009 года президент Академии наук Татарстана А.М.Мазгаров с группой сотрудников Волжского научно-исследовательского института углеводородного сырья находился в командировке в Исламской республике Иран.

На острове Харк в Персидском заливе идет монтаж завода по очистке пропана, бутана (500 т в сутки) и нефти (480 т в сутки), в основе которого лежит технология, разработанная сотрудниками

ВНИИУС. Во время этой поездки был проведен авторский надзор над монтажом завода и выданы рекомендации по уточнению и усовершенствованию схемы. Также был подписан контракт на поставку для иранского завода катализатора (ИВКАЗ), который выпускается в Казани по технологии ВНИИУС. Завод планируется пустить уже в апреле этого года, и его пуск будет проходить в присутствии бригады разработчиков из ВНИИУС.

Еще одним существенным результатом командировки стало подписание между Технологическим университетом Амиркабира и Академией наук Татарстана двух контрактов по темам: «Исследование микробного образования H₂S во время закачки воды и газа в скважины Иранских морских месторождений и поиск методов предотвращения этих явлений» и «Исследование осаждения асфальтенов во время закачки газа в скважины Иранских месторождений и поиск методов предотвращения этих осадений». Общая стоимость исследовательских работ, заказанных иранской стороной татарстанским ученым, равна 450 тысяч евро.

С 3 по 5 февраля Академия наук Татарстана провела акцию «Академики – детям». Акция проводится уже второй год в рамках празднования Дня российской науки.

* * *

3 марта 2009 года в Академии наук Татарстана состоялась очередная «встреча без галстука», организованная отделом по связям с общественностью и СМИ АН РТ. Герой встречи – известный специалист по селекции и семеноводству, член-корреспондент АН РТ, профессор аграрной академии Фануся Загитовна Кадырова.

Ф.З.Кадырова является ведущим научным сотрудником отдела селекции крупяных культур Татарского НИИ сельского хозяйства. Она известный в России специалист по гречихе. Сорта, выведенные ею, сегодня используют во многих регионах России. Фануся Загитовна рассказала, как выводятся новые сорта сельскохозяйственных культур, какие климатические и географические условия учитываются при этом в первую очередь, над чем работают в преддверии нового посевного сезона татарстанские селекционеры и т.д., ответила на вопросы журналистов.

* * *

6 марта 2009 года состоялось очередное заседание Президиума Академии наук Республики Татарстан (ул. Баумана, 20).

Президент АН РТ А.М.Мазгаров сделал отчет о поездке в Иран. О проекте «Создание инновационных основ оптимизации выработки запасов действующих месторождений углеводородов РТ при непрерывном их выполнении» выступил академик АН РТ Р.Х.Муслимов. О состоянии Института информатики АН РТ и его будущих перспективах деятельности рассказал директор ИПИ АН РТ член-корреспондент Ф.М. Аблаев. Председатель Комиссии по отбору и поддержке талантливой молодежи академик Н.М.Сахибуллин подвел итоги конкурсов молодежных научных грантов и республиканских премий АН РТ и стипендий АН РТ.

* * *

17 марта в Академии наук Татарстана прошла международная научная конференция «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Организаторами форума выступили Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ и Центр исследований золотоордынской цивилизации.

В форуме участвовали ученые практически из всех регионов России, а также Венгрии, Турции, Казахстана, Египта, Украины.

С приветственным словом выступил директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Рафаэль Хакимов. Профессор, доктор исторических наук, действительный член Академии наук РТ Миркасым Усманов представил вниманию участников доклад «Насущные проблемы историографии и источниковедения истории Джучиева Улуса».

В форуме обсуждали различные аспекты золотоордынской истории и культуры – политической истории Золотой Орды, проблемы монгольских завоеваний и образования Улуса Джучи, политико-административного устройства и социально-экономического развития.

В рамках конференции состоялись заседания по 4 секциям: «Вопросы политической истории Золотой Орды», «Социально-экономические аспекты золотоордынской истории», «Вопросы источниковедения и историографии истории Улуса Джучи», «Культура Золотой Орды».

ИА «Татар-информ»

* * *

24 марта 2009 года в Академии наук РТ состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья (XV – начало XX вв.)», посвященная 80-летию доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РТ, главного научного сотрудника Института истории им. Ш.Марджани С.Х. Алишева.

В конференции приняли участие ученые из Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Уфы, Йошкар-Олы, Чебоксар, Саранска, Ижевска и других городов.

На конференции обсуждены следующие темы:

- С.Х.Алишев и изучение истории и культуры народов Среднего Поволжья в средние века и новое время;
- социально-экономическое развитие народов Среднего Поволжья;
- общественно-культурное развитие народов средневожского региона;
- социальная и национально-освободительная борьба народов.

Справка:

С.Х.Алишев с 1963 года занимается научными изысканиями по истории татарского народа, автор 17 книг и более 250 статей, посвященных различным аспектам национальной истории в средние века и новое время.

Большую популярность получили его монографии «Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании» (Казань, 1973), «По следам минувшего» (Казань, 1986), «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX вв.» (М., 1990), «Казань и

Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв.» (Казань, 1995), «Тернистый путь борьбы за свободу» (Казань, 1999), «Казан ханлыгы тарихыннан» (Казан, 2003), «Все об истории Казани» (Казань, 2005), «Татар тарихчылары» (Казан, 2006) и др.

* * *

26 марта 2009 года в Академии наук Татарстана состоялась «встреча без галстука», организованная отделом по связям с общественностью и СМИ АН РТ. Герой встречи – Тагиров Индус Ризакович, известный историк, действительный член АН РТ, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан, профессор.

Основные научные исследования И.Р.Тагирова посвящены истории революционных, национальных движений в России, национально-государственному строительству в Татарстане. Его научные работы получили высокую оценку во многих странах, в том числе в США, Англии, Турции, Японии, Франции. Труды И.Р.Тагирова по истории Татарстана и татарского народа в XX веке, «Очерки истории национальной государственности татарского народа и Татарстана» впервые представили цельно историю национальной государственности татарского народа, охватывающую период в более чем три тысячи лет. И.Р.Тагиров – автор и ведущий популярной телевизионной программы «Кара-каршы» (ТРК «Новый век»).

Журналистов, пришедших на встречу, интересовали не только малоизвестные факты из истории Татарстана и их историческая оценка, но и те события, в которых Индус Ризакович Тагиров принимал непосредственное участие как общественный деятель и политик. В частности, известный историк рассказал, как проходили переговоры в процессе подписания документов по суверенитету Татарстана. Многие детали этой большой работы носят эксклюзивный характер, что особо оценили участники встречи.

Речь шла также о будущем Татарстана и России в ближайшие десятилетия. Журналистам хотелось узнать точку зрения историка на развитие России и регионов в ее составе. Политический и экономический прогноз И.Р.Тагирова, трезво оценивающего как сегодняшнюю ситуацию, так и потенциал республики, вселяет определенный оптимизм.

* * *

27 марта в Академии наук Татарстана состоялось совещание по использованию нанокатализаторов в процессах нефтепереработки. В совещании приняли участие президент АН РТ А.М.Мазгаров, заместитель генерального директора АО «ТАИФ» В.В.Пресняков, академики РАН – директор Объединенного института катализа СО РАН В.Н.Пармон и директор Института нефтехимического синтеза им. А.В.Топчиева РАН, почетный академик АН РТ С.Н.Хаджиев.

Академики РАН В.Н.Пармон и С.Н.Хаджиев приехали в Казань вместе с генеральным директором Государственной корпорации «Российская корпорация нанотехнологий» А.Б.Чубайсом для обсуждения перспектив развития отечественной nanoиндустрии.

Саламбек Наибович Хаджиев является автором оригинальной технологии по переработке тяжелых нефтей с использованием нанокатализаторов. Его процесс гидроконверсии тяжелых остатков не

уступает мировым аналогам. Использование этого процесса на заводе НПЗ «ТАИФ-НК» позволит квалифицированно переработать 1,5 млн. т гудрона с получением моторных топлив. В составе этого комплекса будет использован для очистки газов и легкого бензина от сернистых соединений нанокатализатор МОС-КАЗ, который разработан учеными ВНИИУС АН РТ. Академик С.Н.Хаджиев уже давно работает с А.Б.Чубайсом, который высоко оценил это предложение. Участники совещания в Академии наук Татарстана высказали надежду, что совместный проект Института нефтехимического синтеза РАН и ВНИИУС АН РТ, реализованный на базе Нижнекамского завода «ТАИФ», будет во всех отношениях плодотворным.

* * *

31 марта Академия наук Республики Татарстан провела круглый стол «Разделение полномочий между центром и субъектами федерации по вопросам недропользования (в секторе нефте- и газодобычи)». В рамках круглого стола состоялась презентация книги Джорджа Р.М. Андерсона «Федерализм: введение» (Канада).

В мероприятии приняли участие депутаты Госсовета РТ, политики, государственные деятели и ученые. Канаду на этом «круглом столе» представляли президент и генеральный директор Форума федераций (международная негосударственная организация, занимающаяся исследованиями федерализма) Джордж Андерсон.

С приветственным словом к участникам «круглого стола» обратился президент АН РТ А.М.Мазгаров. Модератор встречи – директор Казанского института проблем федерализма Р. Хакимов начал с презентации книги Джорджа Андерсона «Федерализм: введение». «В мире одинаковых федераций нет. Поэтому очень сложно найти общие черты различных федеративных государств. Автору это удалось. Он нашел те критерии, по которым можно оценивать то, в каком направлении развивается страна», – особо подчеркнул директор Института истории АН РТ.

«Я очень рад, что презентую свою книгу в Татарстане, потому что в республике многое сделано в плане понимания и развития федерализма в России», – сказал в своем выступлении Джордж Андерсон. По его мнению, федерализм – это не только проблемы разделения полномочий между центром и регионами, во многом это вопросы структуры правительства. «Выбор той или иной структуры и определяет динамику развития федерализма, – отметил автор книги. – Каждая страна должна найти свою формулу федерализма».

Говоря о книге «Федерализм: введение», Д.Андерсон отметил, что она дает общее представление о федерализме. Книга переведена на 20 языков. В ней представлены различные формы федеративных государств, их общие черты и основные различия.

«Книга очень полезна, так как дает возможность выявить потенциал федерализма России. Россия – это уникальная страна со своими особенностями и традициями», – сказал председатель парламентского комитета по законности и правопорядку Ш.Ягудин. Говоря о проблемах разделения полномочий между центром и регионами в вопросах недропользования, он отметил, что вносимые изменения в федеральное законодательство о недрах сужают полномочия регионов. Эти вопросы необходимо обсуждать, считает он.

Председатель комитета Госсовета РТ по экономике, инвестициям и предпринимательству М.Галеев подчеркнул, что появление книги надо расценивать как ответ на запрос мировой общественности. По мнению депутата, содержание книги намного шире ее объема, так как в ней сосредоточено много полезной информации. «Очень важно, что автору удалось выявить общие признаки федерализма и показать особенности в разных странах. Это ценно», – считает М.Галеев, особо подчеркнув важность и актуальность обсуждения этой темы для России.

Интересные доклады по существу вопроса были сделаны также академиками АН РТ И.Р.Тагировым и Р.Х.Муслимовым, которые отметили своеобразие и уникальность пути Татарстана и огромный вклад республики в строительство федерализма в России. Выступавшими были изложены интересные факты работы правительства и ученых Татарстана по вопросам недропользования (в секторе нефти и газодобычи)».

* * *

3 апреля в малом зале Академии наук Республики Татарстан состоялась творческая встреча с Ренатом Харисом, народным поэтом Татарстана, секретарем Правления Союза писателей России, лауреатом Государственной премии Российской Федерации. Такие встречи ученых с видными представителями творческой интеллигенции планируется превратить в традицию.

В рамках встречи с Ренатом Харисом состоялась презентация его новой книги-альбома «Пейзаж. Лирика». Поэт прочитал свои стихи. Участники встречи смогли получить приятные впечатления не только от поэзии Рената Магсумовича, но и познакомиться с его графикой – в малом зале была развернута небольшая выставка его работ. Народный поэт Татарстана ответил на вопросы своих поклонников.

* * *

7 апреля в Академии наук Республики Татарстан состоялся «круглый стол» по теме «Виды вселенцев как угроза биоразнообразию и устойчивому развитию».

Организаторами «круглого стола» выступили Институт проблем экологии и недропользования АН РТ, Государственный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства (ФГУ ГосНИОРХ), Волжско-Камский государственный природный биосферный заповедник (ВКГПБЗ), Казанский государственный университет, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, «Региональная экологическая газета». Вела «круглый стол» председатель Научного совета по проблемам экологии при Президиуме АН РТ, член-корреспондент АН РТ В.З.Латыпова.

На «круглом столе» прозвучало 8 докладов о вселенцах – чужеземных живых организмах, которые наносят непоправимый урон природе республики. Среди тем, затронутых на «круглом столе»: «Распространение колорадского жука в РТ, пути решения проблемы», «Чужеродные виды растений: угроза здоровью населения и сельскому хозяйству», «Состояние проблемы чужеродных видов гид-

росферы», «Чужеродные беспозвоночные в Куйбышевском водохранилище: причины, экологические и экономические последствия» и др.

Участниками «круглого стола» была принята с учетом замечаний и дополнений резолюция, в которой определены главные направления в решении данной проблемы. В частности, решено рассматривать проблему проникновения чужеродных организмов на территорию РТ как важнейшую составляющую обеспечения экологической безопасности республики. Для ее решения необходимо провести экспертизу законодательной базы РТ; выявить основные факторы распространения чужеродных видов; создать единую республиканскую базу данных по чужеродным видам, а также обеспечить информирование специалистов государственных структур и лиц, принимающих решения, с проблемами инвазий чужеродных вредных организмов.

* * *

9 апреля состоялось очередное заседание Президиума Академии наук Республики Татарстан. Участие в нем принял первый заместитель Премьер-министра РТ Равиль Муратов.

На повестке дня работы президиума было несколько вопросов. Особое внимание их привлек вопрос о полипрофессиональной проектной подготовке кадров. Доклад по этой проблеме представил проректор по учебной работе КГТУ им.А.Н.Туполева, член-корреспондент АН РТ Газиз Мингалеев.

По его словам, система, при которой студенты вузов будут работать с конкретными заказами предприятий и разрабатывать новые проекты, очень удобна. Дело в том, что молодые люди смогут после окончания вуза трудоустроиться, а средства, которые будут вкладывать в их труд предприятия во время учебы, обязательно окупятся. Работа в этом направлении уже ведется, в проекте изъявили желание участвовать КГТУ им.А.Н.Туполева, КГТУ (КХТИ), КГЭУ и КГАСУ.

Равиль Муратов подчеркнул, что разрабатываемую программу необходимо поддержать уже на этом этапе, ведь таким образом республика получит новые талантливые и энергичные силы. По мнению первого вице-преьера РТ, к проекту вскоре должны подключиться министерства и ведомства республики.

Участники заседания обсудили и вопросы, касающиеся изменений в СНИИ «Прометей». Напомним, 6 января скончался руководитель этого института, заслуженный работник культуры РТ, создатель советской светомузыки Булат Галеев. Дальнейшая судьба НИИ пока неизвестна, но уже сегодня было принято решение о том, что в ближайшее время он будет реорганизован.

С докладом об основных направлениях научных исследований Института истории им.Ш.Марджани выступил его директор Рафаэль Хакимов. Он рассказал, что институт стремится стать одним из ведущих центров в области исследований истории евразийского пространства и ведет активное сотрудничество с другими исследовательскими группами и музейными центрами страны. По словам Рафаэля Хакимова, планы на будущее скоро будут реализованы.

* * *

23 апреля в Академии наук Республики Татарстан прошла встреча «за круглым столом» ученых Татарстана с делегацией Свободного государства Саксония.

В работе «круглого стола» принимали участие Президент центра компетенций по машиностроению г. Хемниц Ганс-Юр ген Науманн, вице-президент Научного общества методов производства (WG) Раймунд Нойгебауэр, начальник управления поддержки международных исследований Фраунхоферского института станков и технологий обработки (IWU) г. Хемниц Анжела Гёшель, главный специалист Министерства экономики и труда Саксонии Ульрих Фуртмюллер, советник Посольства ФРГ в РФ по экономическим вопросам Кристиан Зеебоде и др. Науку Татарстана представляли президент АН РТ А.М.Мазгаров, вице-президент АН РТ А.Л.Абдуллин, советник Президиума академии академик А.В.Ильясов, президент КГТУ им. А.Н.Туполева академик Г.Л.Дегтярев, ректор КГТУ им. А.Н.Туполева, академик Ю.Ф.Гортышев, проректор по научной работе КГТУ им. А.Н.Туполева С.А.Михайлов. Также присутствовали зам. министра промышленности и торговли РТ Д.Н.Латыпов, зам. министра промышленности и торговли РТ В.Г.Соловьев, ведущий консультант отдела координации международных экономических связей и сотрудничества со странами СНГ Министерства промышленности и торговли РТ А.В. Карманников и др.

В ходе встречи рассматривались перспективы расширения инновационного сотрудничества, в частности реализацию проекта Германно-Российского Центра компетенции машиностроения/производственной техники. На встрече были показаны и проанализированы слайд-презентации, подготовленные делегацией Свободного государства Саксония и ученых Татарстана. С.Михайлов выступил с слайд-презентацией «Центр компетенции в области машиностроения в РТ», где наглядно рассказал о работе Казанского государственного технического университета им. А.Н.Туполева. Делегация Саксонии познакомила татарстанцев с работой Химического университета технологий в одном из городов Свободного государства Саксония.

Президент центра компетенций по машиностроению г. Хемниц Ганс-Юр ген Науманн отметил: «Для того чтобы создать Центр компетенции в России, нужно создать в России общество, аналогичное Фраунхоферскому обществу. Мы могли бы обмениваться технологиями или вместе разрабатывать их, от чего увеличилась бы их ценность».

* * *

В Казани может появиться новый НИИ – прикладной семантики и инновационного образования. В заседании Президиума Академии наук Татарстана обсудили возможность создания такого института на базе двух известных научных учреждений – НИИ «Прометей» КГТУ (КАИ) и научно-исследовательской лаборатории проблем искусственного интеллекта КГУ и АНТ.

Заведующий лабораторией искусственного интеллекта, доктор технических наук, профессор Д.Ш.Сулейманов предложил Президиуму Академии наук Татарстана план работы нового НИИ, основные направления научных исследований. Это работы на стыке

гуманитарных наук, техники и технологий – как продолжение исследований и практическое внедрение того, что сделал «Прометей». Это вопросы электронного образования, в том числе создание электронных мультимедийных учебников. Это теоретические и прикладные проблемы выявления и развития одаренности. Иными словами, создание работающей методики, которая позволит находить юные таланты и помогать им развиваться.

* * *

5 мая президент Академии наук Татарстана А.М.Мазгаров принял доктора биологических наук, профессора Синцзянского университета Абдуллу Аббаса. Цель визита китайского ученого (этнического татарина) – знакомство с академией.

На встрече с Абдуллой Аббасом присутствовали главный ученый-секретарь, член-корреспондент АН РТ Д.Ф.Загидуллина, академик-секретарь Отделения медицинских и биологических наук, академик АН РТ М.К.Михайлов, член-корреспондент АН РТ О.Н.Ильинская, академик АН РТ Д.М.Зубаиров, зам. директора Института Татарской энциклопедии Р.М.Валеев. Ученые говорили о разных направлениях сотрудничества Китайской академии наук, Синцзянского университета и Академии наук Татарстана.

* * *

15 мая 2009 года состоялось Общее собрание Академии наук Республики Татарстан. В его работе приняли участие Председатель Госсовета РТ Ф.Х.Мухаметшин, первый вице-премьер РТ Р.Ф.Муратов, министр экономики РТ, академик М.Р.Сафиуллин, министр образования и науки РТ А.Х.Гильмутдинов и др. В работе собрания также приняли участие руководители ряда промышленных предприятий, представители академической, вузовской и отраслевой науки Татарстана.

Общее собрание открыл президент АН РТ, академик А.М. Мазгаров. Он предложил почтить минутой молчания память членов академии, ушедших из жизни в минувший год. Это Б.М. Галеев (член-корреспондент АН РТ, директор СНИИ «Прометей», основатель казанской школы цветомузыки) и Л.И.Волгин (член-корреспондент Ульяновского регионального отделения АН РТ, специалист по приборостроению метрологии и информационно-измерительным приборам и системам).

Затем председатель Общего собрания – вице-президент АН РТ А.Л.Абдуллин предоставил слово президенту АН РТ, академику А.М.Мазгарову для прочтения доклада «Об основных итогах деятельности и очередных задачах Академии наук Республики Татарстан». Ахмет Мазгарович отметил, что в отчетном периоде деятельность академии была направлена на реализацию основных задач, определенных «Стратегией развития научной и инновационной деятельности в Республике Татарстан до 2015 года», утвержденной Указом Президента Татарстана 17 июня 2008 года. Среди них особое место занимает повышение конкурентоспособности научного потенциала республики, сохранение и дальнейшее развитие получивших международное признание научных школ, а также интеграция академической, вузовской и отраслевой научно-инновационной деятельности в единую эффективную синхронно-функциональную систему.

А.Мазгаров напомнил, что Президент Республики в Послании Госсовету 2008 года обратил внимание на важность сохранения приоритетов обучающегося региона – активно и всесторонне готовить новое поколение квалифицированных специалистов международного уровня, способных не только представлять нашу республику в мире, но и обеспечивать своей работой высокую конкурентоспособность, инновационный прорыв и инвестиционную привлекательность Татарстана. И здесь также важен вклад ученых.

Текущий 2009 год, осложненный финансово-экономическим кризисом, повышает актуальность ранее сформулированных целей. Президент Академии наук РТ в своем докладе раскрыл, какова в этих условиях общая задача научного сообщества Республики Татарстан, и в том числе АН РТ.

По мнению Ахмета Мазгаровича, отчетный период в деятельности академии можно характеризовать крупными событиями, которые привнесли в работу новые качества. В частности, особое внимание докладчика было уделено выполнению поручения Президента Татарстана об инвентаризации с ранжированием республиканских научных структур и по переводу стабильных под научно-методическое руководство АН РТ, в результате которого в орбиту деятельности академии уже вошли 24 научно-производственные организации. Всего же в Татарстане насчитывается более 80 учреждений, в которых исследования и разработки выполняют 12,5 тыс. научных сотрудников.

Были перечислены наиболее важные мероприятия Академии наук и Президиума Академии за отчетный период. Большое внимание докладчик уделил конкретным достижениям членов академии по семи отделениям и тем проблемам, которые затрудняют работу ученых Татарстана. Прозвучавшие в докладе задачи, стоящие перед научным сообществом, непосредственно связаны с потребностями экономики республики.

В прениях выступили: директор ГИПО, член-корреспондент АН РТ В.П.Иванов, министр образования и науки РТ, член-корреспондент АН РТ А.Х. Гильмутдинов, советник РАН, академик РАН и АН РТ А.И.Коновалов, генерал армии, академик АН РТ М. А.Гареев, директор Института истории АН РТ Р.С.Хакимов и др.

Аналізу деятельности АН РТ за отчетный период было посвящено выступление председателя Госсовета РТ Ф.Х.Мухаметшина. Фарид Хайруллович дал высокую оценку работе академии, отметив, что эта роль кратно возрастает, правительство и впредь будет изыскивать возможности для финансирования наиболее перспективных прорывных научных направлений. Глава Госсовета также обозначил главные задачи, стоящие перед научным сообществом в условиях финансово-экономического кризиса, для преодоления которого в Татарстане прилагаются большие усилия. По его мнению, ученые и парламентарии должны быть «вместе в одной лодке» в борьбе с кризисом.

После того, как участники собрания познакомились с замечаниями и предложениями по проекту решения Общего собрания, проект был принят за основу.

Работа собрания завершилась вручением дипломов, благодарственных писем, почетных грамот.

Лауреаты стипендий Академии наук РТ:

- 1) **Егорова Елена Сергеевна** – студентка Казанского государственного энергетического университета,
- 2) **Бадаева Гульсина Джавдятовна** – студентка Казанского государственного медицинского университета,
- 3) **Матвеевская Вера Сергеевна** – студентка Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета,
- 4) **Мусин Ленар Инарикович** – студент Казанского государственного технологического университета,
- 5) **Петров Евгений Сергеевич** – студент Казанского государственного технологического университета,
- 6) **Хамматова Эльмира Айдаровна** – студентка Казанского государственного технологического университета,
- 7) **Зайдиева Айгуль Равилевна** – студентка Казанской государственной консерватории,
- 8) **Миниахметова Ляйсан Анваровна** – студентка Казанского государственного университета культуры и искусств,
- 9) **Рахимбердиева Сания Ренатовна** – студентка Казанского государственного технического университета им. А.Н.Туполева,
- 10) **Зайнуллин Алмаз Анварович** – студент Казанского государственного университета,
- 11) **Субханкулова Айгуль Расыковна** – студентка Казанского государственного университета,
- 12) **Нуретдинова Алсу Ренатовна** – студентка Казанского государственного университета,
- 13) **Белостоцкий Дмитрий Евгеньевич** – студент Казанского государственного университета,
- 14) **Нагаев Ильдус Филаритович** – студент Казанского государственного архитектурно-строительного университета,
- 15) **Ерохина Анна Владимировна** – студентка Казанского государственного юридического института МВД России.

Именные премии им. проф. Ш.Т.Хабибуллина:

1. **Халитову Дарию Равильевичу** – студент 2 курса Казанского государственного технического университета им. А.Н.Туполева;
2. **Шарипову Камиллю Рашитовичу** – студент 1 курса магистратуры физического факультета Казанского государственного университета;
3. **Халифаеву Артуру Анваровичу** – студент 2 курса юридического факультета Казанского государственного университета
4. **Каримовой Карине Рафаильевне** – студентка 3 курса факультета журналистики и социологии Казанского государственного университета;
5. **Сайфутдинову Руслану Дамировичу** – студент 5 курса юридического факультета Казанского государственного университета.

* * *

20 мая в Академии наук Татарстана состоялся финал I Республиканского конкурса «Эрудит-2009». Организаторами проекта выступили Академия наук Республики Татарстан, Министерство образования

и науки РТ, Академический лицей им. Н.И.Лобачевского, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, технопарк «Идея».

Конкурс «Эрудит» проводился в этом году второй раз. Если в 2008 году в нем принимали участие только школьники города Казани, в этом году круг участников стал более обширным. Для сравнения, в 2008 году было более 150 конкурсантов из 20 школ Казани, в первом туре 2009 года приняли участие 1424 ученика из 7 районов города Казани и 30 районов республики.

I тур конкурса состоялся в апреле в Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете. Во II туре конкурса, состоявшемся 20 мая, в номинации «Юный академик» участвовали 25 человек из 7-9 классов и 12 человек из 10-11 классов. 181 учащийся боролись за звание лауреата конкурса.

Конкурсанты отвечали на вопросы по физике, химии, экономике, философии, социологии и другим предметам. Вопросы были подготовлены отделениями Академии наук Татарстана. Ответы оценивало авторитетное жюри из представителей Академии наук Татарстана.

Звания «Юный академик» были удостоены Детистов Денис Александрович (СОШ № 7 г. Альметьевск, 8кл.) и Аль Анси Аммар Джамал (Лицей при КГУ г. Казань, 10кл.). Лауреатами конкурса «Эрудит-2009» стали: Андрей Синичкин (СОШ № 145 г. Казань), Булат Фахреев (гимн. №19 г. Казань), Константин Сафронов (гимн. №3, Зеленодольск), Надежда Чупилина (гимн. №3, Зеленодольск), Артем Кузнецов (гимн. №19 г. Казань), Анатолий Григорьев (СОШ №1 г. Мамадыш).

Победители конкурса были отмечены почетными дипломами и подарками. Самым активным из победителей технопарк «Идея» и Центр микрофинансирования вручили специальные подарки.

Лучшие результаты школ – участников I тура (35 баллов)

Город Казань
Гимназия № 19 – 4 чел.
Гимназия 122 – 4 чел.
НОУ «Академический лицей им. Н.И.Лобачевского» – 4 чел.
Лицей № 145 – 2 чел.
Гимназия № 102 – 2 чел.

Республика Татарстан
Лицей «78 им. А.С. Пушкина», г. Н. Челны – 6 чел.
Гимназия № 3, Зеленодольский р-н – 3 чел.
Большеатнинская СОШ – 2 чел.

Лучшие результаты школ – участников I тура (25-34 балла)

Город Казань
СОШ № 126 – 7 чел.
НОУ «Академический лицей им. Н.И.Лобачевского» – 6 чел.
Гимназия № 75 – 6 чел.
Лицей-интернат № 2 – 5 чел.
СОШ № 95 – 5 чел.

Гимназия № 20 – 4 чел.
СОШ № 15 – 4 чел.
СОШ № 51 – 4 чел.

Республика Татарстан

Лицей «78 им. А.С. Пушкина», г. Н. Челны – 10 чел.

Лицей-интернат № 79, Набережные Челны – 7 чел.

Высокогорская СОШ № 3 – 6 чел.

СОШ № 15 Альметьевск – 6 чел.

Арская СОШ № 1 им. В.Ф. Ежкова – 5 чел.

Гимназия № 3, Зеленодольский р-н – 5 чел.

Лицей № 1, Чистопольский р-н – 5 чел.

Новошешминская гимназия, Новошешминский р-н – 4 чел.

* * *

2 июня в Академии наук Республики Татарстан состоялось чествование академика АН РТ, известного историка, доктора исторических наук, профессора КГУ Миркасима Абдулахатовича Усманава, которому 31 мая 2009 года исполнилось 75 лет.

В торжестве приняли участие руководители государственных ведомств, ученые, представители творческих союзов: писатели, художники, артисты и другие.

Поздравить юбиляра приехали москвичи, музыкальное поздравление подготовили китайские студенты, обучающиеся в Казани. Сказать слова благодарности и восхищения в адрес историка пришли его многочисленные ученики, коллеги, друзья.

От имени Президента республики, Государственного Совета профессора поздравила заместитель Председателя республиканского парламента Римма Ратникова. «Когда мы говорим об историках РТ новейшего времени, всегда на ум приходит имя Миркасима Усманава. Сегодняшний юбиляр – это человек, без которого невозможно представить международные исторические конференции, которые проходят в Татарстане. Ученый с мировым именем, который широко известен своими научными публикациями. В течение 30 лет М.Усманов руководил постоянно действующей археографической экспедицией КГУ. За это время было собрано более 9 тыс. рукописей и около 1,5 тыс. старопечатных изданий на восточных языках. Можно только удивляться тому, как все это может успевать один человек – это говорит о трудолюбии», – подчеркнула Римма Ратникова. «Вы – мудрый и добрый человек», – добавила она и пожелала осуществления дальнейших планов.

От имени Президента республики она вручила юбиляру медаль РТ «За доблестный труд» и благодарственное письмо Председателя Госсовета РТ.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 09.00.00 (философские науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки), 17.00.00 (искусствоведение) и 23.00.00 (политические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта на 2-х дискетах 3,5” (шрифт **Times New Roman**, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК и ключевых слов, короткой аннотацией на русском и английском языках (1/3 + 1/3 страницы), примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие 2-х рецензий на статью от двух докторов наук либо одного доктора и одного кандидата наук (научные направления 07.00.00, 09.00.00, 10.00.00, 12.00.00, 17.00.00, 23.00.00);

– оформление подписки на журнал будет способствовать сотрудничеству.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-79-39 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями
и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»
ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ТАТАРСТАН ПОЧТАСЫ»,
ИНДЕКС 78700.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА 2009 ГОД:
6 МЕСЯЦЕВ (2 НОМЕРА) – 459 РУБ. 62 КОП.,
12 МЕСЯЦЕВ (4 НОМЕРА) – 919 РУБ. 24 КОП.

ПО ВОПРОСАМ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ
ОБРАЩАЙТЕСЬ В БИБЛИОТЕКУ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (ТЕЛ. 292-27-23;
ЗАВЕДУЮЩАЯ – ВАЛИАХМЕТОВА Т. К.)
ЛИБО В ФГУП УПС «ТАТАРСТАН ПОЧТАСЫ»
(420111, КАЗАНЬ, УЛ. РАХМАТУЛЛИНА, 3; ФАКС 292-88-77;
E-MAIL: delo@tatpochta.ru).

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ
ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ
НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!